

Научно-издательский центр «Социосфера»
Кафедра иностранных языков
факультета государственного управления
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Гилянский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы III международной научно-практической
конференции 25–26 марта 2013 года

Прага
2013

Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : материалы III международной научно-практической конференции 25–26 марта 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013 – 260 с.

Редакционная коллегия:

Голандам Араш Карим, заведующий кафедрой русского языка Гилян-ского государственного университета (Иран).

Салиева Людмила Казимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей. Рассматриваются вопросы общего языкознания, структурной и сравнительной лексикологии. В некоторых статьях освещаются проблемы коммуникации. Ряд публикаций посвящен вопросам литературоведения.

УДК 81+82

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2013.

© Коллектив авторов, 2013

ISBN 978-80-87786-23-9

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И ЧАСТНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Гасанова В. С. О некоторых терминах и определениях в области образования.....	8
Федорова Ю. Г. К определению понятия «Неологизм»	11
Абрамова Е. К. Феномен непонимания в прецедентных текстах	13
Андреева М. И. Эмотивная лексика в профессиональных языках.....	15
Багров Ю. Д. Перспективы изучения явления комбинированного жанра	18
Котлярова Н. А. К вопросу о разграничении понятий «Кодовое переключение» и «Интерференция» в лингвистике.....	19
Майтова А. В. К вопросу о когнитивных основаниях метафорической номинации терминосистем предметно-специальных языков	22
Цыганская О. Г. Теоретическое и эмпирическое обоснование понятия «Концепт»	24
Тимонина А. Ю. Роль метафоры как средства символизации окружающего мира.....	27
Левченко Н. А. Лингвострановедческая ценность концептуальной метафоры в экономической лексике	29
Беспалова О. Е. Содержание концепта <i>путь / дорога</i> по данным лексикографического исследования	30
Иванова Т. В. Лексема Blackmail: формально-семантический тип ассоциации.....	33
Dzubenko A. I. The concept 'Marriage' in contemporary female fiction: the ways of interpretation.....	36
Никишина Т. И. Грамматические средства вербализации концепта "Freedom" в британском политическом дискурсе	37
Фаткуллина Ф. Г., Сираева Р. Т. Концепт «Разум» во фразеологической картине мира	41
Руснак Е. С. Вербализация аксиологического компонента концепта «Деньги» в дискурсе украинских СМИ	43
Лавриненко И. Ю. Специфика вербальной экспликации эмоционального концепта «Презрение» в философском дискурсе Ф. Бэкона (на материале произведения Ф. Бэкона «Опыты и наставления нравственные и политические»).....	45
Молчкова Л. В. Аллегорико-символический перенос во фразеологии	56

Бондаренко Н. Г. Преобразование пословиц в художественных целях на примере произведений Т. Соломатиной	58
Алексахина Т. А. Вариантность фразеологизмов с компонентом «Название цветка»: сопоставительный аспект.....	60
Скорик А. С. Функционирование идиомы-перформатива <i>вот вам / тебе (те) крест</i> в ситуациях адресатности	62
Сердюк А. М. Мотивационная основа французских фразеологизмов с компонентом <i>Chat</i>	65
Соколова Е. Н. Становление ментальности в зеркале древнерусского ономастического словаря	67
اهمیت به کارگیری لغتنامه های بسامدی در انواع فرهنگ نویسی آرش گل اندام عضو هیئت علمی دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه گیلان رشت، ایران	71
Салимова О. А. Лексико-семантическая группа «Одежда» в словаре Даля.....	78
Яковенко Т. И. Антифразис как способ передачи имплицитного содержания онимов.....	79
Фаткулина Ф. Г. Лингвопрагматика рекламного дискурса	81
Полевая А. И. Проблема отражения эмоций в языке.....	84

II. СТРУКТУРНАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Тоирова Г. И. Дискурсная система. Её структура	87
Ушева Н. С. Метод оппозиций в морфологических исследованиях: концепция Ж. П. Кантино.....	89
Харитоновна К. В. Типы образования наречий в санскрите и древнеирландском языке	92
Алексамян А. Р. Структурные свойства единиц метафоризации энергоносителей	94
Глушук-Олея А. И. Основы изучения отрицания в европейской грамматической традиции	100
Новак Д. В. Лингвистико-исторический аспект изучения имени прилагательного в XIX–XX вв.	102
Нуруллина Г. М. К вопросу о происхождении и становлении категории рода в русском языке	106
Радченко Е. Н. Частные значения совершенного вида в реализации таксисных моделей отношений одновременности в русском языке	108

Селезнева А. И. Статус заимствованных морфем <i>-мобиль, -бус, -кар, -план</i> в современном русском языке.....	111
Голайденко Л. Н. Именительный представления и инфинитив представления в семантической оппозиции «Восприятие / прошлое / воспоминание – воображение / будущее / понятие» (на материале художественной прозы)	113
Семкова А. В. Семантическая вариативность конструкций, категоризирующих слуховое восприятие	119
Демешко И. Н. Морфонологические параметры словообразовательных гнезд с глагольными основами	129
Волобуева Е. А. Семантико-грамматические разновидности сложноподчинённых предложений с придаточным причины (на материале современной украинской художественной прозы)	132
Касымова Р. Т. Познание своего на фоне чужого.....	135
Мосейко А. А. Этикетная модель комплимента в британской и русской лингвокультурах	137
Рузиев Я. Б. Временное отношение глагольного действия в художественном повествовании (на материале немецкого языка)	141
Донгидон А. В. Сравнительный анализ именных частей речи в турецком и узбекском языках	145
Козиолова Е. И., Серова Т. С. Сравнительный анализ лексико-грамматических компонентов английской, русской и немецкой коммерческой молодёжной рекламы	147
Головина К. М. Параллелизм казахских и русских топонимов в романе А. Алимжанова «Гонец» как проявление литературного художественного двуязычия.....	148

III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Христианова Н. В., Чуб Н. Я. Роль национально-культурных стереотипов в процессе межкультурной коммуникации	151
Чуханова А. В. Соотношение понятий «Родной язык» и «Национальный язык» в условиях белорусско-литовского пограничья	153
Бассай С. Н. Отображение этнических стереотипов поведения в тексте немецкоязычного анекдота.....	155

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РИТОРИКИ, КУЛЬТУРЫ РЕЧИ, ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Христианова Н. В., Кацитадзе И. М. Анализ причинных высказываний с позиции фреймового подхода.....	160
--	-----

Тутатчикова И. Н. Компетентностный подход к обучению учащихся иноязычной письменной речи.....	165
Кайгородова И. Н., Лазарева Л. М. Коммуникативные функции метонимических номинаций в художественном тексте.....	167
Шимко Е. А. Коммуникация как взаимодействие «Говорящих сознаний»	168
Дзюбенко А. И., Жирова А. В. Коммуникативная стратегия угрозы: к вопросу о принципах классификации.....	170
Зюбина И. А. Причины манипуляции при обвинительном выступлении в суде.....	173
Никифорова Э. Ш. Тактика дискредитации в судебном дискурсе	174
Середухина Т. А. Роль алогизма в реализации коммуникативного механизма провокации (на примере диалога Воланда и Берлиоза)	175
Сергеева Е. В. Лингвистическое противодействие манипулятивным приёмам, побуждающим к экстремизму, на сайтах интернета.....	183

V. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

نظام خلقت جهان در اساطير ايران و روسيه دکتر شهناز محمد زاده استادیار گروه زبان روسی دانشگاه گیلان	186
Маторина Н. М., Рубан А. А., Маторин Б. И. Пословицы и поговорки как средство формирования речевой культуры школьников и студентов	191
Власова К. А. «Медведь» как один из знаков культуры в наименованиях кондитерских изделий	195
Бжицких А. Н. Речевые средства воздействия в педагогическом фольклоре старообрядцев Уймонской долины республики Алтай.....	198
Кузьмина Р. П. Эвенский обычай <i>Нимат</i>	199
Миннибаев Б. И. Особенности говора у мишарей.....	201

VI. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЖУРНАЛИСТИКА

Михайлюк Н. П. Функционально-стилистический потенциал прономинальной персональной транспозиции в художественных произведениях	202
Фролова О. А. Компонент цветообозначения в репрезентации темы добра и зла в жанре фэнтези.....	204
Беликова Е. В. Поэзия танка в «Дневнике эфемерной жизни» Митицуна-но Хаха	205

Елькина Л. П. Некоторые аспекты поэзии «Серебряного века» в свете ноосферного сознания	206
Костенко А. Н. Автор и герой в творчестве В. Набокова	210
Куренкова Т. Н. Микрополе «Характеристики еды» как часть ЛСП «Еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова	213
Прокофьева И. О. «Племя младое, незнакомое» в повести И. Савельева «Бледный город»	214
Adayeva E. S. The types of character and circumstance relations in Kazakh prose	219
Козлова А. Г. Эксплицитная ирония в поэзии Джона Апдайка.....	222
Сороченко Е. Н. Антонимическая парадигма «горячий – холодный» в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»	225
Колесниченко Е. Н. Романтический конфликт в романе Ю. Олеси «Зависть» в контексте пушкинских реминисценций	227
Подавылова И. А. К вопросу о типологии «Концлагерного романа»	229
Полякова Т. А. К истории личных и творческих взаимоотношений Г. Д. Гребенщикова: американский период эмиграции	231
Рыбалка И. С., Бумбур Ю. Н. Графическая аллюзия в романе У. Эко «Имя розы»	235
Стороженко Л. Г. Проза Бориса Тенеты: своеобразие нравственности	240
Тележкина О. А. Авторские неологизмы в поэтической речи Дмитрия Павлычко	245
Лободенко Л. К. Анализ сущности и свойств интернет-СМИ	249
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2013 году	252
Информация о журнале «Социосфера»	254
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	259

I. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И ЧАСТНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ И ОПРЕДЕЛЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

В. С. Гасанова

Гянджинский госуниверситет, г. Гянджа, Азербайджан

Summary. In this paper we study the terms of education, which have become relevant in connection with the implementation of reforms in a number of former Soviet republics. With the large number of new terms and with the development of new values in traditional terms, There is a task. For lexicographers of monolingual lexicography fixation, transfer and in Azerbaijani.

Key words: terms of education; terminology; special dictionaries new values; reforms.

Традиционно исследование любой терминологической системы начинается с выяснения того, что следует понимать под понятием *термин*. Существующая обширная литература по данному вопросу представлена множеством определений термина, и потому не приходится говорить об общепринятом определении данного понятия. Имеется лишь общепризнанное положение о том, что термин всегда обозначает понятие, выявить и описать языковые свойства которого является целью лингвистической науки.

В рамках настоящей статьи мы не станем пространно излагать ставшие хрестоматийными теоретические положения А. А. Реформатского, Д. С. Лотте, С. П. Хижняка, Б. Н. Головина, Р. Ю. Кобрина, Л. А. Капанадзе, О. С. Ахмановой и др. о составляющих понятий *термин* и *терминология*. Достаточно определить *терминологию* как некую особую замкнутую систему слов и понятий конкретной науки и *термины*, как «лексические единицы определённого языка, обозначающие общее (конкретное или абстрактное) понятие».

Объектом нашего исследования станут термины в области образования, вошедшие в азербайджанскую лексику вместе с реформой национальной образовательной системы. В терминологии всё ещё продолжает оставаться спорным отношение между такими понятиями, как *термин профессионализм* (статус последнего в терминологии до сих пор определён недостаточно чётко). При этом следует определиться в вопросе о том, что из двух единиц *термин* или *профессионализм* – станет предметом нашего анализа. Некоторые исследователи считают *профессионализмы* вариантами терминов или просторечными терминами [1, с. 258]. Другие же – разрозненными, внесистемными единицами, которым свойственна некоторая живописность и образность (2, с. 82). По данному вопросу нам близка дефиниция С. П. Хижняка. Исследователь выделяет *профессионализмы* в отдельный вид специальной лексики и проводит разграничение между *терминами* и *профессионализмами* главным образом по функционально-стилевым признакам. Основное отличие *профессионализмов* – это ограниченная сфера их употребления, которая сводится к устной речи специалистов в неофициальной обстановке.

Привлечённая нами к анализу лексика характеризуется названным выше ограниченным употреблением (в Азербайджане вне системы образования эти лексические единицы, как правило, не употребляются), но она и не относится к устной сфере употребления. Такие лексические единицы как *sillabus* «силлабус», *kredit (təhsil) sistemi* «кредитная (образовательная) система», *tyutor* «тьютор», *kurikulum* «курикулум» и др. составляют терминологическую лексику образовательной науки, ставшую актуальной в связи с принятием новой концепции (общего, профессионального и высшего) образования Азербайджанской республики. А в азербайджанском документе «Национальный куррикулум» не дано толкования понятия куррикулум (3). Обращение к словарям показало, что слово «куррикулум» в переводе с латинского означает «курс», «наука». В англо-русских словарях это слово объясняется как «учебный план», «план обучения», «программа».

Интересно, что столь актуальная сегодня идея *куррикулума* исходит из древнего Египта. Тогда это была некая «образовательная идея семи искусств», которая прививалась фараонам и их детям. Эту идею у египтян позаимствовали греки, назвав иде-

ей «семи свободных искусств (речь шла о грамматике, риторике, логике, астрономии, арифметике, музыке и геометрии)». Они считали, что именно эти предметы позволяют разумно мыслить. И если первоначально *куррикулум* обозначал содержание образования, то сегодня в это понятие претерпело семантическое расширение и включает в себя не только руководство по преподаванию, учебники, но и всю связанную с ней документацию (более подробно значение термина будет раскрыто ниже – В. Г.)

После распада Советского Союза революционные преобразования в государственном устройстве привели и к преобразованиям в образовании. Не ошибемся, если скажем, что специалисты и методисты от образования обратились к опыту ряда европейских стран. Так, в 2000 году Минобразования Азербайджана дало старт Программе реформ в секторе образования и в рамках кредитного договора, заключённого между Азербайджаном и Всемирным банком: в республике стал осуществляться голландский образовательный проект. Распоряжением Кабинета министров Азербайджанской Республики была утверждена и Концепция общего образования в Азербайджанской Республике – Национальный *куррикулум*.

Подобные государственные документы о повышении качества образования были приняты в Молдове – был введён «*Национальный куррикулум Республики Молдова*», а повысить качество образования в Кыргызской Республике был призван «*Рамочный национальный куррикулум*». Несколько в ином ключе проходит реформа в России (речь о Федеральном базисном учебном плане для образовательных учреждений Российской Федерации). В названных постсоветских республиках мы обнаружили схожие концепции национального (общего, высшего, специального) образования и, соответственно, в большинстве своём схожие термины.

Мы смогли проследить картину восприятия, как самой стратегической концепции образования, так и сопровождающих её терминов. Так, проведённые в Кыргызстане исследования показали, что 85 % учителей не понимают смысла слова «*куррикулум*», а 80 % не знают его содержания.

75 % учителей не понимают того, зачем нужен *куррикулум*: они продолжают работать по старинке, формально выполняя требования министерства.

23 %, являются противниками введения нового стандарта *куррикулума*: они считают, что бывшие «советские» методики ещё актуальны, и необходимо их вернуть. Фактом является и то, что противоречия есть и среди научного сообщества. Сторонников введения *куррикулума* – 33 %, нейтральных людей – 37 %, а противников – 30 %.

Многие (83 %) не понимают смысла другого ключевого слова данной концепции – *компетентность*. (Речь об *информационной компетентности* т. е. готовности использовать информацию для планирования и осуществления своей деятельности, умении работать с информацией и *социально-коммуникативной компетентности*, т. е. готовности соотносить свои устремления с интересами других людей и социальных групп, цивилизованно отстаивать свою точку зрения на основе признания разнообразия позиций и уважительного отношения к ценностям (религиозным, этическим, профессиональным, личностным и т. п.) других людей). Заметим, что сам термин *компетентность* неоднозначно трактуется и в программах, и в *куррикулах*. В общих словарях *компетентность* толкуется как «способность применять свои знания и умение и осуществлять деятельность в конкретных профессиональных (проблемных) ситуациях». Так, в педагогике *компетентность* понимается как «интегративное качество (характеристика) личности, определяющее круг её полномочий и функций в сфере той или иной деятельности». А, следовательно, *компетенция* – это уровень развития личности и образовательный результат [4, с. 10–12].

К сожалению, автор настоящей статьи не располагает подобными статистическими данными по Азербайджанской Республике, однако считает, что подобная картина представлена и у нас, но с разницей процентного соотношения в пользу сторонников введения *куррикулума*. Переняв полностью или частично ту или иную модель новой для нас образовательной системы, мы получили и доступ к современным обучающим программам и технологиям, а вместе с этим переняли и термины, сопровождающие данные модели, программы, технологии. И как результат вышеперечисленные термины прочно вошли в речь педагогов школ, преподавателей вузов, методистов, руководителей образования.

Известно, что терминологическая лексика любой отрасли проявляет себя как в области функционирования, так и в области фиксации. Однако по объективным причинам не приходится говорить о лексикографической фиксации подобных лексических единиц, ибо подавляющая их часть – это неологизмы, давность которых определяется несколькими годами. Именно поэтому в проведённом нами лингвистическом анализе терминологических единиц в области образования центром внимания стали специализированные тексты. Многие термины зафиксированы лишь в текстах образовательных законодательных актов, они не вошли даже в относительно часто переиздаваемые двуязычные словари. А об узкоспециальных терминологических (в нашем случае – терминов образования), и тем более, о толковых словарях речи быть не может.

Сегодня в методике преподавания прочно закрепился термин *лингводидактика*. Он поступил к нам из зарубежной науки XX века и стал синонимом преподавания того или иного языка как иностранного, потеснив и заменив собой термин *методика*. В результате многих дискуссий было достигнуто понимание того, что в её предмет входит вся проблематика, связанная с изучением данной сферы действительности, а также проблемы развития самой методики как науки. Отметим, что многие исследователи разграничивают эти термины. Нам близко толкование термина лингводидактика, данное И. И. Халеевой: «*Лингводидактика* призвана разрабатывать основы методологии обучения иностранному (вообще неродному) языку применительно к различным искомым результатам такого обучения, – в то время как *методика* есть скорее научно обоснованное «искусство» продвижения вперёд, ... т. е. «искусство» формирования рациональным способом соответствующих навыков и умений» [5, с. 199].

К числу новых терминов и определений их значений в системе высшего образования относятся такие частотные термины в речи преподавателей и студентов азербайджанских вузов, как: *bakalavr* «бакалавр» – первая учёная степень в системе высшего образования; *magistr* «магистр» – вторая академическая степень в системе высшего образования; *magistratura* «магистратура» – система и форма подготовки специалистов с законченным высшим образованием; *Bolonya deklarasiyası* «Болонская декларация» – документ, закрепляющий признание вузами и странами квалификаций дипломов; *akkreditasiya* «аккредитация» и *dövlət akkreditasiyası* «государственная аккредитация» – процедура оценивания стандартов качества образования того иного вуза, предполагающая его признание на определённый срок; *attestasiya* «аттестация» – форма государственно-общественного контроля образовательной деятельности образовательного учреждения; *dövlət təhsil standartı* «государственный образовательный стандарт» – документ, определяющий обязательный минимум содержания основных образовательных программ, максимальный объём учебной нагрузки обучающихся, требования к уровню подготовки выпускников; *kredit sistemi* «кредитная система» – европейская система зачётных единиц как средство признания образования, полученного в другом вузе (возможно, за границей) и инструмент предоставления детальной информации об учебных планах и т. п.; *kredit* «кредиты» – мера студенческой рабочей нагрузки; *academik/təhsil programmi* «образовательная программа» – документ/совокупность документов, содержащих основные положения, цели, задачи и содержание образования определённого уровня и направленности, *sillabus* «силлабус» – регламентирующий учебный документ, определяющий цели и содержание учебной дисциплины, порядок его изучения и преподавания, перечень рекомендованной учебной литературы, а также критерии успешности обучения; *test* «тест» – система заданий, позволяющая оценить уровень знаний, умений и навыков обучающегося, а также учебный план или *kurrikulum* «куррикулум» – документ, определяющий содержание образования и организацию обучения студентов конкретной специальности, разрабатываемый на основе квалификационной характеристики.

В связи с появлением большого количества новых терминов в области образования перед лексикографами стоит ответственная задача их фиксации в толковых, переводных, специальных (терминологических) словарях азербайджанского языка. На наш взгляд, сегодня в азербайджанской лексикографии возникла необходимость в создании «Словаря современных педагогических терминов азербайджанского языка», где наряду с употребительными определениями традиционных терминов образования

давалось бы их новое терминологическое наполнение, а значение и употребление терминов-неологизмов получили бы правовой статус.

Библиографический список

1. Татаринов В. А. Теория терминоведения : в 3-х т. – Т.1. Теория термина: история и современное состояние. – М., 1996.
2. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка : сборник статей. – М., 1965.
3. URL: <http://www.disput.az/index.php>
4. Архипова Т. В. Как повысить качество обучения в общеобразовательных школах Кыргызской Республики? – Бишкек, 2012.
5. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М. : Высшая школа, 1989.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «НЕОЛОГИЗМ»

Ю. Г. Федорова

Мариупольский государственный университет,
г. Мариуполь, Донецкая область, Украина

Summary. The article is devoted to the differentiation of the term “neologism” and “lingual innovation”. The scientific researchers of nowadays give different meanings of the term “neologism”, but the author of the article suggests another point for it.

Key words: neologism; lingual innovation; English world’s language picture.

В современной английской неологии можно выделить два основных направления: 1) исследование специфики обновления словарного состава языка, 2) выявление и изучение проблематики, которая связана с лексикографированием неологизмов. В пределах этих направлений как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике исследования происходили в русле современной теории номинации, которая развивалась как теория, которая была направлена на объяснение пути от понятия до его обозначения в языке. На современном этапе развития словарный состав непрерывно растёт, создавая при этом инновации, которые нуждаются в чётком уточнении и анализе. Под «инновацией» мы понимаем понятие «неологизм» (от греч. *neos* – новый и *logos* – слово) – это новые слова или словосочетания, которые созданы для обозначения чего-то нового (ранее неизвестного), предмета или явления. Но, как считает Ю. А. Зацный, определение неологизмов как слов или оборотов нельзя считать исчерпывающим, поскольку такое определение включает далеко не все разновидности инноваций [3]. Неологизмы бывают языковые, лексические, семантические, авторские и индивидуально-стилистические.

Языковые неологизмы создаются главным образом для обозначения нового предмета, понятия. Они входят в пассивный словарный запас и отмечаются в словарях английского языка. Неологизмом считается слово, которое хранит «налёт свежести». Если понятие актуально, а слово, которое его называет, хорошо связано с другими словами, то оно перестаёт быть неологизмом.

В предисловии к «Оксфордскому словарю неологизмов» «новое слово» определяется как «любое слово, фраза или значения, которые вошли в общее пользование или были модными в какой-то период» [11]. Хотя значительное количество новых языковых единиц возникает для определения новых вещей и явлений, для отражения новых понятий, в то же время достаточно типичными можно считать и случаи, когда одна и та же новая вещь, одно и то же новое явление имеют не одно название. Следует отметить, что появление нового понятия не является, соответственно, этапом становления формы лексемы. Новое понятие само по себе и потребность в нём всегда предшествуют слову [1, с. 57]. Для отражения одного понятия, для определения одного предмета в языке может существовать целая серия, целый ряд наименований. Это предопределяется актуальностью определённого понятия, а также его комплексной природой [7; 8; 9]. Кроме того, немало неологизмов возникают для обозначения уже

существующих вещей, для отражения «старых» понятий, что опять же предопределяется комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Язык развивается вместе с обществом, в котором слова и понятия, получая определённый социальный статус, постепенно изменяют свою лингвистическую форму [10]. Закреплению новых единиц во многом способствует также их популяризация через средства массовой коммуникации и рекламу. Учёные справедливо отмечают, что в увеличении интенсивности общения, а следовательно, и использовании языковых инноваций важную роль играют средства массовой информации [6]. Это можно соотнести с процессом социализации, в котором выделяют такие этапы, как осознание слова, интерес к нему, его оценка, период испытания, принятия или неприятия [2, с. 89]. Исследователи считают, что вольность литературной нормы и межстилевое взаимодействие усиливают этот процесс [5, с. 55]. Многие из проанализированных нами слов уже прошли процесс социализации, а частично и лексикализации. Как свидетельствуют опросы информантов в Англии и Соединённых Штатах Америки, многие из слов, зафиксированных в словарях как неологизмы, не воспринимаются носителями как новые. Они потеряли свою временную коннотацию новизны, потому что используются носителями уже около двух десятков лет. Однако мы относим эту лексику к новой, потому что она появилась в английском языке за последние 25 лет, которые являются чрезвычайно коротким отрезком времени в плане исторического развития языка, и в гносеологическом плане эта лексика не потеряла свою новизну.

Как считает В. И. Заботкина, неологизм – это новое слово (стойкое соединение слов), новое или по форме, или по содержанию. Исходя из этого, в вокабуляре неологизмов можно выделить: 1) собственно неологизмы (новизна формы совмещается с новизной содержания): world wide web; bio-computer – компьютер, который имитирует нервную систему живых существ; 2) трансноминации, которые объединяют новизну формы с семантикой, которая уже передавалась раньше другой формой: sudser – мыльная опера, *big C (мед.)* – рак; 3) семантические инновации, или переосмысления (новое значение отражается формой, которая уже существовала в языке): bread – деньги, drag – нудность, acid – наркотик [4]. В последние десятилетия в языке преобладают единицы первой группы, то есть собственно неологизмы. Это связано с потребностью общества придать новое значение тем предметам и реалиям жизни, которые возникли в результате научно-технического прогресса и развития разных областей жизни.

Сегодня бурно развивается компьютерный сектор, который даёт жизнь таким инновациям, как, например, *webucation* – образование через Интернет, которое, кстати, не уступает по качеству «реальному образованию». К слову, ещё в 2001 году более тысячи университетов и колледжей Америки предлагали студентам «виртуальные курсы» – *virtual courses*. Как считают известные лингвисты, перспективными направлениями развития образования через всемирную сеть Интернет являются следующие позиции: 1) функционирование полностью «виртуальных учебных заведений»; 2) расширение и развитие «виртуального образования» через «киберкурсы» на территории традиционных университетов и колледжей (*brick-and-mortar institutions*); 3) внедрение «виртуальных качеств» в обычные университетские курсы в стенах традиционных учебных заведений.

Следует также заметить, что необходимость расширения и развития понятия «неологизм» также тесно пересекается с полиэтничностью и поливариантностью английского языка. На этом основании неологизмы могут быть разделены на 1) лексические (новые слова и словосочетания); 2) фразеологические (новые стойкие словосочетания); 3) семантические (смесь лексических и фразеологических инноваций).

Количество неологизмов на лексическом уровне не поддаётся определённому подсчёту потому, что неологизмы создаются не в языке вообще как системе, а в реализации этой системы. Признаками вхождения новых слов в язык следует считать их «рекуррентность», то есть способность воссоздания вне первоначального контекста, участие в семантических и словообразовательных процессах [3]. Как считают лексикографы, для того, чтобы неологизм закрепился в словаре, он должен быть использован много лет в разных источниках фактического и иллюстративного материала, новейших лексикографических (бумажных и электронных) носителях, а также произведениях художественной литературы.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что понятие «неологизм» является более традиционным в современной лингвистике и, как результат, не отображает особенности и специфику тех инновационных процессов, которые происходят в англоязычной картине мира. Следовательно, мы предлагаем использовать термин «лингвистическая инновация», который включает все изменения неологических трансформаций на всех уровнях языка.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 398 с.
2. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М. : Высш. шк., 1989. – 126 с.
3. Зацний Ю. А., Янков А. В. Інновації у словниковому складі англійської мови початку ХХІ століття англо-український словник. – Вінниця : Нова Книга, 2008. – 360 с.
4. Золотова Г. А. Грамматика в контексте филологии // Научные доклады филологического факультета МГУ : сб. ст. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 2000. – С. 130–132.
5. Кобзар С. К. Основні тенденції словотвору сучасного американського варіанта англійської мови // Вісн. Житомир. держ. пед. ун-ту. – 1999. – № 4. – С. 54–59.
6. Стишов О. А. Нові аббревіатури в мові мас-медіа кінця ХХ століття // Мовознавство. – 2001. – № 1. – С. 33–40.
7. Тогоева С. И. Психолінгвістическіе проблемы неологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Тверь, 2000. – 251 с.
8. Флоря А. В. К вопросу о русской неологии // Вестник ОГУ. – 2000. – № 2. – С. 4–8. – (Сер. Гуманитарные науки).
9. Цалко Т. В. Неологизмы наименования лиц в русской лексикографии и современном узусе. Эволюция семантической характеристики : дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 245 с.
10. Dunbar G. I. Towards a cognitive analysis of polysemy, ambiguity and vagueness // Cognitive Linguistics. – 2001. – V. 12–1. – P. 1–14.
11. Preface // Oxford Dictionary of Abbreviations. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 397 p.

ФЕНОМЕН НЕПОНИМАНИЯ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ

Е. К. Абрамова

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

Summary. This article deals with proverbs, sayings and dictums of famous Frenchmen, which can be used in the situation of misunderstanding. The author tries to consider the essence of misunderstanding in national french mentality.

Key words: misunderstanding; precedent text; proverb; saying; dictum.

Термин «прецедентный текст» был введен Ю. Н. Карауловым. Учёный трактовал его как «значимый для личности в познавательном и эмоциональном отношении... имеющий сверхличностный характер, то есть хорошо известный широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников... обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Существует несколько уровней прецедентности: социальный, национальный, универсальный. В рамках данной статьи рассматриваются национально-прецедентные тексты, находящие своё выражение в лексикографических источниках: пословицы, поговорки, изречения известных людей Франции. Генетически они различны, но их объединяет образность, воспроизводимость, семантическая целостность и объективность, в них практически нейтрализуются временной и личностный факторы, что придаёт им значимость при определении национальной специфики феномена «непонимание».

По данным лексикографических источников [3; 4; 5; 6; 8; 9], в ситуации непонимания могут воспроизводиться как пословицы, так и поговорки. Пословица *Comprenez qui pourra (Кто захочет, тот поймёт)* [8, р. 1203] используется в разговоре о деликатном деле при нежелании прибегать к дальнейшим объяснениям. Кроме того, данной пословицей говорящий может дать оценку непонимающему субъекту, приписав ему непонимание вследствие психического, эмоционального состояния, физического здоровья (невозможность воспринять текст, дефицит умственных способно-

стей), личностных факторов (нехватка различного рода знаний, опыта, другая интерпретация, неправильная оценка), определённых намерений (неспособность проявить снисходительность, отказ от понимания, несогласие).

Поговорка *Vous ne comprenez pas le français?* (*Вы русского языка не понимаете?*) [5, р. 456] употребляется при обращении к субъекту непонимания, содержит удивление и оценку умственных способностей непонимающего, намекая на то, что он вообще ничего не понимает. Выражение *Cela doit être beau, car je n'y comprends rien* (*Это должно быть прекрасно, только я в этом ничего не понимаю*) [3, с. 252] выражает «восхищённое непонимание», которое относится по большей части к сфере творчества. Действительно, непонимание, непризнанность считаются одними из главных признаков настоящего гения: «La personnalité des plus grands hommes est faite aussi de leurs incompréhensions», André Gide [6, р. 2608]. Достаточно вспомнить, сколько великих деятелей, принадлежащих к различным видам искусства, остались непонятыми своими современниками.

Изречения известных людей о непонимании достаточно многочисленны. Это связано с тем, что проблема понимания относится к числу экзистенциальных. Онтологические основания понимания определяют бытие человека в мире и дают возможность в нём ориентироваться: «Человек попросту не может жить в непонятном для него мире – ни практически, ни теоретически» [1, с. 73].

Перечислить и проанализировать все афоризмы о непонимании представляется невыполнимой задачей, поэтому в рамках настоящей статьи обратимся к наиболее известным и воспроизводимым, которые помогут составить общую картину представлений о непонимании, близких национальному французскому сознанию. Необходимо отметить, что в речи, как правило, воспроизводится не всё высказывание целиком, а его часть, передающая основной смысл.

В афористических выражениях процесс восхождения от непонимания к пониманию предстаёт в виде стремления к любви: «On désire être compris parce qu'on désire être aimé, et on désire être aimé parce qu'on aime», M. Proust [4, р. 1185]; веры: «Je ne cherche pas à comprendre pour croire, mais je crois pour comprendre», St. Anselme [7]; творческого акта: «Comprendre, c'est le reflet de créer», V. de l'Isle-Adam [4, р. 1065]; сложной, но жизненно необходимой задачи: «Comprendre, c'est compliquer. C'est enrichir en profondeur. C'est élargir de proche en proche. C'est mêler à la vie», L. Febvre [4, р. 1214]. Непонимание выступает в качестве точки отсчёта работы понимания: «Je sens que je progresse à ceci que je recommence à ne rien comprendre à rien», Ch.-F. Ramuz [4, р. 1215]; и работа эта бесконечна: «L'instant où nous croyons avoir tout compris nous prête l'apparence d'un assassin», E.-M. Cioran [4, р. 1407]; «Un état bien dangereux: croire comprendre», P. Valéry [7].

Способность к пониманию расценивается как дар: «Par le temps qui court je ne reconnais qu'une vertu, ni le courage, ni la volonté de martyr, ni l'abnégation, ni l'aveuglement, mais seulement la volonté de comprendre. Le seul honneur qui nous reste est celui de l'entendement», P. Nizan [4, р. 1377]; способность прощать: «Comprendre, c'est pardonner», Mme de Staël [7]; «Je tâche de comprendre afin de pardonner», V. Hugo [9]; женский талант: «Ce génie particulier de la femme qui comprend l'homme mieux que l'homme ne se comprend», V. Hugo [7]. Резкой критике подвергается отказ от понимания: «Je souffre du déni de certains. Oui, cette obstination dans le refus, la volontaire incompréhension, la haine», André Gide [9]; «Homme, tout affronter vaut mieux que tout comprendre. / La vie est à monter, et non pas à descendre», E. Verhaeren [4, р. 1129].

С другой стороны, многочисленные афоризмы содержат идею о невозможности достичь понимания: «Nous aspirons ambitieusement à tout comprendre, et nous ne le pouvons pas», Ch. de St-Evremond [4, р. 216]; «Les hommes ne se comprennent pas les uns les autres. Il y a moins de fou qu'on ne croit», Vauvenargues [4, р. 599]; «L'intelligence est la faculté à l'aide de laquelle nous comprenons finalement que tout est incompréhensible», M. Maeterlinck [4, р. 1152]; «Il ne comprenait pas tout. Mais qui de nous peut se flatter de tout comprendre?», A. France [9]. Однако эта невозможность предстаёт как вполне естественное явление: «Il y a une chose peut-être consolante; c'est que la nature nous a donné à peu près tout ce qu'il nous fallait; et si nous ne comprenons pas certaines choses un peu

délicates, c'est apparemment qu'il n'était pas nécessaire que nous le comprenons. Si certaines choses étaient absolument nécessaires, tous les hommes les auraient, comme tous les chevaux ont des pieds», Voltaire [4, p. 511]; «L'intelligence est caractérisée par une incompréhension naturelle de la vie», Н. Bergson [7]; «La jeunesse a cela de beau qu'elle peut admirer sans comprendre», А. France [7].

Один из надёжных способов понять себя – постараться понять другого: «Il est possible, en effet, de s'imaginer *comprendre sans expliquer*, lorsque, *croyant comprendre autrui*, on ne fait à ce propos que *se comprendre soi-même*», М. Guéroult [4, p. 1288]; «Le meilleur moyen pour apprendre à se connaître, c'est de *chercher à comprendre autrui*», André Gide [7].

Некоторые афоризмы представляют собой противоречивые изречения: «N'admettons jamais comme cause de ce que *nous ne comprenons pas quelque chose que nous comprenons moins encore*», Le Marquis de Sade [4, p. 640]; «Je n'aime pas les sous-entendus. *Je les comprends assez pour qu'ils m'inquiètent et pas assez pour les comprendre*», J. Anouilh [7]; «*Aller vers l'obscur et l'inconnu par ce qui est plus obscur et inconnu encore*» [10, p. 190].

Таким образом, в прецедентных текстах непонимание предстаёт как неоднозначное явление. Это и начало процесса, не имеющего конца, и необходимость, и тщетность. В большинстве рассмотренных афоризмов непонимание предстаёт в положительном свете и трактуется в терминах устремлённости, веры, новых поисков, заветных желаний, творчества, манящей неизвестности, пути к себе, продолжения жизни.

Библиографический список

1. Алексеев И. С. Об универсальном характере понимания // Понимание как философско-методологическая проблема // Вопросы философии. – 1986. – № 7. – С. 73–74.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
3. Французско-русский фразеологический словарь. Около 35000 выражений / под ред. Я. И. Рецкера. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
4. Dictionnaire de citations françaises les usuels du Robert. – P. : Sous la direction de Pierre Oster, 1978. – 1626 p.
5. Dictionnaire des expressions et locutions figées. – P. : Les usuels de Robert, 1984. – P. 456, 483, 681, 897.
6. Grand Larousse de la langue française en 7 volumes. – P. : Éditions Librairie Larousse, 1986. – Т. 3. – 2619 p.
7. Proverbes et citations. URL: <http://www.proverbes-citations.com>
8. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). – P. : Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1983. – Т. 5. – P. 1199–1206.
9. Version électronique du Nouveau Petit Robert. Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française. – P. : Nouvelle Édition du Petit Robert de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey, 1997.
10. Yourcenar M. L'Œuvre au Noir. – P. : Éditions Gallimard, 1968. – 478 p.

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

М. И. Андреева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The article is devoted to structural and semantic analysis of emotives in the English variants of professional languages. The results of the research are as follows: negative emotions are more frequently nominated; the number of word combinations prevails.

Key words: emotives; emotiveness; emotions; evaluativeness; expressiveness; professional languages.

Эмоции и чувства сопровождают человека на протяжении всего жизненного пути. Великий классик английской литературы Джон Голсуорси справедливо заметил, что «всякая эмоция только обогащает жизнь». Долгое время вопросы о порождении, возникновении, развитии и значимости эмоций занимают умы специалистов разных областей человеческой деятельности.

Утверждения значимости эмоций для самосознания человека и его социализации появились задолго до научной трактовки данного постулата. Давно известно о взаимосвязи эмоций с когнитивными процессами, темпераментом, построением меж-

личностных отношений. Многокомпонентность феномена эмоции подразумевает разные трактовки определения данного понятия. Рассмотрим некоторые из них.

В. Д. Шадриков определяет эмоции как переживания личности, связанные с удовлетворением или неудовлетворением её потребностей [5].

Согласно С. Л. Рубинштейну, эмоции полярны, они выражают состояние субъекта и характеризуют его отношение к объекту [2].

К. Э. Изард даёт следующее определение понятию «эмоция»: «Эмоция – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [1]. Связь эмоции и последних двух компонентов предложенного определения может быть проиллюстрирована следующим примером. Сталкиваясь с неким символом, объектом, понятием, другими словами, ментальным образом, человек устанавливает связь между чувством и мыслью.

Эмоции также обуславливают действия человека в той или иной ситуации, побуждают его к активности. Например, переживая чувство страха, человек чаще всего фокусируется либо на пугающем его объекте, либо на поиске преодоления этого чувства [1]. Всё вышесказанное находит своё отражение в языке. Прикладные языковые аспекты эмотивов изучаются в рамках лингвистики эмоций, которая рассматривает способы выражения эмоциональности на всех языковых уровнях, их функции и семантику – раскрывает параметры эмотивности в значении слова, соотношения и различия эмоциональности, оценки и экспрессии [6].

Существование базовых эмоций многими учёными ставится под сомнение. Они выступают за теорию конструирования эмоций в течение всего периода жизни человека. Однако на основе таких критериев, как эволюционно-биологическая природа, специфика нервных процессов и мимики, переживание, наличие функции адаптации человека в обществе, можно выделить 8 основных эмоций: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх. Такие эмоции, как стыд, смущение / застенчивость, также зачастую могут выступать в роли базовых [1].

Б. Спиноза рассматривал только 3 базовые эмоции – удовольствие, неудовольствие и желание [4]. Такие учёные, как В. Вундт и Р. Плутчик, выдвигают теории парных или противоположных эмоций: удовольствие – неудовольствие, возбуждение – успокоение, напряжение – разряжение у Вундта, и 8 первичных эмоций, образующие 28 пар и 56 тройных комбинаций, предлагает Р. Плутчик.

Исходя из темы работы «Специфика лексико-семантической группы эмотивов: мотивационно-номинативный аспект (на материале русского и английского профессиональных подязыков)», целью исследования является определение и структурно-семантическое изучение эмотивов в профессиональных языках. Поставленная цель предполагает следующие задачи: 1) с помощью метода сплошной выборки выявить в составе профессиональной лексики эмотивы; 2) при помощи компонентного анализа объединить эмотивы в тематические группы в соответствии с базовыми эмоциями; 3) разделить все эмотивы на однословные и многословные.

Изучение *эмотивов* – слов или фразеосочетаний, используемых для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего [6], – в профессиональных языках дополнит широкий спектр исследований учёных-лингвистов, изучающих *профессионализмы* – слова и выражения, свойственные речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности, проникающие в общелитературное употребление (преимущественно в устную речь) и обычно выступающие как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов [10]. В рамках проводимого исследования рассматривается номинация эмоций средствами вариантов английского профессионального морского, музыкального и авиационного некодифицированных подязыков. Рассматривается денотативный макрокомпонент значения. Материалом исследования служат 265 эмотивных единиц.

В музыкальном подязыке было выявлено 14 единиц, номинирующих такие положительные эмоции, как удовольствие (6): **Dig** (*нравиться*), **Flip over** (*получать удовольствие*), **Rave** (*отрываться*), **Rave about** (*сходить с ума*), **Chuffed** (*довольный*), **Chuffed to ten** (*чрезвычайно довольный*); наслаждение (4): **Get hip to sth.** / **Get off** / **Get someone's motor running** / **Knock out** (*испытывать особое наслаждение*); радость (1): **to be a sock** (*вызывать восторг*); интерес: **Turn on** (*вызывать*

интерес, восторг, приятное волнение); страсть: **Crazy** (*волнующий, возбуждающий*); спокойствие: **Cool** (*невозмутимый, спокойный*).

Английский вариант профессионального языка авиации содержит 7 эмотивов. В рамках данного подъязыка рассматриваются следующие эмоции: гнев (2): **Rhubarb** (*ссора, несогласие*), **sad apple** (*нервный человек*); спокойствие (2): **wind** (*спокойствие и уверенность*), **all parts bearing equal strain** (*всё под контролем, нет оснований для беспокойства*); страдание: **reversal** (*проблема; неудача, провал*); удивление: **to take aback** (*поразить, ошеломить, захватить врасплох*); радость / счастье: **on the top / crest of the wave** (*на вершине счастья, удачи*). Преобладает количество положительно окрашенных элементов.

Английский вариант морского профессионального подъязыка содержит 214 эмотивов. Гнев насчитывает 62 единицы и включает в себе следующие номинации: **агрессия** (15), **ссора** (13), **жалоба** (11), **раздражение** (8), **злость** (4), **угроза** (3).

Такие чувства, как **грусть, досада, изнеможение, беда, слёзы и поражение**, составляют тематическую группу страдание, включающую 46 элементов эмотивной лексики. Весь спектр базовых эмоций градуированно номинируется в английском варианте морского профессионального подъязыка: страх (43), радость (15), спокойствие (14), удивление (9), удовольствие (9), интерес (5), волнение (3).

72 % от представленных эмоций являются отрицательными и номинируют эмоции страха, гнева и страдания. Положительная оценка принадлежит 28 % лексики.

Исследование структуры эмотивов профессиональных подъязыков показало преобладание многословных единиц – 78 % (в музыкальном подъязыке – 9, в авиационном – 5 и в морском – 194 сочетания). Однословные элементы составляют, соответственно, 22 % от всей лексики (5 единиц в музыкальном языке, 3 – в авиационном, 49 – в морском).

Библиографический список

1. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2006. – 460 с.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М., 1946. – 512 с.
3. Солнышкина М. И. Профессиональный морской язык. – М. : Academia, 2005. – 255 с.
4. Спиноза Б. Избранные произведения. – М., 1957. – Т. 1.
5. Шадриков В. Д. Введение в психологию: эмоции и чувства. – М. : Логос, 2002. – 156 с.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.
7. Plutchik R. The emotions: Facts, Theories and a New Model. – New York : Random House, 1962. – 128 p.
8. Валиева Р. Х. Англо-русский музыкальный словарь. – Казань, 2006.
9. Казачкова М. Б. Англо-русский словарь профессионального языка авиации. – Казань, 2008.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2002.
11. Солнышкина М. И. Англо-русский словарь морского языка. – Казань, 2005.
12. Солнышкина М. И. Словарь морского языка. – М. : Academia, 2005. – 279 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ КОМБИНИРОВАННОГО ЖАНРА

Ю. Д. Багров

Санкт-Петербургский государственный университет кино
и телевидения, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. This article deals with the perspectives of compound genre studies in Russian epic poetry of the XIX century. Some features of this type of genre mixture, extremely important for the poetry of 1820 – 1830 can be observed in the later masterpieces, such as epic poems by Nikolay Nekrasov.

Key words: compound genre; Nekrasov; epic poem; genre mixture.

Комбинированная поэма в русской литературе первой трети XIX века выступала как движущая сила эволюции стихотворного повествования. Тенденция к жанровой комбинации возникла в творчестве А. С. Пушкина, проявившись в разной степени в «Руслане и Людмиле», южных поэмах и в «Евгении Онегине», а своё развитие получила у М. Ю. Лермонтова. Комбинированный жанр являет собой особую форму совмещения в тексте значимых структурных черт различных жанровых традиций, осознаваемых в момент создания текста как актуальные. Произведение комбинированного жанра воспринимается при этом как нарушение определённых норм или устойчивых представлений (в том числе эмпирических, а не императивных) об исходном жанре. Казалось бы, в дальнейшем развитии литературы о комбинированном жанре говорить уже не приходится, так как разрушен необходимый нормативный фон, на котором он и выделялся бы своей ненормативностью. Однако если вспомнить, что комбинированная поэма была связана с жанровым строением «старшего эпоса», то есть поэмы-эпопеи, продолжение этой тенденции мы можем искать в творчестве Н. А. Некрасова, а именно в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

По сочетанию объективного и субъективного начал, значению отступлений поэма Некрасова наследует лиро-эпической традиции, идущей от Пушкина. Широко используются поэтом малые жанры устного народного творчества и стилистика народной речи. Слог поэмы делал возможным включение в текст как поговорок, афоризмов, отдельных оборотов устной крестьянской речи, так и цельных жанровых структур. Особое место занимают в поэме песни. Песни включаются в текст поэмы не только как вставные фрагменты («Барщинная», «Голодная»), которые мы не рассматриваем как составляющие комбинированного жанра. По характерным для них моделям может строиться и повествование в поэме. Так, например, в части «Крестьянка», где рассказ ведётся от лица Матрёны Тимофеевны, мы можем встретить черты и народных песен, и причитаний, но это уже не вставные эпизоды: элементы этих жанров вплетаются в повествовательную структуру поэмы, структурное же единство обеспечивается единством стилистическим.

При этом по общему характеру сюжета и, в первую очередь, действующих лиц, она продолжает ряд крестьянских поэм самого Некрасова. Эпический характер поэмы подчёркивается её многогеройностью. В выборе персонажей мы можем видеть и ненормативность некрасовской поэмы как черту комбинированного жанра. Устойчивому представлению об эпической поэзии как о высоком жанре был противопоставлен образец масштабной эпопеи о крестьянах. То есть здесь, как и в ситуации с южными поэмами Пушкина, мы имеем дело с противоположением комбинированного жанра не строгому канону нормативной поэтики, а господствующим взглядам на то, какой должна быть литература или произведение того или иного жанра. Изучение поэмы Некрасова с точки зрения комбинированного жанра заслуживает, по нашему мнению, отдельного монографического исследования.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ» И «ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Н. А. Котлярова
Волгоградский государственный медицинский университет,
г. Волгоград, Россия

Summary. In the article such concepts as "code-switching" and "interference" are considered and views of Russian and foreign linguists are presented. The problem of interrelation of these concepts such as differentiation is also observed.

Key words: linguistics; bilingualism; code-switching; interference; contact of languages.

Вопрос о взаимоотношении переключения кодов и языковой интерференции долгое время не вставал перед лингвистикой. Интерференционные явления рассматривались как факт изменения языковой системы под контактным влиянием, а переключение кодов как способы использования языков двуязычным индивидом или двуязычным языковым сообществом. Впервые проблема взаимоотношения этих двух явлений встала при анализе массового включения в речь на одном языке слов другого языка. При попытке теоретического осмысления этого явления сразу же встал вопрос, к чему их следует относить – к интерференции, к переключению кодов, или же они представляют собой самостоятельный феномен? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть данные явления.

Кодовое переключение в лингвистике интерпретируется по-разному в зависимости от того, на чём делается акцент исследователя.

В понимании У. Вайнрайха кодовое переключение (КП) – это идеальное переключение с одного языка на другой, которое происходит в соответствии с обязательными изменениями, а не в неизменной речевой ситуации и, конечно, в рамках одного предложения [2, с. 22].

Д. Кристалл называет кодовым переключением переключение с одного языка на другой в процессе коммуникации билингвов, которые нерегулярно пользуются вторым языком, или хорошо его знают. Г. Н. Чиршева определяет кодовое переключение как специфическую способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами. Билингв умеет соединять в одном высказывании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них [6, с. 29].

По мнению П. Ауэра, кодовое переключение – явление не просто лингвистическое, но оно имеет и коммуникативную направленность, его социальное значение определяется функциями, выполняемыми кодовым переключением в том или ином общественном месте.

На основе структурного и социопрагматического подходов К. Майерс-Скоттон, английский лингвист, даёт следующее определение КП: кодовое переключение (code-switching) – выбор форм гостевого языка (источника иноязычных единиц в высказывании), осуществляемый билингвами в высказываниях на матричном языке (на языке, который оформляет грамматику высказывания) в пределах одной беседы. КП могут характеризовать взаимодействие не только языков, но и стилей или диалектов. В качестве КП может выступать морфема, слово, словосочетание и предложение [7, с. 3].

В нашем исследовании кодовое переключение будет пониматься как использование единиц разных уровней одного языка в высказывании на другом, не нарушающее грамматику основного языка и выполняющее особые прагматические функции. Приведём примеры КП : «Единственная «неприятность» – это порой чрезмерная для рядового *speaker*'а сложность подачи материала...» («Обучение за рубежом / Study and Training Abroad», 2002, № 2, с. 45); «Ум**REN**ник» (название телепередачи); «**PRO** спорт» (мужской журнал); Дивизион» (магазин цифровой техники); «Внимание пассажиров: вече**GREEN**ка идет без остановки!» (реклама пива «Tiborg Green»); «Га**STAR**байтеры» (название передачи на RenTV); «**SP**айте здоровье» (журнал «Здоровье в доме», 2009, № 4, с. 26); «**RE**:волюция муравьев» (название книги Б. Вербера); «**Земфира**» (название музыкальной группы); «**Maggi**ческий вкус» (реклама продукции Maggi); *Stil*ная страница (рубрика в «Московском комсомоль-

це»); «*Вишневый cash*» (заголовок статьи «*Коммерсантъ Деньги*, 2013, 25 февраля) и т. д.

Самым распространённым является кодовое переключение на уровне слов – именно поэтому его легко принять за интерференцию на лексическом уровне. В связи с этим необходимо рассмотреть новое понятие. Первоначально оно употреблялось только в физике и означало взаимное усиление или ослабление волн при их наложении друг на друга. В настоящее время термин получил широкое распространение в психологии, лингвистике и социолингвистике. В психологии интерференция трактуется как перенос навыков, представляющий собой сложное явление человеческой психики, как такой процесс, который позволяет человеку использовать в своей мыслительной и моторной деятельности то, что ему известно, при совершенно новых или относительно новых обстоятельствах. Другими словами, интерференция – это такое взаимодействие навыков, при котором ранее приобретённые навыки оказывают влияние на образование новых навыков.

В социолингвистике интерференция представляет собой отклонение по отношению к прагматическим нормам ситуации, в которой языки и формы языков строго отобраны и используются только в определённых обществах. Здесь возникает вопрос о так называемой «ситуационной» или «контекстуальной» интерференции. Кроме того, интерференция, рассматриваемая в данном аспекте, непосредственно связана с функциями языка в многоязычном обществе, с социальным статусом языка.

С лингвистической точки зрения термин «интерференция» используется в связи с изучением проблемы контактирования языков для обозначения тех видоизменений, которые наблюдаются в речи носителей двуязычия (многоязычия) как результат взаимодействия различных языковых систем. Однако в определении понятия языковой интерференции нет полного единства среди лингвистов. Одни связывают её с понятием языковой нормы, другие – с лингвистическим переплетением (наложением). Одни трактуют это понятие широко, включая в её содержание явления заимствования, другие – узко, ограничивая лишь нарушениями языковых норм в речи.

Для получения чёткого представления об интерференции рассмотрим взгляды разных лингвистов на это явление. Так, У. Вайнрайх даёт такое определение: «интерференция – это те случаи отклонения любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше, чем один язык» [1, с. 22]. Виноградов рассматривает интерференцию как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка. Она выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного. Главный источник этого явления – расхождения в системах взаимодействующих языков [3, с. 197].

Е. М. Верещагин, В. Ю. Розенцвейг и М. В. Дьячков рассматривают интерференцию как нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которые проявляются в его речи в отклонении от нормы. Г. М. Вишневская под интерференцией понимает процесс и результат взаимодействия языковых систем в речи билинга, из которых одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия на вторичную, приобретённую языковую систему. Результат взаимодействия контактирующих языковых систем может быть как отрицательным, так и положительным [4, с. 24].

Обычно учёные связывают интерференцию с отрицательным результатом – нарушениями в речи билинга. Однако есть учёные, которые не дают отрицательной оценки рассматриваемому явлению или объединяют как отрицательное, так и положительное понимание интерференции. В своём определении «интерференции» М. М. Михайлов акцентирует внимание на том, что она проявляется в речи биглота (или полиглота) вследствие перестройки моделей одного языка по образцу другого языка. Причём перестройка может происходить в одном или обоих направлениях, то есть перестройке могут быть подвержены модели как родного (первого), так и не родного (второго) языка [5, с. 61].

Лексическая интерференция – это двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, приводящее к произвольному нарушению языковой нормы. Примерами из английского языка мо-

гут служить слова: «West» – «запад», а не «восток»; «artist» – «художник», а не «артист»; «magazine» – «журнал», а не «магазин».

Речь билингва является местом формирования интерференции, а обязательным условием её возникновения будет билингвизм. Здесь наблюдается сходство между рассматриваемыми нами явлениями – кодовым переключением, которое является естественным признаком билингвизма и имеет место только среди билингвов, и языковой интерференцией, обязательным условием для возникновения которой является двуязычие. Чем ближе два языка, тем в большей мере индивид в речевой деятельности опирается на родной язык на первом неродном или втором неродном. Поэтому родственные языки, в общем, и учить, и переключать с кода на другой языковой код легче, а при изучении неродственных языков наблюдаются частые интерференции, различные иностранные вкрапления и преодолеваются они с большим трудом. Поэтому неродственные языки и переключаются и усваиваются намного сложнее.

Кодовое переключение и интерференция имеют чёткое отличие, которое состоит в том, что последнее явление подразумевает изменение грамматических, синтаксических или фонетических форм одного языка под влиянием другого, а не смену одного языка другим. Кроме того, кодовое переключение способствует реализации акта коммуникации, тогда как интерференция состоит в перекрещивающемся применении норм разных языков к одному и тому же языковому явлению, что может привести к непониманию.

Известно, что искажение языковой нормы нередко приводит к нарушению взаимопонимания между людьми в процессе их речевого общения. Степень понимания речи билингва носителем языка лежит в основе классификации следующих типов интерференции: интерференция, затрудняющая понимание (при этом сохраняется понимание общего речевого намерения говорящего); интерференция, нарушающая понимание (понимание неравнозначно речевому намерению говорящего); интерференция, препятствующая пониманию (полное непонимание, приводящее к разрушению коммуникации). Из сказанного ясно, что коммуникативный эффект интерференции является ещё одной отличительной чертой данного понятия от явлений кодового переключения и смешения, которые направлены на углубленное и правильное понимание между участниками речевого акта.

Итак, интерференция отражает отношения между языковыми системами при их контакте. Кодовое переключение связано с самой ситуацией билингвизма. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что интерференция является неотъемлемой частью речи билингва и может проявляться в ней при кодовом переключении.

Библиографический список

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Языковые контакты. Новое в лингвистике. Вып. VI. – М., 1972. – С. 25–60.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск, 2000. – 264 с.
3. Виноградов В. А. Интерференция // Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 197.
4. Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты : учеб. пособие / Иван. гос. ун-т. – Иваново, 1997. – 98 с.
5. Михайлов М. М. Двуязычие (принципы и проблемы). – Чебоксары : Чувашский гос. ун-т им. И. М. Юльянова, 1969. – 136 с.
6. Чиршева Г. Н. Основы онтобилингвологии: русско-английский материал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001. – 51 с.
7. Myers-Scotton C. Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching. – Clarendon Press, Oxford, 1993. – 263 p.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ТЕРМИНОСИСТЕМ ПРЕДМЕТНО-СПЕЦИАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

А. В. Майтова

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России,
г. Саратов, Россия

Summary. The article summarizes the views of modern scientists about the importance of terminological metaphorical in the formation of terminological systems domain-specific languages.

Key words: cognitive metaphor; domain-special language; terminological system.

Одним из когнитивных механизмов образования терминосистем предметно-специальных языков, наряду с концептом и фреймом, является метафоризация, которой исследователи в последнее время придают всё большее значение.

В классической теории языка термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении, тогда как в когнитивной лингвистике метафора становится ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире [14; 7; 23; 2; 20], поскольку образные ассоциации являются неотъемлемыми элементами мышления на всех уровнях умственной деятельности и в различных сферах профессионально-общественных интересов человека [9, с. 96].

Философы и учёные романтического склада считали метафору единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Так, Ф. Ницше полагал, что познание в принципе метафорично [20].

В научной литературе выделяются следующие способности человеческого сознания, составляющие основу механизма метафоризации: способность к анализу; способность производить сравнения [4; 17], а также способность, сформулированная Г. И. Берестневым так: если два представления в сознании человека сходны в каком-либо отношении, именем одного представления возможно назвать и другое представление [5, с. 98].

Каждый из этих механизмов имеет свои особенности и сферу применения. Так, копирование по аналогии играет важную роль в установлении концептуальных связей, которые, оперируя на всех уровнях, связывают ментальные пространства для образования метафор [4; 12; 8; 10], тогда как проецирование способствует созданию новых понятий частично на основе старых [15; 18, с. 107; 1, с. 82].

Метафоры могут классифицироваться на языковые, связанные с актами языковой номинации, и когнитивные (концептуальные), позволяющие языковому субъекту новую мысль представить в виде другой, известной мысли [5, с. 99–100].

Когнитивные метафоры, в отличие от языковых, являются более информативными, то есть они несут самостоятельный смысл [13, с. 24].

По мнению О. Ю. Буйновой, когнитивная метафора, будучи инструментом познания, в области научной терминологии имеет отношение к критерию истинности [6, с. 60], поэтому использование метафоры в качестве термина не является случайным, а представляет собой проявление согласованной работы систем, в рамках которых ословливается и понимается опыт взаимодействия с окружающим миром [12, с. 54–55].

Когнитивная метафора несёт в себе эмоциональную оценку номинируемого явления, сокращая её при этом до уровня одного слова, что делает её важным средством языковой компрессии, так как при минимуме лексических средств даётся полная оценка соответствующей реалии [3, с. 6].

Таким образом, современная когнитивная лингвистика признаёт метафору одним из важнейших источников формирования терминологии, поскольку именно она играет узловую роль, неся в когнитивных моделях огромные смысловые нагрузки, так как инновации в лексике совершенно необходимы для выражения новых понятий и формулировок новых концепций [22].

По утверждению М. Минского, метафора способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой [19], позволяющей сделать доступными для понимания те явления жизни, которые трудны для восприятия в силу своей абстрактной сущности [11, с. 64].

Однако для осознания мотивированности метафоричных единиц требуются определённые фоновые знания [24, с. 13], энциклопедические и культурно обусловленные, активизирующиеся в памяти говорящих в процессе осознания мотивированности метафор при актуализации имплицитных концептуальных структур, входящих в их значения [15, с. 60].

Подобные языковые единицы Е. В. Розен относит к аллюзивной лексике, так как их значение может быть понятно только в результате когнитивной операции возвращения к исходному контексту с последующим поиском аналогии с новой ситуацией. В этом случае между словом и его новым образным значением устанавливается сложная когнитивная связь [21, с. 62–67].

Таким образом, для осознания мотивированности термина-метафоры требуется определённый интеллектуальный уровень.

Обобщая мнения современных учёных, мы можем констатировать, что процесс терминологической метафоризации является закономерным явлением и занимает важное место в формировании терминосистем предметно-специальных языков при необходимости ословливания ранее не номинированных понятий. Более того, существует мнение, что в ходе дальнейшего развития науки, техники и новых видов деятельности человека распространённость метафорического номинирования новых объектов и процессов будет возрастать за счёт всё более широкого проведения аналогии между объектами и системами разных семантических областей [22].

Библиографический список

1. Абакумов Г. А. О некоторых закономерностях в развитии процессов метафоризации // Язык. История. Культура : сб. науч. тр., посвящённых 50-летию Кемеровского гос. ун-та и 25-летию юбилею каф. истор. языкозн. и славянских языков Кемер. ГУ / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2003. – С. 82.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
3. Банина Е. Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры (на мат-ле совр. англ. языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2001. – 20 с.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Концептуальная модель значения идиомы // Когнитивные аспекты лексики. Немецкий яз. : сб. науч. тр. – Тверь, 1991. – С. 3–13.
5. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте : учеб. пособие. – Калининград : Изд-во КГУ, 2002. – 157 с.
6. Буйнова О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профе. В. Г. Гака. – Дубна : Феникс+, 2001. – С. 49–65.
7. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте : сб. науч. ст. – М., 1988. – С. 11–25.
8. Галяутдинова Р. М. Субстантивные фразеологические единицы метафорического характера в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 20 с.
9. Глазунова О. И. Метафорические структуры в процессе логического познания // Язык. История. Культура : сб. науч. тр., посвящённых 50-летию Кемеровского гос. ун-та и 25-летию юбилею каф. истор. языкозн. и славянских языков Кемер. ГУ / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2003. – С. 96.
10. Ефимкина Р. П., Горлова М. Ф. Развитие метафоры в групповом процессе. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/metaphor/htm>
11. Зимица М. В. Концептуальная метафора в сфере политики // Филологический сборник. – Кемерово : Комплекс «ГРАФИКА», 2002. – Вып. 2. – С. 59–65.
12. Ивина Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учеб.-метод. пособие. – М. : Академический Проект, 2003. – 304 с. – («Gaudeamus»).
13. Кузнецова Н. В. Особенности функционирования и перевода метафоры в научном тексте // Филологический сборник / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2000. – С. 24.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126–170.
15. Липилина Л. А. Когнитивное значение мотивированности метафор (на материале новых существительных, появившихся в английском языке за последние три десятилетия) // Исследования в области когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / Калининградский ун-т. – Калининград, 2000. – С. 52–65.
16. Липилина Л. А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
17. Макарова Н. В., Осташева Л. П. О сравнении как средстве познания // Язык, познание, культура на современном этапе развития общества : мат-лы Всерос. науч. конф., посвящённой Европейскому Году Языков и 70-летию СГАП. – Саратов : СГАП, 2001. – С. 149–152.
18. Мерзлякова А. Х. Типология адективной метафоры // Лингвистические исследования. К 75-летию проф. В. Г. Гака. – Дубна : Феникс+, 2001. – С. 104–116.

19. Минский М. Фреймы для предоставления знаний. URL: <http://shtz.shadrinsk.net/source/Minsky/prj/rus.htm>
20. Павлова М. Метафоры и когнитивные науки. – <http://www.nlpcenter.ru/magazine\3\pavlova.htm>
21. Розен Е. В. Когнитивные свойства лексической аллюзии // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь : ТГУ, 1991. – С. 62–67.
22. Седов А. Е. Логика и история науки, запечатлённые в метафорах её языка: количественный и структурный анализ профессиональных терминов и высказываний генетики. URL: http://www/icg/bionet.nsc.ru/vogis/win/9/9_3.html
23. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26–52.
24. Шайхутдинова Х. А. Когнитивное значение мотивированности метафорических инноваций // Когнитивные аспекты лексики : сб. науч. ст. – Тверь, 1991. – С. 92–98.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ»

О. Г. Цыганская
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Summary. We review the interpretation of the notion «concept». It is presented concept typology from the point of view of cognitive linguistic. The comparison of «concept», «meaning» and «sense» is led. It is viewed the notion «syntactic concept».

Key words: concept; meaning; sense; notion; syntactic concept.

Одним из ключевых направлений в области когнитивной лингвистики является исследование природы концепта. Однако нет однозначного определения, что есть концепт. Первые случаи употребления данного термина встречаются ещё в 70-е гг. в работах И. А. Мельчука, Р. Шенка и др., но данный термин интерпретировался как «смысловые элементы» или как «понятие» [12; 19]. Широкое использование термина «концепт» начинается в 80-е годы с переводов англоязычных авторов (Chafe, R. Jackendoff, G. Lakoff, R. Langacker). Именно в переводных текстах регулярно появляются такие словосочетания, как «концептуальные сущности», «концептуализация» и т. п. Поскольку концепт категория мыслительная, ненаблюдаемая, в дефинициях термина «концепт» разных авторов наблюдается некоторое расхождение. Это отражено в определении, данном С. А. Аскольдовым-Алексеевым, где «концепт – мысленное образование, замещающее в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [2]. Д. С. Лихачёв вкладывает в значение термина более широкое, чем лексическое значение слова, содержание, связывая его ещё и с личным жизненным опытом говорящего. Он даёт следующее определение: «Концепт есть мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [11]. Н. Д. Арутюнова даёт иную трактовку концепта, рассматривая его как философское понятие, возникающее «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей». Она пишет, что «логику и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как «значение», «смысл», «обозначение»: логик под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений (концепт, сигнификат)» [1]. В своём «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанов понимает концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [16]. По словам А. Соломоника, «концепты отличаются от других слов двумя признаками: во-первых, они определяются более жёсткими, чем понятия, способами, а во-вторых, они разделяют всё «понятийное пространство» (поле) между связанными по смыслу концептами на возможно более точные и взаимодействующие между собой слои или объёмы» [17]. Концепты могут относиться и к отдельным разделам науки, и к

цельному корпусу знаний. В. В. Колесов истолковывает концепт как «сущность, явленную в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе» [9]. Также концепт определяется как единица, существующая в сознании человека. Это видно из определения А. А. Залевской: «Концепт – это объективно существующее в сознании человека чувственно воспринимаемое и переживаемое познание (знание) динамического характера в отличие от понятий и значений – продуктов научного описания (конструктов)» [7]. Е. С. Кубрякова даёт следующее определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [10]. По мнению В. И. Карасика, концепты – это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны», «фрагмент жизненного опыта человека», «переживаемая информация», «квант переживаемого знания» [8; 12]. У С. Г. Воркачева концепт – это «операционная единица мысли», «единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [6]. Из всего многообразия определений можно сделать вывод, что термин «концепт» рассматривается с лингвистической и лингвокультурологической точки зрения в широком и узком смысле слова. В узком понимании «концепт» приравнивается к понятийному компоненту значения слова, называемому разными исследователями по-разному: денотат, десигнат, сигнификат, лексическое понятие, референт; в широком – термин «концепт» используется в связи с когнитивным подходом в лингвистике. В таком понимании «концепт» трактуется как «разносубстратная единица оперативного сознания» [18]. Необходимо также выделить тот факт, что «никакой концепт не выражается в речи полностью». Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин приводят следующие доводы [15]:

- 1) концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств выражения;
- 2) концепт не имеет жёсткой структуры, он объёмен и поэтому не может быть выражен полностью;
- 3) невозможно зафиксировать все выражения концепта [15].

Концепт – это ментальная структура, не существующая вне мышления и, следовательно, являющаяся когнитивной по своему статусу. Концепты подразделяются на конкретные, абстрактные, индивидуальные, групповые, вплоть до транскультуральных универсалий.

В когнитивной науке разработана следующая типология концептов:

- 1) мыслительные картинки – гештальты;
- 2) схемы;
- 3) гиперонимы;
- 4) фреймы;
- 5) инсайты;
- 6) сценарии;
- 7) калейдоскопические концепты [4].

Концепты различных областей связаны друг с другом, следовательно, могут образовывать крупные структурные организации концептов, которые Д. С. Лихачёв называет «концептосферой» [11]. Концептосфера языка соотносится с понятием концептосферы культуры. Концепты накапливают коллективное сознание, выступая в качестве дискретной единицы, «которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [3]. Из сказанного следует, что в концептах хранится не только индивидуальное знание и опыт, но и знание, общее для всего данного лингвистического сообщества; они – «в некотором роде «коллективное бессознательное» современного... общества» [16].

Концепт приобретает выражение в речи с помощью языковых средств, но вербализируется он не всегда. В языке концепт представлен лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, предложениями, текстами [5], и в зависимости от способа вер-

бализации выделяются лексический, фразеологический, синтаксический и морфологический концепты.

При этом было бы не совсем корректно переносить на синтаксические концепты представления о понятийных концептах. Если представлять синтаксический концепт как основу пропозиции, то мы автоматически наполняем её понятийным содержанием, которое связано с возможной синтаксической структурой, но не определяет её. Если положить в основу синтаксического концепта не элементы, формирующие пропозицию, а систему их связей и отношений, то такая его интерпретация хорошо укладывается в представление о глубинной структуре языка. В этом случае содержанием синтаксического концепта являются когнитивные позиции, которые могут быть заполнены ментальными репрезентациями определённых типов, и система связей и отношений между этими позициями. Если рассматривать «бытийный синтаксический концепт», то он может быть представлен в виде позиции предикцируемого концепта, позиции предикцирующего концепта и отношений предикации между ними. Позиции предикцируемого концепта могут быть заполнены любой ментальной репрезентацией статического фрагмента картины мира, которая в результате номинации может вербализироваться в синтаксему первого актанта. Позиция предикцирующего концепта предусматривает заполнение ментальной репрезентации признакового типа, которая может быть вербализована предикативной синтаксемой. Эти две позиции функционируют как единая динамическая структура, в которой совершаются процессы объединения этих когнитивных позиций, в результате чего предикцируемой ментальной репрезентации присваивается предикцирующее свойство, а в глубинной структуре языка образуется элементарная пропозиция. Логическое отношение, которое выявляется в синтаксической структуре и указывает на характер пропозиции, является прямой проекцией когнитивных отношений между формирующими понятийными концептами, а вся эта когнитивная модель и представляет собой синтаксический концепт. Минимальные синтаксические концепты выражаются пропозициями, но возможны и концепты более сложной структуры, которые репрезентируются несколькими пропозициями, и синтаксические концепты, отражающие когнитивные процедуры непредикцирующего типа. О характере простых синтаксических концептов можно судить по характеру пропозиции, а о характере сложных – по моделям взаимодействия пропозиций в сложных синтаксических структурах. При этом количество когнитивных операций, реализующих связи и отношения между элементами картины мира, сравнительно невелико. Эти операции универсальны, и поэтому они имеют своё основное выражение в грамматике языка в виде грамматических связей и отношений.

Из всего вышесказанного следует, что содержанием синтаксического концепта является не столько пропозиция, сколько та система связей и отношений, которая является инвариантной для данного взаимодействия понятийных концептов.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – С. 5–40.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267–279.
3. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 53.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
5. Булынина М. М. ДВИЖЕНИЕ – МЫСЛЬ – СЛОВО // Вестник ВГУ. – 2004. – № 1. – С. 185–193. – (Сер. Гуманитарные науки).
6. Воркачёв С. Счастье как лингвокультурологический концепт : моногр. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.
7. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 39.
8. Карасик И. В. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. – М. : Перемена, 2004. – 187 с.
9. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 26 с.
10. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – С. 90–92.
11. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. – СПб. : Блиц, 1999. – С. 147–165.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М. : Флинта, 2004. – С. 59–296.
13. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». – М. : Наука, 1974. – 346 с.
14. Орлова Е. А. Место и структура концепта в современной лингвистике. URL: <http://nsportal.ru>

15. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж : Изд -во Воронеж. ун-та, 2000. – С. 29–30.
16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 9–67.
17. Соломоник А. Б. Теория общей семиотики и её практическое применение. URL: <http://nounivers.narod.ru/pub/open.htm#sol>
18. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – 1988. – № 1. – С. 108–140.
19. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. – М. : Энергия, 1980. – 360 с.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА СИМВОЛИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

А. Ю. Тимонина
Мариупольский государственный университет,
г. Мариуполь, Украина

Summary. The given article is devoted to the study of metaphor as means of expressing symbolic meaning of the word. Taking into consideration the fact that symbol can be correlated with the trope, the analysis of theoretical literature was held with the aim to generalize different approaches to define how metaphor influences the process of symbolisation. Traditional folklore symbols are investigated in the article.

Key words: symbol; metaphor; trope; symbolic meaning of the word.

Известно, что в разных культурах существуют различные системы символов, в которых каждому символу присуще определённое значение. То, каким образом происходит формирование этого значения, интересует многих лингвистов, наиболее значимы исследования таких учёных, как Н. Костомаров, С. Лангер, А. Лосев, Ф. Сологуб, Ц. Тодоров, В. Шелестюк и т. д. В рамках нашего исследования актуальным становится вопрос о том, каким образом метафора влияет на создание символического значения слова. В данной статье рассмотрим существующие подходы к определению термина «символ» и на примерах традиционных фольклорных символов проанализируем роль метафоры в процессе символизации.

По мнению А. Лосева, к символу относится то, что не является прямой данностью вещи, но выступает как порождающий принцип [3]. Обладая символом вещи, мы обладаем бесконечным количеством различных её отражений, способных «выразить» эту вещь с любой точностью. Н. Костомаров исследовал вопросы происхождения и эволюции символики как образного отражения народного духа, народного мышления и дал такую дефиницию: символ – это образное выражение нравственных идей через физическую природу, причём этим предметам предоставляется более или менее определённое духовное свойство. Вслед за В. Шелестюк под языковым символом мы понимаем «многозначный конвенциональный мотивированный знак, первичное и вторичное значение в котором объединяются под общим обозначающим» [8, с. 5]. Символ – это понятие, которое фиксирует способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальное содержание, которое отличается от их действительного телесного бытия.

Символ основывается на переносе значения, но для тропа такой перенос может быть только индивидуально-авторским. Как тропу, так и символу характерна ассоциативность, но в символе она опирается на прошлый опыт. Тропы характеризуются наличием авторских ассоциаций, поэтому они не всегда понятны читателю. Таким образом, «символ может быть тропом, но не всякий троп является символом» [4, с. 12]. Ц. Тодоров считает аллегорию, метафору и метонимию единственным средством реализации символа [7, с. 54]. Опровергая непостижимость символических связей, он отмечает, что кажущееся отсутствие тропов в символе лишь свидетельствует об их присутствии.

Основным социально-психологическим механизмом актуализации этнокультурного потенциала личности является символизация, т. е. трансформация индивидуальных метафор в символы. Символизация охватывает процесс эмоционально-интуитивного восприятия индивидом созданной предшествующими поколениями об-разной информации [9].

Условиями символизации выступают ограниченность, закономерность соединения и равноценность соединяющихся составных частей. О третьем условии говорит Ф. Сологуб в своих статьях: «самодостаточной же ценности не имеет ни один из предметов действительности» [6, с. 172–173]. Переход образа в символ придаёт ему смысловую глубину и смысловую перспективу. Образ должен быть понят как то, что он есть, и как то, что он означает.

По мнению С. Лангера, любая символика содержит два элемента – контекст и новизну (вербальную или психологическую). Новизна – это то, что автор стремится подчеркнуть, или то, что он особенно предпочитает отобразить. Для этого он воспользуется любым словом, которое покажется ему уместным. Оно может быть или точным, или неопределённым, или даже только изобретённым; контекст, в который автор спонтанно вводит эту языковую метафору, модифицирует её и обнаруживает именно то, что она означает в действительности [2].

О глубинной связи символики с метафорикой свидетельствуют фольклорное наследие (истории, легенды, песни) и бытовые народные традиции (обряды, декоративно-прикладное искусство), которые богаты персонифицированными значениями (*лебеди* (верность), *берёза* (нежность, женственность), *лилия* (чистота). Закоренелые в культурном слое образы служат берегами глубинных смыслов этничности, духовного единства группы. Для Украины такими были и есть образы калины, соловья, ивы, тополя, степи [5, с. 62; 6, с. 14].

Как известно, метафора – одно из основных средств познания объектов действительности, их наименования, синтезирования художественных образов и порождения новых значений. Принятие как буквальной, так и поэтической формулировки любой идеи производится в процессе постижения метафор и превращения их в символы. Путаница формы и содержания, которая характеризует символотворчество, приводит к расстройству упорядоченного дискурсивного разума, но это на данном этапе является оправданным и необходимым. Трансформация метафор в символы позволяет открыть мифологическое пространство, в котором человек может более глубоко познать своё «Я», считает С. Лангер, символ – это образ, который является обобщённым воплощением, представителем других (как правило, многообразных) образов, явлений, отношений или понятий. Заметим, что следует уделить особое внимание символам, которые способны обозначать вещи и явления, как инструментам постижения и запоминания этих вещей и явлений. «Символические образы – готовые инструменты для вычленения понятий из потока впечатлений. Они создают первичные абстракции, являются спонтанными воплощениями общих идей» [2, с. 131].

Однако отличие символа и метафоры связано со спецификой формирования и функционирования в речи. Так Н. Арутюнова указывает на то, что «если переход от образа к метафоре вызван семантическими (т. е. внутриязыковыми) потребностями, то переход к символу зачастую определяется факторами экстралингвистического порядка» [1, с. 25]. При этом метафора, считает исследовательница, выполняет характеризующую (предикативную) функцию. Следует отметить, что метафору обычно относят к конкретному субъекту, и это удерживает её в пределах значений, прямо или косвенно связанных с действительностью. Символ, наоборот, легко преодолевает «притяжение», в свою очередь, у метафоры другая, более «земная» задача [1, с. 25]. Она призвана создать такой образ объекта, который раскрыл бы его латентную сущность. Метафора углубляет понимание реальности, символ ведёт за её пределы. Так, например, в основе поэтических символов «утка», «перепёлка» находится образ девушки, в одной народной песне возникает такая метафорическая картина: «А я улицею – // Серой утицею, // Через черную грязь – // Перепелицею, // На высок терем взойду // Красной девицею.» Вот другой пример созданной на символических представлениях метафорической картины свадебной песни: «Ты, заря моя, зорюшка, // Ранняя заря, утренняя! // Молодая княгиня, ой, Марья, // Обошла горы зарею, // Ударила в ворота тучей – // пролила сильный дождь по двору. // Сама поплыла лебедью, // Лебедушкой белою. // Прилетела соколушкой ясной, // Садилась за стол с соколом». В данной песне невеста представлена с помощью символов «заря», «туча», «лебедь», «соколушка», а жених – «сокол», этот символ воплощает в себе образ красивого, смелого, честолюбивого мужчины.

Символы, основанные на метафорическом переносе довольно многочисленны, приведём ещё один пример: «*Ой ты, зимушка-зима, // Непогожая была, // Все метелица мела! // Замела пути-дорожки – // Нельзя к милому пойтить*». В данной народной песне «метель» является символом опасности и преграды на пути у двух влюблённых, невозможности быть вместе. Таким образом, на основе проведённого исследования можно утверждать, что метафора действительно является средством символизации окружающей действительности.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. – М., 1990. – С. 1–45.
2. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. – М. : Республика, 2000. – 287 с.
3. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
4. Новикова М. А., Шама И. Символика в художественном тексте: символика пространства. – Запорожье : Вергил, 1996. – 231 с.
5. Павлюк Л. С. Знак. Символ. Міф у масовій комунікації : посібник. – Л. : ПАІС, 2006. – 120 с.
6. Сологуб Ф. Творимая легенда. – М. : Худ. лит., 1991. – С. 172–173.
7. Тодоров Ц. Теория символа. – М., 1998. – 427 с.
8. Шелестюк Е. В. Семантика художественного образа и символа. – М., 1998.
9. Яремчук О. В. Індивідуальна авторська міфотворчість як самоініціація суб'єкта в культурі // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави : зб. наук. праць. Вип. 9. – К., 2009. – С. 261–270.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Н. А. Левченко

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь

Summary. This article stresses the importance of metaphor study in the process of foreign language acquisition due to its cultural value.

Key words: metaphor; metaphorical model; conceptual metaphor; discourse; cross-cultural understanding; cultural awareness.

В процессе овладения иностранным языком происходит не только усвоение определённых фонетических, грамматических, лексических знаний, но и формирование культурологической компетенции, способности понимать ментальность носителей другого языка. Одновременно с изучением языка необходимо познавать и культуру его народа – знакомиться с традициями, психологией, бытом страны.

Всё большее признание получает мысль о необходимости изучения и применения концептуальной метафоры как инструмента познания и метода научного исследования в методике обучения иностранным языкам, в частности в курсе английского языка для специальных целей и экономического перевода. Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создаёт при помощи метафор тот мир, в котором он живёт [1]. Таким образом, факты языка рассматриваются в лингвострановедческом ключе, в их связи с культурой, языковой картиной мира.

По мнению В. Н. Телия, «описать технику метафоры, т. е. то, как она организует новое значение, – значит описать метафору как модель, аналогичную словообразовательным и синтаксическим моделям» [2, с. 9]. Концептуальная метафора – это базовая ментальная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений [1, с. 43]. Национально-культурная специфика языковых метафор заключена во внутренней форме данных единиц и их образном значении.

Экономический дискурс представляет собой лингвокогнитивный феномен, детерминированный определённой социальной деятельностью, специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность.

В английском языке наиболее регулярно метафорически именуется стратегии, дающие предприятию возможность выжить, занять свою нишу и противостоять конкуренции в условиях глобализации рынка, например: *harvesting strategy* 'способ ведения дел в бизнесе, который позволяет получить максимум прибыли при минимуме расходов'; *go downmarket* 'перейти к производству более дешёвых товаров и услуг'; *homeshoring* 'политика компании за счёт перевода производства не в страны Третьего мира с дешёвой рабочей силой, а в сельскую местность своей страны, а также за счёт улучшения качества обслуживания'). Интересными с лингвострановедческой точки зрения являются следующие метафоры: *large-cap* 'акции крупной компании'; *golden handcuffs* 'выплаты и бонусы, используемые для удержания сотрудника в компании'; *blue chips* 'акции какого-либо предприятия с большими активами, обладающие наибольшей стоимостью'; *blocked units* 'акции, подаренные или выданные в качестве вознаграждения сотрудникам предприятия'.

Цель лингвострановедческой работы с образной лексикой на занятиях по иностранному языку состоит в том, чтобы были преодолены трудности восприятия учащимися специфических для иностранной культуры явлений.

Таким образом, каждое конкретное метафорическое словоупотребление отражает индивидуальные представления отдельного говорящего, но в результате анализа множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить метафорические модели – своего рода типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на основе концептуальной организации сферы-источника.

Библиографический список

1. Мишанкина Н. А. Метафорические модели лингвистического дискурса // Вестник ТГУ. – 2009. – № 324. – С. 41–49.
2. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА ПУТЬ / ДОРОГА ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Е. Беспалова

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The paper deals with the description of diffusion contents of the concept «way / road» in Russian conceptual system. Difference in the lexical meanings of the words «way» and «road» in Russian dictionaries are considered.

Key words: concept; conceptual system; lexical meaning; dictionary.

В системе русского языка лексические значения слов *путь* и *дорога* по данным лексикографических источников являются почти тождественными. Это проявляется, прежде всего, в структурном и семантическом параллелизме дефиниций отмеченных слов в толковых словарях русского языка. Часто толкование одного из этих слов даётся через отсылку к толкованию другого, что обусловило активное использование составителями словарей идентифицирующего или синонимического способов толкования, например:

Дорога. 1. Полоса земли, служащая для езды и ходьбы.

Путь. 1. Полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); *дорога* [БАС].

Путь. 1. То же, что *дорога* (в 1 знач.) [ТС].

Остальные лексико-семантические варианты слов *путь* и *дорога* также являются общими для указанных лексем, и этот параллелизм подчёркивает их семантическую близость (приведём толкования из БАС):

Дорога. 2. *Направление*, путь следования.

Путь. 3. Линия движения в какую-либо сторону, к какому-либо месту (обычно заранее определённого, намеченному), *направление*.

Дорога. 3. и **Путь. 4.** Процесс езды, передвижения; поездка, путешествие.

Примечателен тот факт, что лексическое значение, которое присутствует в толковании слова *путь* в БАС и отсутствует в словарной дефиниции *дороги*: «**Путь. 2.** Место, по которому можно или нужно пройти, проехать; проход», можно найти в словарной статье в ТС, но не как лексическое значение слова *путь*, а наоборот, слова *дорога*: «**Дорога. 2.** Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования».

Наличие тождественных лексико-семантических вариантов в структуре данных полисемантов связано и с изоморфизмом их сочетаемости, например: «Преграждать кому-л. *дорогу* (*путь*), стоять, встать на чьей-л. *дороге* (на чьём-л. *пути*), становиться поперёк *дороги* (*пути*) и т. п. – препятствовать кому в чём-л., мешать» [БАС].

Приведённый краткий анализ дефиниций слов *путь* и *дорога* не ставит своей целью показать недостаточное разведение сходных понятий в лексикографической практике, а, наоборот, указывает на трудность определения их места в лексической системе русского языка и, как следствие, в языковом сознании носителей русского языка. Это подтверждается и данными ассоциативных экспериментов:

Путь: дорога 89; домой 38; длинный 31; далёкий 25; дальний 16; в никуда 10; жизни, жизнь 4; в горы, в даль, в жизнь 2 и т. д. [РАС-1].

Дорога: дальняя 15; длинная 9; домой 6; в никуда; долгая 4; в даль, к дому, в жизнь 2; в горы 1 [РАС-3].

Основой для разведения значений слов *путь* и *дорога* в БАС служит наличие переносного значения у слова *путь*: «**Путь. 6.** *Перен.* Средство, способ достижения чего-либо, образ действия». Но как контраргумент здесь можно привести толкования из словарей, в которых это значение отмечается и у слова *дорога*:

Дорога. 4. *перен.* Образ действий, направление деятельности [ТС].

Дорога. также *путь* в переносном значении средство, способ достижения чего-либо; род жизни, образ мыслей, дела и поступки человека и пр. [2].

Некоторые словари демонстрируют полную взаимозаменяемость этих понятий, например, «Словарь синонимов» под ред. З. Е. Александровой [8], а также «Лексическая основа русского языка» [3]. В «Словаре синонимов» под ред. А. П. Евгеньевой отмечается, что слова *путь* и *дорога* совпадают почти во всех значениях: «Различия между ними заключаются в очень тонких оттенках, основанных главным образом на том, что слово **дорога** имеет конкретное (предметное) значение, а **путь** – более общий и отвлечённый характер» (слов. статья **Дорога, путь**) [7].

Разведение понятий *путь* и *дорога* на концептуальном уровне проводится в исторических словарях. Этимологически значения данных лексем отличались значительно больше друг от друга, чем это можно видеть в современном русском языке:

Дорога, словен. *draga* «овраг, лощина», в-луж. *droha* «след, дорога, улица», н-луж. *droga* «улица». // Из и.-е. **dogh-*; связано с *дёргать* и означает «*продранное в лесу пространство*».

Путь. // Праслав. *potь родственно др.-инд. *panthas* м. «тропа, дорога, путь», лат. *pons*, род. п. *pontis* м. «мост, тропинка», греч. *πότος* м. «море, путь по морю», арм. *hug* «брод», а также греч. *латос* м. «тропа» (*pntos). (...) [Элементы древнего значения и.-е. **ront-* «преодоление; дорога, изобилующая опасностями» можно указать в русск. *путик* «дорога охотника, обходящего свои ловушки», *путина* «рыбная компания». – Трубочёв О. Н.] [11].

Из приведённых выше словарных статей следует, что изначально значение слова *путь* было гораздо шире значения слова *дорога* во многих родственных языках. Так, концепт *дорога* больше был связан с выражением идеи пространственных отношений, обустроивающим освоением мира человеком (ср. наличие у некоторых родственных слов значения «улица»), а в концепте *путь* происходит расширение его содержания: в и.-е. языке подчёркивается трудность и опасность пути для человека, а в

значениях родственных слов присутствуют компоненты «путь по воде, морю», что закрепляет концепт *путь* за областью морских путешествий как одной из опасных для человека в древнем мире.

В древнерусском языке также можно видеть наличие у слова *путь* более широкого значения:

Дорога – *путь*: – А Половци неготовами дорогами побъгоша къ Дону великому. *Слово о полку Игореве*.

Пѣть – дорога, путь; проезжая или ходовая; свобода проезда и прохода, право на проезд или проход; дорога, путешествие; поход; направление, путь (в образных выражениях); и др. [10].

Составители «Словаря эпитетов русского языка» разводят значения этих двух слов на основании их сочетаемости с разными ЛСГ атрибутов. В дефиниции слова *дорога* подчёркивается возможность (и значимость!) сочетаемости данной лексемы с прилагательными, характеризующими качество дороги: «о ширине, наличии или отсутствии изгибов, о состоянии проезжей части: змеистая, петлистая, прямая, ровная, узкая, широкая; битая, вязкая, изъезженная, колеистая, кочковатая и пр.» [1]. Обе лексемы *путь* и *дорога* связаны с выражением идеи направленного перемещения кого-, чего-либо в пространстве, но в зависимости от типа контекста они могут обозначать более конкретное представление (в ситуации перемещения в реальном физическом пространстве), а могут приобретать более расширительное значение (например, в контекстах экзистенциального содержания жизненного пути человека и др.).

Таким образом, можно предположить, что для современного носителя русского языка концепты *путь* и *дорога* не обладают своей собственной концептуальной значимостью и выступают как один нерасчлененный диффузный концепт (см. об этом также [4]). Смысловым ступком этого концепта будет выражение моделей перемещения в пространстве (как реальном, так и ирреальном) агенса действия, а выбор имени будет зависеть от интенций самого автора или задаваться определённым контекстом.

Библиографический список

1. Горбачевич К. С., Хабло Е. Г. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л., 1979.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Репр. воспр. изд. 1955 г. – М., 1998.
3. Лексическая основа русского языка : комплексн. учеб. словарь. / под ред. В. В. Морковкина. – М., 1984.
4. Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова. – М., 1997. – С. 360–373.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М., 1999 (ТС).
6. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6. – М., 1994–1998 (РАС).
7. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л., 1970–1971.
8. Словарь синонимов русского языка / под ред. З. Е. Александровой. – 4-е изд. – М., 1975.
9. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Институт рус. яз. В 17 т. – М., 1948–1965 (БАС).
10. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. – М., 1989.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – 3-е изд., стер. – СПб., 1996.

ЛЕКСЕМА BLACKMAIL: ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП АССОЦИАЦИИ

Т. В. Иванова

Иркутский государственный лингвистический университет,
г. Иркутск, Россия

Summary. This article observes the lexeme Blackmail and its derivatives in modern English. The research indicates the inseparable connection of derivative processes with socio-cultural and economic phenomena.

Key words: lexeme; derivative; blackmail; whitemail; greenmail; pinkmail.

Greenmail is, quite logically,
blackmail of a different color.

David Wild

«Нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определённой информации» [1, с. 3]. Являясь разделом семиотики, семантика занимается вопросом отношения знака к их объектам. Содержание языковых знаков носит кумулятивный характер, то есть складывается из накопленной ранее информации, и наиболее типичным языковым знаком является слово. Обозначаемое одних словесных знаков представляет собой схематичное отражение элементов опыта человека: факторов и явлений окружающего его мира, формируя значение так называемых характеризующих знаков, представленных полнозначными словами. Обозначаемое других знаков (местоимений, предлогов, союзов и др.) составляет информация о внутренних отношениях между самими знаками, о связях различных предметов мысли в рамках сложных языковых знаков – в высказываниях. Как отмечал А. Р. Лурия, во время развития слово «вплетено в ситуацию, жест, мимику, интонацию и только в этих условиях приобретает свою предметную отнесённость» [6, с. 69]. Б. Гаспаров отмечал, что любой языковой «продукт» не бывает конечным. Он существует для говорящего и слушающего в среде ассоциаций, интеллектуальных и эмоциональных реакций, оценок или предвосхищения того, как будет развиваться ситуация, и т. д. [2].

В настоящее время многие лингвистические исследования, связанные с семантикой, имеют дело с компонентным анализом. Датский учёный Л. Ельмслев считал, что существует возможность разложения содержательной стороны знака – его значения – на элементарные компоненты. Задача учёного состоит в определении «семантических маркеров» и «различителей» знаков [7]. Учёный Г. Фреге постулировал, что значение комплексного знака есть комплексное значение его составляющих и отношения между ними, т. е. семантика любого комплексного знака может быть описана, как результат соединения знаков с определённой семантикой в определённом порядке. Композиционность – это не однозначно суммативный процесс, он может сопровождаться частичным или полным переосмыслением, иногда с метафоризацией значения целого (т. е. девиацией). Значение девиации невозможно вывести из значения отдельных его компонентов, поскольку они вступают в сложные семантические отношения. Это связано с тем, по мнению проф. Н. А. Кобриной [3, с. 7], что, попадая в чужую когнитивную область, знак может изменить своё значение в соответствии с когнитивной областью другого знака. Это – экспрессивные единицы языка, которые обладают не только способностью к номинации, но и возможностью давать качественно-оценочные характеристики явлениям объективной действительности. Семантические признаки слов могут быть разной степени абстракции и обобщённости, и для определения общих и отличительных черт часто используется дефиниционный анализ. «Словарная дефиниция рассматривается как разложение смысла слов на его составляющие, а в качестве компонентов значения выступают слова, представляющие определение в словаре того или иного слова» [7, с. 158]. В качестве примера приведём анализ лексикографических источников дефиниции *blackmail*, позволяющий выделить следующие общие черты:

I. Вымогательство денег/выплата денег: any payment (levy) extorted by intimidation [10, p. 47] or accusations [11, p. 125–126]; hush-money [14, p. 108], extorted under threat of exposure often baseless [16, p. 108]; a payment of money for not making known something to harm his or her character [17, p. 64].

II. Угроза распространения компрометирующей информации/угроза нанесения вреда: getting some advantage from people by threatening to tell secret information about them [12, p. 62]; the action of threatening to do something unpleasant to someone for example to reveal a secret about them or to harm them unless they give you money or behave in the way you want them [15, p. 135–136].

III. Совершение преступления: the crime of forcing a person to give you money or do something for you, usually by threatening to make known something which they want to keep secret [22, p. 63].

IV. Введение говорящего в определённое эмоциональное состояние: an attempt to make someone do what you want by making threats or by making them feel guilty if they do not – emotional blackmail [20].

Таким образом, нами выделено четыре компонента знака-лексемы *blackmail*. При рассмотрении знака *blackmail* необходимо отметить наличие смежных с ним понятий: *greenmail*, *whitemail*, *greymail* и *pinkmail*, где мы находим влияние семантического вклада, вносимого компонентами цвета в смысловую структуру знака *blackmail*. Особое означаемое имеют словообразовательные и словоизменительные морфемы, которые реализуют своё значение в комбинации (и противопоставлении) с другими знаками и называются полужнаками. В данном случае таким полужнаком выступает сема *mail*. Лексемы *blackmail*, *whitemail*, *greenmail*, *graymail* образованы путём сложения сем: номинация цвета + сема *mail* (точнее, весь знак *blackmail*) (<OE *mal* «rent, agreement»). В связи с двусторонней природой языкового знака возможны межсловесные ассоциации сложных слов трёх типов: семантические, формальные, и формально-семантические. Последние являются наиболее сильными, так как в этом случае связь осуществляется как в плане выражения, так и в плане содержания, и именно на них базируется внутреннее структурирование слова [4]. Конкретная ассоциация устанавливается между словом и другой единицей словаря, именуемой ассоциантом. Лексема *blackmail* и ее производные *whitemail*, *greenmail*, *graymail* относятся к формально-семантическому типу ассоциации, где словом-ассоциантом является *blackmail*. Анализ дефиниций производных элементов показывает, что сема номинации цвета приводит к изменению значений последних в сторону сужения значения: Шантаж политический – *Greymail* is a tactic used by the defense in a spy trial, involving the threat to expose government secrets unless charges against the defendant are dropped [21]. В данной дефиниции наблюдается сходство компонентов I и III знака *blackmail* (Угроза распространения компрометирующей информации/угроза нанесения вреда и совершение преступления); Шантаж экономический – 1. *Greenmail* or greenmailing is the practice of purchasing enough shares in a firm to threaten a hostile takeover and reselling it to a company at a price above market value [25]; in corporate takeovers a target company's acquisition of its stock from a hostile suitor at a premium to its market value [17, p. 261]. В данной дефиниции наблюдается сходство компонентов I и III знака *blackmail* (вымогательство или выплата денег, совершение преступления); 2. *Whitemail* is a sale of a large amount of stock by a company that is the target of a takeover bid to a friendly party at below-market prices [25]; A tactic to avoid an unwanted takeover attempt in which the company that is the target sells stock to a friendly company at below-market prices. In order for the potential acquirer to prevail, the company will have to buy additional shares of stock in order to take over the company. This will cause the purchase price to rise. *Whitemail* thus makes the takeover less attractive [24]. В данной дефиниции наблюдается сходство компонентов I и III знака *blackmail* (вымогательство или выплата денег, совершение преступления); «Белый» шантаж – *Whitemail* – an attempt to try and trick someone into doing something you want them to do in a polite manner without publicly embarrassing them to make sure a demand is met [23]. В данной дефиниции наблюдается сходство компонента IV знака *blackmail* (введение в определённое эмоциональное состояние); «Розовый» шантаж – *Pinkmail* – An act conducted by a woman using her sexual prowess to manipulate another person by implication of sexual gratification. E. g. Sally pinkmailed Jim into buying her that

\$2,000 necklace [23]. В данной дефиниции наблюдается сходство компонента IV знака blackmail (введение в определённое эмоциональное состояние). Также существуют производные типа whitemail и blackmail, указывающие на использование лексем для указания на расовую принадлежность:

• *Slang for blackmail used by Blacks: G: I will keep your secret if you give me \$100. B: That is whitemail, you know [24];*

• *My son actually got detention for calling a black student a blackmailer [24];*

• *Is «Blackmail» a racist word. Why black and not whitemail? [24].*

Анализ существующих лексем в английском языке указывает на следующее:

1) наблюдается наличие негативной коннотации чёрного цвета в англоязычной культуре (blackmail) ср. *black magic, Black Maria*.

2) изменение семы black на другие семы цветообозначения указывает на попытку шантажирующего скрыть свои истинные намерения в рамках конкретной сферы деятельности. В частности, политической, экономической и т. д. Два этих фактора привели к самостоятельному существованию номинаций и сужению понятия шантаж. Greenmail и Whitemail являются знаками экономической сферы деятельности, Graymail – политической, pinkmail затрагивает интимную сферу жизни.

В цветовой гамме культурной и языковой картины мира, созданной (и непрерывно создаваемой) английским языком, чёрный и белый цвета играют очень важную роль. В них наша отражение и реальная, и культурная картина англоязычного мира [8, с. 95]. Для английского языка характерно соотнесение чёрного цвета с чем-то плохим, а белого – с хорошим [8, с. 97]. Поэтому составные номинативные группы с прилагательным black имеют негативные коннотации, а прилагательное white, как правило, входит в состав номинативных групп, имеющих положительные оттенки значения». Таким образом, имеет место оппозиция знаков blackmail/whitemail на основе значений «угроза распространения компрометирующей информации / угроза как игра без распространения информации». В экономической сфере знак whitemail так же рассматривается как положительное влияние. Номинативное значение семы grey (comp. grey area used to talk about a situation in which something is not clearly a particular thing, so that people are not sure how to deal with it; ср. серый кардинал) – что-то неясное, непонятное [20], что позволяет нам предположить, что именно эта сема при слиянии со знаком blackmail привело к созданию политического термина. Знак greenmail является сложением двух составных частей: полужнака green or greenback (по аналогии с цветом денег)+blackmail [16]. Конституент pink в англоязычной культуре имеет связь с интимной сферой жизни человека (напр., pink pillows). Данные новообразования, особенно whitemail и pinkmail не встречаются в словарных статьях, но активно используются в языке Интернета, и указывают на то, что отношения между словами-цветообозначениями (знаками) вплетены в денотатив знака «шантаж».

«Языковая форма имеет тенденцию адаптироваться к выражаемому ей значению, но не наоборот» [19, р. 4], следовательно, можно предположить, что производные от blackmail появились в конце двадцатого века не случайно, и знак находится под давлением существующих экономической и политической ситуаций, т. е. специфики рыночных отношений современного общества. Компоненты значений blackmail присутствуют во всех производных исходного знака, однако сема цвета «смягчает» значение.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1995. – 472 с.
2. Гаспаров Б. Язык, память, образ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gasp/index.php (дата обращения: 13.02.2013).
3. Кобрин Н. А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов, 2000. – С. 170–175.
4. Комина Е. В. Модели цветообозначений в современном английском языке. – Калинин : КГУ, 1977. – 77 с.
5. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
6. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М. : Наука, 1998. – 302 с.
7. Современный английский язык. Слово и предложение : учебное пособие для студентов пед. вузов и фт-тов иностр. яз. – Иркутск, 1997. – 409 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е изд., дораб. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

9. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
10. AED – The American Everyday Dictionary. – New York : Random House, 1955. – 570 p.
11. ACD – The American College Dictionary. – New York: Random House; Syracuse: L.W. Singer Co., 1962. – 1443 p.
12. ANED – The All Nations English Dictionary. – Colorado : All Nations Literature, 1992. – 825 p.
13. CODCE – The Concise Oxford Dictionary of Current. – 4th edition. – Oxford : Clarendon Press, 1956. – 1536 p.
14. CED – Collins English Dictionary. – London and Glasgow : Collins, 1976. – 1236 p.
15. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. – London : Collins, 1991. – 1703 p.
16. Collins dictionary. – URL : <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/greenmail> (дата обращения 02.04.2012).
17. DBT – Dictionary of Business Terms. – New York : Barron's, 1997. – 695 p.
18. Emotional blackmail. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/e-motional-blackmail> (дата обращения 20.02.2012).
19. Heine, Cognitive foundations of grammar. – Oxford University Press, 1997, 196 p.
20. Ldoceonline. – URL : http://www.ldoceonline.com/dictionary/grey_1 (дата обращения 02.04.2012).
21. Oxforddictionaries. – URL : <http://oxforddictionaries.com/definition/greenmail?region=us> (дата обращения 02.04.2012).
22. OW – Oxford Wordpower. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 794 p.
23. Urbandictionary. – URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=whitemail> (дата обращения 02.04.2012).
24. Yourdictionary. – URL: <http://invest.yourdictionary.com/whitemail> (дата обращения 02.04.2012).
25. Merriam – Webster's Collegiate Dictionary, the Tenth Edition, 2001. – 1558 pp.

THE CONCEPT 'MARRIAGE' IN CONTEMPORARY FEMALE FICTION: THE WAYS OF INTERPRETATION

A. I. Dzubenko
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Summary. The article dwells on the essence and the ways the concept 'marriage' is interpreted in the modern fictional discourse created by English and American female authors.

Key words: perspective; concept; interpretation.

Marriage as the social institution legally proclaiming the rightfulness and propriety of two people living together has centuries-old and chequered history of its development. The attitudes to this phenomenon were and still are nationally, culturally, financially, age-, gender-, etc. determined. We ventured to disclose the essence and the ways of interpretation this concept has from the 'twice female' perspective: the treatment of this concept is given by female protagonists in first-person narrations, that are, in their turn, created by modern women-writers – E. Gilbert, K. Swan and K. Alliot.

Women protagonists in the works of the abovementioned authors are survivors of terrible, even heart-rending stories of their marriages that either were long-lasting (K. Swan's "Christmas at Tiffany's", C. Alliot's "A Married Man") or relatively short-lived (E. Gilbert's "Eat. Pray. Love" or "Committed"). Having come to the end of the relationships (due to their own decisions or tragic circumstances – the death of the spouse) women start ruminating about the married life they had. None of them is emotionally neutral or shallow while describing their marriage experience – they all fall into two distinctly formed groups:

(1) those who have positive emotions after the wedlock and do regret of its nonexistence any more: "I sighed. But no, according to Rozanna, she was lovely. Beautiful, talented, successful and he loved her dearly, as Ned had loved me. I swallowed, and tears of self-pity welled in my nose" [1, p. 80]

(2) those who enjoy freedom and independence gained after the disastrous marriage's breakdown: "Month passed. My life hung in limbo as I waited to be released, waited to see what the terms would be. We were living separately (he had moved into our Manhattan apartment), but nothing was resolved" [2, p. 21]; "We had also learned that marriage is an estate that is very much easier to enter than it is to exit" [3, p. 5].

Marriage is described as something that is surely to be judged by other people in the ambience, thus transferring itself from the matter of the two, the intimate thing into the public one: "Marriage is not an act of private prayer. Instead, it is both a public and a private concern, with real-world consequences" [3, p. 276]. The discussed concept in most cases is

realized through such representations as ‘matrimony’, ‘love’, ‘affection’, ‘happiness’, ‘personal happiness’, ‘passionate love’, ‘fevered love’, ‘parity’, ‘distress’, ‘hard work’; less often we encountered ‘an arranged marriage’, ‘a pragmatic marriage’, ‘an emotional ship’ (about marriage), ‘ambivalence’; rarely the concept is realized through ‘bridal kidnapping’, ‘a loveless marriage’, ‘creaky old boat of matrimony’.

Chequered marriage experience makes the women reshuffle their minds. Thus, they are forced to be extremely persistent in finding the balance between, on the one hand, natural craving for love, passion, mutual devotion addressed to and got from the partner, and, on the other hand, strong feeling of alertness acquired after long years of discontent and – in extreme cases – feeling of futility of their married life: “I don’t believe in anything – fate, destiny, serendipity. Call it what you will. It’s all just sentimentality for justifying the choices we make and choose to live with. I’m not saying I don’t believe in love. I just don’t believe that there’s only one person we’re supposed to live our lives with. I mean, I think we can love various people in our lives – it just comes down to timing and circumstance when you decide to finally quit the search and say, “Okay, I’ll stop with you. You can be The One for me” [4, p. 186]. Entering into the marriage the females in the fictional discourses analyzed expect happiness, contentment, tenderness and affection: “Your husband is to be your best friend, your most intimate confidant, your emotional advisor, your intellectual equal, your comfort in times of sorrow” [3, p. 32].

The analysis showed, that the women-characters of the contemporary English and American female fiction interpret ‘marriage’ as an exact opposite of ‘looseness’ and ‘distress’, but are not guaranteed against ‘lack of certainty’, ‘emotional uncertainties and neuroses’ gained within the marriage bonds. For them “marriage survives precisely because it evolves” [3, p. 71] and exactly through this evolution of the matrimony, as E. Gilbert once put it, a woman understands her own individuality better as her spouse becomes the most gleaming possible mirror through which her emotional individualism is reflected back to the world.

Библиографический список

1. Alliot C. A Married Man. – London.: Headline Book Publishing, 2002. – 567 p.
2. Gilbert E. Eat. Pray. Love. – London.: Penguin Books, 2006. – 445 p.
3. Gilbert E. Committed. – London.: Bloomsbury, 2011. – 297 p.
4. Swan K. Christmas at Tiffany’s. – London.: Pan Books, 2011. – 584 p.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА “FREEDOM” В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. И. Никишина

Бердянский государственный педагогический университет,
г. Бердянск, Запорожская область, Украина

Summary. This article attempts to analyze the basic grammatical means of verbalization the concept FREEDOM in political discourse the UK early XXI century. Identified general methods of objectification of the phenomenon with a view to manipulative effect on the recipient, which is a characteristic feature of the policy.

Key words: discourse; political discourse; concept; vocabulary.

Развитие технологий, науки, процессов мышления непосредственно влияет на речь человека, образывая новые уровни концепта. Значительный интерес представляет вербализация концепта в конкретной речевой деятельности, раскрывающая изучаемое явление с разных сторон и облекающая его новыми оттенками, характерными для определённой сферы. Политика как одно из главных общественных звеньев современности задаёт вектор движения нации, исходя из политической ситуации государства. Демократический режим страны провоцирует усиленное внимание к языку политики, поскольку именно с его помощью происходит агональная борьба, имеющая ожесточённый дискурс.

Глобализация политических процессов, усиление роли политики в жизни нации и каждой личности постепенно начали привлекать внимание к концептам, которыми удачно оперируют и используют политики в своих выступлениях. С изучением различ-

ных аспектов концептов в когнитивной лингвистике (логико-философский (Дж. Кемени, Ч. Пирс, Г. Фреге), собственно философский (Ж. Делез, Ф. Гваттари), лингвистический (В. Гак, В. Звегинцев, Л. Резников, А. Тараненко, П. Чесноков), лингвокультурологической (А. Вежбицкая, Д. Гудков, И. Захарченко, Л. Иванова, В. Иващенко, В. Красных, В. Маслова), когнитивный (В. Демьянков, А. Кубрякова, С. Попова, И. Стернин), психолингвистический (А. Залевская, А. Селиванова, В. Старко, А. Цапок, И. Штерн, Л. Лисиченко) и литературно-культурологический (Л. Грузберг, Л. Иванова, А. Кагановская)) начался новый виток в понимании природы языка как социального образования. Политический дискурс как движущая сила в формировании сознания электората, как направление движения государства неоднократно детально рассматривался в работах учёных разных стран, таких как Р. Водак, Т. ван Дейк, П. Серио, В. Богданов, В. Карасик, Дж. Лакофф, Е. Кубрякова, В. Красных, Л. Крысин, Ю. Сорокин, В. Костомаров и другие. Несмотря на наличие значительного количества специальных исследований и определённых достижений в решении задач теоретического и практического характера, многие аспекты политического дискурса остаются дискуссионными.

Исходя из вышесказанного, обозначим **цель** нашего исследования, а именно – анализ средств вербализации концепта FREEDOM в политическом дискурсе Великобритании. Поставленная цель предполагает выполнение соответствующих **задач**:

- определение основного содержания понятий «политический дискурс» и «концепт»;
- выделение средств вербализации указанного концепта на грамматическом уровне языка;
- определение манипулятивных возможностей использования изучаемого явления.

Объект исследования – концепт FREEDOM в политическом дискурсе Великобритании начала XXI века.

Предмет исследования – грамматические средства вербализации концепта FREEDOM современного британского политического дискурса.

Понятие «дискурс» существует относительно недолго, однако оно отличается многозначностью и многоплановостью. Используя определение дискурса, которое предложила Н. Д. Арутюнова, понимаем дискурс как «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в аспекте определённого события; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [2, с. 136]. Таким образом, политический дискурс рассматриваем как особый вид коммуникативной деятельности, основанной на общественных отношениях в сфере политики, отличающейся агональностью, идеологичностью, разнообразием видов политической деятельности и манипулятивным воздействием на сознание реципиента

И. Ф. Ухванова-Шмигова политический дискурс рассматривает с учётом ряда характеристик, которые объясняют это явление:

- как знак своеобразной знаковой системы, в которой происходит модификация семантики и стандартных речевых действий;
- как специальное использование языка для актуализации определённой ментальности или для реализации особенностей идеологии, предусматривает действие грамматики, лексикона, правил функционирования слов и синтаксиса, а также особую прагматику;
- как форму социального действия, которая находится под влиянием властных структур и исторических процессов;
- как модулятор интересов общества.

Исходя из этих характеристик, политический дискурс объясняем как совокупность речевых образований (устных или письменных), касающихся сферы политики, которые реализуются вербально и невербально, актуализируются в определённом ситуативном контексте и направлены на осуществление конкретной прагматической семантики и достижение определённой социальной цели, а именно овладение властью [5, с. 49].

Руководствуясь определением З. Д. Поповой, И. А. Стернина, концепт определяем как дискретное ментальное образование, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, наделённое относительно упорядоченной внутренней структурой, представляет собой результат когнитивной деятельности личности и общества, включая в себя комплексную, энциклопедическую информацию об отражённом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и её отношении к данному явлению или предмету [4, с. 18].

Грамматические способы вербализации концепта FREEDOM в британском политическом дискурсе преимущественно реализуются в именных формах. Отметим незначительную дифференциацию деривационных способов образования слов, что объясняется сжатым, официальным стилем речи. Выделяем:

1) суффиксальный способ: характеризуется наличием непродуктивных суффиксов **-ation** (для обозначения существительного со значением абстрактности, общего состояния): *liberation*; **-tion (-sion)** (обозначение имени существительного латинского происхождения): *addiction*, *oppression*; **-ism** (обозначение общественного движения, идеологии): *liberalism*. Например: “*You can give a drug addict more money in benefits, but that’s unlikely to help them out of poverty; indeed it could perpetuate their **addiction***” [6];

2) приставочно-суффиксальный способ реализуется в добавлении отрицательной приставки **in-** и абстрактного суффикса **-ence**: *independence*. Например: “*We have to make progress next year to win in 2007, and we have to win in 2007 to move forward to **Independence***” [6];

3) голофразис – “окаzionale функционирование словосочетания или предложения как объединённого образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленного к слову” [1, с. 135]: *tax-free*, *free-entry*, *free-sheets*, *drug-free*, *free-for-all*, *duty-free*, *quota-free*. Приведём пример: “*Their policies would result in a postcode lottery based on “free-for-all” localism rather than genuine empowerment and a future fair for all*” [9, с. 92].

Последний элемент образован при помощи соединения прилагательного *free*, но мы указанные объединения относим к классу существительных, так как они несут в себе единую лексическую нагрузку и соответствуют грамматическим характеристикам существительного.

По нашему мнению, использование прилагательных в текстах на политическую тематику соотносится со спецификой употребления существительных, поскольку форма FREEDOM состоит из составного прилагательного *free*, чем объясняется широкое использование указанной приставки в британском политическом дискурсе. В деривационном плане прослеживаются простые, неосложненные формы создания, основанные на отбрасывании или добавлении приставок. Так, в составе лексем *unemployed*, *undemocratic illiberal* выделяем продуктивные отрицательные приставки латинского происхождения **un-**, **il-**, которые служат словообразовательным формантом антонимического характера. Например: “*It is a shameful commentary on short-term **illiberal** populism that when the Government came to office in May 1997 60,421 men and women were behind bars*” [8]. Отметим, что вербальные репрезентанты концепта FREEDOM в основном выражены лексемой *free*, которая широко применяется в политических текстах. Небольшое количество выделенной части речи объясняется перенесением основной смысловой нагрузки на именные соединения (голофразис).

Объективация концепта FREEDOM в глагольных формах отличается бинарностью явления, поскольку существует факт свободы и явления, которое удерживает, лишает её. Таким образом, глаголы разделяем на два вида: получения свободы (*to relieve to let (in, through, by), to permit, to allow*) и её потери (*to block, to arrest, to bind etc.*): “*Those who think the Conservative Party is somehow relaxed about the future of the Union or would even be **relieved** about its break-up*”; “*To hunt down and **arrest** murderers, escaped convicts*” [7]. В деривационном плане отметим отсутствие специфических способов словообразования, так как именно глаголы в английском языке считаются словообразовательными формантами. Обратим внимание на частое добавление предлогов, местоимений для раскрытия определённого содержания или направления действия. Также глаголы, обозначающие закрытие, пространственное ограничение (*to fence oneself in*), определение границ (*to restrict oneself (to)*), в британском политиче-

ском дискурсе не функционируют, что объясняется наличием обязательного суффикса **-self** с соответствующим местоимением. Такое использование в языке политики страны с демократическим режимом является недопустимым, так как только народ, нация решает судьбу и управляет страной. Таким образом, указание на личную потерю свободы недопустимо для британского дискурса.

Интересным фактом является использование экспрессивных наречий, выражающих повышенную эмоциональную окраску, истинное положение вещей, которое не может подвергаться обсуждению, критике. Такие наречия возникают посредством присоединения к основам существительных, прилагательных формообразующего суффикса **-ly** (*independently, democratically, freely*), например: “*As the director of Business in the Community, she has had her feet firmly on the ground, although she **freely** confesses that one of her hobbies is retail therapy, which we all know is another term for being a shopaholic*” [9].

Анализируя вышесказанное, сделаем вывод, что для британского политического дискурса XXI века характерна объективация концепта FREEDOM при помощи самостоятельных частей речи: имён существительных, прилагательных, глаголов, наречий. Это объясняется деривационной спецификой английского языка, а именно преимущественным образованием отглагольной основы. Синонимические и антонимические ряды широко не представлены, поскольку картина мира англичан отличается краткостью, лаконичностью речи. В деривационном аспекте концепт FREEDOM формируется при помощи приставочно-суффиксального способа, голофразиса и присоединением дополнительных лексем.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. – 7-е изд. / И. В. Арнольд. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Совет. энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Новодранова В. Ф. Процессы редукции в объективации концептов // Язык и действительность : сб. науч. тр. / под. ред. В. Д. Мазо. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – С. 389–392.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
5. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Каузальный анализ политического текста // Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / Белгосуниверситет ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 1998. – Вып. 1. – С. 45–52.
6. Alex Salmond MP. Speech To SNP Conference. – Mon, 27/09/2004. URL: <http://www.snp.org/media-centre/news/2004/sep/alex-salmond-mp-speech-snp-conference> (дата обращения: 16.03.2013).
7. Nick Clegg speech on his vision for the UK in Europe, Thu, 01 Nov 2012. URL: http://www.libdems.org.uk/speeches_detail.aspx?title=Nick_Clegg_speech_on_his_vision_for_the_UK_in_Europe&pPK=5eb7a48e-a3c5-4e9a-a542-5d2c38510a75 (дата обращения: 16.03.2013).
8. The Liberal Democrat Manifesto 2010; The Liberal Democrat Manifesto 2010. URL: http://network.libdems.org.uk/manifesto2010/libdem_manifesto_2010.pdf (дата обращения: 16.03.2013).
9. The Queen's Speech, Wednesday, 6th December 2000. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200001/ldhansrd/v0001206/text/01206-01.htm> (дата обращения: 16.03.2013).

КОНЦЕПТ «РАЗУМ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ф. Г. Фаткуллина, Р. Т. Сираева
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. In this article we consider the phraseological world picture, which reflects a person's mental ability. Idioms are estimated means of expression of mental abilities, which are related not only with mental, but also with behavioural, age and psycho-physical characteristics of a person and reflect the Russians' world-outlook.

Key words: phraseological world picture; concept; idiom; mental ability.

Представления человека об окружающем его мире складываются в процессе его взаимодействия с этим миром, и результатом данного взаимодействия является формирование картины мира в сознании человека. Следует отметить, что картина мира представляет собой не простой набор отражений предметов, процессов, но включает в себя также субъективное мнение человека по отношению к воспринимаемым и отражаемым им предметам. Таким образом, картина мира всегда детерминирована историческим периодом, социальным статусом субъекта и даже его характером [4]. В русской языковой картине мира концепт «разум» представлен значительным количеством пословиц, поговорок, устойчивых выражений, афоризмов, а также множеством художественных произведений классиков русской литературы, в которых довольно часто поднималась проблема разума и безумия («Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова и др.).

Картина мира, выраженная фразеологическими средствами языка и отражающая языковой феномен национально-культурного наследия, является фразеологической картиной мира (ФКМ). ФКМ – это своего рода микромир в языке, который имеет свои специфические черты в плане выражения и в плане содержания; она является универсальной и свойственной всем языкам системой устойчивых вербальных единиц, передающих особенности национального мироведения, формирующегося в процессе коллективного многовекового постижения человеком окружающей его среды. Согласно А. И. Молоткову, сам же фразеологизм следует рассматривать как законченное образование в языке (и по форме и по содержанию), т. е. он представляет собой особую единицу языка, которая выпадает из системы словосочетаний, т. е. из реального многообразия возможных словосочетаний, образованных в живой речи. Тот или иной фразеологизм следует рассматривать как качественное своеобразие его генетического источника [2, с. 33]. Во фразеологизмах запечатлена ценностная картина мира этноса, т. к. они отражают длительный процесс развития культуры того или иного этноса.

В русской языковой картине мира ментальное состояние человека выражает концепт «Разум», который употребляется как обозначение способности человека мыслить вообще (*разум творца, разум исследователя*) и органа мышления: *Разум говорит мне – спорь, а сердце – не надо. Я молчу* (М. Горький. *Лето*). В словаре под редакцией С. А. Кузнецова лексема *разум* имеет следующие значения: 1. познавательная деятельность человека, способность мыслить; ум, интеллект, рассудок. 2. способность рассуждать здраво, находить правильное решение в какой-либо ситуации; рассудок (в отличие от эмоций) [1]. *Ваш разум – это настоящая «фабрика», производящая несчётное количество мыслей в день* (Д. Шварц. *Искусство мыслить масштабно*).

Наиболее частотными репрезентантами данного концепта выступают следующие пословицы и поговорки русского народа: *Наживёмся, кума, – наберёмся ума; Не за бороду, за ум жалуют; Ум золота дороже; Не смотрят на платье, смотрят на разум; Время и случай разум дают; Добрый разум наживёшь не сразу; Птице – крылья, а человеку – разум; Разум силу победит*.

Русская фразеология включает довольно значительное количество единиц, характеризующих ментальное состояние человека, и подразделяется на две зоны: «умный», «глупый». Таким образом, фразеологизмы, отражающие ментальность, выступают в оценочных сочетаниях, т. е. выражают положительную и отрицательную оценку. Согласно определению В. Н. Телия, под оценкой понимается «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства» [3, с. 109]. В русском языке нали-

чие ума, разума или его отсутствие ассоциируется прежде всего с головой или мозгом как вместительным и центром всех умственных способностей и неспособностей человека: *ясная голова, умная голова, светлая голова, сократовский лоб, гениальная башка; пустая голова, бестолковая голова, дубовая голова, еловая голова, дырявая голова, садовая голова, мякинная голова, чугунная голова, баранья голова, куриные мозги, мозги не на месте, дырявая башка, дурья башка, пустая башка, винтика в голове не хватает, голова не варит, с головой не дружить, голова не с того боку затесана*. Про умного человека могут сказать: *ну, ты мозг* или *ну, ты голова*. О неспособности мыслить или решить задачу говорят «у него мозгов на это не хватит». Знакомство с мыслями светлых умов составляет превосходное умное упражнение: оно оплодотворяет ум и изоцряет мысль (Иоганн Готфрид Гердер).

Во фразеологическом словаре под редакцией А. И. Молоткова фразеологизмы, отражающие ментальные способности, дифференцированы по тематическим принципам: *набраться ума-разума, браться за ум, доходить умом, схватиться за ум* (становиться умным, умнеть); *прийти в голову, приходиться на ум, взбрести в голову / на ум* (внезапно появиться, возникнуть, о мысли и идее); *схватиться за голову, ума помраченье* (ужаснуться, сильно удивиться); *наставлять на ум / разум, уму-разуму учить* (давать разумные советы, поучать, учить чему-то хорошему); *быть на уме у кого-либо, напрягать ум, не выходить из ума / головы* (думать о ком-либо, помышлять о чём-либо); *быть в своём уме, с умом* (находиться в нормальном психическом состоянии, основываясь на здравом смысле, делать что-либо); *сводить с ума, вскружить кому-то голову* (сильно пленять, увлекать, очаровать); *сам себе голова, жить своим умом* (совершенно независимый, самостоятельный человек) [5]. *Страшная догадка пришла в голову Мисси: вот, оказывается, зачем семейка Арнхальдтов так нянчится с Азали. Они догадались, что она – дочь Миши* (Э. Адлер. Достояние леди).

Утрату способности трезво, разумно рассуждать и действовать выражают следующие фразеологические обороты: *ум за разум заходит, сводить с ума; задним умом крепок* (о поздно спохватившемся человеке). Каламбурного происхождения от выражения *задним умом и думать задним местом, ума не приложу, уму не постижимо* (быть неспособным сообразить, найти ответ) [6]. *Смысл записки был ей неясен. Мисси ума не могла приложить, что же имеет в виду Зигфельдт* (Э. Адлер. Достояние леди).

Отдельно следует отметить фразеологизмы, характеризующие ментальное состояние человека по возрастному признаку, а именно несоответствие умственных способностей человека его возрасту. Фразеологизмы, характеризующие и оценивающие состояние глубокой старости или частичную утрату ментальных способностей: *выживать из ума, лишаться ума, тронуться умом* (глупеть, терять способность здраво мыслить, рассуждать от старости). Основанием оценки служат представления о внешности, физическом состоянии и утрате ментальных способностей в период глубокой старости.

Ассоциативно к ранее упомянутым фразеологизмам примыкают фразеологизмы, характеризующие младенчество, детство, юность, молодость, т. е. начальный период жизни человека. Сюда относятся в основном пословицы, описывающие дожившего до определённого возраста, но не доросшего умом глупого человека: *на голове густо, а в голове пусто; борода выросла, а ума не вынесла; нос с локоток, а ума с ноготок; ростом с Ивана, а умом с болвана*.

Рассмотрим также фразеологизмы, характеризующие умственное состояние человека по половому признаку. Считается, что ум мужчин и женщин обладает разными свойствами, разным характером. Об этом свидетельствуют пословицы: *у бабы волос долог, да ум короток; женский ум лучше всяких дум; мужа чтут за разум, жену по уму*; смысл которых в том, что у мужчин часто более развита сообразительность, а женщины более склонны дать мудрый совет. *Женские умы – что татарские сумы*, то есть женщины более непостоянны в суждениях, чем мужчины, легко меняют мнение («татарские сумы» – к тому, что татары кочевой народ, не сидят на месте).

Таким образом, анализ фразеологизмов показывает, что они являются оценочными средствами выражения ментальной способности, которые соотносятся не только

с умственными, но и с поведенческими, возрастными, психофизическими характеристиками человека. В большинстве своём они характеризуются экспрессивностью выражения как положительного, так и отрицательного эмоционального отношения к объекту оценки и отражают культурно-мировоззренческие представления русского народа.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – М. : Наука, 1977. – 300 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвистические аспекты. – М., 1996. – 288 с.
4. Фаткуллина Ф. Г. Современная лингвистика и межкультурная коммуникация. В 2 кн. Кн. 2 : моногр. – Одесса : Куприенко С. В., 2012. – 119 с. (в соавторстве).
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М., 1986. – 543 с.
6. Шанский Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М. : Русский язык, 1987. – 240 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В ДИСКУРСЕ УКРАИНСКИХ СМИ

Е. С. Руснак

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
г. Харьков, Украина

Summary. The verbalization of the axiological component of concept money in the discourse of the Ukrainian media is considered in the article. The language units of different levels of a nominative field of concept are signed out, motivation of estimated value is described. The ambivalent attitude to money in the Ukrainian society is established.

Key words: value; concept; money; discourse; media.

Современное языкознание характеризуется особым вниманием к изучению языковой объективации различных структур знания, в частности концептов. Определяющим элементом структуры концепта считают аксиологический компонент (Н. Арутюнова, В. Карасик, А. Приходько). Поскольку концепт является культурно значимым смыслом, он обязательно подвержен оценке. В. Карасик называет концепты «ценностными доминантами» [2, с. 154] ментального пространства, совокупность которых создаёт определённый тип культуры.

Одним из ядерных в украинской языковой картине мира является концепт ДЕНЬГИ. Исследование функционирования данного концепта в дискурсе современной прессы позволяет выделить самые свежие изменения в его структуре. Анализ оценочных языковых единиц, вербализирующих концепт ДЕНЬГИ, демонстрирует место материального благополучия в шкале ценностей украинцев.

Актуальность работы обусловлена повышенным интересом лингвистов к когнитивно-дискурсивному методу анализа языка, а также недостаточным освещением вербализации концепта ДЕНЬГИ в дискурсе украинских СМИ.

Материалом для исследования послужили украинские газеты и интернет-издания «Дзеркало тижня» (ДТ), «День», «Gazeta. ua», «Українська правда» (УП), «Україна молода» (УМ) за 2010–2012 гг.

Лексема *гроші*, являющаяся именем исследуемого концепта, нейтральна в аксиологическом отношении. Оценочный элемент актуализуется в процессе вторичной номинации с помощью различных языковых приёмов.

Оценочный компонент концепта ДЕНЬГИ может реализовываться на словообразовательном уровне. Данный способ проявления оценки в языке иллюстрируют такие производные от лексемы *деньги* номены, как *грошва*, *грошки*, *грошеньята*. Например: «У світі пострадянського капіталізму вся **грошва** знаходиться в руках кримінальних авторитетів» [УП. – 2012. – № 73], «Ще зі школи я своїм співом заробляв **грошки**» [УМ. – 2011. – № 25], «У мене є звичка з дитинства збирати **грошеньята** у скарбнички...» [День. – 2011. – № 42]. Суффикс *-в-* является средством вы-

ражения негативной оценки, суффиксы *-ик-*, *-ят-*, напротив, создают коннотацию мелиоративности. Как видим, аффиксы могут приносить в семантическую структуру слова *деньги* противоположные виды оценки, отражая таким образом амбивалентное отношение к материальным благам.

Значительное место в номинативном поле концепта ДЕНЬГИ занимают жаргонизмы, которые имеют большой аксиологический потенциал. Например: «*Мені здається, що в наших умовах «бабло породжує зло». Причому в різних сенсах і особливо для опозиції. Це не означає, що я проти «бабла». Кожен хоче заробляти. Але опозиція завжди програє, коли на першому плані бабло»* [День. – 2012. – № 18]. Трансформированная фразеологическая единица «*бабло породжує зло*» имеет явную негативную оценочность, выраженную в слове *зло*, которое содержит соответствующий элемент значения в денотате. Кроме того, лексема *бабло* в рассматриваемом контексте приобретает негативную оценку потому, что обозначает «большие деньги», которые влияют на результаты выборов на Украине.

Функцию вторичной номинации денег в дискурсе СМИ выполняет и жаргонизм *бабки*: «*Модернізація вимагає великих витрат і капітальних вкладень, які окупляться через десятки років. Олігархам, які красуються на капіталістичній «дошці пошани» журналу «Форбс», такий бізнес не цікавий. Вони звикли **робити бабки**, «розводячи лохів», а не за рахунок розвитку своїх країн»* [День. – 2010. – № 48]. Выражение *робити бабки*, как и *розводити лохів*, – это маркер криминального жаргона, поэтому употребление таких единиц в отношении олигархов является средством создания негативной оценки их бизнеса как преступной деятельности.

Как негативное, так и позитивное аксиологическое наполнение могут иметь оценочные атрибутивы, которые сочетаются с различными именами денег. Например: «*Середина місяця у кожного з моїх колег асоціюється з **приємним шурхотом свіжих банкнот***» [Gazeta. ua. – 2013. – 06.02] – прилагательное *приємний* является носителем положительной сенсорной оценки; «*усі негаразди в моєму житті через ті **бісові папірці***» [УМ. – 2010. – № 45] – определение *бісові* содержит денотативно закреплённую негативную оценку.

Носителями разнополюсного оценочного значения выступают и аксиологические предикаты, которые употребляются с названиями денег: «*Гроші – це **абсолютне зло**, причина ледь не всіх війн людства»* [УП. – 2012. – № 115], «*Для мене гроші – це **свобода та незалежність***» [ДТ. – 2012. – № 132]. Указанные предикативные структуры манифестируют стереотипное восприятие денег как зла и как свободы.

Аксиологическая составляющая концепта ДЕНЬГИ нередко сопряжена с образной. Языковая оценка денег может эксплицироваться в метафорах различных моделей: «*Шалені гроші поступово засмоктують тебе, як болото»* [УМ. – 2010. – № 31] (натуроморфная метафора), «*Гроші для підприємця – це найкращий друг і порадижник»* [Gazeta. ua. – 2013. – 06.02] (антропоморфная метафора).

Аксиологическое значение лексем номинативного поля анализируемого концепта мотивировано отношением говорящего к пути зарабатывания денег, например: «*Узагалі було б незле зануритися на місяць у це **зівно**, зірвати якогось бабла». Але є оця внутрішня, кажучи російською, **брезгливість**, яка не дозволяє в такий спосіб заробляти на життя»* [УП. – 2012. – № 120]. Отрицательная окрашенность употреблённых языковых единиц связана с тем, что автор осуждает заработок деятеля искусств агитацией за одного из кандидатов на выборах.

Мотивом для отрицательной оценки выступает и нечестный заработок, особенно за счёт обмана других людей: «*Переконаний, що прийде час, коли можна буде конкретно вказати на **безсовісних** володарів тих таємничих сейфів, які й зараз пакуються сотнями тисяч доларів США з **пону людського, з їхньої рабської покри***» [УМ. – 2012. – № 40].

Важный элемент вербализации негативного отношения к деньгам – прецедентные феномены библейского происхождения, которые, будучи маркерами религиозного дискурса, актуализуют соответствующую шкалу ценностей. Одним из самых значимых в украинской языковой картине мира является прецедентное высказывание (ПВ) *тридцять сребреников*, которое апеллирует к новозаветной истории о том, как Иуда предал Христа за тридцать сребреников. Именно эта ситуация положила начало хри-

стианскому табу на богатство, идее о греховности обожания материальных благ и их вторичности перед духовными. В дискурсе украинских СМИ использование данного ПВ направлено на актуализацию в сознании читателя культурных архетипов, которые связывают деньги и предательство. Например: «Розкол України, недорого. **Тридцять срібняків**» [Gazeta. ua. – 2013. – 05.01], «Практично мовчить і церква, яка, здавалось би, повинна стояти на сторожі моральних цінностей. Зате чимало батюшок, пастирів ладні продатися за **30 політичних срібняків**» [УП. – 2012. – № 80]. Данные контексты иллюстрируют использование ПВ *тридцать серебряников* как средства создания острой негативной оценки денег.

В украинских СМИ часто встречаются контексты, в которых вербализована амбивалентная оценка денег. Для них типичны конструкции, построенные на контрастах и антитезах: «Відколи людство придумало гроші, його роздирають проти-річчя. Гроші – зло, але чомусь цього зла кожному хочеться якнайбільше. Гроші не головне, але й без них – ніяк. Бути заможним у бідній країні – непристойно, але чи багато знайдеться бажаючих, які не хотіли б опинитися на місці багатія?» [ДТ. – 2012. – № 45].

Таким образом, аксиологическая составляющая анализируемого концепта манифестируется в виде разноуровневых языковых элементов: оценочных аффиксов, жаргонизмов, атрибутивов, предикатов, метафор, прецедентных высказываний. Концепт ДЕНЬГИ в дискурсе украинских СМИ подвержен неоднозначной оценке. При этом мотивацией оценки денег чаще всего является соответствие пути их заработка критериям этичного / неэтичного, морального / аморального.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: [Прем'єр], 2008. – 332 с.

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ПРЕЗРЕНИЕ» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ Ф. БЭКОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф. БЭКОНА «ОПЫТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ»)

И. Ю. Лавриненко

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The article deals with specific features of semantic and cognitive structure of the emotional concept “contempt” in the philosophic world picture of F. Bacon. It gives cognitive characteristics of its verbal explicators, as well as their syntagmatic relations, reveals the function of object, subject and evaluation criterion. The character of correlation connections of the emotional concept “contempt” in the philosophical discourse of F. Bacon is represented.

Key words: emotion; concept; contempt; object; subject.

Язык – это мощный инструмент познания внутреннего мира человека. Посредством исследования языка мы получаем представления не только о культуре, нравах и обычаях всего народа, нации, но также познаём личностные особенности отдельного человека, раскрываем специфику его психологической организации, духовной культуры, нравственных идеалов. Одним из источников получения такого рода информации, единицей доступа к национальному когнитивному сознанию является концепт как мыслительная единица, закреплённая языковым знаком в целях коммуникации [6, с. 8]. Проблемы лингвистической концептологии вызывают особый интерес у лингвистов-когнитологов, о чём свидетельствуют работы Н. Д. Арутюновой [1], В. И. Телия [7], З. Е. Фоминой [8; 9; 10] и др. Языковые средства отражают результаты восприятия человеком мира с позиции его перцептивных особенностей, что предоставляет доступ к *эмоциональным концептам*, под которыми подразумеваются единицы структуриро-

ванного знания, характеризующие сенсуалистический мир человека, через призму его внутренних переживаний, ощущений, психологических особенностей [8, с. 22–23].

Предлагаемое исследование посвящено анализу эмоциональных концептов в философской картине мира Ф. Бэкона. *Материалом исследования* послужило философское произведение Ф. Бэкона «Опыты и наставления нравственные и политические» (1597). Этот научный труд представляет собой сборник эссе, раскрывающих индивидуальную точку зрения Ф. Бэкона относительно самого широкого круга вопросов: нравственности, эстетики, философии, экономики, политики. Отражённые в «Опытах» идеи философа представляют собой отчётливое проявление его гуманистической ренессансной этики.

Результаты проведённых ранее исследований показали, что эмоциональная картина мира Ф. Бэкона представлена широким спектром эмоциональных концептов с положительным, отрицательным содержанием, а также структурированных амбивалентными эмоциональными ментальными единицами. Однако, как нами было установлено, содержание выявленных эмоциональных концептов варьируется в зависимости от характера анализируемого материала. Если в повести-утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» эмоциональные концепты инкорпорируют признаки соответствующих эмоциональных переживаний в их *общепринятом, узуальном толковании*, в том числе сопровождаются характерными признаками (*радость* – созерцание, *счастье* – чувство отдельного человека, *любовь* – забота о ближнем, *огорчение* – неудовлетворение желаемого), то в «Опытах» содержание эмоциональных концептов имеет сугубо *прагматическую направленность*: они являют собой не столько выражение внутренних переживаний, сколько служат инструментом для утверждения нравственных установок, стремлений человека (людей), формирования идеальной высокоинтеллектуальной и высоконравственной личности человека-гражданина.

Такая особенность репрезентации эмоциональных концептов в философской картине мира Ф. Бэкона ярко проявляется в том числе в специфике объективизации эмоциональных состояний, которые априори считаются пейоративными (огорчение, гнев, ненависть и т. п.), поскольку их содержание в философском дискурсе Ф. Бэкона представлено совершенно иначе: эмоция, погружённая в философское индивидуально-личностное пространство, обретает свойства прагматической категоризации явлений. Для демонстрации такого воздействия философского дискурса на объективизацию эмоциональных состояний с пейоративным содержанием нами рассматривается эмоциональный концепт **презрение**.

Цель предлагаемого исследования – раскрыть специфику содержания семантико-когнитивной структуры концепта **презрение**, детерминировать особенности его вербализации, выявить квантитативное и семантическое содержание его вербальных экспликаторов, охарактеризовать их с позиции синтагматических связей, выявить признаки субъектно-объектных и оценочных отношений в структуре искомого эмоционального концепта, рассмотреть характер корреляционных связей эмоционального концепта **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона.

Согласно полевой модели изучения концептов, разработанной И. А. Стерниным [6], структура концепта содержит ядерные и периферийные компоненты. Ядро концепта представляет его базовый слой, передавая наглядно-чувственный образ.

Одним из средств доступа к внутреннему содержанию концепта, в том числе к его ядерным компонентам, являются языковые знаки. Для получения представления о внутренней архитектонике концепта **презрение** обратимся к анализу вербализующих его лексем. Немаловажная роль в определении ядерных признаков эмоциональных концептов, в том числе и искомого концепта **презрение**, отводится *объектам, субъектам, каузаторам и оценке* [8, с. 52].

Вербальными экспликаторами концепта **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона выступают лексемы **despise**, **contempt**, **scorn** и **contemn**. Превалирующей в квантитативном отношении лексемой, объективирующей искомым концепт, является лексема **despise**. Анализ лексикографических данных показал, что глагол **despise** репрезентирует негативное отношение, неуважение к кому-либо [12].

На основе синтагматического анализа лексем **despise** нами были выявлены следующие признаки концепта **презрение**, составляющие его ядерное поле. **1. Пре-**

зрение – чувство, расставляющее приоритеты в действиях или явлениях: *to be despised* [11] – не заслуживают доверия [2, с. 108], *you not despise* [11] – не должен пренебрегать [2, с. 414], *despise no* [11] – не оставляй без внимания [2, с. 422], *not to despise* [11] – не пренебрегать [2, с. 466]. Отметим, что большая часть фразеосочетаний в данной группе представляет собой отрицательные повелительные конструкции, что свидетельствует о назидательности и определённой степени категоричности стиля повествования Ф. Бэкона, его стремлении расставить приоритеты в области описываемых им реалий, что характерно для жанра исследуемого произведения. Также необходимо подчеркнуть, что **презрение** в рамках исследуемого философского труда является в большей степени нежелательным ощущением, что также демонстрирует убеждения автора повествования. **2. Презрение – ирреальное эмоциональное переживание:** *seem to despise* [11] – разыгрывают презрение [2, с. 85]. **3. Презрение – не ограничиваемое чувство, сопровождающееся положительным ощущением (удовольствием):** *at pleasure, despise* [11] – ... вволю (с удовольствием) презирать [2, с. 120].

Отметим, что в двух рассматриваемых примерах глагол **despise** употребляется в составе конструкции Complex Object (то есть входит в состав сложного дополнения), посредством которой раскрывается мнение, пожелание автора испытывать **презрение** к определённым явлениям (пророчествам и предсказаниям). Рассмотрим пример:

*Though when I say **despised**, I mean it as for belief; for otherwise, the spreading, or publishing, of them, is in no sort to be **despised*** [11]. – Впрочем, советуя **презирать** их [пророчества и предсказания], я хочу только сказать, что они не заслуживают веры; но появлением их и распространением пренебрегать нельзя... [2, с. 108].

Объектом в данном виде **презрения** являются пророчества и предсказания. Необходимо конкретизировать, что в основе **презрения** лежит недоверие, субъективность информации, которая выдаётся за неоспоримую истину, что является каузатормом презрения. Однако отметим, что в данном примере не усматривается необходимость в уничтожении или недопущении распространения пророчеств или предсказаний. Автор допускает необходимость их существования, однако высказывает предостережение относительно их субъективности или истинности. Данный вид пренебрежения не содержит резкого негативного отношения, а репрезентирует необходимость не воспринимать непроверенную информацию в качестве достоверной. Такая особенность репрезентации **презрения** в философском дискурсе Ф. Бэкона обоснована характером исследуемого материала – философского труда, выполненного в назидательном и лаконичном стиле, выражающем мнение автора, сопровождаемое аргументированными пояснениями.

Концепт **презрение** также вербализован лексемой **contempt**. По результатам лексикографического анализа данное существительное детерминирует состояние пренебрежения, неуважительного отношения [Merriam Webster Learner's Dictionary]. Синтагматический анализ данной лексемы в исследуемом произведении Ф. Бэкона раскрывает следующие особенности структуры исследуемого концепта: **1) латентность:** *inward and secret contempt* [11] – скрытое и тайное презрение [2, с. 371–372]; **2) экспрессивность:** *full of contempt* [11] – полный презрения [2, с. 476], *notable contempt* [11] – значительное презрение [2, с. 135]; **3) адресность:** *abstract, friarly contempt* [11] – философское, монашеское презрение [2, с. 429]; **4) оценочность: (обиды):** *the construction of the injury from the point of contempt* [11] – истолкование обиды как следствия презрения [2, с. 476]; **5) катализация экспрессивности других эмоций:** *contempt is that, which putteth an edge upon anger* [11] – презрение является тем фактором, который разжигает гнев [2, с. 476]; **6) обусловленность:** *circumstances of contempt* [11] – обстоятельства презрения [2, с. 476].

Отметим также, что сочетание лексемы **contempt** позволяет эксплицировать содержание эмоции «**презрение**» как чувства, претерпевающего изменения со стороны человека: **презрение** отличается степенью интенсивности: *aggravate the contempt* – усугубить презрение, может быть подвержено манипуляции, а также предопределяет наличие предпосылок для его возникновения: *induce contempt* – навлекать на человека презрение. Рассмотрим следующий пример:

*Again, by gathering (as was touched before) all that you can find out, to aggravate the **contempt*** [11]. – И опять же, вы собираете (как было упомянуто ранее) всё то,

что может усугубить **презрение** [время, когда человек упрям и плохо настроен] [2, с. 476].

Презрение в данном примере рассматривается как ощущение, которое варьируется по степени интенсивности, для чего необходимо выполнить определённые условия, а именно выбрать *определённый временной промежуток*, который совпадал бы с *негативным психоэмоциональным состоянием человека* (человек упрямится и имеет плохое настроение). Таким образом, инструментом воздействия на интенсивность **презрения** человека являются *темпоральные и сенсуально-психологические факторы*.

В качестве вербального экспликатора концепта **презрение** также представлена лексема **scorn**, которая является существительным, имеющим следующие значения: открытое выражение пренебрежения, неуважения, часто в сочетании с возмущением, выражение презрения или насмешки, объект сильного презрения, насмешки [15].

К особенностям значения данной лексемы относится то, что, помимо неуважительного, пренебрежительного чувства, она также обозначает *насмешку*, сопровождающую презрение, то есть репрезентирует действие, которое вызывает негативную реакцию у *объекта* презрения, – обиду. Кроме того, данная лексема выступает в качестве *глагола*, репрезентируя действие – *выражать презрение*, насмехаться. Необходимо также отметить использование деривата данной лексемы – лексему **scorners**, определяющую качества людей – *субъектов*, испытывающих **презрение** (*развратителей*), что демонстрирует приводимый ниже пример:

And certainly it is little better, when atheists, and profane persons, do hear of so many discordant, and contrary opinions in religion; it doth avert them from the church, and maketh them, *to sit down in the chair of the scorners* [11]. – А ведь так оно и есть: атеисты и нечестивцы, слыша о стольких разногласиях в делах веры, отвращаются от церкви и «занимают места в собрании **развратителей**») [2, с. 357].

Презрение в данном примере – чувство, свойственное людям, характеристики которых эксплицированы лексемой **scorners** – *развратители*. Причина обретения людьми данных качеств – их неверие в Бога, выражающееся в отвержении ими религии и церковных законов, несоблюдение социальных норм, идеологическая разобщённость. Итак, **презрение** в данном примере репрезентирует пейоративные свойства группы людей, которые усугубляются негативными условиями жизни общества. **Презрение** вызвано усилением имплицированных отрицательных качеств людей пейоративными общественными явлениями и, следовательно, раскрывается как чувство, которое выявляет не только несовершенство людей, но и недостатки социума в целом.

Анализ синтагматических связей лексемы **scorn** показал, что она вербализует следующие оттенки значения **презрения**:

1) оценочность: а) *действия*: *...bringeth in Prodius in scorn* [11] – *...с презрением выводит человека ...в образе Продика* [2, с. 406]; б) *высказывания*: *to say in scorn* [11] – *презрительно отзываться* [2, с. 425];

2) чувство, испытываемое конкретным человеком: а) автором, сопровождающим его литературное повествование: *Plato, in his Protagoras, bringeth in Prodius in scorn* [11] – *Платон в своём «Протагоре» [диалог Платона] также с презрением выводит человека такого рода в образе Продика* [2, с. 406]; б) определённым человеком, выражающим презрение в высказывании: *to say in scorn* [11] – *презрительно отзываться* [2, с. 425];

3) чувство, которое стремятся избежать: *deliver himself from scorn* [11] – *стать недостижимым для презрения* [2, с. 119];

4) чувство сильной экспрессивности: *notable ...scorn* [11] – *значительное презрение* [2, с. 135].

Кроме того, вербальным экспликатором концепта **презрение** в исследуемом дискурсе является лексема **contemn** – глагол, который передаёт значение «относиться с презрением» [13]. Необходимо обратить внимание на функцию **презрения**, эксплицированного вышеуказанной лексемой, выступать в роли *оценки* автором *учёности*. Синтагматический анализ лексемы **contemn** показал, что обозначаемое ей ощущение определено исключительно с позиции *субъектов* и *объектов* презрения, в то время как характер самого презрения, его степень, корреляционные отношения и т. п. не рас-

крываются. Рассмотрим пример: Crafty men **contemn** studies, simple men admire them... [11] – Люди хитроумные **презирают** учёность, простодушные дивятся ей... [2, с. 131].

Объектом презрения в данном примере выступает *учёность* – обладание знаниями в пределах одной или нескольких наук. Данное ощущение противопоставлено *удивлению*, то есть признанию необычности, неординарности какого-либо явления. Ключевая роль в детерминации описываемого вида **презрения** отводится характеристике его *субъекта*, а именно *хитроумного человека*, сочетающего в себе свойства гибкости ума, опытности, рациональности мышления [3], но вместе с тем относящегося к учёности отрицательно, демонстрируя своё невысокое мнение о человеке, обладающем большим объёмом знаний наук. Отношение к таким знаниям простодушных людей иное – они почитают наличие знаний, уважая людей, которые ими обладают. Объяснением такой разницы в восприятии учёности служит характеристика *субъектов удивления*, а именно наивность, и, вероятно, недостаточно высокая объективность мышления простодушных людей, не представляемых в качестве примера для подражания, в то время как мнение хитроумных людей, в силу их более ценных и почитаемых интеллектуальных особенностей, постулируется как более объективное, заслуживающее доверия. Таким образом, признание учёности как свойства, не заслуживающего уважения и признания, репрезентировано как норма, как допустимое положение вещей. **Презрение** хитроумных людей к учёности свидетельствует о признании Ф. Бэконом невозможности сосуществования в человеке ума, природной сообразительности и теоретических знаний. Необходимо обратить внимание, что принцип репрезентации этого вида **презрения** находит своё отражение в философском учении Ф. Бэкона, основанном на критике средневековой схоластики. Схоластическое учение (от лат. *schola* – школа) известно «книжной учёностью», формальной логикой (средневековой «диалектикой») и пренебрежением опытным получением знаний [5].

Для выявления степени содержания представленных оттенков значения, объективируемых приведёнными лексемами в составе концепта **презрение**, обратимся к анализу количественного содержания указанных лексем в философской картине мира Ф. Бэкона.

В большинстве случаев (10 из 29) концепт **презрение** вербализован глаголом **despise**, репрезентирующим презрение в большей степени как меру оценки явлений; 9 из 29 примеров репрезентируют искомый концепт посредством лексемы **contempt**, раскрывающей **презрение** как чувство определённого *субъекта* и как ощущение, безотносительно конкретного человека, свойственное людям вообще. Лексема **scorn** объективирует концепт **презрение** в 8 из 29 примеров, выражая не только неуважительное отношение, но и насмешку. 2 из 29 представленных вербальных экспликаторов философского концепта **презрение** представлены глаголом **contemn**, выражающим негативное действие *презирать*, которое облигаторно предполагает наличие *субъекта* и *объекта*.

Отметим, что лексемы **despise**, **contempt**, **contemn**, объективирующие концепт **презрение**, слабо дифференцированы по оттенкам значения. Особенность **презрения** выявляется исключительно посредством лексемы **scorn**, которая репрезентирует не только **презрение**, но и **высмеивание объекта** презрения, насмешку над ним, то есть предполагает оскорбительное поведение по отношению к *субъекту*, которое априори становится причиной его обиды.

Представим содержание указанных лексем, номинирующих концепт **презрение** в эмоциональной картине мира Ф. Бэкона в виде следующей диаграммы на рис. 1:

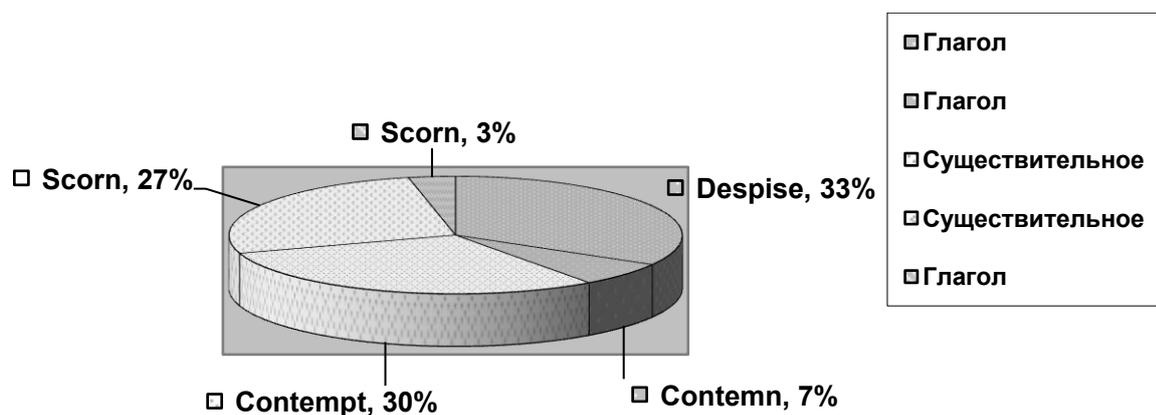

Рис. 1. Квантитативно-категориальное соотношение лексем, вербализующих концепт «Презрение» в философском дискурсе Ф. Бэкона

Как показано на диаграмме, вербализованный концепт **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона имеет неоднородную структуру, дифференцирующуюся как по семантическому содержанию эксплицирующих его лексем, так и по их категориальному составу. Большая часть ядерной структуры эмоционального концепта **презрение** содержит признаки презрения как чувства (57 %), в меньшей степени – действия (*презирать*) (43 %), что раскрывает **презрение** больше как абстрактное явление, нежели чем эмоциональное переживание, испытываемое человеком и характеризующееся с позиции акциональности. Кроме того, **презрение** дифференцируется по характеру признаков. Так, наиболее разнообразно представлена часть ядерной архитектуры эмоционального концепта **презрение**, объективированная лексемой *contempt*, раскрывающей признаки презрения – абстрактного ощущения (латентность, экспрессивность, адресность, оценочность, обусловленность, катализация, экспрессивность других эмоций), несколько уступая, однако, в квантитативном отношении лексеме *despise* (33 %), что свидетельствует об асимметрии квантитативного и семантико-когнитивного состава ядерной структуры эмоционального концепта **презрение** в философском дискурсе Ф. Бэкона. Наименее дискретны по своему составу области ядерной структуры искомого концепта, вербальным экспликатором которых является лексема *contemn*, репрезентирующая чувство, которое выражается с помощью действия (*презирать*).

Как показало проведенное исследование, эмоциональный концепт **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона представляет собой дифференцированную структуру. Средства экспликации искомого концепта неоднородны по семантико-категориальному составу, представлены в разной степени частотности, в большей степени детерминируя презрение как абстрагированное эмоциональное переживание, нежели реальное сенсуалистическое состояние определённого человека.

Эмоциональный концепт **презрение**, категоризируемый в философской картине мира Ф. Бэкона, характеризуется неоднородностью сенсуалистической природы, демонстрируя, с одной стороны, *латентное* переживание, а с другой стороны, чувство *значительной степени интенсивности и экспрессивности (экспрессивное презрение, презрение – не ограничиваемое чувство), причинной обусловленности*. Корпус *субъектов* эксплицирует **презрение** как чувство, принадлежащее не только отдельному человеку, но и группе людей (*социоцентричное, общественное* чувство). Кроме того, **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона – это эмоциональное переживание особого характера: оно бывает *философским, монашеским*, то есть оно может быть обусловлено теми или иными мировоззренческими предпосылками. Такой тип презрения представляет собой негативное отношение к чему-либо, подкреплённое глубокими внутренними убеждениями человека (людей) и не имеющее ярко выраженного внешнего проявления, «молчаливое» **презрение**.

Ключевыми признаками, характеризующими эмоциональный концепт **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона, являются его *оценочность* и *объект-*

ная обусловленность, что раскрывает **презрение** как средство анализа приемлемости определённых общественных нравственных и моральных устоев (отношение к обиде, учёности, историческим деятелям). Вербализованный эмоциональный концепт **презрение** в эмоциональной картине мира Ф. Бэкона выступает в качестве инструмента для выражения авторских предпочтений, его оценки поведенческих линий людей (человека). С помощью однозначного отрицания презрения, репрезентированного негативными лексическими конструкциями (*may not despise – не должен пренебрегать, despise no – не оставляй без внимания, not to despise – не пренебрегать*), автор призывает человека (людей) внимательно относиться к себе, собственному воспитанию, внутренней культуре и поведению, призывает к критическому, избирательному восприятию получаемой информации, доверительному отношению исключительно к тем фактам, истинность которых не вызывает сомнения.

Необходимо также подчеркнуть такую особенность объективированного концепта **презрение** в индивидуально-авторской картине мира Ф. Бэкона, как *амбивалентность*. Помимо репрезентации **презрения** как эмоционального переживания с негативным содержанием, была выявлена корреляция искомого концепта с мелиоративной эпистемой, которая репрезентирует контаминацию презрения и *удовольствия*: философское **презрение** сопряжено с возможностью человека (людей) свободно и беспрепятственно выражать своё негативное отношение к чему-либо (физическому несовершенству человека), получая при этом внутреннее удовлетворение. **Презрение** в философском дискурсе Ф. Бэкона демонстрирует коррелятивные отношения с негативными реалиями (*насмешкой*), подчёркивая высокомерное поведение *субъекта презрения* относительно его *объекта*, намеренное причинение последнему страдания, обнажая тем самым несовершенство духовной природы человека.

Отличительной особенностью вербализованного концепта **презрение** является его *прагматический характер*, проявляющийся в объективации искомого концепта как средства детерминации определённых жизненных взглядов и установок, которых придерживался Ф. Бэкон. В отличие от собственно эмоции, концепт **презрение** в философском дискурсе Ф. Бэкона является сенсуалистической детерминантой, к которой прибегают с целью достижения вполне определённых результатов, приводящих к усовершенствованию жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

Особенности ядерных конститuentов эмоционального концепта **презрение** в философской картине мира Ф. Бэкона отражают философский замысел анализируемого произведения, назидательно-личностная стилистическая организация которого проникнута гуманистическими идеями, заключающимися в осознании необходимости внутреннего усовершенствования человека, его внутреннего преобразования, критического отношения к окружающей его действительности, рационального подхода к собственной жизни как неотъемлемой составляющей социума.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М. : Индрик, 2002. – 648 с.
2. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. 1597–1612 // Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль (Философское наследие), 1978. – 575 с. – С. 348–481. Посвящение к первому изданию «Опытов» 1597 г. URL: http://gzvon.pyramid.volia.ua/biblioteka/kafedra_filosofii/libph/bacon/07/index.shtml.htm (дата обращения: 12.07.11).
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Рус. язык, 1982. – Т. 4. – С. 548. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 03.08.12).
4. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
5. Открытая реальность. URL: <http://www.openreality.ru/school/philosophy/medieval/scholasticism/> (дата обращения: 3.08.12).
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 182 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
8. Фомина З. Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства её вербализации. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2006. – 336 с.
9. Фомина З. Е. Паремический концепт “Leben” как семиотически и культурно-стратифицированная категория // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2009. – Вып. 1 (11). – С. 19–30.
10. Фомина З. Е., Демидкина Е. А. Немецкая языковая модель жизни. – Воронеж : ВГПУ, 2011. – 204 с.
11. Bacon F. THE ESSAYES OR COVNSELS CIVILL AND MORALL, 1625. URL: <http://www.westegg.com/bacon/index.essays.html> (дата обращения: 25.07.12).

12. Merriam Webster Learner`s Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/despise> (дата обращения: 27.07.12).
13. Merriam Webster Learner`s Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/contemn> (дата обращения: 27.07.12).
14. Merriam Webster Learner`s Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/contempt?show=0&t=1346006641> (дата обращения: 27.07.12).
15. Merriam Webster Learner`s Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/scorn?show=0&t=1346007293> (дата обращения: 27.07.12).

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. В. Баканова
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. The article observes the use of comparative idioms in occasional aspect. The ways of their use as a stylistic devices and expressive means are considered. The forms of their modification in literature are described.

Key words: comparative idioms; expressive means; stylistic devices.

Компаративные фразеологические единицы (КФЕ) занимают особое положение в системе английской фразеологии. Несмотря на длительное существование в языке и частое употребление в речи, КФЕ не превращаются в штампы. Они сохраняются как всегда новые, неповторимые выразительно-коммуникативные средства языка с присущими им семантической структурой и эмоционально-экспрессивной масштабностью.

При использовании КФЕ в качестве стилистических приёмов они качественно преобразовываются. При анализе текстов были выявлены следующие приёмы преобразований: параллельное использование нескольких КФЕ в одном контексте, двойная актуализация, вклинивание и добавление переменных компонентов, замена компонентов, морфологические изменения (сравнительная степень прилагательных, использование неличных форм глагола), конвергенция, переразложение компаративных оборотов.

Как показало исследование, КФЕ широко употребляются в художественных произведениях в качестве выразительных средств. В данном случае они не несут на себе дополнительных экспрессивных свойств. Цель их использования сводится к тому, чтобы лучше донести до читателя характер персонажа, его внешность или взаимоотношения между героями произведения.

Компаративные фразеологические обороты широко распространены в произведениях художественной литературы, где они обновляются, оживляются, деформируются авторами в целях создания своего индивидуального, оригинального стиля.

При использовании в качестве стилистических приёмов в художественных текстах КФЕ несут дополнительную информацию, в результате которой возникает определённый стилистический эффект – эффект эмоционального воздействия на читателя. При употреблении КФЕ в стилистических целях может меняться их структура, состав, значение.

При анализе текстов были выявлены следующие виды преобразований КФЕ, которые можно разделить на две группы.

1. Стилистические приёмы, не нарушающие структуру КФЕ: морфологические изменения компонентов (неличные формы глаголов, степени сравнения прилагательных), добавление компонентов, вклинивание переменных компонентов, параллельное употребление нескольких КФЕ, приём двойной актуализации.

2. Стилистические приёмы, нарушающие структуру КФЕ: деформация КФЕ, конвергенция.

Среди морфологических чередований можно отметить чередования степеней сравнения прилагательных, использование неличных форм глаголов.

По мнению лингвистов, грамматические изменения всегда вызывают нарушения языковой нормы. Любое изменение неизбежно приводит либо к конкретизации КФЕ, либо к усилению образа, либо к изменению смысла КФЕ в целом. Например, *I walked miles, my nose bleeding like fifteen pigs* [2, с. 48].

В первом примере усилия спасти ситуацию, обречённую на провал, сравниваются с актом «хватания за соломинку». Отсюда и смысл высказывания – безысходность ситуации.

То же самое наблюдается в примере: *They were right. Who was I to fight Matt Brady? It was like sending a fly out to get an elephant* [2].

Обращение к образу мухи, задача которой – одержать верх над слоном, подчёркивает тщетность попыток предпринять какие-либо действия против одного из главных персонажей произведения.

В том случае, если КФЕ трансформируется в герундий, содержание оборота приобретает более общий, универсальный характер, имеет форму своего рода сентенции. Сентенция – образна и эпиграмматична, то есть в сжатой форме выражает какую-либо обобщённую мысль. Высказывание *like sending a fly out to get an elephant* по форме и характеру высказанной мысли напоминает поговорку и придаёт высказанной мысли весомость.

В отличие от герундия, использование инфинитива приводит к конкретизации высказывания: *«Pa is coming tomorrow and he's going to land on me like a duck on a June bug», answered Scarlet dolorously* [10, с. 56].

Использование данной КФЕ выражает негативное отношение Скарлетт к намерениям отца, подчёркивает ещё большее недовольство его действиями.

В адъективных сравнениях прилагательные часто употребляются в сравнительной степени. Подобное формообразование получило широкое распространение в XX веке и обнаруживает тенденцию перерасти в нормативное употребление. Например, *«He's dead, ain't he?»*, *Floyed said dazedly. «He's deader than a door-nail»*, *Spence said* [1, с. 38].

Во всех вышеперечисленных примерах подчёркивается ещё большая степень признака или качества, что служит для повышения экспрессивности высказывания. Кроме того, происходит незначительное изменение семантики оборота, который начинает восприниматься одновременно и как целостный оборот, и как сочетание слов.

Например, оборот *deader than a door-nail*, с одной стороны, имеет значение – «совсем бездыханный, без каких-либо признаков жизни», с другой стороны, он понимается буквально – «мертвее дверного гвоздя». Создаётся эффект двойной актуализации (буквализации, семантической двуплановости). Приём основан на двойном восприятии: на обыгрывании значения КФЕ и её буквального значения. Во всех случаях создаётся двуплановое понимание конечного оборота: сохраняется и его целостное единое значение, и новое. Чаще всего приём используется для создания комического, сатирического или иронического эффекта: *Mr. Crabbe seemed to be - deader than mutton, but Mr. Crabbe continued to write moral stories* [9, с. 18].

Значение КФЕ *dead as mutton* – «вышедший из употребления». Однако в данном примере оно воспринимается наряду с буквальным значением. Возникающий при этом эффект обманутого ожидания вызывает смех. Двойная актуализация в этом примере опирается на противопоставление слова *dead* словам *continued to write*. Несовместимость и смысловая несочетаемость слов создают смысл, полный юмора и иронии.

Таким образом, параллельное восприятие прямого значения компонентов переменного сочетания, омонимичных или синонимичных компонентам КФЕ, происходит благодаря намеренной актуализации переменного словосочетания в особым образом организованном контексте или речевой ситуации.

Следующий стилистический приём, часто используемый в литературе, – приём параллельного употребления КФЕ, то есть использование нескольких КФЕ в одном контексте. При употреблении нескольких КФЕ в узком контексте используется приём нарастания, КФЕ получают новые художественные качества и начинают восприниматься более объёмно, то есть происходит усиление эмоционального значения КФЕ, хотя их структура не меняется: *She looked - and was - as simple as earth, as good as bread, as transparent as spring water* [10, с. 29].

В данном примере стилистический приём параллельного употребления КФЕ основан на взаимодействии КФЕ с ярко выраженной положительной оценкой. Он сочетается с приёмом нарастания. Такое использование КФЕ в одном контексте создаёт эмоциональное напряжение, усиливает экспрессивное значение всего контекста.

В следующем примере также благодаря использованию фразеонабора создаётся дополнительная выразительность: «*He was but a poor man himself*», said Peggotty, «*but as good as gold, and as true as steel*» [4, с. 45].

Диккенс, используя при описании одного и того же человека две КФЕ с положительным значением, подчёркивает позитивные душевные качества этого человека, противопоставляя их его нищенскому существованию.

Таким образом, фактический материал показывает, что данный приём довольно часто используется в художественной литературе.

Другой вид преобразования КФЕ – приём вклинивания. Этот приём основан на распространении КФЕ за счёт введения дополнительных компонентов, что увеличивает выразительные возможности. Вклинивание уточняет, усиливает или ослабляет значение фразеологизма, не нарушая его тождества: *Darling, it's as plain as the nose on your beautiful face* [9, с. 74].

Благодаря вклиниванию слова *beautiful* в КФЕ *as plain as the nose on your face* создаётся ироническая направленность этого высказывания, сочетающаяся с отрицательной оценкой: «*Tell me as soon as you have finished*», said Johnsy, closing her eyes and lying white *as still as a fallen statue* [6, с. 5].

Слово «fallen» расширяет образную основу КФЕ, за счёт чего увеличивается экспрессивность КФЕ. Развёрнутая КФЕ в этом примере уточняет и более детально описывает состояние Джонси.

Интересный пример можно встретить в произведении О'Генри: *They announced a morning, that would dawn blacker than a sable night* [7, с. 93].

Здесь имеет место избыточность, то есть когда распространитель и основание – синонимы. Такие синонимические повторы очень часто используются в поэзии и прозе. О'Генри добивается повышения степени экспрессивности КФЕ *as black as night* двумя способами – изменением степени сравнения прилагательного *black* и введением вставки *sable*, в результате чего картина делается более образной и выразительной.

В примере *They were deep as the deepest well* [8, с. 79] имеет место тавтологический повтор. Считается, что тавтологический повтор свидетельствует не только о недостатке стиля. Во многих случаях – это способ сообщения речи определённой экспрессивности. В данном случае использование вставки способствует усилению значения фразеологизма.

Примеры вклинивания многочисленны, что свидетельствует о больших возможностях приёма для достижения различных стилистических эффектов.

Следующий приём, который часто используется в литературе – замена одного или нескольких компонентов. Этот приём способствует обновлению КФЕ, создаёт различные вариации на основе КФЕ: «*Do you hear him?*», he said, his grin slow, invisible yet rich. «*He's like a cow in a china shop*» [3, с. 125].

Вместо КФЕ *like a bull in a china shop* («как слон в посудной лавке»), используется КФЕ *like a cow in china shop*. Замена слова *bull* словом *cow*, особенно в применении к лицу мужского пола, создаёт неожиданный комический эффект. Возникает контекстная сема, передающая юмористическое отношение говорящего к другому лицу.

Замена слова *peas* в примере *They were as much alike as two balls of cotton* [10, с. 3] привязана к географическим условиям, характеру деятельности героев произведения, действие которого происходит на Юге Америки в канун гражданской войны, в штатах, где основным занятием переселенцев было выращивание хлопка и домашнего скота (*Her waist was as big as a cow's*).

Дж. Голсуорси видоизменяет одну и ту же КФЕ в своём произведении «The Man of Property» несколько раз. Во всех случаях он описывает Джун: *June was always as stubborn as a mule. June was as obstinate as a mule. She seemed to be as pig-headed as a mule* [5].

Он заменяет компонент *stubborn* в КФЕ *as stubborn as a mule* более эмоциональным синонимом: сначала – *obstinate*, затем – *pig-headed*. Причём в последнем

примере эта черта характера уже оценивается негативно, благодаря отрицательной коннотации прилагательного *pig-headed*.

Уже было отмечено, что часто писатели не ограничиваются использованием только одного приёма. Они применяют два или даже три приёма в одном и том же фразеологическом контексте, т. е. фразеологическую конвергенцию.

Так, Ч. Диккенс, описывая пиквикистов, создаёт весьма оригинальный юмористический эффект, когда употребляет в отношении уже пожилых и довольно полных людей такие сравнения, как «пчёлки и феи»: «... *as brisk as bees, if not altogether as light as fairies, did the four Pickwickians assemble on the morning of the twenty-second day of December*» [4, с. 421].

Автор употребляет КФЕ *as brisk as bees* и переменное сочетание *as light as fairies* с элементом некоторого противопоставления, так как КФЕ *as brisk as bees* характеризует подвижность, а словосочетание *as light as fairies* – лёгкость. Тем самым освежается образ *bees* и создаётся комическая ситуация.

Таким образом, КФЕ являются мощным средством характеристики предметов и явлений действительности и в значительной степени способствуют раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение к фактам этой действительности.

Библиографический список

1. Caldwell. Journeyman. – В., 1980. – 195 p.
2. Capote T. In Cold Blood. – New York, 1965. – 343 p.
3. Cronin A. J. The Citadel. – М., 1968. – 561 p.
4. Dickens Ch. David Copperfield. – Interactive Media, 2012. – 848 p.
5. Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book One: The Man of Property. – Moscow : Progress Publishers, 1974. – 383 p.
6. O' Henry. The Last Leaf and Other Stories. – ME, 2005. – 136 p.
7. O' Henry. The Voice of the City: Further Stories of the Four Million. – 116 p.
8. Lawrence D. H. The Lost Girl. – Moscow, 1987. – 371 p.
9. Maugham W. S. Of Human Bondage. – George H. Doran Company, 1915. – 544 p.
10. Mitchell M. Gone with the Wind. – London and Sydney : Pan Books, 1982. – 1011 p.
11. Thackeray W. M. The History of Henry Esmond, Esq. – Boston, 1971. – 544 p.

АЛЛЕГОРИКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Л. В. Молчкова

Международный институт рынка, г. Самара, Россия

Summary. The paper considers allegory and symbol in phraseology as further development of transfer of meaning. Allegorical and symbolic transfer of meaning represent higher level of abstraction and may be based both on analogy and adjacency of the referents.

Key words: phraseological unit; allegory; symbol; transfer of meaning; metaphor; metonymy.

Говоря об образовании фразеологизма, мы можем представить его как переосмысление исходного смысла, уже имеющего свой десигнатор с прямым значением. Это переосмысление имеет идиоматический характер. В результате получается знак, обладающий семантической двуплановостью, которая достигается с помощью семантического переноса. Этот перенос может осуществляться по сходству или по смежности. В первом случае имеет место аналоговый перенос, разновидностями которого являются метафорический и компаративный перенос, в основе которых лежит проведение аналогии с другими объектами. Во втором случае – проксимативный перенос, к которому относятся метонимический и перифрастический перенос, когда имеет место указание на другие объекты через какие-либо признаки.

Все эти виды семантического переноса применяются в процессе идиоматизации исходных языковых единиц, в результате которой происходит приращение смысла в плане содержания и лаконизация средств выражения, повышается информационная ёмкость знака [4, с. 127].

Однако на этом процесс не останавливается. Ю. М. Лотман писал, что компрессия накопленной информации осуществляется путём создания более экономных языков более высоких уровней – вторичных, третичных и т. д. кодов [3]. Представляется, что в соответствии с этим тезисом на следующем этапе семантического развития может осуществляться переход на более высокий уровень абстракции (что соответствует языкам более высоких уровней Ю. М. Лотмана). Этот следующий уровень абстракции достигается путём аллегорического и символического переноса, которые представляют собой результат дальнейшего развития аналогового или проксимативного переноса.

Поясним этот тезис на примере метафорического переноса, реализованного в рамках фразеологизма *white collar workers* (рус. калька – *белые воротнички*), где фразеологическое значение «сотрудники, занимающиеся умственным трудом» не более абстрактно, чем метонимическая образная основа «рабочие с белыми воротничками». Приведём пример метафорического переноса: фразеологическое значение «фургон для перевозки заключённых» не более абстрактно, чем метафорическая образная основа «чёрный ворон». Иными словами, в данных тропах образ и тема находятся на одинаковом уровне абстракции, в то время как у аллегории и символа значение намного абстрактнее образной основы. Образная основа в них представлена конкретно-чувственным образом, а значение носит отвлечённый характер.

Приведём несколько определений аллегории и символа: «В аллегории... образ разрисован и расписан, идея же отвлечённа и неявленна» [2, с. 39]. «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и... знак, наделенный... неисчерпаемой многозначностью... Категория символа делает акцент на... выходе образа за собственные пределы... Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка...» [1]. Как видим, эти определения подчёркивают отвлечённый характер и широту образов как отличительные характеристики аллегорического и символического переноса. Не ставя перед собой задачу разграничения этих видов образности, мы будем использовать наименование «аллегорико-символическая образность».

В основе аллегорико-символической образности может лежать как аналогия, так и смежность референтов. Например, образность фразеологизма «щит и меч» основана на ассоциации по смежности, где слова «щит» и «меч» являются орудиями защиты и одновременно её аллегорико-символическим обозначением. В свою очередь, фразеологизм «лиса и виноград» основан на ассоциации по сходству сюжетно-ролевой структуры образа и темы.

В момент создания тропа продуцент переносит семантику произведения речи на какую-либо одну, отдельно взятую ситуацию (например, И. А. Крылов, сочиняя басню «Волк на псарне», название которой впоследствии стало фразеологизмом, конкретно имел в виду вторжение Наполеона в Россию), в результате чего возникает компаративный, метафорический, метонимический или перифрастический образ. Однако впоследствии семантика тропа распространяется на целый класс ситуаций, порой весьма разнородных, но обладающих структурным инвариантом. Троп приобретает абстрактное значение и становится аллегорическим или символическим.

Приведём несколько примеров речевого употребления фразеологизма «пустить козла в огород», чтобы проиллюстрировать разнообразие контекстуальных смыслов этого фразеологизма:

1) *Пустили козла в огород! На видео – недавно возникшая база ВВС США «Ганси», Манас, Киргизия (Сайт <www.kprf.ru>);*

2) *В депутаты подался начальник киевского управления охраны окружающей среды ... О том, как главный блюститель природы её уничтожил, написано было немало. Увы, так получается, что больше всего среде достаётся от её официальных охранников. Пустили козла в огород! (<ua.info>. Украинский инф. портал);*

3) *Вообще-то говорят – пустить козла в огород, но в данном случае – козу, то есть меня. Так вот, товарищи худеющие, меня, 148-килограммовую козу, собрались пустить в огород! То бишь в кафе... А там – весь фастфуд плюс итальянская кухня... Я же там всё сгрызу! (Сайт <www.Diet.ru>. Дневник пользователя)*

Как видно из приведённых примеров, ситуации, к которым применяется данный фразеологизм, очень разнообразны: военная экспансия, политика, переедание. Все эти примеры показывают, сколь абстрактно-схематическим бывает значение аллегорико-символических фразеологизмов (в этой связи уместно привести слова М. В. Никитина о том, что на втором ономаσιологическом уровне мы имеем дело не столько со значениями, сколько с «правилами содержательного варьирования» [5, с. 101]). Вот почему мы не считаем, что аллегорико-символическая образность рядоположена метафоре, компаративу, метонимии, перифразу. На наш взгляд, аллегоризация / символизация – это дальнейшая фаза семантического развития аналоговой или проксимативной образности.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. – М. : Сов. Энциклопедия. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke6/ke6-8262.htm> (дата обращения: 14.03.2013).
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М. : Мысль, 1994. – С. 5–216.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. – Спб. : Искусство, 2004. – С. 149–390.
4. Молчкова Л. В. Идиоматизация как способ компрессии информации // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – 2012. – № 2 (16). – С. 124–128. – (Сер. 2. Языкознание).
5. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. – Владимир : ВГПИ, 1974. – 224 с.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. СОЛОМАТИНОЙ

Н. Г. Бондаренко

Тульский институт управления и бизнеса им. Н. Д. Демидова,
г. Тула, Россия

Summary. In this article the problems of the language instability are considered. The reasons for the creation of the transformers are analyzed. The necessity of the individually-copyright transformations' using of the proverbs are revealed and substantiated in modern literature.

Key words: instability of the language; the proverb; the transformation; individually-copyright conversion; replacement; explication; contamination; the new growth.

В современном русском литературном языке происходят серьёзные изменения, связанные, прежде всего, с потребностями общества. Большое внимание уделяется неустойчивости языка.

В произведениях художественной литературы наряду с пословицами, используемыми в своей исходной форме, можно встретить пословицы, подвергшиеся трансформации.

Вслед за Т. С. Гусейновой под трансформацией будем понимать «любое отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [1, с. 7].

Таким образом, трансформация пословиц может быть «дефектной» (речевые ошибки) и авторской (преобразование пословиц в художественных целях). Рассмотрим авторские преобразования более подробно.

Целью использования видоизменённых пословиц является, с одной стороны, оказание эмоционального воздействия на читателя, а с другой – выражение оценочного отношения автора к фактам, событиям или персонажам произведения. Кроме того, окказиональные преобразования пословиц могут быть вызваны желанием «оживить стереотипный образ общеизвестных выражений, придать тексту личностный смысл» [2, с. 124].

Исследование и анализ индивидуально-авторских преобразований пословиц в современной художественной литературе необходимы для выявления особенностей их функционирования и тенденций развития.

Авторские преобразования пословиц оправданы как лингвистически, так и психологически.

С лингвистической точки зрения у трансформированных пословиц может быть иное значение, структура, наличие новых экспрессивно-стилистических свойств.

С психологической точки зрения трансформация расширяет границы авторской мысли, помогает проявить творческие способности. Кроме того, ввиду ограниченности человеческой памяти, формирование новых названий и терминов не может быть бесконечным. Наиболее рациональным при всём этом является преобразование привычных выражений, которое делает речь более разнообразной и яркой.

В рамках данной статьи рассмотрим не все виды преобразований, а лишь те, которые систематически использует Т. Соломатина в анализируемых произведениях.

1. Обновление лексико-грамматического состава пословицы в результате замены отдельных его компонентов другими словами. В итоге могут происходить следующие манипуляции:

а) замена компонента, структура пословицы остаётся неизменной:

Доброе слово и менту приятно [5, с. 141] – ср. «Доброе слово и кошке приятно».

Художественное произведение всё стерпит [4, с. 228] – ср. «Бумага всё стерпит»;

б) замена двух и более компонентов, структура пословицы остаётся неизменной:

Семь раз подумай и один раз ответь [5, с. 16] – ср. «Семь раз отмерь – один раз

отрежь».

Что жителю средней полосы хорошо, то пустынному – смерть [5, с. 98] – ср. «Что русскому здорово, то немцу смерть».

В субординацию вживайся, а сам не плошай [4, с. 8] – ср. «На бога надейся, а сам не плошай».

Чем дальше в администрирование, тем толще гембель [4, с. 172] – ср. «Чем дальше в лес, тем больше дров».

Назвался водолазом – изволь погружаться куда пошлют [4, с. 226] – ср. «Назвался груздем – полезай в кузов».

2. Контаминация, или своеобразный «макаронизм» [3, с. 108], где соединяется несколько пословиц в одну. При этом в «новом» варианте синтезирован смысл исходных устойчивых словосочетаний.

Чем больше факторов риска – тем глаже с тебя взятки [5, с. 46] – ср. «Чем дальше в лес, тем больше дров», «С дурака взятки гладки».

3. Экспликация – присоединение одного или нескольких переменных компонентов к началу или концу пословицы. Данный вид трансформации, как правило, ведёт к расширению смыслового объёма пословично-поговорочного изречения.

Переливать из пустого бесчувствия в порожнюю чувствительность [5, с. 55] – ср. «Переливать из пустого в порожнее».

Хлеб всему голова и его не перестанут употреблять никогда [5, с. 125] – ср. «Хлеб всему голова».

По мнению Е. С. Сыщиковой, подбор нового компонента пословицы зависит от тематики конкретного произведения. Этот приём всегда несёт конкретизирующую функцию, порождает большое количество смысловой и эмоциональной информации, которая возникает из лексического значения нового компонента и из обновлённой образности [6, с. 13].

Наиболее активный вид индивидуально-авторской трансформации, который использует Т. Соломатина, это замена, где происходит своеобразная деформация пословицы, текст которой легко восстанавливается благодаря наличию у читателей определённых фоновых знаний. Нередко она обращается к экспликации, в результате чего происходит конкретизация, «осовременивание» семантики, её «привязка» к содержанию произведения. Порой для достижения нужного эффекта автор использует приём контаминации.

Проанализированный нами языковой материал свидетельствует о том, что в современной литературе преобразование пословиц является распространённым художественным приёмом. В первую очередь это объясняется невероятно широкими и разнообразными выразительными возможностями такого рода выражений, так как структурно-семантическая специфика любой пословицы поддаётся трансформации, наращивающей экспрессию. Пословицы часто подвергаются разного рода индивидуально-авторским трансформациям для их актуализации, обеспечения связи с конкретным произведением, повышения их информативности, оценочности, экспрессивности, что также усиливает их воздействие на адресата.

На сегодняшний день в русском языке наблюдается бурное языкотворчество. Всё чаще и чаще в произведениях современных писателей мы встречаемся с неожиданными словесными играми и новообразованиями.

Библиографический список

1. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии : (на материале центр. газет 1990–1996 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1997. – 23 с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк.; Дубна : Изд. центр «Феникс», 2006. – 381 с.
3. Мокиенко В. М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). – СПб. : Издательский дом «Нева», 2006. – 348 с.
4. Соломатина Т. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» : роман. – М. : Яуза-пресс: Эксмо, 2010. – 416 с.
5. Соломатина Т. Приёмный покой : роман. – М. : АСТ, Астрель, 2011. – 188 с.
6. Сыщикова Е. С. Пословицы и поговорки как средство воздействия на читателя посредством эффекта кульминации и антикульминации (на материале испанской прессы) // V Степановские чтения. Язык в современном мире : мат-лы докл. и сообщ. междунар. конф. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – С. 285–287.

ВАРИАНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «НАЗВАНИЕ ЦВЕТКА»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т. А. Алексахина
Сумской государственной университет,
г. Сумы, Украина

Summary. The article deals with formal and lexical variants of idiomatic phrases with component "name of a flower." The author explores the types of formal (phonetic, morphological, syntactic) variants on the basis of the French and Ukrainian languages. It defined purpose and ethnospecific trends of variance in the phraseology of the investigated languages.

Key words: idiom; the name of a flower; a variant; variance.

Фразеологический фонд является неисчерпаемой, а следовательно, всегда актуальной темой лингвистики. Общеизвестно такое свойство устойчивых словосочетаний, как их семантическая целостность при формальной раздельнооформленности. Именно последний фактор, на наш взгляд, является одной из причин возникновения вариантов фразеологизмов. Среди других причин их вариативности учёные называют, в частности, наличие в структуре фразеологизмов компонентов, потерявших свою внутреннюю форму, прагматическую направленность языковой коммуникации, постоянное развитие и совершенствование языковых средств и развитие стилистических функций [2, с. 100; 1, с. 28].

Целью нашего исследования является изучение формальной вариативности фразеологизмов с компонентом «название цветка» в сопоставительном аспекте на материале французского и украинского языков.

Как правило, к формальным вариантам относят фонетические и грамматические варианты.

Фонетические варианты, т. е. замена фонем, зафиксированы нами лишь в украинском языке: *втерти маку* – *утерти маку*; *рожа і в терні гожа* – *рожа і в терну гожа* – *рожа і в терню гожа*; *в цвітi* – *в цвіту*; *у цвітi* – *у цвіту*.

Что касается грамматических вариантов, то мы их делим на следующие типы: словообразовательные, морфологические и синтаксические.

К словообразовательным относим фразеологизмы, в которых варьированию подвергаются компоненты на морфемном уровне. Этот тип вариантов также присущ только для украинского языка в силу его синтетической структуры. Среди зафиксированных устойчивых словосочетаний наблюдается ярко выраженная тенденция к суффиксальным вариантам. Во всех случаях это уменьшительно-ласкательные суффиксы: *мов квітка* – *мов квіточка* (*ніби квітка* – *ніби квіточка*); *як та квітка* – *як та квіточка* (*мов та квітка* – *мов та квіточка*; *ніби та квітка* – *ніби та квіточка*); *як макове зерно* – *як макове зернятко* (*з макове зерно* – *з макове зернятко*; *на макове зерно* – *на макове зернятко*); *на хорошу квітку* і *бджілка летить* – *на хорошу квітку* і *бджола летить*.

Что касается варьирования приставок, то такие случаи являются спорадическими: *як мак процвітає* – *як мак розцвітає*.

Кроме того, нами зафиксированы варианты комбинированного варианта (суффиксально-префиксальных модификаций): *як мак цвіте* – *як мак процвітає* (*як мак розцвітає*).

Морфологические варианты фразеологизмов наблюдаются в варьированиях грамматических категорий падежа, числа, рода, времени, вида, склонения.

Варианты падежных форм. Вполне закономерно, что они обнаружены нами только в украинском фразеокорпусе: *хоч мак сій* – *хоч маком сій*; *тиша, хоч мак сій* – *тиша, хоч маком сій* (*тихо, хоч мак сій* – *тихо, хоч маком сій*). Как видно из представленных иллюстраций, в структуре фразеологизмов наблюдается варьирование винительного и творительного падежей.

Варианты категории числа доминируют во французском языке: *à fleur de coin* – *à fleur de coins*; *fleur de coin* – *fleur de coins*; *aujourd'hui en fleur, demain en pleur* – *aujourd'hui en fleurs, demain en pleurs*; *conter fleurette* – *conter fleurettes*; *eau de rose* – *eau de roses*; *en fleur* – *en fleurs*; *nulle rose sans épine* – *nulle rose sans épines*; *il n'y a*

point de rose sans épines – il n'y a point de roses sans épines. Данные примеры наглядно показывают, что трансформации подвергаются имена существительные. Что касается украинского языка, то морфологическая категория числа варьируется в глаголе: *споминай мак та їж так – споминайте мак та їжтеся так*.

Модификации рода компонентов зафиксированы нами во французских фразеологизмах, где изменяются имена прилагательные: *être frais comme une rose – être fraîche comme une rose; frais comme une rose – fraîche comme une rose*.

Наблюдаются следующие виды вариантов темпоральности: настоящее – прошедшее время (*почервоніє, як мак – почервонів, як мак*); настоящее – будущее время (*одна квітка не робить вінка – одна квітка не зробить вінка*); инфинитив – прошедшее время (*вискочити як голій з маку – вискочив, як голій з маку*).

Варианты аспектуальности зафиксированы нами также только в украинском языке: *пришивати квітку – пришити квітку*. Как видно из представленного примера, имеет место видовой вариант глагольного компонента: совершенный / несовершенный вид.

Что касается варьирования категории наклонения, то во французском языке нами обнаружена модификация инфинитива в императив: *dire quelque chose avec des fleurs – dites-le avec des fleurs*.

Синтаксические варианты включают в себя несколько типов.

Порядок слов. В двух исследуемых нами языках прослеживается один и тот же тип варьирования: смена места главных членов предложения. Ср.: фр. *de belle femme et de fleur de mai en un jour la beauté s'en va – de belle femme et fleur de mai en un jour s'en va la beauté*; укр. *з однієї квітки бере яд змія, а бджола – мед – з однієї квітки змія бере яд, а бджола – мед*.

В вариантах пунктуации для каждого из языков характерны свои специфические тенденции. Так, во французском зафиксированы варианты различного написания: через дефис и отдельно: *Fanfan-la-Tulipe – Fanfan la Tulipe; la guerre des Deux-Roses – la guerre des Deux Roses*.

В украинском языке прослеживаются следующие тенденции:

– пропуск сказуемого с тире и без него: *весна багата на квітки, а осінь на сніпки – весна багата на квітки, а осінь – на сніпки; весна красна квітками, а осінь плодами – весна красна квітками, а осінь – плодами; дівки в хороводі – наче маків цвіт на городі – дівки в хороводі, наче маків цвіт на городі; з однієї квітки бере яд змія, а бджола мед – з однієї квітки бере яд змія, а бджола – мед;*

– вариации знаков препинания в конце предложения: *кудахче під бузком, а яйце несе в кропиві – кудажче під бузком, а яйця несе в кропиві!*

– комбинирование вариантов пунктуации: оформление прямой речи и знаки препинания в конце предложения (*Казав мак: «Що ти за жито, що рік не вродило, та й голоду наробило? А я не родив сім літ, а голоду ніт!» – Казав мак: що ти за жито, що рік не вродило, та й голоду наробило? А я не родив сім літ, а голоду ніт*); варьирование знаков препинания в конце и в середине предложения (*отак: той у ріпу, той у мак – так: той у ріпу, той у мак! – так: той у ріпу, той – у мак – так, той у ріпу, той у мак*).

Варианты синтаксических конструкций определены грамматическим строем исследуемых языков: во французском – это безличные обороты (*il est* и *il y a*), а в украинском – варианты связи между составляющими сложного предложения. Ср.: фр. *il n'est point de roses sans épines – il n'y a pas de roses sans épines; раді люди літу, а бджоли – цвіту – раді люди літу, як бджоли цвіту*.

Особенное место в нашем исследовании занимают комбинированные формальные варианты фразеологизмов. Выделяем здесь различные типы комбинаций:

– пунктуация (через дефис / отдельно) и конструкции безличных оборотов (*il est / il y a*): *il n'y a point de si belle rose qui ne devienne grattecul – il n'est point de si belle rose qui ne devienne gratte-cul – il n'est si belle rose qui ne devienne gratte-cul;*

– порядок слов (прямой / обратный) и пунктуация (пропуск сказуемого с тире и без него): *люди раді літу, а бджоли цвіту – раді люди літу, а бджоли – цвіту;*

– словообразовательные варианты и варианты пунктуации: *то були тільки квіточки: підожди – побачиш і ягідки* – *то були тільки квіточки, підожди – побачиш і ягідочки*.

Таким образом, анализ вариантов французских и украинских фразеологизмов с компонентом «название цветка» показывает, что синтаксические варианты являются универсальными для них. Модификациям подвергаются порядок слов, пунктуация и синтаксические конструкции. Что касается специфических тенденций в варьировании, то фонетические варианты зафиксированы нами лишь в украинском языке. Среди морфологических вариантов также не обнаружен изоморфизм, так как они обусловлены грамматическим строем изучаемых языков. Синтетизм украинского стал причиной появления словообразовательных, падежных, темпоральных и аспектуальных вариантов. Аналитизм французского языка определил наличие вариантов компонентов, связанных с категориями рода и числа.

Перспективой наших дальнейших исследований мы считаем изучение лексического варьирования фразеологизмов с компонентом «название цветка» в сопоставительном аспекте.

Библиографический список

1. Белобородова А. В. Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «безразличие» в русском и английском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 1 (3). – С. 27–29.
2. Глуховцева И. Я. Формальные та лексические варианты устойчивых сочетаний слов в украинских восточнославянских говорах // Лінгвістика : зб. наук. праць: Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка». – 2010. – № 2 (20). – С. 98–106.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИДИОМЫ-ПЕРФОРМАТИВА *ВОТ ВАМ / ТЕБЕ (ТЕ) КРЕСТ* В СИТУАЦИЯХ АДРЕСАТНОСТИ

А. С. Скорик

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
г. Петропавловск-Камчатский, Россия

Summary. A performative functioning idiom "cross my heart!" in situations of absolute and detached-generalized situation of an addressness is described in the article. The conclusion is drawn, that the analyzed idiom is used in the situation of an absolute addressness. The ways of strengthening of expressivity of the idiom depending on the concrete realization are described.

Key words: address, addressness, the absolute addressness, the de-tached-generalized addressness, the idiom performative, performative.

Коммуникативные отношения, в которых человек реализует свои намерения, определённым образом достигая поставленной цели (познаёт, утверждает, просит, требует и т. д.), устанавливаются говорящим, но направляются адресату, который принимает или отвергает их. Таким образом, адресат регулирует подобные коммуникативные отношения, называемые адресованными.

Адресованные отношения складываются в адресатных ситуациях – ситуациях коммуникативного взаимодействия между автором речевого произведения и адресатом, в которых устанавливается речевой контакт и формируются высказывания, иллокутивно направленные на получателя сообщения [3, с. 39].

Согласно концепции И. Д. Чаплыгиной, существует несколько типов адресатных ситуаций, разграничение которых зависит, с одной стороны, от иллокутивной цели и запланированного говорящим перлокутивного эффекта, с другой – от типа адресата и характера адресатных отношений [3, с. 39].

Рассмотрим особенности функционирования идиомы *Вот вам / тебе (те) крест* в адресатных ситуациях.

Заметим, что, согласно словарным толкованиям идиомы *Вот вам / тебе (те) крест*, общим определением её значения является «божба, заверение в истинности сказанного, клятвенное уверение». Таким образом, с одной стороны, данная единица соотносится с перформативным глаголом *клянусь* и выражает речевое действие клят-

вы. С другой стороны, в семантике данного фразеологизма содержится указание на адресата, т. е. того, кому даётся клятва. Указание на адресата реализуется посредством частиц *вам, тебе (те)*, «встроенных» в состав идиомы. Данные частицы этимологически связаны с местоимениями *вы* и *ты*, являющимися ядерными средствами выражения значения адресованности, и потому способствуют актуализации данного значения в процессе речевого контакта.

На основании вышесказанного будем называть идиому *Вот вам / тебе (те) крест* перформативом (понимая под «перформативностью» такое употребление единицы языка, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого ею действия [1, с. 199]) и относить её к средствам выражения значения адресованности.

Использование идиомы *Вот вам / тебе (те) крест* характерно для разговорной речи, говорящий с её помощью апеллирует прежде всего к чувствам собеседника, божится, выражая уверенность в истинности своих слов или поступков.

Рассмотрим несколько примеров.

– *Ну, чего в самом деле прлистал? Сказано: убирайся, и убирайся. Я у тебя на прошлой неделе прлосил мячик, а ты мне что сказал?*

– *Ей-богу, Арапчик, не мой мячик был. **Вот тебе крест** – не мой. Это Утконоса был мячик, а он не велел никому давать. Ты знаешь, я тебе всегда с удовольствием... Ну, Арапчик, дай же откусить кусочек.*

(...)

– *Черлт с тобой, кусай. Вот до этих пор, где я ногтем дерлжу. На (А. Куприн).*

В данном контексте идиома *Вот тебе крест* употреблена в качестве грамматического эквивалента основного выразителя перформативности – глагола *клянусь* – и способствует реализации речевого акта клятвы. Цель говорящего – «снять с себя вину» за то, что не дал Арапчику поиграть с мячом, уверить его в своей невиновности, с тем чтобы получить желаемое. Поэтому для достижения цели адресант использует те языковые средства, которые смогут повлиять не только на разум собеседника, но и на его чувства – идиомы *Ей-богу, Вот тебе крест*, обладающие высокой степенью экспрессивности, воздействующей силы и тем самым способствующие достижению предусмотренного говорящим перлокутивного эффекта. Таким образом, в данной ситуации наблюдаем попытку адресанта установить контакт с адресатом, убедить в правдивости своих слов и побудить к определённым действиям. Между говорящим и его собеседником устанавливается адресованное отношение, причём это отношение имеет характер безусловной адресованности, так как налицо обращение к конкретному адресату, реализующееся с помощью неспециализированных средств выражения адресованности – фразеологизмов *ей-богу, Вот тебе крест*, обращения *Арапчик*. Обе идиомы имеют значение клятвы, божбы, вторая идиома в контексте – *Вот тебе крест* – усиливает данное значение.

Употребление анализируемой идиомы нередко сопровождается соответствующим жестом: «закрестился», «перекрестился», «осенил крестом» и пр., например:

Мужичонка торопливо закрестился.

– ***Вот тебе крест** – не подняли (Вс. Иванов).*

Наличие реального адресата в таких случаях обязательно, так как идиома имеет жестовый характер.

Таким образом, одной из характеристик идиомы-перформатива *Вот вам / тебе (те) крест* как речевой единицы является её функционирование в ситуациях абсолютной адресатности, где возникают отношения безусловной адресованности, реализуются определённые интенции говорящего относительно конкретного адресата.

Подобных примеров можно привести много. Анализ языкового материала показал, что в большинстве случаев идиома-перформатив *Вот вам / тебе (те) крест* функционирует именно в ситуациях абсолютной адресатности, где наблюдается чёткое разграничение Я-говорящего и Ты-слушающего.

Достаточно редко встречаются ситуации отстранённо-обобщённой адресатности, которая заключается в том, что «приводит к обобщению, равному по значению словам *всякий, каждый*, попадающий по тому или иному признаку в один разряд с единичным, конкретным адресатом» [3, с. 74]. Например:

*Я нигде без тебя не утешусь,
Пропаду без тебя, моя Русь!
Вот вам крест, что я завтра повешусь,
А сегодня я просто напьюсь* (С. Коржуков).

или

Уверяю вас! Чистая правда! Вот вам крест! Ну чем вам поклясться! Хотите – здоровьем главврача. А что? (В. Высоцкий)

В приведённых примерах компонент идиомы «вам» синтезирует своим лексическим значением семантико-прагматическое содержание отстранённо-обобщённой ситуации. «Вам» апеллирует к потенциально возможному адресату, например, любому получателю / читателю произведения. Идиома-перформатив используется здесь для эмоционального воздействия на адресата с целью получения ответных чувств или поддержки. На ожидание подобного перлокутивного эффекта также могут указывать другие специализированные или неспециализированные средства адресованности, как, например, восклицательная конструкция во 2-м примере.

В зависимости от конкретной реализации идиомы-перформатива *Вот вам / тебе (те) крест* в речи экспрессивность данной единицы может быть усилена при помощи различных способов:

1. За счёт расширения / увеличения состава фразеологической единицы, например:

• **Вот вам / тебе истинный крест**

– *Все будет, ангел, все! Только знаешь, я не пью. Вот тебе истинный крест, бросил!*

– *Ничего, со мной выпьешь...*

– *Уж разве только с тобой. А так-то сгори и вспыхни...* (И. Федоров).

• **Вот вам / тебе святой крест**

Все люди братья! Вот святой вам крест!

Но только мне всё чаще так сдаётся,

Что брат у брата всё же «что-то» ест,

А после «что-то» ничего не остаётся (А. Тулбу).

• **Вот вам / тебе крест и икона святая**

– *Глупенький, – сказала Д.П., конфузясь. И ушла вдруг из комнаты. И только Забежкин хотел к козе пройти, как Д.П. снова вернулась.*

– *Побожись, – сказала она строго, – побожись, что верно сказал про чувства...*

– **Вот вам крест и икона святая** (М. Зощенко).

В данных примерах значение божбы усилено с помощью прилагательных «истинный» в первом случае, «святой» – во втором и словосочетания «икона святая» – в третьем.

2. За счёт замены компонента «крест» компонентом со сходной семантикой, например:

• **Вот вам ей-богу**

– *Петя! Зачем ты взял потихоньку кусок сахару?*

– *Честное слово, ей-богу, папаша, не брал. Вот вам ей-богу.*

– *Не божись и не лги. Я нарочно пересчитал утром. Было 18 кусков, а теперь 17.*

– *Ей-богу.*

– *Не божись. Стыдно лгать* (А. Куприн).

В приведённом контексте компонент «крест» заменён компонентом «ей-богу», который также способствует выражению значения божбы.

Расширение состава идиомы, замена её компонента создаёт эффект новизны, что в свою очередь повышает иллюкутивный потенциал высказывания и усиливает его воздействующую на адресата силу.

Итак, идиома *Вот вам / тебе (те) крест* по своему определению способна выполнять функции перформатива и указывать на направленность речи определённому адресату, что позволяет рассматривать её как средство выражения значения адресованности. Причём данная единица может указывать не только на конкретного адресата, функционируя в ситуациях абсолютной адресатности, но и на обращённость речи к

потенциальному адресату при употреблении в ситуации отстранённо-обобщённой адресатности.

Анализ языкового материала показал, что идиома *Вот вам / тебе (те) крест* не употребляется в ситуациях совместной адресатности, что, вероятно, обусловлено компонентом «вам / тебе (те)», актуализирующим значение указания на собеседника, обращение к нему.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 767 с.
2. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи : словарь. – М. : Флинта: Наука, 2001. – 240 с.
3. Чаплыгина И. Д. Ты-категория: семантика и структура. – Петропавловск-Камчатский, 2003. – 350 с.

МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *CHAT*

А. М. Сердюк

Бердянский государственный педагогический университет,
г. Бердянск, Украина

Summary. The article is devoted to the degree of motivation of the phraseology with the component *chat* in French. The author has found that the most idiomatic phrases are motivated and they have a pejorative mark in their meaning.

Key words: idiom; motivation; axiological potential.

Изучение вербальной символики в современных исследованиях происходит в точках пересечения различных дисциплин – этнолингвистики, фольклористики, этнологии и т. д. На наш взгляд, важным является аспект изучения символов на материале фразеологического корпуса того или иного языка.

Материалом статьи служат французские устойчивые словосочетания с компонентом *chat*. Выбор именно этого компонента обусловлен тем, что данная лексема репрезентирует домашнее животное, т. е. тот объект окружающего мира, который находится в непосредственной близости от субъекта в его повседневной жизни и может служить основой для образования новых значений. Постоянное наблюдение за повадками домашних животных, в частности кошек, даёт мотивационную основу для сравнения их с поведением человека и в дальнейшем для образования символических значений фразеологизмов с исследуемым компонентом.

Как указано в лексикографических источниках, кот – это «*petit animal domestique carnassier, à pelage de couleur variée souvent noir ou gris, se nourrissant de souris, de petites proies, et de la nourriture servie par ses maîtres*» [1] (букв. *маленькое домашнее хищное животное, с мастью различного цвета, часто чёрного или серого, питающееся мышами, мелкой добычей и едой, приготовленной его хозяевами*) (здесь и далее – перевод наш – А. С.).

В нашем исследовании мы поставили перед собой цель – изучить мотивацию образования символических значений лексемы *chat*, которые она приобретает как компонент в структуре фразеологизмов.

Нами были проанализированы устойчивые словосочетания с данным компонентом. Результаты исследования показывают различный спектр их значений. Все фразеологизмы можно условно разделить на две группы. К первой мы относим те, значение которых мотивировано повадками или внешним видом кота.

Как уже было отмечено, кот является хищником. Это главное его свойство, которое легло в мотивационную основу фразеологизмов: *à tard se repent le rat quand par le col le tient le chat* (букв. *поздно кается крыса, когда её за шею держит кот*); *chat et chaton, chassent le raton* (букв. *кот и котёнок охотятся за крысёнком*); *chat de souris s'ébat, puis la dévore* (букв. *кот резвится с мышью, потом её пожирает*).

В противоположность вышеперечисленным, следующие фразеологизмы мотивируются теми свойствами, которые могут мешать коту охотиться: *chat miauteur, mauvais chasseur* (букв. *мяукающий кот – плохой охотник*); *chat qui dort ne se met rien sous la dent* (букв. *спящий кот ничего не кладёт себе под зуб*).

Следующая группа фразеологизмов имеет значение «равнозначные соперники» и мотивируется хищной натурой котов и тем, что основной их пищей являются грызуны: *à bon chat bon rat* (букв. *хорошему коту – хорошую крысу*); *à mauvais chat, mauvais rat* (букв. *плохому коту – плохую крысу*); *à vieux chat, jeune souris* (букв. *старому (т. е. опытному) коту – молодую мышь (т. е. достойного соперника)*); *n'éveillez pas le chat qui dort* (букв. *не будите спящего кота*); *c'est folie de réveiller le chat qui dort* (букв. *это сумасшествие – будить спящего кота*); *quand le chat n'est pas là, les souris dansent* (букв. *когда кота нет, мыши танцуют*), ср. с рус. *кот из дома – мыши в пляс*.

Хищнику обязательно присущи такие повадки и свойства, как хорошее зрение: *avoir des yeux de chat* (букв. *иметь кошачьи глаза*); скорость: *courir comme un chat maigre* (букв. *бежать как худой кот*), что означает «бежать очень быстро»; *passer comme un chat sur la braise* (букв. *пройти как кот по углям*), т. е. пройти очень быстро; *faire une toilette de chat* (букв. *делать кошачий туалет*), т. е. быстро умыться; ловкость: *retomber comme un chat sur ses pattes* (букв. *снова упасть как кот на свои лапы*), т. е. уметь ловко выкручиваться из затруднений; хитрость: *jouer au chat et à la souris* (букв. *играть в кота и мышь*), ср. с рус. *играть в кошки-мышки*. Последний фразеологизм образован в результате переосмысления названия детской игры, в правила которой положены повадки кота.

Кроме мелкой добычи, кот питается ещё и едой своих хозяев, при этом часто её воруя. Это качество мотивирует следующие фраземы: *friand comme un chat* (букв. *лакомка как кот*), сладёна, лакомка; *à chat lécheur bat-on souvent la gueule* (букв. *кота-сладёну часто бьют по морде*); *comme de donner garder le lard au chat* (букв. *как-будто дать хранить сало коту*). Как следствие из вышеназванных устойчивых словосочетаний имеет место следующая фраза со значением «осторожность»: *chat échaudé craint l'eau froide* (букв. *ошпаренный кот боится холодной воды*).

Как уже было нами отмечено ранее, кот по своей природе является шkodливым животным, но урон в быту человека от этого не является значительным. Отсюда фразеологизм: *il n'y a pas de quoi fouetter un chat* (букв. *не зачем стегать кота*), т. е. нет необходимости серьёзно заниматься мелочами.

Как известно, антагонистом кота является другое домашнее животное – собака. Их взаимной враждебностью мотивируются фразеологизмы со значением «непримиримость»: *s'entendre (vivre) comme chien et chat* (букв. *договариваться (жить) как собака и кот*), т. е. ссориться, жить во вражде.

Аналогичное значение имеют и фразеологизмы-синонимы: *amis comme, le chien et le chat* (букв. *друзья, как собака и кот*); *eau et vin dans un estomac, chat et chien dans le même sac* (букв. *вода и вино в желудке – кот и собака в одном мешке*).

Люди часто держат котов не только из-за того, что они охотники на мышей, но и из-за их привлекательного внешнего вида. Поэтому фразеологизм *queue de chat* (букв. *кошачий хвост*), «маленькое белое облако» мотивирован именно внешними данными этого животного. По этой же причине фраза *acheter (vendre) chat en poche* (букв. *купить (продать) кота в мешке (т. е. не видя его)*) имеет значение «неудачная сделка».

С другой стороны, любые действия над котом дают негативный внешний эффект: *chat coiffé* (букв. *подстриженный кот*); *chat écorché* (букв. *ободранный кот*); данные устойчивые словосочетания имеют значение «урод». Внешний вид котов является также мотивационной основой для фразеологизма с семантикой «недостатки в поведении»: *fil de chat lui ressemble des pieds à la tête* (букв. *сын кота похож на него с головы до ног*), т. е. дети имеют те же недостатки, что и их родители.

По внешнему подобию с кошачьей лапой мотивируется и фразеологизм, обозначающий орудие наказания, пытки: *chat à neuf queues* (букв. *кот с девятью хвостами*) – плеть с девятью хвостами с железными наконечниками для наказания солдат.

Другая группа фразеологизмов с компонентом *chat* не является мотивированной. Данные фразеологизмы являются ироническими. Они образуются вследствие того, что коту приписываются неприсущие ему качества и повадки или действия, которые человек обычно не совершает по отношению к этому животному. Таким образом, в данных фразеологизмах отображено нестандартное видение окружающего мира, т. е. они являются ирреальными, а следовательно, немотивированными.

Плохой почерк: *écrire comme un chat* (букв. *писать как кот*), т. е. писать плохо, маленькими неразборчивыми буквами. Аналогичное значение имеют и другие фраземы: *écrire plus mal qu'un chat* (букв. *писать хуже, чем кот*); *une écriture de chat* (букв. *кошачий почерк*); заболевание горла: *avoir un chat dans la gorge* (букв. *иметь кота в горле*); ср. с рус. *царапать горло*.

Безответственность: *c'est le chat!* [qui l'a fait] (букв. *это кот!* [который это сделал]) – иронический ответ человека, отказывающегося признать свою ответственность. При переключении ответственности за ошибки на другого употребляют выражение *jeter le chat aux jambes de qqn.* (букв. *бросить кота под ногу*); *c'est le chat qui brise toutes les écuelles* (букв. *это кот бьёт все миски*).

Фразеологизм *tirer les marrons du feu avec la patte du chat* (букв. *доставать каштаны из костра кошачьей лапой*) имеет значение «пользоваться посредником для выполнения работы, которую боишься делать сам».

Кроме этого, нами зафиксированы и другие фразеологизмы, имеющие различные значения: неблагодарность: *ingrat comme les chats* (букв. *неблагодарный как кот*); невежливость: *emporter le chat* (букв. *уносить кота*), т. е. уйти не попрощавшись; бессилие: *donner sa langue au chat* (букв. *отдать свой язык коту*) – признаться в том, что не можешь отгадать загадку, шараду; непостоянство хорошей жизни: *ce n'est pas du beurre pour son chat* (букв. *это не масло для его кота*), ср. с рус. *не всё коту масленица*; небрежная работа: *c'est de la bouillie pour les chats* (букв. *это варево для кота*) и др.

Таким образом, анализ французских устойчивых словосочетаний с компонентом *chat* показывает, что зооморфизмы являются важным фрагментом фразеологической картины мира. Для них является характерным высокий уровень мотивированности: 69 % фразеологизмов являются мотивированными.

С точки зрения аксиологического потенциала 76 % исследованных фразем имеют пейоративную окраску. Все эти тенденции объясняются тем, что в основе большинства фразеологических словосочетаний с компонентом *chat* лежат результаты наблюдений и оценка человеком повадок этого животного. Перспективой наших дальнейших исследований мы считаем сопоставительное изучение фразеологизмов с зоокомпонентами в их структуре.

Библиографический список

1. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales : Portail lexical URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/chat> (дата обращения: 15. 03. 2013).

СТАНОВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Е. Н. Соколова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Summary. In article ways of representation of a language picture of the world in Old Russian onomastics lexicon of the period of the XI-XIII centuries are considered. On a material of proper names recorded in texts of the church and secular contents, specifics of formation of mental characteristics of Old Russian ethnos is traced.

Key words: historical onomastics; language picture of the world; mentality; Old Russian monuments of writing.

Ономастическая лексика периода Киевской Руси представляет собой ценный источник для изучения национально-культурной ментальности древнерусского этноса. Ментальность может быть определена как «совокупность знаний, умений, нравственных

установок и образ мыслительных навыков конкретной личности, народности, нации, этнической общности, то есть духовная обусловленность этноса, его мировоззрение и мировосприятие» [28, с. 200], «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [7, с. 15].

Являясь не только лингвистическими, но и экстралингвистическими единицами, собственные имена могут содержать в своей семантике различную культурно-историческую информацию [25; 3; 23; 1; 27; 2; 9; 7; 10 и др.], связанную со становлением материальной и духовной культуры определённого народа. При освоении окружающей действительности человек формирует представление об определённых объектах, входящих в состав картины мира, основным способом выражения которой является язык. Языковая картина мира аккумулирует в себе на эксплицитном или имплицитном уровне когнитивную деятельность индивида. Язык, по словам В. В. Колесова, – «основной и главный элемент, способный выразить особенности народной ментальности» [7, с. 15]. Различия между языковыми картинами мира различных народов обнаруживаются, прежде всего, в специфичных словах, не переводимых на другие языки и заключающих в себе характерные для данного языка концепты.

Модель мира, лежащая в основе менталитета русского человека, связана с пространственно-временными, количественными, этническими и прочими характеристиками окружающей среды. Ещё в начале XX в. известный географ В. П. Семёнов-Тян-Шанский указывал на существующую связь между местными названиями и географическим ландшафтом [15], проявляющуюся в наличии целого ряда оппозиций (наличие оппозиций во многом связано с русским православием, где основополагающей является поляризация ценностных представлений) в пространстве (верхний – нижний: *Новгородъ Нижний* [5], ближний – дальний, северный – южный: *Устьюгъ* [19], запад – восток: *Въсточная страна* [5] – *Западная страна* [5]) и времени (старый – новый: *Новгородъ* [14, 5, 8], *Новъградъ* [20], *Новый Городъ* [14] – *Стародубъ* [14]); оппозиций, связанных с размером топообъекта (большой (великий) – малый: *Донъ Великий* [20], *Великое море* [29] – *Донец Малыи* [20]), его цветовыми обозначениями (красный – белый: *Чермное море* [8] – *Бело озеро* [8], *Бель-градъ* [20], *Белая Вежа* [14]) и этническими наименованиями (русский – нерусский: *Русьская земля* [19; 20; 18; 14; 29] – *Половецкая земля* [20; 14], *Гречьская земля* [17], *Варяжское море* [5], *Немецкая земля* [5], *Угорский горы* [20], *Чешьский лесъ* [14], *Чудьское озеро* [5]). В данном случае речь идёт об актуализации в процессе именовании определённых элементов пейзажа и территориальных признаков у различных народов. К примеру, характеристика топографических особенностей и природных богатств (изобилия) реализуется в ряде славянских ойконимов (*Берестье* [14], *Броды* [14], *Выдубичи* [16], *Лубьны* [14], *Стародубъ* [14], *Прилукъ городъ* [14] и др.). *Берестье* впервые упоминается в летописи 1019 г. как *Берестье*, от *берестье* (др.-русс. основа **берест-*, расширенная суф. –*је*) «березовая кора, береста»; возможна также связь с др.-русс. *берест* «вяз» [12, с. 81]. Исходной для др.-русс. *берестъ > *Берестие*, *Берестье* стала праславянская форма *berstje с собирательным значением «вязы» [9, с. 20]. Этимология ойконима *Броды* связывается с «русс.-цслав. *бродъ*. Родственно лит. *brādas* 1. «топкое место», 2. «брод», 3. «ловля рыбы», *bradà* «отмель» [26, т. 1, с. 216]. В. П. Нерознак указывает, что ойконим *Броды* происходит «от др.-русс. *бродъ* «брод, путь, проход». По форме Им. п. мн. ч. от праславянской основы *brodъ, представленной во всех славянских языках. Неоднократно засвидетельствована топооснова *Брод-* в топонимии Древней Руси. Толкуется как аблаутная производная форма от др.-русс. глагола *брести*, *бреду* < праслав. *brestī, *bredo. Древнерусское *брод* означало «место водной преграды, которое можно перейти вброд» [9, с. 27]. Название окрестности близ Киева *Выдубичи* связывается с древней легендой, повествующей о том, что в связи с крещением Руси князь Владимир велел сбросить деревянных идолов Перуна и других языческих богов в Днепр. Преданные языческой вере жители бежали вдоль реки, призывая богов всплыть, и кричали: «Перуне, выдубай!». Место, где всплыли идола, назвали Выдубичи. Имеются и другие версии происхождения названия, связанные с переправой через Днепр, находившейся в районе Выдубицкого монастыря (жители переправлялись на «дубах» – лодках, сделанных из цельных стволов дуба); с находившейся рядом дубра-

вой; с подземным монастырем, который «выдыбал» из-под земли. *Лубьны* упоминается в 1096 г. как *Лубьн*. По форме название является кратким прилагательным от др.-русс. *луб* «луб, кора, лыко» [12, с. 247]. Название города *Стародубь* могло быть образовано от названия урочища *Старые Дубы* [13, с. 418]. Это «сложное имя собственное, образованное от краткой формы прил. *старь* (*старый*) и др.-русс. *дубь* «дуб». Ономатооснова *Стародуб*- сохраняется и в восточнославянской антропонимии» [9, с. 162–163]. *Прилуць городь* впервые упоминается под 1092 г. как *Прилук*. Название происходит от народного географического термина *прилук* «край излучины, луки, обрыва» [12, с. 339].

Влияние географической среды на ономастикон – «постоянно действующий объективный фактор, и имена каждого народа носят опосредованный отпечаток той географической среды, в которой складывалась его культура» [22, с. 39].

Основным признаком при именовании, как людей, так и географических объектов, является мотивация, отражающая своеобразие народного самосознания и ценностные ориентиры. Соответственно, личные имена проявляют себя как маркеры национальной ментальности, поскольку «в разные эпохи, в условиях разных культур и позиция именуемого и привлекающие его черты объекта не совпадают» [21, с. 105].

Применительно к эпохе Киевского государства можно говорить о постепенном формировании онимных символов русской культуры, среди которых ключевое значение приобретает символ веры. Так, в системе географических имён исследуемых источников находят отражение христианские религиозные представления (*Богородица Пирогощя* [20], *Богородицы святых церковь* [29; 6], *Богородицы монастырь* [4], *Богородицы соборная церковь* [18], *Христа церковь* [4], *Честнаго Креста монастырь* [4], *Боголюбиво* [5; 8] и др.). Широко представлены в топонимическом пространстве древнейшей эпохи имена святых (агионимы) (*Димитрия святого монастырь* [6], *Марии святых богородицы церковь* [17], *Миных святого монастырь* [6], *Михаила архангела церковь* [4], *Николы святого монастырь* [6], *Феодосия монастырь* [6] и др.). Религиозная идея святости «была одновременно и путеводной идеей русского народа, его национальным идеалом, воплощённым в образе Святой Руси как первообразе русского культурного ландшафта» [24, с. 12].

К распространённым мотивам номинации у восточных славян могут быть отнесены также: мотивы профилактического именованья детей (имена-обереги – *Бессон*, *Горе*, *Грязной*), мотивы социального характера в топонимической номинации (*Боляровъ островъ* [6]), так или иначе связанные с национальными традициями.

В эпоху XI–XIII вв. получает своё воплощение традиция прославления в именах (*Брячеславъ* [20], *Всеволодъ* [20; 5; 19], *Владимиръ* / *Влодимеръ* / *Владимеръ* [8; 20; 17], *Всеславъ* [14; 20], *Изяславъ* [6; 14; 11; 20], *Мстиславъ* [20], *Ратмеръ* [5], *Ростиславъ* [20; 6; 14; 8], *Святополкъ* / *Святоплкъ* [14; 20; 5], *Святославъ* [14; 6; 8; 17], *Ярославъ* [19; 5; 20; 14], *Ярополкъ* [14]) и географических названиях (*Васильевъ* [6], *Володимеръ* / *Володимеръ градъ* / *Володимиръ градъ* [14; 5; 6], *Юрьевъ градъ* [5] и др.). *Васильевъ* впервые упоминается под 988 г. как город, который основал князь Владимир Святославич и дал название по своему христианскому имени Василий [12, с. 90]. *Володимеръ* // *Володимеръ градъ* // *Володимиръ градъ* (Владимир Волынский) впервые упоминается в летописи под 988 г. как *Володимеръ*. Название произошло от личного имени великого князя Владимира Святославича с притяжательным суффиксом – *ь*– [12, с. 101]. *Юрьевъ градъ* (имеется в виду Юрьев Немецкий) – русская крепость, основанная князем Ярославом. Назван по крестному имени Ярослава – *Юрий*.

Употребление в трёхсловных мужских антропонимических формулах имён отца и деда становится одной из черт древнерусской родовой традиции, подчёркивающей связь поколений и способствующей идентификации поименованного: «Слово о плъку Игореве, *Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова*» [20, с. 372], «...покушаюся писати житие святого князя *Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа*» [5, с. 426], «Похвалимъ же и мы по силтте нашеи... великааго кагана нашеа земли *володимера вьнука старааго игоря сына же славнааго святослава...*» [17, с. 91].

Отметим, что имена собственные «нередко сохраняют некую этнокультурную маркированность и даже формульность, которая позволяет реконструировать не только утраченные фрагменты незасвидетельствованного письменными памятниками языкового сознания, но в определённой степени отражают ту картину мира человека

Древней Руси, которая не всегда эксплицитно восстанавливается на основании письменных и материальных памятников. В этом их уникальная значимость и исключительность» [9, с. 6–7].

Древнерусская ономастическая лексика, особым способом выявляя народное миропонимание, отражает процесс становления восточнославянских ментальных символов.

Библиографический список

1. Агеева Р. А. Происхождение имён рек и озёр / отв. ред. Э. М. Мурзаев. – М. : Наука, 1985. – 143 с.
2. Березович Е. Л. К вопросу о ситуативном принципе номинации русских топонимов // Словесность и современность : мат-лы науч. конф. В 3 ч. – Пермь, 2000. – Ч. 2. – С. 68–76.
3. Горбаневский М. В. Основной принцип номинации в русских названиях населённых пунктов // Филологические науки. – 1982. – № 1. – С. 70–74.
4. Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1981. – С. 66–105.
5. Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1981. – С. 426–439.
6. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1978. – С. 304–391.
7. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
8. Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII век. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1980. – С. 389–400.
9. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. – М. : Наука, 1983. – 207 с.
10. Полежаев Д. В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 5. – С. 57–62. – (Сер. «Филологические науки»).
11. Послание Климента Смолятича // Памятники литературы Древней Руси: XII век. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1980. – С. 283–290.
12. Пospelов Е. М. Географические названия мира : топонимический словарь. – М. : Русские словари: Астрель: Аст, 2002. – 512 с.
13. Пospelов Е. М. Географические названия России : топонимический словарь. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 523 с.
14. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1978. – С. 392–413.
15. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Как отражается географический пейзаж в народных названиях населённых мест. Антропогеографический этюд // Землеведение. – 1924. – Вып. 1–2.
16. Слово Моисея Выдубицкого // Памятники литературы Древней Руси: XII век. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1980. – С. 409–412.
17. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Первая редакция «Слова». (Список С-591) // Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. – Киев, 1984. – С. 78–100.
18. Слово о Меркурии Смоленском // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1981. – С. 204–209.
19. Слово о погибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1981. – С. 130–131.
20. Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1980. – С. 373–388.
21. Суперанская А. В. Имя – через века и страны / отв. ред. Э. М. Мурзаев. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 192 с.
22. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
23. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 76 с.
24. Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство северно-русской культуры. – Архангельск, 1993. – 278 с.
25. Топоров В. Н. К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. – М., 1963. – С. 226–231.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – СПб. : Азбука, Издательский центр «Терра», 1996. – Т. 1. – 576 с. ; Т. 2. – 672 с. ; Т. 3. – 832 с. ; Т. 4. – 864 с.
27. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. В 2 т. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. – Т. 1. – 512 с. ; Т. 2. – 520 с.
28. Фролов Н. К. О ментальном пространстве славяно-русской личности // Нравственные традиции в духовном сознании народов России : сб. ст. – Тюмень, 2009. – С. 200–201.
29. Хождение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII век. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. литература, 1980. – С. 25–116.

Summary. Statistics "frequency dictionary of language" can be widely used in the solution of other linguistic problems. Thus, the inverse statistical dictionary will give the materials for analysis of word formation and definition of active means of word formation of modern language. We mention several possible applications of frequency dictionary. Issues of improvement of graphics and spelling associated with statistical information about the vocabulary. No less valid data frequency dictionary for practical transcription and transliteration. Statistical parameters of the dictionary will be useful in dealing with the automation of printing, automatic recognition and reading the letter text.

Key words: frequency; dictionary; language.

پیکره اصلی هر زبان را لغات آن زبان تشکیل می دهد. هر لغتنامه ای به فراخور هدف خود از پیکره های لغوی مختلفی بهره می جوید. لغتنامه های بسامدی محصول و دست آوردهای بخش زبانشناسی آماری و آمار لغت می باشند که با پراکندگی و توزیع فراوانی لغت ها در زبان سروکار دارند. با پیشرفتهای بدست آمده در بخش علوم رایانه ای و آماری ایجاد این نوع لغتنامه ها نسبت به گذشته به مراتب ساده تر و سریعتر شده است. هدف اصلی لغتنامه های بسامدی مشخص کردن مرز کلمات بروز و پرکاربرد در زبان و بخشهای مختلف زبانی می باشد. هدف این مقاله ارائه راه کارها برای گردآوری و سازماندهی یک پیکره زبانی پایه (شامل واژگان پربسامد) در درون یک سیستم اطلاعات کامپیوتری و بانک داده های زبان برای بهره گیری همه کاربران و پژوهندگان است.

هدف محقق در مقاله، دستیابی به شیوه ها و روشهای ایجاد لغتنامه های بسامدی به منظور به کارگیری آنها در تألیف فرهنگ های مختلف در بخشهای زبانی می باشد. تألیف فرهنگ لغات بدون در نظر گرفتن ویژگی های واژه شناختی می تواند موجب سردرگمی مطالب ارائه شده گردد. در تحقیق سعی بر ارائه اطلاعات و بررسی روشهای موجود برای نگارش لغتنامه های بسامدی استفاده شده در ایران و کشور های مطرح در این زمینه شده است. به همین منظور بخشهای مختلف زبان از جمله سبکهای زبانی، کهنگی و تازگی متون، اقسام کلام و غیره مورد بررسی قرار می گیرند. از اطلاعات و روشهای ایجاد لغتنامه های بسامدی و نتایج بدست آمده در تحقیق، می توان در زمینه های علوم زبانشناسی، تألیف لغتنامه و انواع فرهنگ نویسی مورد استفاده قرار داد.

کلید واژه: لغتنامه های بسامدی، فرهنگ نویسی، سبکهای زبانی.

مقدمه

پیکره زبانی عبارت است از مجموع داده های لغوی که بر اساس جمع آوری متون بصورت شکل اکترونیکی، بوجود آمده است. پیکره زبانی معرف زبان از نکته نظرات دوره (یا دوره های مختلف) حیات خود و همچنین بیانگر سبکهای مختلف زبانی، گویشی و منطقه ای می باشد. پیکره های زبانی توسط زبانشناسان متخصص در زمینه پیکره نویسی، به منظور کاربرد و استفاده در تحقیقات بنیادی و آموزش زبان ایجاد می گردند. اغلب زبانهای معتبر جهان دارای پیکره زبانی ملی می باشند که از لحاظ کامل بودن و میزان تحلیل علمی بر آنها، از یکدیگر متمایز می باشند. همانند پیکره زبان انگلیسی¹ (BNC) که پیکره های زبانی زیادی بر اساس آن ایجاد می گردند و یا پیکره زبانی زبان چک که توسط دانشگاه پراگ ایجاد گردیده است که یکی از معتبرترین ها می باشد.

پیکره زبانی دربرگیرنده مجموع متون متنوع و یکسان شده است. این بدان معنی می باشد که پیکره زبانی تا جای ممکن دربرگیرنده انواع متون کتبی و شفاهی (متون ادبی سبک های مختلف، متون اجتماعی، آموزشی، علمی، رسمی، شفاهی، گویشی و غیره) که همگی به میزان سهم خود در دوره زبانی خاص درصدی از پیکره زبانی را تشکیل می دهند، است. باید توجه داشته باشیم که اعتبار پیکره و گزارش گیری مطلوب از آن، تنهای با حجم بالای لغات تحلیل شده مؤثر می باشد.

لغتنامه های بسامدی و آموزش زبان

هدف اصلی لغتنامه های بسامدی در این زمینه تعیین نیازهای فرایند آموزش با مطالب زبانشناسی مورد نظر می باشد. در سالیان اخیر اهمیت لغتنامه های بسامدی بیش از پیش خود را نشان می دهد، چرا که کاربرد وسیعی در زمینه های عملی و تحقیقاتی زبانشناسی دارند. لغت نامه های بسامدی به عنوان پایه اصلی شاخه زبانشناسی آماری که در زمینه زبانشناسی و علم آمار پراکندگی لغات در زبان و در متن را بررسی می کند، به شمار می رود. لیکن در این زمینه مطالعات چندان چشم گیری انجام نشده است. به عنوان مثال هنوز ما در ایران در خصوص لغت نانه های بسامدی زبان به جز یک یا دو کار کوچک آن هم در حد طرح پژوهشی مراکز علمی، کار قابل توجهی در سطح کشوری نداریم. لغت نامه های بسامدی در زبانهای مختلف بخصوص در کشور روسیه براساس تلفیق چند علم همانند لغت نامه نگاری، آمار و علوم رایانه ای ایجاد شده است. آن چیز که مسلم می باشد دو علم آمار و علوم رایانه ای باید در این زمینه در خدمت علم لغت نامه نگاری قرار گیرند. یکی از مهمترین اهداف لغت نامه های بسامدی، تعیین حد و مرز زبان زنده جامعه امروزی می باشد. به منظور دست یابی به حجم لغات بروز یک زبان باید چندین عامل همانند بخشهای کتبی و شفاهی، تخصصی و تحصیلتی متکلمین جامعه پرداخته شود. از دیگر اهداف لغت نامه های بسامدی ارائه اطلاعات کافی و کامل در خصوص لغات زبان امروزی با توجه به پراکندگی های سبکهای زبانی، می باشد. با توجه به سبکهای موجود در اغلب زبانها، آنها را می توان به چهار گروه عمده زبانی تقسیم کرد که عبارتند از نثر ادبی، درام، متون علمی و اجتماعی و متون مطبوعاتی (روزنامه و مجلات). به همین صورت می توان در هر سبک زبانی اطلاعات زبانشناختی مخصوص

¹ The British National Corpus

آن را بدست آورد و در مطالعات تخصصی مورد استفاده قرار داد. نقش رایانه و نرم افزارهای آماری در خصوص تألیف لغت نامه های بسامدی از اهمیت بسیار بالایی برخوردار می باشند. با پیشرفت در این بخشها روز به روز بر کیفیت بررسی و گردآوری لغات در یک زبان برای پیکره زبانی پر کاربرد، می افزاید. چرا که این امر نیاز به تحلیل و بررسی حجم بسیار بالایی از داده های زبانی دارد که، در گذشته این امر بسیار مشکل و وقت گیر بوده است. بر اساس تحلیل نرم افزاری داده های زبانی، امکان فراهم کردن گذارش های متنوع لغوی بوجود می آید.

محیط های کلام و منابع لغت نامه

یکی از موارد بسیار مهم در امر انتخاب لغت به عنوان یک لغت پر کاربرد در زبان توجه ویژه به محیط زبانی آن می باشد. از آنجایی که زبان از محیط و یا سبک های زبانی متعددی تشکیل شده است، بررسی و توجه به آنها از اهمیت بالایی برخوردار است. متأسفانه در ایران هرگاه سخن از سبکها زبانی به میان می آید اصولاً سبکهای ادبی استنباط می گردد و در خصوص سبک های زبانی غیر ادبی تقسیم بندی های مشخصی وجود ندارد. در صورتی که مطالعه و بررسی سبک های زبانی برای ایجاد پیکره زبانی امریست بسیار ضروری. کار و تحقیق بر روی لغت نامه های بسامدی نیاز به داشتن معیار های خاص برای انتخاب لغت دارد. حجم داده های مورد بررسی هرچند می تواند بالا باشد ولی با این حال قابل بررسی می باشد. به منظور حل این مشکل باید مسائل مربوط به سبک های زبانی، حدود متون قدیمی و جدید، کتب مرجع و نویسندگان مشخص گردد. به عقیده پروفیسر لارین¹ لغتنامه نگار مطرح روسی، زبان روسی امروزی حد اقل از چهار بخش زبانی مهم تحت عنوان نثر ادبی، محاوره، سبک علمی و اجتماعی و سبک رسمی متشکل شده است. به منظور انتخاب لغت از بخش محاوره می توان از بخش منابع درام مدرن استفاده کرد. به عنوان مثال در این خصوص می توانیم نمونه ای از لغت نامه بسامدی زبان روسی نوشته J. H. Засорина را در از لحاظ درصد انتخاب لغات از محیط و سبک های زبانی موجود در زبان روسی، مورد بررسی قرار بدهیم.

جدول 1

درصد	محیط زبانی
25,4	• نثر ادبی
27,2	• درام
23,6	• متون علمی و اجتماعی
23,8	• متون مطبوعاتی

همانطور که مشاهده می گردد، برای انتخاب لغت برای لغت نامه بسامدی از سبک های زبانی مختلفی در این لغت نامه استفاده شده است. و یا به دو نمونه از لغت نامه های بسامدی دیگر که هر یک از تقسیمات مشابهی استفاده کردند را ملاحظه می کنیم.

جدول 2

لغت نامه بسامدی	متون انتخابی از محیط های زبانی	درصد هر بخش به کل
یوسلسون	• نثر ادبی	59
	• درام	7
	• خبرنگاری	20
	• نقد ادبی	14
شتینفلد	• ادبیات کودکان	25
	• نثر ادبی	12.5
	• درام	12.5
	• رادو جوان	25
	• (روزنامه و مجله)	25

در ادامه به بررسی درصد های اجزای تشکیل دهنده زبان روسی از لحاظ محیط ها و سبک های زبانی به منظور انتخاب لغات برای پیکره زبانی روسی که توسط لیاوشوسکایا و شاروف² اجاد شده است، می پردازیم.

¹ Ларин Б. А.

² О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров

جدول 3

توضیح متون بر اساس نوع و دیگر مشخصات

نوع متن	تعداد کلمه	تعداد متن	درصد کلمه
متون ادبی	14 624 940	1 210	41.5
متون غیر داستانی	20 613 989	12 036	58.5

همانطور که دیده می شود به منظور گرد آوری لغات پربسامد در زبان روسی زبان را به دو بخش عمده تقسیم کرده اند. که به نوب خود هر یک از آن بخشها به زیر مجموعه های مختلفی تقسیم می گردند.

متون ادبی

جدول 4

موضوع	تعداد متن	تعداد کلمه	درصد کلمه
نثر مربوط بشرح حال	3	226 754	1,6
کارآگاهی	9	618 478	4,2
ادبیات کودک	83	52 814	0,4
داستان های تاریخی	22	1 010 378	6,9
نثر عمومی	761	9 349 708	63,9
ماجرا	1	196 941	1,3
تخیل	3	284 996	1,9
طنز	177	261 003	1,8
غیره	151	2 623 868	17,9
کل	1 210	14 624 940	100,0

متون غیر داستانی

جدول 4

موضوع	تعداد متن	تعداد کلمه	درصد کلمه
محیط کاربردی			
معیشت	87	401 928	1,9
رسمی	116	942 767	4,6
تولید و فنی	18	93 557	0,5
اجتماعی	10780	15 328 251	74,4
محاوره	193	776 975	3,8
تبلیغات	87	25 359	0,1
آموزشی و علمی	247	1 685 877	8,2
دینی	464	1 352 124	6,6
کل:	11992	20 606 838	100,0
تقسیم بندی موضوعی			
موضوع متن	تعداد متن	تعداد کلمه	درصد کلمه
امنیت	3	1 088	0,01
کسب و کار، تجارت، اقتصاد، امور مالی	1 497	870 449	4,22
جنگ و درگیری های مسلحانه	10	88 569	0,43
خانه و خانواده	166	168 016	0,82

قانون گذاری	2	1 527	0,01
بهداشت و پزشکی	49	310 355	1,51
نمایش و سرگرمی	45	31 713	0,15
فرهنگ و هنر	1 364	1 633 208	7,92
جرم	112	64 445	0,31
علم و فن آوری	267	1 511 409	7,33
سیاست و زندگی اجتماعی	6 574	6 158 456	29,87
حقوق	98	956 291	4,64
طبیعت	10	1 127	0,01
تولید	6	90 532	0,44
حوادث و بلایا	80	44 463	0,21
سفر	11	58 125	0,28
دین	480	1 401 076	6,80
کشاورزی	40	19 839	0,10
ورزش	529	385 091	1,87
صنایع	3	1 481	0,01
زندگی خصوصی	108	332 450	1,61
غیره	582	6 484 279	31,46
کل :	12 036	20 613 989	100,0

پیشینه بانکهای داده های زبانی

گرچه در گذشته سازمانها، مراکز پژوهشی، کتابخانه ها و مانند اینها به گردآوری اطلاعات تخصصی در زمینه های گوناگون و ارائه آنها با سرعت و تنوع زیاد علاقه مند بوده اند، اما تنها پس از پیدایش کامپیوتر، اندیشه ایجاد پایگاههای داده ها و بانکهای اطلاعاتی به خود جامه عمل پوشید. بویژه در زمینه پژوهشهای زبانی و فرهنگ نگاری، روشهای کامپیوتری بسیار موفق بوده است.

در سه دهه گذشته، بیشتر کشورهای صنعتی به ایجاد بانکهای زبانی خود پرداخته اند. این کشورها، ابتدا با گردآوری داده ها یا پیکره های زبانی¹ و سپس با سازماندهی آنها در پایگاههای داده ها و بانکهای اطلاعات زبانی²، از شبکه های جهانی داده های زبانی بهره برداری می کنند. در پیوست، نمونه هایی آورده شده و برای آگاهی از جزئیات بیشتر، از منابع مربوط نیز یاد گردیده. اما تا کنون در ایران بررسی همه جانبه و دقیقی با تکیه بر آمار و داده های کافی، در این خصوص به جز چند کار تحت عنوان طرح پژوهشی همانند (طرح ایجاد پایگاه داده های زبان فارسی با کمک کامپیوتر) دکتر مصطفی عاصی انجام نیافته است. با گسترش کاربرد کامپیوتر و پیدایش امکانات تازه نرم افزاری و سخت افزاری، و وجود نمونه های بسیاری از این گونه بانک های داده ای زبانی در جهان و اثبات سود مندی و کارایی آنها، زمان برای آغاز کوششهایی برای ایجاد پیکره زبان در ایران، از هر جهت مناسب می نماید.

دستیابی سریع به مجموعه عظیمی از پیکره زبانی و نیز امکان هرگونه جستجوی جهتدار، موضوعی و یا ساختاری در میان داده ها، آرزوی هر پژوهنده زبان است. یک گنجینه بسامان از متنها مهم و واژگان، منبعی قابل اعتماد و آماری دقیق در دسترس افراد یا سازمانهای علاقه مند قرار می دهد. برخی از کاربردهای بانک داده های زبانی در زمینه های زیر است:

- فعالیتهای گوناگون فرهنگ نگاری
- واژه گزینی علمی
- بررسیهای دستوری و تدوین دستور زبان امروز
- بررسی تحولات تاریخی زبان و پیگیری سیر تحول واژگان آن
- مطالعات سبک شناسی در دوره های گوناگون، با دربار نویسندهگان و شاعران مشخص
- مطالعات سبک های زبانی
- بررسیهای آوایی و گویش شناسی
- تألیف تدوین فرهنگ تاریخی زبان
- اجرای طرح ترجمه ماشینی

¹ Corpus Linguistics

² Linguistic Data Banks

- سازمانهایی که به پژوهشهای زبانی و زبان شناختی می پردازند؛
  - سازمانهای برنامه ریزی زبانی ، مانند فرهنگستان زبان ؛
  - سازمانهایی که با آموزش زبان سروکار دارند ، مانند دانشگاه ها و وزارت آموزش و پرورش ؛
  - سازمانهای چاپ و نشر ؛
  - کتابخانه ها و مراکز اسناد ؛
  - رسانه های همگانی ، و بسیاری از سازمانهای دیگر ؛
  - نویسندگان ، شاعران و روزنامه نگاران ؛
  - مترجمان و ویراستاران ؛
  - منتقدان ادبی ؛
  - زبانشناسان ؛
  - فرهنگ نگاران ؛
  - چکیده نویسان ؛
  - دستور نویسان ؛
  - اصطلاحشناسان ؛
  - برنامه سازان کامپیوتر ؛
  - معلمان زبان و پژوهشگانی که از داده های زبانی به عنوان ماده اولیه کار خود بهره می گیرند .
- پیوست**

چند نمونه موجود و فعال پایگاه داده های زبانی

در این پیوست ، ابتدا به چند پیکره زبانی بزرگ که خود اساس ایجاد پایگاهها و بانکهای داده های زبانی قرار گرفته اند اشاره می شود.

- 1- پیکره دانشگاه بر اون (University Corpus of American English Brown) که در سال 1961 با بیش از 5 میلیون واژه نمونه از کتابها و مجلات منتشر شد در همان سال ایجاد شد .
- 2- پیکره زبانی دانشگاه بیرمنگام (Birmingham University Corput) که از یک مجموعه متن زبان انگلیسی عمومی (با نزدیک به 20 میلیون واژه) به مجموعه گوناگونی از متنهای تخصصی (با نزدیک به 20 میلیون واژه) مربوط به سالهای 1960 تا 1981 تشکیل شده است .
- 3- پیکره زبانی مرکز پژوهشهای ارتباطی بل (Bellcore Corpora) مجموعه ای از متنهای زبان انگلیسی امروز (شامل 70 میلیون واژه از مرکز نیویورک تایمز از سال 1983 به بعد و متنهای گوناگون دیگر)
- 4- پیکره مشترک لانگمن - لانکاستر برای زبان انگلیسی (Longman - Lancaster English Language Corpus) با 30 تا 50 میلیون واژه از زبان انگلیسی گفتاری و نوشتاری .
- 5- پیکره جهانی زبان انگلیسی¹ طرحی برای گرد آوری یک میلیون واژه از گونه های انگلیسی می باشد. در این کتاب *The Humanities Computing Yearbook* ، بیش از 39 پیکره زبانی برای زبان انگلیسی و تعداد زیادی برای دورانهای گوناگون و آثار کلاسیک آن معرفی شده است . همچنین مشخصات چندین پیکره بزرگ که برای زبان فرانسه فراهم شده ارائه گردیده ، از جمله : پیکره ARTEL که با همکاری مرکز ملی پژوهشهای علمی فرانسه (CNRS) و دانشگاه شیکاگو از حدود 2000 متن برگزیده و 150 میلیون واژه تشکیل شده است . یا پیکره FRANTEXT که با 170 میلیون واژه برای فراهم آوردن مواد پایگاه داده های بزرگ زبان فرانسه (Trexor de le Langue Francaisa) ایجاد شد. در همین منبع ، پیکره های زبانی ایجاد شده برای بسیاری از زبانهای جهان ، از جمله : آلمانی ، ایتالیایی ، اسپانیایی ، بیشتر زبانهای اسلاوی ، سوئدی ، نروژی ، هلندی ، عربی ، عبری ، لاتینی ، یونانی ، ژاپنی ، و مانند اینها معرفی شده است. در پی فراهم آوردن اینگونه مواد زبانی ، بسیاری از کشورها به ایجاد بانکهای داده های زبانی در سطح ملی پرداختند ، از جمله : کشور های فرانسه ، کانادا ، آلمان ، ایتالیا ، اسپانیا ، روسیه ، ایالات متحده ، هلند ، سوئد ، دانمارک ، انگلستان . فراتر از این ، اکنون چندین بانک داده های زبانی و واژگانی ، در سطح جهانی به وسیله سازمانهای بین المللی ایجاد گردیده و مورد بهره برداری است . مثلا جامعه اروپا ، بانک داده های خود را از طریق سازمان جهانی استاندارد (EURONET) از راه ISONET و مرکز اطلاعات اصلاحشناسی جهانی (Infoterm) از راه TERMNET ارائه می کنند.

هنگامی که ما به ارتباط زبانی روز مره خود دقت می کنیم، متوجه می شویم که بعضی از کلمات و عبارات دستوری نسبت به بقیه بیشتر تکرار می گردد. در مورد کلمه ها، حتی لغت نامه های مخصوص وجود دارد که کلمه ها را از پر کاربرد به کم کار برد مرتب کرده اند، این گونه لغت نامه ها را لغت نامه های بسامدی می نامند. تحقیقات نشان می دهد که یک فرد معمولی انگلیسی در طول زندگی برای برقراری ارتباط روزمره خود تقریباً از 5000 هزار کلمه استفاده می کند که حدود 1% کل پیکره لغوی زبان انگلیسی را شامل می گردد. همانگونه که میدانید پیکره اصلی هر زبان را بخش لغوی تشکیل داده است. بر اساس کلمات است که انسانها می توانند مفاهیم ذهنی خود را در هر زبانی به یکدیگر برسانند. بخش لغوی هر زبان را پیکره لغوی تشکیل می دهد. افراد به فراخور جایگاه خود در جامعه از پیکره های لغوی مختلفی استفاده می کنند. ولی عموم مردم برای بیان و تفهیم روزمره خود و برآورد خواسته های زبانی نیاز به دانستن حداقل حدود 5000 هزار لغت دارند.

لغات پربسامد به آن دسته از لغات گفته می شود که از لحاظ آماری و تعداد دفعات تکرار پذیری در یک متن، بالاترین رقم را داشته باشند. در مورد هر زبان نیز می توان چنین تصویری را داشت. زبان از لحاظ ساختاری از کلمات ساخته شده است و با این کلمات است که انسانها و مخاطبان زبان بایکدیگر ارتباط زبانی برقرار می کنند. در هر برهه زمانی در یک زبان، لغات می توانند به دلایل مختلف اجتماعی، اقتصادی و سیاسی از بسامد بیشتری برخوردار باشند. اصولاً انسانها در مکالمه روزمره خود از

¹ ICE, International Corpus of English

لغات پر بسامد استفاده می کنند، بدون آنکه خود از آن باخبر باشند. اطلاعات آماری در مورد کاربرد کلمات در زبان روسی نشانگر این مطلب است که 1000 کلمه پربسامد زبان حدود 64% متن را، 2000 کلمه پربسامد حدود 71% متن را، 3000 کلمه پربسامد حدود 76.5% متن را و 5000 کلمه پربسامد حدود 82% متن را پوشش می دهد [C. A. Шаров]. هدف پژوهش فوق اشاره به اهمیت به کارگیری لغات پربسامد در نگارش لغت نامه ها، کتب درسی و فراگیری زبان های خارجی می باشد.

در یادگیری زبانهای خارجی موضوع فراگیری لغات پربسامد، بسیار مهم می باشد. زبان آموز در ابتدا یادگیری زبان خارجی با پیکره لغوی بسیار زیادی مواجه بوده و نگرانی هایی نیز در خصوص یادگیری لغات به همراه دارد. از طرف دیگر امر یادگیری لغت تنها به مراحل ابتدایی در امر آموزش زبان باز نمی گردد و با پیشرفت و بالا رفتن سطح یادگیری، زبان آموز و بخصوص دانشجویان زبانهای خارجی با وسعت لغات بیشماری رو در رو می شوند. اگر دقت در امر یادگیری لغت نشود فرد می تواند با نتایج بسیار زانیاری مواجه شود. یک لغت می تواند ویژگی های مختلفی از جمله کهنه شدن، کم کار برد بودن و ویژگیهای مشابیه را داشته باشد. فردیکه لغات کم کاربردی را فرا می گیرد در عمل هر چند لغات آن زبان را یاد گرفته ولی به هیچ وجه این دسته از لغات یاد گرفته شده به او، در درک و برقراری ارتباط با دیگران کمکی نمی کند، حتی ممکن است کاربرد این دسته از لغات او را در شرایط نا مطلوبی نیز قرار دهد. همین امر می تواند هنگام ترجمه متون از یک زبان به زبان دیگر نیز بروز کند. هر لغت با ویژگی های ذکر شده و موارد مشابه آن در ساختار لغوی زبان جای گاه مخصوص خود را پیدا می کند. فراگیری و یادگیری هر گونه لغتی بدون در نظر گرفتن این ویژگی ها، کاری بسیار اشتباه و مشکلی است. از این رو در یادگیری لغات جدید اطلاع از بسامد آن امریست بسیار ضروری. به عنوان مثال کلمه Автор (نویسنده) می تواند در زبان روسی مترادف های زیر را داشته باشد: сочинитель, составитель, писатель, компилятор, композитор, виновник, творец, адвокат (وکیل) دارای مترادف های زیر می باشد: стряпчий, защитник, поверенный, ходатай; юрист, законовед, правовед. از بین این کلمات برخی دارای بسامد بالا و برخی دیگر از بسامد کمتری برخوردار می باشند، هر چند همگی به یک مفهوم واحدی اشاره دارند. اگر زبان آموزی بدون توجه به بسامد کلمه آن را انتخاب کند، مسلماً اشتباه خواهد کرد، چرا که امکان دارد بعضی از آن کلمات به دلایل مختلفی همچون کهنه بودن، متعلق به سبک خاص زبانی بودن، کم کاربرد بودن و غیره، لغت پربسامد نباشد.

آشنایی با مفاهیم دستوری پر بسامد می تواند در امر یادگیری زبانهای خارجی بسیار مفید باشد. بدین منظور اقسام کلام را نیز می توان همانند لغات آن زبان به بصورت آماری تحلیل کرده و میزان پر کاربردی هر کدام را تعیین نمود. با انجام این کار زبان آموز علاوه بر دانستن لغات پر کاربرد، با استفاده از مطالب پر کاربرد دستوری می تواند نسبت به اهدافی که دارد از یادگیری کامل موارد دستوری پر هیز کند. از طرفی دانستن لغات پر کاربرد به تنهایی در فراگیری زبانهای خارجی موثر نمی باشد بلکه آن لغات زمانی ارزش پیدا می کنند که بر اساس نکات دستوری آن زبان به کار رفته باشد.

امروز به دلیل کثرت گرایش های علمی و ارتباط روز افزون کشورهای جهان، آموزش و فراگیری زبانهای خارجی امریست بسیار مهم. از طرفی هر انسانی نمی تواند چند زبان مختلف را یاد بگیرد و یا از همه آنها اطلاع پیدا کند. ممکن است شرایطی پیش آید که فرد مجبور شود در کوتاه ترین مدت، کل و یا بخشی از زبان را یاد بگیرد. به عنوان مثال شرکت در کنفرانس های بین المللی و یا سفرهای مختلف تجاری، توریستی، ورزشی و غیره. بدین منظور می توان با تعیین هدف، متناسب با آن لغت های مربوطه را یاد گرفت. به عنوان مثال برای شرکت در یک کنفرانس علمی در زمینه شیمی و یا پزشکی فرد می تواند تنها با یاد گرفتن اصطلاحات و عبارات های فنی پر بسامد آن رشته و نکات مهم دستوری زبان مربوطه بدون دانستن کامل آن زبان، از مفهوم کلی آن کنفرانس باخبر شود.

یکی از لغت نامه های دوزبانه که اخیراً توسط دانشگاه گیلان انتشار شده است بر اساس پیکره زبان روسی و لغات پربسامد بدست آمده توسط مؤلف مقاله تحت عنوان "لغات پر بسامد روسی به فارسی برای خارجی ها" تألیف شده است. این لغت نامه در بر گیرنده حدود 5000 هزار لغات پر کاربرد زبان روسی امروزی می باشد. مخاطب اصلی آن دانشجویان دوره پیش دانشگاهی و دانشجویان ترم های آغازین دوره کارشناسی مترجمی زبان و ادبیات زبان روسی می باشند. در ضمن افرادی که در سطح ابتدایی و به صورت خود آموز علاقه به آموختن زبان روسی دارند می توانند از آن استفاده کنند. کتاب مورد نظر، یک لغت نامه آموزشی می باشد. تمامی لغات آورده شده در این لغت نامه بر اساس لغت نامه های بسامدی جدید تألیف سال 2008 و بانک لغت های پربسامد زبان روسی که توسط مؤلف و گروه کاری ایجاد شده است بر چیده شده اند. از این لحاظ تمامی لغات استفاده شده از دامنه کاربردی زبانی بسیار بالایی برخوردار می باشند که این امر به نوبه خود باعث اطمینان بیشتری در مورد یادگیری و استفاده لغات ارزشمند یک زبان می شود. در اینجا برای مثال تعدادی از کلماتی که بر اساس بسامد برای تألیف لغت نامه یاد شده مورد استفاده قرار گرفته شده است، ارائه می گردد.

لغت	بسامد
год (سال)	2718.78
человек (انسان)	2369.34
время (زمان)	1662.1
дело (کار)	1175.12
жизнь (زندگی)	1155.78

день (روز)	970.49
рука (دست)	969.75
работа (کار)	904.43
слово (کلمه)	817.8
место (مکان)	778.36

نتیجه گیری

مسئله فراگیری حجم کم لغات می تواند از لحاظ زمانی در هر مقطع از سطح یادگیری بسیار به صرفه باشد، از طرفی روند یادگیری سریع و راحت تر می گردد. زبان آموز اطمینان کاملی هنگام یادگیری لغات دارد چون می داند که هر آنچه را که فرامی گیرد به درد او خواهد خورد. فرد در به کارگیری لغات، درست عمل کرده و نزدیکی بیشتری را با متکلمین آن زبان احساس خواهد نمود. درک درست و صحیح خواهد داشت و در کارهای ترجمه از اشتباهات کمتری برخوردار خواهد بود. در آموزش های مقطعی می توان با استفاده از روشهای آماری، لغات پر بسامد گرایش مورد نظر را بدست آورد. برای نگارش کتب درسی و لغت نامه ها برای مخاطبین مورد نظر، می توان دقیق عمل کرد. به منظور پیدا کردن درصد کاربردی هر یک از سبک های زبانی و لایه های زبانی در یک زبان، می توان با مطالعات میدانی و گرفتن نمو از زبان و برش آن نمونه به موارد مختلف از قبیل سبک های و لایه های زبانی و گرفتن نسبت کاربرد هر کلمه در هر یک از آن لایه ها، به تقسیم بندی ها دست پیدا کرد. سپس آن را به کل جامعه زبانی تعمیم داد و در نتیجه درصدهای تقریبی از ترکیب کاربرد و جایگاه سبک ها و لایه های زبانی به دست آورد. و براساس آن و با توجه به درصد های بدست آمده در انتخاب لغات پر کاربرد استفاده کرد.

در نتیجه از دست آوردهای بررسی های انجام گرفته می تواند به عنوان پژوهش مهم و پشتیبان برای بسیاری از طرحهای زبانی، ادبی و زبانشناختی زبان فارسی به کار گرفته شود.

برای فراهم آوردن بیکره زبانی امروز، بایسته است مجموعه گوناگون و شاخصی از همه نمونه های مهم آن – تا حد امکان – را گردآورد. و برای این منظور، یک بررسی دقیق آماری و مشاوره با کارشناسان گوناگون ضروری است؛ اما می توان پیش بینی کرد که نمونه هایی از هر یک از منابع و گونه های زیر مورد نیاز باشد:

- نمونه های شاخص نظم و نثر (مهمترین آثار ادبی)؛

- نمونه های مهم متنهای علمی و آموزشی (رشته های گوناگون)؛

- نمونه های مهم از نشریات (مقاله های گوناگون در زمینه های ادبی، فرهنگی، اجتماعی، سیاسی، هنری، علمی،

ورزشی و مانند اینها)؛

- نمونه های مهم از گونه های گفتاری رسمی و غیر رسمی (گفتارهای رادیویی و تلویزیونی، مصاحبه ها، گفتگوهای

خودمانی، مکالمه های تلفنی و مانند اینها که ضبط و بازنویسی شده باشند)؛

- فهرست های واژگانی برگرفته از فرهنگها و واژه نامه های عمومی و تخصصی و بسیاری منابع دیگر.

منابع

1. Валгина Н. С. Розенталь Д. Э., Фомина. М. И. Современный русский язык. – М.: Логос, 2002.
2. Овчинникова И. К. Русско-персидский словарь. 1-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
3. Шапова И. А. Частотный англо-русский словарь-минимум по оптоэлектронике и лазерной технике. 1-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2006.
4. Штейнфельдт. Э. Частотный словарь современного русского литературного языка. 1-е изд. – М.: Прогресс, 1963.
5. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009.
6. Национальный корпус русского языка 2003–2005: Результаты и перспективы. – М.: Индрик, 2005.
7. Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. – Таллин, 1963.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. Федосова И. В., Лапицкого А. Н. – М.: ЮНВЕО, 2003.
9. Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1977.
10. Grill E. Relational Databases / translated by Roger Jevons. – New York: Ellis Horwood, 1990.
11. Sinclair J. M. Looking Up. – London: Collins ELT, 1987.
12. Lancashire J. The Humanities Computing Yearbook: 1989–90. – Oxford: Clarendon Press, 1991.
13. Sager J. C. and J. McNaught. Selective Survey of Existing Linguistic Data Banks in Europe. – Manchester: UMIST, 1980

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ОДЕЖДА» В СЛОВАРЕ ДАЛЯ

О. А. Салимова

Средняя общеобразовательная школа № 3, г. Краснотурьинск,
Свердловская обл., Россия

Summary. This article is devoted to Dal's dictionary. It observes the lexico-thematic group with semantic multiplier "Clothes". This work gives a perfect opportunity to meet the history of people's living in the 19th century, to get involved in its culture.

Key words: semantic multiplier; lexicography; systematic dictionary.

Лексикография, теория и практика составления словарей, имеет в России богатые традиции. Лексический и фразеологический состав национального языка описывается с разных сторон: семантики, структуры, функционирования и т. д. К началу 21 века издано в нашей стране около 700 словарей и справочников разного назначения, в которых сосредоточен огромный информационный и культурный материал. Непревзойдённым в этом отношении остаётся самый известный словарь, созданный в 19 веке В. И. Далем. Словарь Даля – собрание не только лексического, но и этнографического материала. Здесь содержатся разнообразные сведения о жизни и быте народа 19 века. В течение 2 лет мои ученики работали со словарём Даля, занимались вопросами лексикологии, пробовали себя в качестве лексикографов, создавая системный словарь наименований одежды, обуви, тканей. Изучение значительного количества объединённых общей темой лексем, слов, вышедших из употребления в связи с утратой называемых ими вещей и предметов или изменивших свою первоначальную семантику, важно не только для понимания текстов русской литературы, но и для сохранения исторической языковой памяти современного носителя языка. Изначально исследование планировалось как лингвистическое, но постепенно мы перевели его в область культурологии. Словарь Даля рассматривается как непреходящая культурная ценность, а лексико-семантическая группа с множителем «одежда» – как возможность погружения в историю быта русского народа.

Предметом нашего исследования является лексико-семантическая группа «одежда», рассматриваемая с позиции культурологической и лингвистической значимости. Материалом для исследования послужили данные «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Лексическая система как совокупность средств языкового выражения имеет такие основные черты, как распределение слов по семантическим классам. Классы слов, по определению Кузнецовой, – это максимальные формы проявления лексической парадигматики. Типы классов слов чрезвычайно разнообразны и взаимосвязаны [1, с. 71]. Один из путей, на который нередко становятся исследователи, заключается в том, что прочитывается толковый словарь русского языка и из него выписываются слова, имеющие заданное значение или в значения которых входит заданный компонент (сема). Работа с толковым словарём является необходимым условием получения той или иной лексико-семантической парадигмы.

Для формирования лексико-семантической группы «одежда» нами отобраны 212 наименований. Все лексемы разделены на 4 тематические группы: одежда – 93 (*рубаха, понева, плахта, порты*); обувь – 36 (*коты, лапти, опорки, чуни*); головные уборы – 32 (*башлык, тюрбан, кокошник, повойник*); ткани – 52 (*висонь, бомазея*). В тематических подгруппах выделяются наименования с более общим значением, так называемые родовые наименования (*шуба*), и слова с более конкретным значением – видовые наименования (*полушубок, тулуп*).

Мы пронаблюдали за историей некоторых слов и предметов одежды, ими называемых. Слово «сарафан» первоначально являлось названием «длинного мужского кафтана особого покроя» и было заимствовано из персидского языка, где означало «род длинной одежды». У Даля – различные названия разновидностей сарафана, которые он обнаружил в русских северных диалектах: *бархатник, китаечник, сарженик* и т. д. С помощью этнографических материалов было установлено, что сарафаны в XIX веке носили, как правило, крестьянки, в основном северных губерний России.

Лексемы тематической группы «головные уборы» мы классифицировали по признаку социальному, национальному, половому, профессиональному, сезонному. Определяли, являются ли они устаревшими или активно используются в современном языке. Из 32 лексем только 8 в современных словарях даны без пометы устаревшие, большое внимание уделено народному костюму; лексем, обозначающих одежду господствующего сословия, очень мало; несмотря на западные тенденции моды, иностранные головные уборы представлены скудно. Это лишний раз подтверждает приверженность Даля национальной культуре и отторжение им иностранного в русском языке и быте.

Проанализировав лексемы, образующие понятийное поле «одежда», можно сделать следующие выводы: все наименования одежды и тканей представляют обширную тематическую группу в словаре Даля, многие из рассмотренных наименований, сейчас уже являющихся историзмами, в XIX веке широко употреблялись, среди этих слов есть названия широко употребительные и диалектные. Опыт по созданию системного словаря пополняет знания учащихся по истории языка, по различным областям материальной и духовной культуры нашего народа. Русское слово Даля сохраняет для будущих поколений память, традиции, национальное сознание.

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М., 1987.
2. Даль В. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М. : Прогресс, 1994 ; Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1999.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М., 1982.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Изд. 13-е, испр. – М., 1981.
5. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1985–1988.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М. – Л., 1950–1965.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М., 1964–1973.
8. URL: <http://www.slovari.ru>; <http://www.pravoslavie.ru>; <http://www.razumni.ru>; <http://www.philolog.ru>.

АНТИФРАЗИС КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОНИМОВ

Т. И. Яковенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article considers antiphrasis as a way of interpreting implicit information. The gist of antiphrasis is in contrast of combined referents. Such unexpected comparison is an implicit way of expressing author's intentions.

Key words: implicit; antiphrasis; sarcasm; honym; trope; irony; humorous effect.

Антифразис строится на отношениях контраста при сопоставлении и замещении «высокого» прототипа «низким», отрицательным типом. Иначе говоря, антифразис приписывает предмету ту черту, которая отсутствует, и тем самым её отсутствие только подчёркивается [3]. Например:

– *Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?*

– *Я думал...*

– *Ах, вы думали? Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан Жак Руссо? Марк Аврелий? (И. Ильф и Е. Петров. «Золотой телёнок»).*

Низкий интеллектуальный уровень Шуры Балаганова охарактеризован с помощью антифразиса – автор сравнивает его с великими философами и мыслителями, достигая комического эффекта. Это яркий пример того, что имплицитный способ выражения авторских интенций является наиболее эффективным. Такое неожиданное сравнение, реализуемое в сочинительной конструкции, в теории красноречия называется синойкиозис. Часто с помощью этой фигуры речи выражается сарказм:

Ещё один великий слепой выискался – Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Тёплая компания! (И. Ильф и Е. Петров. «Золотой телёнок»).

Сравните также антифразис с использованием топонимов – вымышленного и реального:

Родной наш город Глупов, производя обширную торговлю квасом, печенкой и вареными яйцами, имеет три реки и, в согласность древнему Риму, на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчисленно лошадей побивается. Разница в том только и состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас – благочестие, Рим заражало буйство, а нас – кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники (М. Салтыков-Щедрин. «История одного города»).

В труде «Общая риторика» Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной [6] особое внимание уделяется имплицитному характеру антифразиса и отмечается особая важность интонационного оформления: «Антифразис – троп, основанный на отношениях контраста и состоящий в употреблении слова в значении, противоположном обычному, в сочетании с особым интонационным контуром и с опорой на подтекст или текст, помогающий понять истинное значение сказанного». Сравните, как с помощью антифразиса метко передаётся ироническая оценка персонажей:

Эх вы, шерлоки! Хмыри болотные! – весело подумал он (В. Богомолов. «В августе сорок четвертого...»);

Отечественные Холмсы и впрямь не блистают умом (Л. Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой»);

Время от времени в редакционном кабинете возникали вполне зрячие современные гомеры, держа в руках увесистые рукописи, и произносили: Я тут, товоттова... свою Одиссею изобразил (Литературная газета). Цит. по: [4].

А вот пример антифразиса, основанного на противоречии звуковых ассоциаций онима смысловому содержанию противопоставляемой единицы в эпиграмме:

*В академии наук
Заседает князь Дундук,
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Отчего ж он заседает?
Оттого, что есть, чем сесть.*

(А. Пушкин. «На князя М. А. Дондукова-Корсакова»)

Давнюю традицию имеет трактовка антифразиса как разновидности иронии. Так, ещё А. И. Галич в своём труде «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук» (1830) анализирует пять видов иронии, среди которых рассматривается и антифразис, «называющий вещь не тем именем, которое ей присвоено, а совершенно противоположным» (цит. по: [7]). В «Общей риторике» Ж. Дюбуа и др. [2] отмечается весьма небольшое отличие антифразиса от иронии, однако это утверждение никак не комментируется. Положение о том, что антифразис – это один из способов выражения иронии, поскольку актуализируется смысл, противоположный словарному значению, разделяется и другими исследователями. По мнению Г. Г. Хазагерова, ироничность речи достигается употреблением антифразиса [5].

Случай употребления положительного прототипа с отрицательным определением являются близкими к антифразису:

Верить почти некому – критическая когорта у нас какая-то странная. По отдельности общаешься – разные. Подчас самобытно-интересные личности. Попадают даже грамотные. Но стоит им собраться вместе – моментально образуется «клубок». Безапелляционность и витиеватые издевательства. Эти пираньи пера в газетной соревновательности превращаются в мелких насекомых на многострадальном лобке театрального организма. Это молодая «критическая мысль». А старики, чтобы не быть выкинутыми из театрального процесса, вынуждены становиться желчными Пименами истории сплетен советского театроведения (Ширвиндт А. «Schirwindt, стёртый с лица земли»).

Одной из целей антифразиса является выделение наиболее важной части информации, которая связана с носителем имени собственного, и её обобщение, но одновременно с этим – сохранение индивидуальных и наиболее ярких моментов, содержа-

щихся во всём объёме такой информации. Таким образом, антифразис является важным средством передачи имплицитных смыслов. Сравните, как проявляется комический потенциал антифразиса:

Николай Викторович Басков – популярное карузо для чайников. Эксплуатирует образ упитанного соловья. Блондинк.

Мария Юрьевна Шарапова – Кинг-конг пинг-понга. Обута головой в большой шлем (Е. Шестаков. «Кто есть кто в России»).

Очевидно, что в данных примерах имплицитно выражена отрицательная оценка, которая взаимодействует с эксплицитно выраженной оценкой мелиоративного характера, что ведёт к формированию иронически окрашенного образа. Ироническое отношение автора к описываемым персоналиям передаётся также с помощью употребления онима «карузо» со строчной буквы и в среднем роде и оксюморона «обута головой в большой шлем». Название престижного турнира употреблено со строчной буквы тоже не случайно: по мнению автора, популярные певец и тенессистка «не дотягивают» до общепринятых эталонов в их сферах деятельности.

Таким образом, имя является неким инструментом, который позволяет заметить определённый набор характеристик соответствующей номинативной единицы. Неслучайно многие исследователи (Рубцова, Ражина, Архипкина и др.) отмечают потенциальную способность аллюзивного использования имени собственного в структуре антономасии или антифразиса отражать актуальные понятия, предпочтения своего времени, саму атмосферу эпохи.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.
2. Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика / пер. с франц. Е. Э. Разлоговой и Б. П. Нарумова. – М.: Прогресс, 1986. – 390 с.
3. Москвин В. П. Аргументативная риторика. Теоретический курс для филологов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 637 с.
4. Рубцова Е. Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на мат-ле рус. и англ. яз.): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 151 с.
5. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
6. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических фигур. – 2-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 317 с.
7. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М. И. Павлов. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. – 960 с.

ЛИНГВОПРАГМАТИКА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Ф. Г. Фаткуллина

**Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

Summary. In this article we consider the communicative impact and implementation of the pragmatic task of advertising with the help of various linguistic and non-linguistic resources. The main attention is given to manipulation which is achieved by means of various strategies and tactics.

Key words: pragmatics; advertising; manipulation; communication; tactics strategy; suggestion.

Реклама давно и прочно вошла в жизнь современного человека. «Едва ли не каждый наш контакт со средствами массовой информации предполагает встречу с явлением рекламы» [8, с. 178]. Сегодня реклама затрагивает различные сферы человеческой жизнедеятельности. Именно поэтому она является объектом изучения различных наук: юриспруденции, социологии, экономики, теории управления, психологии, культурологии, истории, журналистики, лингвистики и др. Каждая из этих дисциплин анализирует рекламную деятельность с учётом вовлечённости в данную конкретную сферу, используя при этом свою методологию и собственный понятийный аппарат. Всё это свидетельствует о многогранности и сложности этого вездесущего и всепроникающего явления.

В начале XXI века сформировался ментальный мир человека, обязательно являющегося членом определённой социальной группы, членом национально-лингвокультурного сообщества, а значит, поведение (в том числе – коммуникативное) и деятельность (в том числе – речевая) несут на себе национально-культурный оттенок. Национальная языковая ментальность может проявляться не только в особом лексическом корпусе языка, но репрезентироваться и в рекламных текстах. Реклама обладает культурной значимостью, поскольку она способна «моделировать» сознание людей в соответствии с целями и нуждами рекламодателей, менять вековые устоявшиеся привычки, социальные нормы и культурные традиции за сравнительно короткий период времени.

Как отмечает Ф. И. Шарков, «все функции рекламы, так же как и других элементов комплекса маркетинга, сводятся к достижению основных целей маркетинговых коммуникаций: формированию спроса и стимулированию сбыта» [13, с. 37]. Именно поэтому весьма важным представляется исследование рекламы в коммуникативно-прагматическом ключе.

Для начала приведём несколько определений термина «прагматика».

Н. Д. Арутюнова трактует это понятие следующим образом: «прагматика (от греч. *pragma*, род. п. *pragmatos* – дело, действие) – область исследования в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [1].

В большом толковом социологическом словаре приводится следующее определение прагматики: «прагматика (*pragmatics*) – раздел лингвистики, занимающийся изучением языка в контексте. Прагматика стремится описывать систематическое изменение в выборе и составлении лингвистических вопросов, являющихся результатом социальной среды» [3].

В лингвистической прагматике основным является то, что она стремится выявить и сформулировать правила, соблюдение которых обеспечивает успешность коммуникации.

Заметим, что реклама как вид коммуникации имеет ряд характеристик, усложняющих осуществление её прагматической функции, во-первых, практически отсутствует обратная связь, что делает затруднительным оценку реакции целевой аудитории, вследствие чего продажи как ожидаемый результат рекламной коммуникации предсказать очень непросто, во-вторых, адресат рекламы, несомненно являющийся её центральным понятием, представляет собой сложное социально-неоднородное явление, что вынуждает автора текста рекламы моделировать своего типового адресата.

Реклама имеет чёткую прагматическую направленность, поэтому исследуя язык рекламы, в первую очередь мы должны рассматривать те языковые средства, стратегии и тактики, использование которых осуществляет реализацию прагматической установки рекламы, то есть обеспечивает влияние на сознание адресата и побуждает к совершению действий, запланированных рекламистами и рекламодателями.

Для того чтобы реклама эффективно осуществляла коммуникативное воздействие и выполняла свою прагматическую задачу, используются различные языковые и внеязыковые средства. Коммуникативное воздействие реализуется посредством стратегий и тактик. «Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [6, с. 54]. «Стратегия традиционно конструируется из тактик – совокупностей приёмов и форм деятельности, направленных на достижение того или иного этапа стратегий» [4, с. 116]. Правильный выбор стратегии во многом определяет качество рекламных сообщений.

Воздействие рекламы может быть направлено на разные уровни сознания адресата, таким образом выделяются когнитивный, эмоциональный (аффективный) и поведенческий аспекты рекламного воздействия [7, с. 25–44].

Способы воздействия также различаются: можно влиять на сознание путём выстраивания рациональной аргументации (убеждение), через эмоциональную сферу (вызов чувственной реакции) или воздействуя на подсознание (суггестия).

Невозможно говорить о коммуникативном воздействии рекламы, не затронув проблему манипулирования, на сегодняшний день являющегося неотъемлемой частью практически любого рекламного сообщения.

О. Г. Филатова определяет манипулирование как «скрытое управление сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипулируемому в форме скрытого воздействия, включающее определённые методы и использующее определённые средства, среди которых ведущую роль играют СМИ» [11, с. 102].

«Языковое манипулирование – это отбор и использование средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи» [2, с. 109].

Суть языкового манипулирования в рекламе заключается в следующем: рекламная информация подаётся таким образом, чтобы потребитель на её основе самостоятельно сделал определённые выводы. Так как потребитель приходит к этим выводам сам, он автоматически принимает такое знание за своё собственное, а следовательно, относится к информации менее критично и с большим доверием.

Фундаментальным механизмом манипулирования сознанием является суггестия.

Суггестия, или внушение (от англ. suggestion – намёк, совет, предложение), – это процесс воздействия на психику человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, не требующий развёрнутого личного анализа и оценки [5, с. 113].

Суггестивное воздействие как способ решения прагматических задач рекламной коммуникации позволяет обойти контроль сознания, что обеспечивает (в отличие от убеждающе-манипулятивных речевых стратегий) жёсткое кодирование потребителя рекламной продукции (суггеренда) на латентном уровне [12].

К суггестивным стратегиям, используемым в рекламе, обычно относят: психоаналитически ориентированные подходы, гипнотический подход, техники эриксоновского гипноза, нейролингвистическое программирование.

В нашем исследовании мы поддерживаем точку зрения Ю. К. Пироговой, которая отмечает, что «вопрос о манипулировании непростой: одни и те же коммуникативные приёмы в одних случаях служат для того, чтобы с их помощью умело вводить в заблуждение, а в других – просто для того, чтобы сделать сообщение более выразительным, придать ему экспрессию. Тем самым манипулятивным является не приём сам по себе, а его воздействующая нагрузка в конкретной ситуации: какие умозаключения на его основе может построить адресат и будет ли он при этом введён в заблуждение относительно важных для адресата характеристик рекламируемого объекта» [9].

Возвращаясь к вербальной составляющей рекламы, следует отметить, что язык рекламных текстов естественно обусловлен её прагматической направленностью. Так копирайтер А. П. Репьев, говоря о требованиях, предъявляемых к рекламному тексту, подчёркивает, что «его единственная задача – продавать, и только ПРОДАВАТЬ!!! (В рекламе слово «продавать» – это термин, означающий «убеждать читателя купить, проголосовать за кандидата и т. д.» [10]. Он отмечает, что рекламный текст – это самый дорогой текст в мире, и именно поэтому к каждому слову в рекламе должны предъявляться высочайшие требования, причём не столько художественные и информационные, сколько экономические – здесь буквально каждое слово должно работать на продаваемость. Технически рекламный текст должен: привлекать внимание незаинтересованного читателя; вызывать у этого читателя желание начать читать текст; быть настолько интересным, чтобы читатель дочитал его до конца [там же].

В заключение необходимо отметить, что среди разных типов текста, функционирующих в сфере массовой коммуникации, рекламные тексты заслуживают особого внимания и пристального рассмотрения в качестве яркого образца функционального, а значит, и целевого использования языка. Следует также подчеркнуть, что в рекламном тексте прагматическая установка реализуется единицами практически всех языковых уровней.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/389e.html>
2. Бернадская Ю. С., Марочкина С. С., Смотрова Л. Ф. Основы рекламы : учебник / под ред. Л. М. Дмитриевой. – М. : Наука, 2008. – 281 с.
3. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2 т. / пер. с англ. Н. Н. Марчук. – М. : Вече, АСТ, 1999.
4. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004.
5. Измайлова М. А. Психология рекламной деятельности : учеб. – М. : Дашков, 2008. – 413 с.
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 226 с.
7. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. – М.; Новосибирск, 2008. – 226 с.
8. Остроушко Н. А. Секреты рекламных текстов: проблема речевого воздействия в рекламных текстах. – М. : ООО «ВК», 2009. – 212 с.
9. Пирогова Ю. К Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. URL: <http://www.createbrand.ru/biblio/marketing/strategia.html>
10. Репьев А. П. Язык рекламы. Ч. 1. URL: http://www.repiev.ru/articles/ad_lang.htm
11. Филатова О. Г. Социология массовой коммуникации : учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2006. – 303 с.
12. Чумичева Н. В. Копирайтинг и рекламная суггестия: алгоритмизация творчества : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 23 с.
13. Шарков Ф. И. Реклама в коммуникационном процессе : учеб. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2007. – 348 с.

ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ

А. И. Полевая
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

Summary. This article observes on the problems of reflection of emotions by linguistic means. Therefore the author tries to mark out the characteristics of emotions to make difficult this reflection and the reasons to make it successful.

Key words: emotion; linguistic reflection; emotive norm; emotive function.

Эмоции, представляя собой один из адаптивных механизмов индивида к окружающей его действительности, опосредуют различные сферы человеческой деятельности, в том числе и коммуникативную деятельность. В. И. Шаховский определил лингвистический подход к изучению эмоций следующим образом: «Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определённой степени типизированными» [6, с. 88].

Наши эмоции, наши чувства, наши мысли – достояние каждого из нас. Именно они составляют внутренний духовный мир каждого человека: его темперамент, его характер. Язык, представляя собой систему выразительных символов, является самым надёжным способом донести до внешнего мира свой внутренний посыл. Через языковое отражение эмоций мы познаём человека как личность. Именно спонтанные эмоциональные проявления, прежде всего вербальные, раскрывают нам сущность человека.

Для исследований эмоций в языке важно определить место эмотивной функции языка в ряду других его функций. Традиционно принято выделять две базовые функции языка: служить средством человеческого общения и средством осуществления человеческого мышления. Однако язык является не только средством общения и познания, но также средством самовыражения и воздействия. Размышляя об отношениях эмоций и языка, логично выстроить последовательность, отметив, что «коль скоро существование эмоций – объективный факт, как и их выражение средствами языка, то при анализе его функций естественно выделять эмотивную функцию» [7, с. 243–244]. Именно эмотивная функция отражает потребность человека передать эмоциональное отношение к тому или иному явлению окружающей действительности, она существует для передачи эмоций и для эмоционального воздействия. Цель эмотивной функции – осуществление специфической формы эмоциональной коммуникации людей.

М. М. Бахтин, раскрывая сущность отношений между переживанием (эмоцией) и его знаковым (языковым) выражением, отметил, что «переживание не только может быть выражено при помощи знака, но помимо своего выражения вовне – переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале, и вне этого материала переживания как такового просто нет» [1, с. 370]. Действительность эмоции, её объективное наличие не зависит от слова, но слово (наряду с невербальными формами) есть способ манифестации эмоции как окружающему миру, так и самому переживающему.

Таким образом, в аспекте исследования эмоций язык проявляет свою эмотивную функцию, обслуживая эмоциональное общение между людьми и способствуя осознанию переживания эмоции человеком. Язык – выражение индивидуального мира говорящего. Он выводится из потребности человека выразить себя, объективировать своё «я».

Язык располагает разноуровневыми средствами, способными репрезентировать эмоции: просодические средства, лексические, фразеологические, синтаксические, стилистические. Казалось бы, что этот богатый арсенал должен адекватно передавать малейшие нюансы наших эмоций, однако в реальности дело обстоит несколько иначе. Знаменитый французский философ Анри Бергсон, рассматривая эстетические чувства как основание возникновения положительных эмоций, замечает, что «наша речь несовершенна: она не приспособлена к тому, чтобы передавать тонкости психологического анализа» [2, с. 56]. Соглашаясь с тем фактом, что язык ограничивает возможность отражения эмоции, мы, однако, полагаем, что главная причина невозможности абсолютно адекватного языкового отражения переживаемой человеком эмоции кроется вовсе не в несовершенстве языка и речи, а в особенностях эмоций, которые могут затруднять их языковую вербализацию.

Эмоции возникают как реакция и оценка ситуации. Возникновение эмоции всегда обусловлено наличием определённых ситуативных условий. И ситуативность эмоции предполагает ситуативность выбора средств её отражения.

Эмоции всегда субъективны. Разные личности могут по-разному передавать одну и ту же эмоцию.

Эмоции не имеют чётких границ. В течение определённого промежутка времени одна эмоция может переходить в другую.

Эмоции имеют динамический характер: они изменчивы, континуальны и быстротечны, этим объясняются трудности вычленения отдельной эмоции и дифференциации её для фиксации при помощи языковых средств.

Однако, как показывает опыт, несмотря на все проблемы, возникающие при отражении эмоций в речи, люди успешно справляются с ними, и в рамках одной языковой общности при общении каждая эмоция манифестируется достаточно адекватным образом. Её сущность и даже её качественные и количественные характеристики при этом становятся понятными всем участникам коммуникации. Область эмоциональной выразительности охватывает тот круг чувств, который связан с взаимными отношениями говорящих (т. е. социализированных чувств), каждый человек, будучи представителем общества, имеет стандартные, типичные и стереотипные представления о моделях поведения, принятых в данном обществе.

Лингвисты сходятся во мнении, что причиной соответственной репрезентации и адекватной интерпретации эмоций является *социальная типизированность* как внутреннего содержания эмоции (в рамках одного социума), так и внешнего, прежде всего вербального, проявления эмоции (в рамках единой языковой общности). Эмоции человека социальны, поскольку «эго» отдельного человека всегда входит в широкий социальный контекст бытия.

Принадлежность человека к национальной культуре проявляется на всех уровнях языковой личности. На когнитивном уровне – в специфике концептов и фреймов, на языковом – в специфике языковой картины мира, на эмоциональном – в концептуализации эмоциональной сферы, на мотивационном – в национальном менталитете и др. [4, с. 32].

Согласно принципу эмоциональной коммуникации кодирование и декодирование ряда проявлений эмоций одинаковы для людей всего мира [3, с. 95], а вербальная

реализация осуществляется благодаря специфическим эмотивным знакам языка, кодированным и коррелирующим с определёнными эмоциями [6, с. 88–98].

Именно коллективно обобщённое и осознанное значение языкового отражения эмоции, которое мы назовём *эмотивной нормой*, и позволяет нам адекватно интерпретировать её в процессе коммуникации в рамках одной культурно-языковой общности: «Возникающая у реципиента эмоция изначально является крайне субъективной, индивидуально-неповторимой, однако социально-типичное её ядро «не растворяется», что и обеспечивает ожидаемый эмоциональный эффект» [5, с. 153].

Утверждение о том, что адресат распознал эмоцию адресанта, основывается на зрительном или ином восприятии признаков, которые сходны с признаками, известными ему из прошлого опыта.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и психология языка. Статьи. – М. : Лабиринт, 2000. – 636 с.
2. Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. – М. : Московский клуб, 1992. – 336 с.
3. Изард К. Е. Эмоции человека. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 210 с.
4. Каменская О. Л. Вторичная языковая личность – методологическая основа межкультурной парадигмы в лингводидактике // Актуальные проблемы постдипломного профессионального лингвистического образования : сб. науч. тр. Вып. 440. – М. : МГЛУ, 1998. – С. 30–35.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2001. – 204 с.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
7. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения : сб. науч. ст. – Волгоград : Волгогр. пед. ин-т, 1990. – С. 242–249. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblo/sh/shakhovsky02.shtml (дата обращения: 11.01.2010).

II. СТРУКТУРНАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ДИСКУРСНАЯ СИСТЕМА. ЕЁ СТРУКТУРА

Г. И. Тоирова

Бухарский государственный университет, г. Бухара, Узбекистан

Summary. In the article on the methodological basis many aspect systems are considered structure discourse systems, its differences from paradigmatic system.

Key words: discourse; pragmatics; pragmatic situational system; lexical verbal means; lexical non-verbal means; symmetry and asymmetry in component parts of discourse.

О системе, по системологии начиная с работ «Всеобщая организационная наука (тектология)» Александра Богданова (1913 г.), «Курс общей лингвистики» Фердинанда Соссюра (1916, русский перевод 1933 г.) и «Всеобщая теория системы» Людвиг Берталани (1957, русский перевод 1969 г.) до сих пор написано столько, что лишь перечень монографий, сборников, научной периодики по данному вопросу составил бы многотомный фолиант. Несмотря на это, дискуссии вокруг толкования системы не прекращаются и поныне, что связано, естественно, с разнообразностью и многоаспектностью данного общего научного понятия почти всех наук; каждая отрасль знания понимает систему по-своему, сохраняя в ней то общее, что:

- система целостна и устойчива,
- она сложна и состоит из различных составных частей (элементов),
- составные части внутри системы связаны постоянными, устойчивыми отношениями,
- при определении сущности элемента в пределах системы внутрисистемные отношения более весомы и значимы, чем материальная сторона данного элемента.

Этим, пожалуй, исчерпывается общее между пониманием системы в различных отраслях науки и начинается почти бесконечная цепочка различий системы одной отрасли от таковой другой. Даже в пределах одной науки, например в лингвистике, историческое или генеалогическое понимание системы существенно отличается от её структуральной интерпретации.

В последнюю четверть прошлого столетия усилилось внимание к исследованию дискурса – процесса речевого общения, реализации собственно речевой (лингвистической) единицы в сопровождении многочисленных нелингвистических единиц – как собой системы. Достаточно упомянуть работы П. Грайса [1, с. 217–237], Т. А. Дейка [2, с. 311], Дж. Р. Серля [6, с. 151–169], Д. Франка [7, с. 363–373] и многих других. Прагматическая, дискурсная система (каждый определённый этап, ступень речевого общения) и её единицы существенно отличаются от таковых структуральной лингвистики. Наиболее существенные отличия между дискурсной (прагматической) и парадигматической (структуральной, структуралистической, лингвистической, собственно языковой в сосюрском понимании) системами (микросистемами) представлены в таблице 1:

Таблица 1

Некоторые различия между парадигматической и дискурсной системами

Параметры	В парадигматической системе	В дискурсной системе
<i>Природа системы</i>	Ассоциативная	Ситуативная
<i>Временная и локальная соотнесённость</i>	Анохронная, не соотнесённая с определёнными временем и пространством	Мгновенная, локализованная, реализующаяся в определённом месте и времени

<i>Непосредственные составляющие</i>	Виды одного рода, гомогенные, асимметричные	Одно(близко)значные единицы разных парадигм, гетерогенные, симметричные
<i>Взаимоотношения между непосредственными составляющими</i>	Видовые различия одного рода, оппозитивные	Взаимодополнение и повторение одинаковой информации единицами разных парадигм
<i>Единовременная и совместная реализация непосредственных составляющих</i>	Несовместимая, невозможная	Обязательная и совместимая

Если ядро парадигматической микросистемы составляют, как правило, нулевая – беспризнаковая, а окружения данного ядра – признаковые единицы грамматической / лексической категории [8, с. 384–387], то ядро прагматической дискурсной микросистемы составляет, как правило, вербальная (речевая лингвистическая) единица, как ближайшее окружение данного ядра выступают невербальные (т. н. паралингвистические) информативные единицы (жесты, различные состояния и движения частей тела коммуникантов), а последующие окружения образуются поэтапно – единицами многочисленных внешних факторов – спецификой культурных, этнических, национальных, регионально-территориальных, религиозных, гендерных, возрастных, профессиональных и др. онтологических атрибутов коммуникантов, релевантных в процессе дискурса, а также условиями, средствами, ритуалами и др. особенностями самого процесса общения. Обобщённую структуру дискурсной микросистемы графически можно показать в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1. Структура дискурсной микросистемы

Структурные элементы дискурсной микросистемы информативно, как правило, являются симметричными и дополняют, как бы «украшают», друг друга. Поэтому импликация одного из компонентов (даже вербальной языковой единицы) легко восполняется другими элементами (как, например, при приветствии соответствующий жест,

состояния и движения руки, глаз и туловища, вид лица могут заменить экспликацию междометия «Здравствуйте»). Случай информативной асимметрии в составных частях дискурсивной системы (например, приветствие на чисто русском языке человека, одетого совершенно по-восточному) всегда имеют определённую цель и коннотацию, эмоциональную (положительную / отрицательную) окраску.

Библиографический список

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.
2. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – 311 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь /гл. ред. В. И. Ярцева. – М. : СЭ, 1990. – 685 с.
4. Сафаров Шахриёр. Система речевого общения : Универсальное и этноспецифическое. – Самарканд : Сам. отд. Изд-ва им. Гафура Гуляма, 1991.
5. Сафаров Ш., Тоирова Г. Нуткнинг этносоциопрагматик тахлил асослари. Ўқув қўлланма. – Самарканд, 2007. – 40 б.
6. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной литературе. – М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 151–169.
7. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1989. – С. 363–373.
8. Якобсон Р. О. Круговорот лингвистических терминов // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. – М. : Наука, 1973. – С. 384–387.

МЕТОД ОППОЗИЦИЙ В МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: КОНЦЕПЦИЯ Ж. П. КАНТИНО

Н. С. Ушева

Донбасский государственный педагогический университет,
г. Горловка, Донецкая область, Украина

Summary. This article outlines the peculiarities of classification of morphological oppositions in J. P. Cantineau's concept in comparison with the one of Trubetskoj. It also provides the overview of some other linguists' estimation of Cantineau's work for the development of linguistic researches on the morphological level of a language.

Key words: significant oppositions' single; multiple; privative; proportional; isolated; equipollent; gradual; neutralized; signifier; the signified.

Начиная с XX в. разработка теории различения становится одной из актуальных задач лингвистики, о чём свидетельствует тот факт, что почти все лингвистические школы ставят проблему различения, противопоставления и предоставляют то или иное её решение.

Первым обратил внимание на центральную роль оппозиций в исследовании языка Ф. де Соссюр, однако, несмотря на утверждения о наличии в языке только различий, в своей работе он оперирует также понятиями тождества, сходства и солидарности.

Поставленный Соссюром вопрос о систематическом изучении лингвистических оппозиций был разработан М. С. Трубецким, который предложил развёрнутую трёхчастную классификацию различных типов оппозиций в фонологии, базирующуюся на тех же принципах, что применил Соссюр, а именно тождества, сходства и солидарности.

Огромная роль, которую сыграла разработанная Трубецким теория оппозиций не только для фонологии, а для лингвистики в целом, признаётся многими языковедами (Р. О. Якобсоном, Ж. П. Кантино, С. Маркусом, Ю. К. Лекомцевым, Н. И. Стеблиным-Каменским, В. А. Звегинцевым, А. М. Мухиным, Т. В. Булыгиной, Ю. С. Степановым, И. Ревзиным, Ю. Д. Апресяном, И. П. Сусовым и др.).

Успехи в исследовании фонологического уровня языка, в частности достаточно чёткие результаты описания языкового материала с помощью оппозиций, в которых участвует каждый элемент, вдохновили языковедов к переносу ряда приёмов и методов, оправдавших себя в фонологии, в другие области исследования, прежде всего в морфологию.

По замечанию М. И. Стеблина-Каменского, на основе того факта, что звуковая сторона языка сводится к более или менее стройной системе очень небольшого коли-

чества элементов, и именно благодаря этому поддаётся точному анализу, у лингвистов возникла мысль об аналогичной системе в области языкового содержания, прежде всего грамматических значений [4, с. 52–53].

Среди попыток использования фонологических методов в исследованиях языковых явлений морфологического уровня постепенно определились две тенденции: 1) применение методов фонологии к анализу означающих, 2) перенос структурных приёмов анализа в область изучения означаемых.

Первая точка зрения наиболее последовательно представлена у Ж. П. Кантино. Целью данной статьи является анализ особенностей применения метода оппозиций для изучения морфологического уровня языка, предложенных Кантино, а также обзор точек зрения других лингвистов на влияние классификации морфологических оппозиций на развитие языкознания.

Вслед за М. С. Трубецким, выдвинувшим тезис о том, что его классификация «не содержит ничего специфически фонологического», Кантино считает, что так же, как в фонологии функциональная значимость звуков определяется путём дистинктивных оппозиций в фонетической системе, возможно на основе сходства и различий определять отношения между значимыми элементами в языке. Поэтому он делает вывод о возможности применения принципов классификации Трубецкого к классификации любых объектов, а именно в морфологии, синтаксисе, лексике [1, с. 66].

Кантино заметил, что роль фонологии сводится к выявлению того, что некоторые звуковые оппозиции различают означаемые, а в морфонологии Трубецкого речь идёт только о функциональной нагрузке звуковых оппозиций в разных частях речи [1, с. 63]. Что же касается функций противопоставленных друг другу означающих, Кантино настаивает, что они должны изучаться в грамматике или лексике. В своей работе он рассматривает общие принципы построения грамматического и лексического языковых уровней. Для грамматики важнее форма, поэтому Кантино признаёт приоритет означающего в строении языковой системы и сознательно вводит принципы фонологического анализа, предложенные М. С. Трубецким, в изучение знаков через их форму. Дискуссию по поводу маркированного / немаркированного члена оппозиции он также предлагает решать следующим образом: «определение показателя маркированного члена должно быть лишь формальным, основанным лишь на структуре означающего. Никакой семантический или логический анализ не может превалировать над формальным анализом означающего и его связей с другими означающими» [1, с. 81].

Центральное место в его работе занимает понятие семантической оппозиции, которую он называет сигнификативной (СО), её члены – комбинаторные и факультативные морфемы (любые формальные элементы с грамматическим значением) и лексемы (любые формальные элементы с лексическим значением). Основной единицей, членом оппозиции, становится знак языка, т. е. двусторонняя единица (совокупность означаемого и означающего). СО – оппозиция из двух знаков с различными означаемыми.

Кантино справедливо подчёркивает многочисленность СО в любом языке, ведь каждый формальный элемент, имеющий значение, противопоставит всем остальным. Все же, по его мнению, классифицировать их возможно.

Как и Трубецкой, Кантино выделяет три принципа классификации: 1) по отношению СО ко всей системе оппозиций данного языка, 2) по характеру отношений между членами оппозиций, 3) по объёму их различительной функции.

По первому принципу, как известно, у Трубецкого все оппозиции классифицируются по качественному (одномерные – многомерные) и количественному (пропорциональные – изолированные) критериям. Анализ оппозиций, представленных Трубецким, который осуществил сам Кантино, а также замечания других лингвистов (например, А. Мартине отмечал, что некоторые одномерные оппозиции Трубецкого не являются таковыми) позволили Кантино сделать вывод о необходимости пересмотреть деление на одномерные и многомерные оппозиции [1, с. 76]. Однако, несмотря на невозможность, с точки зрения Кантино, сохранить цепочки одномерных оппозиций Трубецкого, он высоко оценил глубокий смысл, который они имеют в создании глобальной консонантной системы.

Различение пропорциональных (ПО) и более многочисленных изолированных (ИО) СО Кантино предлагает оставить в том виде, который оно имеет у Трубецкого.

Причём, по его мнению, эти виды оппозиций должны разграничить лексическое и грамматическое, ибо первые принадлежат к сфере грамматики, вторые – лексики, таким образом, определяется удобная процедура для проведения точной границы между ними. Если ИО становится ПО, она переходит в сферу грамматики (например, словообразование), наоборот, если ПО редуцируется до ИО, она теряет грамматический характер.

По характеру отношений между членами оппозиций количество классов, выделенных Трубецким, было сокращено до двух: привативные и эквиолентные, ибо, по замечанию Кантино, градуальные оппозиции среди СО не встречаются. Кантино также предположил, что в развитии языка существует тенденция постепенной замены эквиолентных оппозиций более частотными привативными.

Классификация СО по их различительной способности в концепции Кантино не имеет существенных отличий от классификации Трубецкого (постоянные оппозиции и нейтрализующиеся), однако у основателя теории оппозиций нейтрализуются только одномерные оппозиции. Кантино же такого ограничения не выдвигает, поскольку не различает одномерные и многомерные оппозиции. При этом он считает, что нейтрализуются только оппозиции, где означающие очень похожи [1, с. 84]. Более того, Кантино выделяет три вида условий нейтрализации: 1) синтаксические, 2) лексические, 3) морфологические.

Кантино настаивал, что корреляция, т. е. любая серия привативных оппозиций, пропорциональных между собой, полезна не только в фонологии, но и в грамматике, т. к. она составляет основу для формирования самого определения грамматической категории.

Вопрос о логических основаниях классификации Трубецкого также рассматривался Кантино, однако, по его мнению, логический квадрат с его отношениями контрарности, контрадикторности, субконтрадикторности и подчинения обосновывает лишь одну классификацию (по характеру отношений между членами оппозиций) в системе Трубецкого, что, по мнению Степанова, не является справедливым [5, с. 215].

С точки зрения отношений между двумя членами парной оппозиции Кантино устанавливает следующие соотношения: 1) отношения пересечения, которые охватывают значительную часть оппозиций Трубецкого; 2) отношения включения, которые включают все привативные оппозиции Трубецкого, однако, по мнению Кантино, к этому типу отношений также можно отнести градуальные оппозиции; 3) отношения тождества (различные инварианты как реализация одной фонемы); 4) отношения внеположенности охватывают, как считает Кантино, лишь некоторое количество эквиолентных оппозиций, а именно те, члены которых не имеют ни одного общего признака. Таким образом, они не создают единство, что противоречит точке зрения Трубецкого.

С. Маркус утверждает, что Кантино, который систематически исследовал возможность применения классификации Трубецкого к сигнификативным оппозициям и показал, что типы этой классификации соответствуют фундаментальным отношениям в символической логике, даже улучшил её, хотя и использовал только отношения включения и элементарные операции теории множества (сам С. Маркус добавляет отношение эквивалентности). Даже замена термина *оппозиция* на термин *отношение* в концепции Кантино считается Маркусом удачной, поскольку термин *отношение* более общий, поэтому более адекватный [2, с. 47].

По оценке Ю. С. Степанова, работа Ж. П. Кантино стала значительным опытом в исследованиях «парадигмы» и значительным шагом к обобщению понятий функции, дистрибуции и оппозиции [5, с. 236].

По мнению О. Г. Ревзиной, в своей концепции Кантино верно определил критерий, определяющий важнейшее отличие грамматики от лексики (повторяемость оппозиции – её уникальность), и ядро грамматической категории безусловно составляют серии привативных пропорциональных оппозиций, однако он упростил факты анализа языковых единиц, потому что моделирование большинства категорий реальных индоевропейских языков нельзя ограничить лишь введением дополнительных пучков серий окончаний или эквиолентных противопоставлений. Кантино главное внимание уделяет формальной стороне СО, план содержания исследуется недостаточно [3, с. 7–8].

Несмотря на наличие некоторых недостатков в попытке Кантино применить метод оппозиций в исследованиях морфологического уровня, его вывод о необходимости

признания этого метода «общим методом формальных классификаций», который предоставляет возможность решать большинство грамматических задач и «позволяет изучать очень углубленно любую часть языковой системы», способствовал его популяризации и целому ряду исследований на его основе в языкознании XX ст. Поэтому нельзя отрицать, что в целом этот подход к морфологии оказался весьма плодотворным.

Библиографический список

1. Кантино Ж. П. Сигнификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М., 1972. – С. 61–94.
2. Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики 1963 / отв. ред. С. К. Шаумян. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 47–74.
3. Ревзина О. Г. Предисловие // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М., 1972. – 282 с.
4. Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 142 с.
5. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М. : Наука, 1975. – 312 с.
6. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М. : Изд. иностр. лит., 1960. – 372 с.

ТИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В САНСКРИТЕ И ДРЕВНЕИРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

К. В. Харитонов
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Summary. The class of adverbs formed late in Indo-European languages, and it is rather heterogeneous. Some scholars argue that there is nothing common between the systems of adverbs in different Indo-European languages. However it seems to be useful to compare the system of adverbs in Sanskrit with such system in Old Irish. It appears necessary to find common types of word formation in these languages to make hypothesis about Proto-Indo-European adverbs.

Key words: comparative Indo-European linguistics; Old Irish; Sanskrit; adverbs; word formation.

Наречия – лексико-грамматический разряд слов, поздно сложившийся в индоевропейских языках, достаточно пёстрый по своему составу. Не все исследователи считают наречие самостоятельным классом: так, О. Есперсен объединяет наречия, предлоги, союзы и междометия в один разряд – «частицы», поскольку «с точки зрения формы все они неизменяемы» [2, с. 98–99]. С другой стороны, наречие является знаменательной частью речи, имеет общеграмматическое значение «признак признака», может характеризовать предикат в предложении, а также способно сочетаться с другими знаменательными словами по способу примыкания, что позволяет рассматривать наречия как отдельный класс слов.

По мнению А. Мейе, «каждый язык в течение своего собственного развития создал наречия» [5, с. 355]; «очень немногие наречные формы свойственны нескольким языкам индоевропейской семьи» [5, с. 355]. В. А. Кочергина также считает, что «наречие выступает как часть речи, наиболее индивидуально представленная по языкам, слабо поддающаяся сравнительно-историческому исследованию даже в близкородственных языках» [4, с. 114]. Однако общие черты в образовании наречий в санскрите и древнеирландском языке можно выделить. Так, в рассматриваемых языках наречия по происхождению связаны с существительными, прилагательными и местоимениями в формах косвенных падежей.

Идея сравнения кельтского материала с индоиранским может вызвать критику «из-за огромного временного разрыва» [3, с. 10], а также по той причине, что санскрит и древнеирландский язык не являются близкородственными. Подобное сравнение было предпринято ранее Ж. Вандриесом, М. Диллоном, В. П. Калыгиным, и в ходе их исследований были сделаны выводы о сохранении глубоких архаизмов в крайних точках индоевропейского ареала. При этом число сравниваемых языков должно быть строго ограниченным: трудно ожидать, что одинаковые архаичные типы словообразования будут встречаться на всей территории индоевропейского ареала. При сравнении санскритского и ирландского материала В. П. Калыгин ориентируется «не на абсолютную

датировку текста, а на степень архаичности, т. е. на своего рода относительную датировку, учитывающую темпы развития и уровень консервативности данной языковой традиции» [3, с. 10].

При сравнении системы древнеирландских наречий с системой наречий в санскрите можно выявить типы образования, которые были характерны для данной части речи на ранних этапах развития языков и остаются продуктивными. Рассмотрим некоторые из способов образования наречий в этих языках. Для определения частеречной принадлежности будем опираться на данные словарей [8; 9].

1. Часто наречия представляют собой застывшие падежные формы существительных. В санскрите адвербиализуются существительные в аккузативе, инструментале, аблативе, дативе (наречия времени) и локативе (пространства). Примеры:

divā (Instr.) ‘днём’, от сущ. *div* ‘день’,

pārṣve (Loc) ‘рядом’, от *pārṣva* ‘бок’.

Древнеирландский датив интересен тем, что в нём объединились функции и формы пракеельских датива, инструментала и локатива. Таким образом, существительные в дативе могут (в зависимости от своей семантики) переходить в разряд наречий со значением:

– времени (*nach thain* ‘в любое время’);

– пространства (*clú do* ‘слева’, ‘к северу’).

2. Образование наречий может иметь префиксальный характер. В санскрите префиксы-превербы обычно сочетаются с существительными в винительном падеже:

ati- (‘очень’) + *mātra* (‘мера’) = *atimātram* (‘чрезмерно’).

Количество таких префиксов в санскрите довольно велико. Они могут обозначать крайнюю степень того, что выражает производящая основа (*ati-*), а также иметь пространственное значение:

– положение по отношению к тому, что выражает производящая основа (*adhi-*): *adhipatham* ‘по пути’;

– следование или соразмерность тому, что выражает производящая основа (*anu*):

– *anupatī* ‘вслед за супругом’;

– направленность, приближение, близость к чему-либо (*abhi-*): *abhidakṣ iṅ am* ‘направо’ и т. д.

В древнеирландском языке префиксы, служащие для образования наречий, в большинстве своём восходят к предлогам и присоединяются к существительным в аккузативе или дативе:

i (‘в’) + *nocht* (‘ночь’) = *innocht* (‘ночью’).

Для образования наречий места в древнеирландском языке используются префиксы *t-*, *s-*, *an-*, так что получается система:

– префикс *t-* формирует слова, отвечающие на вопрос *где?* (*t-ís* ‘внизу’);

– префикс *s-* маркирует направление **от** говорящего, *куда?* (*s-ís* ‘вниз’);

– префикс *an-* – движение **к** говорящему, *откуда?* (*an-ís* ‘снизу [вверх]’).

3. Суффиксальный способ также используется для образования наречий. В санскрите путём присоединения суффиксов к местоименным корням, числительным, существительным и прилагательным можно получить наречия со значением:

– места, направления (*-tas*): *mukhatas* ‘изо рта’;

– времени (*-dā*): *tadā* ‘тогда’;

– образа действия (*-dhā*): *dvidhā* ‘двумя способами’.

В древнеирландском языке суффиксальным способом наречия образуются от прилагательных, но такие случаи редки: *mórán* ‘много’, *besán* ‘мало’. Этот способ образования наречий можно считать нехарактерным для данного языка.

Система наречий в древнеирландском языке несколько беднее системы наречий в санскрите, однако типы образования наречий, их функции и роль в этих языках сходны. Существительные застывают в форме аккузатива, если в процессе адвербиализации к ним присоединяются префиксы. Именно аккузативная форма существительного представляется наиболее адвербиализуемой. Как в древнеирландском, так и в санскрите префиксы используются для образования наречий места и пространствен-

ной ориентации. Суффиксальный способ характерен для санскрита, но в древнеирландском языке встречается редко.

Поскольку специальное исследование системы древнеирландских наречий ранее не предпринималось, представляется важным определить границы системы в древнеирландском языке по сравнению с санскритом, что поможет при толковании текстов на этих языках и их переводе. Также в ходе дальнейших исследований могут быть сделаны выводы о продуктивных типах образования наречий и связи этой части речи с тенденцией к аналитизму в индоевропейских языках.

Библиографический список

1. Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. – М. : Наука, 1982.
2. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пассека и С. П. Сафроновой. – М. : URSS, 2006.
3. Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии. – М. : URSS, 2003.
4. Кочергина В. А. Словообразование санскрита. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1990.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. Д. Н. Кудрявского. – М. : URSS, 2009.
6. Михайлова Т. А. Древнеирландский язык. Краткий очерк. – М. : Языки славянских культур, 2010.
7. Thurneysen R. A Grammar of Old Irish. Translated from the German by D.A. Binchy and Osborn Bergin. – Dublin Institute for Advanced Studies, School of Celtic Studies, 2010.
8. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь / под ред. В. И. Кальянова. – М. : Академический проект: Альма Матер, 2005.
9. Electronic Dictionary of the Irish Language. URL: <http://www.dil.ie>

СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА ЕДИНИЦ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ

А. Р. Алексанян

Пятигорский государственный лингвистический
университет, г. Пятигорск, Ставропольский край, Россия

Summary. The paper addresses metaphors that correspond to energy carriers and primary energy sources as referents. Definitions of one-component and many-component metaphors are given, and their lexicogrammatical structure is described.

Key words: metaphor; one-component and many-component metaphors; energy source; energy carrier; substantive; verb; adjective; preposition; adverb.

В современном немецкоязычном новостном интернет-дискурсе часто затрагивается тема энергетики и энергоресурсов. Проблемы, связанные с этой тематикой, служат материалом для многочисленных разножанровых статей, в которых энергоресурсы зачастую представлены метафорически. В данной статье мы рассмотрим структурные свойства метафор, референциально соотносимых с энергоносителями и различными видами энергии с целью определить предпочтительные формы и грамматические модели метафоризации энергоносителей.

В основе подхода к структурной классификации и рассмотрению свойств лежит внешняя структура метафоры как определённой лексико-грамматической единицы или конструкции, присутствующей в дискурсе. Принимая во внимание особенность плана выражения метафоры, в частности уровневую принадлежность единицы, выступающей носителем метафорического образа, мы выделяем однокомпонентные и многокомпонентные метафоры. Под однокомпонентной понимается метафора, состоящая из одной лексемы. Многокомпонентную метафору мы определяем как метафорическое целое, состоящее из двух и более синтаксически связанных лексических единиц, раскрывающих единый метафорический образ.

В корпусе рассматриваемых нами метафор, составленном методом сплошной выборки из новостных немецкоязычных интернет-источников, присутствуют и те и другие. Сам корпус насчитывает 1190 единиц, а в численном соотношении преобладают многокомпонентные метафоры, доля которых составляет 85 %, в то время как количество однокомпонентных достигает 15 %. В данных двух больших группах присутствуют также структурно схожие и многочисленные подгруппы, которые объединяют в

себе метафорические единицы. Структурное многообразие метафорических единиц и основные структурные модели, характерные для метафор, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Структурное многообразие метафорических единиц и основные структурные модели, характерные для метафор

1. Однокомпонентные метафоры (лексические)	178
1.1. Композиты	146
1.2. Непроизводные существительные	32
2. Многокомпонентные метафоры (синтаксические)	1012
2.1. Словосочетания	897
2.1.1. Именные словосочетания	557
1) Adjektiv + Substantiv	210
2) Substantiv + Substantiv	127
3) Substantiv + Präposition + Substantiv	86
4) Adjektiv + Substantiv + Substantiv	42
5) Substantiv + Adjektiv + Substantiv	42
6) Substantiv + Präposition + Adjektiv + Substantiv	22
7) Adjektiv + Substantiv + Präposition + Substantiv	17
8) Präposition + Substantiv	11
2.1.2. Глагольные словосочетания	340
1) Substantiv (Akk) + Verb	125
2) Präposition + Substantiv + Verb	76
3) Adjektiv + Substantiv + Verb	41
4) Präposition + Adjektiv + Substantiv + Verb	34
5) Adverb + Verb	28
6) Substantiv + Substantiv + Verb	20
7) Präposition + Substantiv + Substantiv + Verb	16
2.2. Предложения	115

Рассмотрим данные модели подробнее. Группа однокомпонентных метафор состоит как из производных слов (32), так и композитов (146).

В современной германистике композит (сложное слово) определяется как комплексная единица, состоящая из нескольких слов [2]. Следует отметить, что композиты используются практически в пять раз больше для создания метафоры, чем производные существительные. Скорее всего, это связано с тем, что образование композитов является самым продуктивным способом словообразования в немецком языке. Кроме того, они представляют собой очень удобный способ для создания метафоры, так как дают возможность включать в свой компонентный состав наименование энергоносителя, то есть таких элементов, как Öl-, Gas-, Energie, Rohstoff-, Petro-. Данные лексемы, как правило, занимают место первого компонента (*Energiesüchtige, Ölrausch, Rohstoffkrieg*), но также есть единичные случаи, когда они выступают вторым компонентом (*Blutöl, Bluturan*).

В исследуемых нами метафорах композиты состоят преимущественно из двух компонентов, например: *Erdölfieber, Erdölbonanza, Energiewaffe, Energiesüchtige, Gasrausch, Gasblockade, Gas-Poker, Erdölimperium, Ölsucht, Öldurst, Ölkuchen, Pipeline-Poker, Petrokorruption, Ressourcenkrieg, Rohstoffjagd* и др. В сложных существительных присутствует морфологическая структура «существительное + существительное».

К однокомпонентным метафорам мы также относим производные слова, лексемы, которые не образованы от какого-либо другого однокоренного слова. Энергоносители в данном случае метафоризируются существительными, которые представляют их как финансовые ценности (*Geld, Gold, Währung, Dollars, Schatz*) или еду (*Bier, Brot, Butter, Saft*). Среди производных слов часто встречаются также абстрактные поня-

тия, такие как *сила (Stärke)*, *власть (Macht)*, *судьба (Schicksal)*, *свобода (Freiheit)*, *проблема (Problem)*, *монстр (Monster)*, *вымогательство (Erpressung)*, а также *оружие (Waffe)*, *грязь (Dreck)*, *проклятие (Fluch)*.

Блок многокомпонентных метафор имеет более разнообразную структуру, в которой присутствуют существительные, глаголы, прилагательные, наречия, предлоги. По своей синтаксической структуре многокомпонентные метафоры можно разделить на словосочетания и предложения. Словосочетания носят как именной, так и глагольный характер. В именных словосочетаниях присутствует имя. Главным словом является имя существительное (субстантивное словосочетание) или имя прилагательное (адъективное словосочетание). В глагольных словосочетаниях глагол выступает в роли главного слова [1].

К именным словосочетаниям относятся восемь моделей метафор: Adjektiv + Substantiv, Substantiv + Substantiv, Substantiv + Präposition + Substantiv, Adjektiv + Substantiv + Substantiv, Substantiv + Adjektiv + Substantiv, Substantiv + Präposition + Adjektiv + Substantiv, Adjektiv + Substantiv + Präposition + Substantiv, Präposition + Substantiv. Рассмотрим модели именных метафор по их частотности.

1. Adjektiv + Substantiv.

Наиболее частотной является модель метафоры, имеющая в своей структуре прилагательные и существительные. Прилагательные, обозначающие признак, описывают энергоносители и наделяют их теми или иными свойствами, что обуславливает создание широкого ряда метафор. Метафоризация значения признаков слов заключается в выделении в объекте тех свойств, которые, по мнению именуемого, присущи другому классу предметов. Прилагательные определяют ценность, цену, экологичность, важность, опасность энергоносителей, например: *der praktische Saft*, *der stärkste Motor*, *das schwarze Glück*, *die weltweite Krankheit*, *der braune Teufel*, *das effektivste Druckmittel*, *das politische Instrument*, *das schwarze Gift*, *das schmierige Geschäft*, *der große Segen* и др.

2. Substantiv + Substantiv.

Энергоносители репрезентируются в метафорах также посредством двух существительных, которые соединяются с помощью родительного падежа. В данной модели метафорическое значение может нести как первая, так и вторая лексема: *Schmierstoff der Zukunft*, *Fluch der Ressourcen*, *das Parfum der Stadt*, *Wundermittel der Industrialisierung*, *Treibstoff des Wohlstandes*. Также метафорическим смыслом могут обладать сразу два компонента, в данном случае образуются такие метафоры, как *Geschenk Gottes*, *Tränen des Teufels*, *Lebenssaft der Zivilisation*, *das Fundament der Wirtschaft*, *Exkrement des Teufels*, *Blut des Sieges*.

3. Substantiv + Präposition + Substantiv.

Рассматриваемая модель метафоры также состоит из двух существительных, но в данном случае они соединяются с помощью предлогов *an*, *als*, *aus*, *für*, *gegen*, *nach*, *um*, *von*, например: *Auslöser von Kriegen*, *Magnet für Konflikt*, *Schlüssel zu Wohlstand und Macht*, *Synonym für Geld*. Предлоги управляют соответствующим падежом и требуют постановки падежей связанных с ними разнообразными отношениями в определённую грамматическую форму.

"Großes Öl, schwarzes Gold, Gift für die Seele", singt Jo Billup in einem ihrer Lieder [6].

4. Substantiv + Adjektiv + Substantiv.

Следующие две модели состоят из прилагательного и двух существительных, однако отличаются положением прилагательного в структуре, которое занимает место первого или второго компонента. Что касается частотности использования, то данные модели практически одинаково представлены в анализируемом материале. Так, прилагательное может сочетаться в определённом падеже со вторым существительным: *der Inbegriff russischer Macht*, *der Treibstoff der globalen Klimakatastrophe*, *die Wurzel der aktuellen Krise*, *Suchtmittel der heutigen Gesellschaft*, *Rückgrat des künftigen Wirtschaftswachstum*.

Es folgte die Erfindung des benzinbetriebenen Verbrennungsmotors, und das anfänglich als nutz- und wertlos belächelte Benzin sollte das Lebenselixier der mobilen Welt werden [9].

5. Adjektiv + Substantiv + Substantiv.

В данном случае прилагательное стоит в начале конструкции и сочетается с первым существительным: *der zentrale Schmierstoff der Weltwirtschaft, die gewaltlose Waffe der Zukunft, der wichtigste Rohstoff des Industriezeitalters, der schwarze Schmierstoff des Kapitalismus, das neue Dorado des Erdölindustrie.*

Kohle, Öl und Gas bleiben auf absehbare Zeit die tragenden Säulen der Energieversorgung in Deutschland [15].

6. Substantiv + Präposition + Adjektiv + Substantiv.

В следующих двух моделях метафоры, помимо двух существительных, участвуют также предлог и прилагательное. Они различаются положением прилагательного в структуре. Так, в следующем примере прилагательное занимает место третьего компонента: Substantiv + Präposition + Adjektiv + Substantiv.

Die Jagd nach dem schwarzen Gold schafft völlig neue Allianzen – und Kriege [4].

7. Adjektiv + Substantiv + Präposition + Substantiv.

В другой же модели метафоры, которая также состоит из двух существительных, предлога и прилагательного, прилагательное занимает место первого компонента.

Das Öl wäre sozusagen der Wertanker des US-Dollar, eine multifunktionale Waffe in der Währungskonkurrenz, vor allem mit dem Euro [3].

8. Präposition + Substantiv.

Использование энергоносителей в различных целях находит отражение в структуре метафор, в которых участвуют предлог *als* и существительное. В данной структуре явно показывается сравнение энергоносителя с другим объектом. Например: *Schmutziges Öl als Klimasünder* [12].

Группу глагольных словосочетаний составляют семь моделей: Substantiv + Verb, Präposition + Substantiv + Verb, Adjektiv + Substantiv + Verb, Präposition + Adjektiv + Substantiv + Verb, Adverb + Verb, Substantiv + Substantiv + Verb, Präposition + Substantiv + Substantiv + Verb. Рассмотрим их подробнее.

1. Substantiv + Verb.

Наибольшее количество метафор имеет модель метафоры, структура которой состоит из существительного и глагола. В данных метафорах существительное выступает в качестве объекта в винительном падеже: *Demokratie ruinieren, das Weltgeschehen manipulieren, die Welt antreiben, Ökonomie schmieren, Öl schlucken, Spuren hinterlassen, Energiehunger stillen*. Например:

Von Alaska bis Ecuador, von Australien bis nach Norwegen hat er nach dem schwarzen Saft gesucht, der die Weltwirtschaft antreibt [13].

2. Präposition + Substantiv + Verb.

Вторая модель метафоры репрезентируется с помощью предлога, существительного и глагола. В данной модели мы хотели бы выделить такие структуры, как *als* + Substantiv + Verb и *zu* + Substantiv + Verb. Зачастую один из компонентов выступает одной и той же лексемой, а другой заменяется синонимами. Так, например, энергоносители можно использовать в качестве оружия: *als Waffe benutzen / einsetzen / missbrauchen / nutzen*. А также, энергоносители могут быть репрезентированы в самых разных качествах: *zum Katalysator / zum Fluch / zum Pest / zum Luxusgut werden*.

Im Streit mit der Ukraine aber hat Russland eine kleine Kostprobe davon gegeben, was große Rohstoffreserven in den Händen einer autoritären Macht bedeuten – diese ist stets versucht, Ressourcen eher als Waffe denn als Ware zu begreifen [5].

3. Adjektiv + Substantiv + Verb.

Третья модель метафоры состоит из прилагательного, существительного и глагола. Прилагательное и существительное согласуются с глаголом в винительном падеже: *zerstörerischen Charakter zeigen, eine starke Waffe haben, eine zentrale Rolle spielen, politisches Druckmittel missbrauchen*.

Zudem untergräbt das Öl die politische Kultur: Der Staat bezieht 80 Prozent seiner Einnahmen direkt aus dem Verkauf von Rohöl, ist also nicht auf Steuereinnahmen angewiesen – warum sollte die Regierung daran interessiert sein, in die Entwicklung ihrer Bürger zu investieren? [16]

4. Präposition + Adjektiv + Substantiv + Verb.

В образовании следующей метафорической модели, помимо существительного и глагола, участвуют также прилагательное и предлог.

Die Energievorräte werden als diplomatischer und politischer Hebel benutzt, um Freunde zu gewinnen und die Menschen (in der EU) zu beeinflussen [6].

5. Adverb + Verb.

Небольшое количество реализаций имеют модели метафор, которые состоят из глагола и наречия, выступающих в роли предиката и предикатива соответственно:

Wir sind „ölsüchtig“ und verleugnen es obendrein [10].

6. Substantiv + Substantiv + Verb.

Мы уже говорили о том, что использование существительного и глагола является одной из моделей для образования метафоры. Она может также варьироваться и состоять из глагола с двумя существительными. Но её продуктивность намного ниже, мы насчитали только 20 единиц.

Bereits in der Vergangenheit griffen Länder sogar zu kriegerischen Mitteln, um an begehrte Rohstoffe, die den Grundstein unserer Zivilisation bilden, heran zu kommen [8].

7. Präposition + Substantiv + Substantiv + Verb.

В следующей метафорической модели наряду с предлогом и глаголом присутствуют два существительных. Однако она менее продуктивна, чем модель с одним существительным (всего 16 реализаций). Например: *als Mittel der Erpressung einsetzen, als Werkzeug der Macht einsetzen, am Tropf der Energiewirtschaft hängen, zur Überhitzung der Wirtschaft drohen.*

Мы выделили в качестве одной из моделей метафоры целое предложение, так как здесь метафору представляют не отдельные лексические единицы, а предложение целиком, либо его синтаксическая основа – подлежащее и сказуемое. Это вторая группа многокомпонентных (синтаксических) метафор, количество которых насчитывает 115 единиц. Метафорическое значение распределяется на несколько лексем в предложении, что не позволяет выделить единую структуру таких метафор.

Gelegentlich runzelt der Westen über solches Benehmen die Stirn, doch der Geruch des Öls glättet die Falten schnell [14].

В синтаксических метафорах существительное может занимать позицию подлежащего и управляет глаголом. В этом случае особое внимание акцентируется на персонализации энергоносителей, например: *das Elixier geht aus, der Ölhunger steigt, die Zeitbombe tickt, Öldorado lockt.* Например:

In Aserbaidschan regieren Öl und Gas [11].

В предложениях в качестве подлежащего может выступать сам энергоноситель: *das schwarze Gift sprudelt, Öl tötet Fische und Vogel, Öl bedeutet Tod, das schwarze Gold fließt in Strömen, das Öl schleicht sich in die Träume.*

Итак, мы проанализировали метафоры с точки зрения их лексико-грамматической структуры. Сами метафоры рассматривались как лексические и синтаксические единицы и были разделены на однокомпонентные и многокомпонентные. Однокомпонентные метафоры составляют лишь 15 % от всего корпуса метафор, а остальные 85 % приходятся на многокомпонентные.

Однокомпонентные метафоры представлены только существительными, как производными словами, так и композитами. Структура многокомпонентных метафор представлена словосочетаниями (синтаксически связанными существительными, глаголами, прилагательными, предлогами и наречиями) и целыми предложениями.

Словосочетания, в свою очередь, по компонентному составу были разделены на именные и глагольные. Именные словосочетания насчитывают восемь структурных метафорических моделей, а глагольные семь.

К наиболее продуктивным относятся модели метафор, состоящие из прилагательного и существительного (210), двух существительных (127) и существительного и глагола (125). Мы заметили, что данные три модели являются своеобразным костяком структуры, которая дополняется другими частями речи (прилагательными, существительными, предлогами), что позволяет образовывать разные модели метафор.

Следует обратить внимание на то, что в структуре метафоры главное место занимает существительное, так как оно присутствует в семнадцати из восемнадцати моделей метафор. В трёх моделях присутствуют исключительно существительные, из них 32 производных существительных, 146 существительных-композиций, или два существительных, согласованных с помощью родительного падежа (127).

Остальные части речи, а именно глагол, прилагательное и предлог, присутствуют в восьми моделях метафоры. Наречие выступает в одной модели.

Ещё одной моделью метафоры выступает целое предложение (115). В образовании этой модели метафоры участвуют две лексемы и более, которые могут выступать в роли самых разных синтаксических единиц, а само метафорическое значение может быть распределено между несколькими единицами.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 2004.
2. Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. – München : Fink. 1994. – 301 s.
3. Altvater E. Die Währung des schwarzen Goldes // Eurasisches Magazin. URL: <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/Die-Waehrung-des-schwarzen-Goldes/20803> (дата обращения: 24.02.2010).
4. Ammon D. Kalter Krieg ums Öl. URL: http://www.engdahl.oilgeopolitics.net/Auf_Deutsch/Kalter_Krieg/kalter_krieg.html (дата обращения: 14.06.2011).
5. Brössler D. Vorsicht Russland // Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/beunruhigender-gasstreit-vorsicht-russland-1.906375> (дата обращения: 19.05.2010).
6. Engdahl F. William Russlands Energie-Strategie für Nord- und Westeuropa // Kopp Online. URL: <http://info.kopp-verlag.de/news/russlands-energie-strategie-fuer-nord-und-westeuropa.html> (дата обращения: 26.03.2010).
7. Hahn D. Sie wollen keine Bilder haben. // Die Tageszeitung. URL: <http://www.taz.de/1/zukunft/umwelt/artikel/1/sie-wollen-keine-bilder-haben/> (дата обращения: 12.05.2010).
8. Lindemann F. Rohstoffe sind Macht. URL: <http://www.hingesehen.net/kommentar-rohstoffe-sind-macht/> (дата обращения: 25.08.2010).
9. Litvin D. Brennende Fragen // Neue Züricher Zeitung. URL: <http://www.nzzfolio.ch/www/d80bd71b-b264-4db4-afdo-277884b93470/showarticle/6f14eb6e-a8c0-48e8-ac81-3ffe9fetc15e.aspx> (дата обращения: 07.09.12).
10. Morris C. Von Energiesüchtigen und Energieanalphabeten. URL: http://www.energieverbraucher.de/index.php?itid=337&st_id=337&content_news_detail=3207&back_cont_id=337 (дата обращения: 21.12.2012).
11. Rabitz C. In Aserbaidschan regieren Öl und Gas. URL: <http://www.vifaost.de/texte-materialien/aktuelle-berichte/dw-ostfokus/?do=detail&id=pan@0081439467> (дата обращения: 15.02.2008).
12. Schmutziges Öl als Klimasünder // Stuttgarter Zeitung. URL: http://www.stuttgarterzeitung.de/stz/page/2300772_o_9223_schmutziges-oel-als-klimasuender.html (дата обращения: 03.12.2009).
13. Schumann H. Ein Mann sieht schwarz // Der Tagesspiegel. URL: <http://www.tagesspiegel.de/zeitung/Die-Dritte-Seite;art705,1884346> (дата обращения: 2.10.2011).
14. Strunk A. Aserbaidschan: Die verschwundenen Schachspieler von Baku // Der Tagesspiegel. URL: <http://www.tagesspiegel.de/zeitung/Sonderthemen;art893,2034596> (дата обращения: 13.05.2010).
15. Vor allem fossile Brennstoffe decken den Energiehunger // Der online-Newsletter für ökologisch-interessierte Leser. URL: <http://www.oekonews.de/id/4985/3sat-online-vor-allem-fossile-brennstoffe-decken-den-energiehunger/> (дата обращения 11.05.11).
16. Zick T. Das schwarze Gift // Neon. URL: <http://www.neon.de/kat/sehen/gesellschaft/umwelt/187055.html> (дата обращения: 14.03.2009)

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

А. И. Глушук-Олея

Херсонский государственный университет, г. Херсон, Украина

Summary. In present article the main approaches of the investigation of negation and different interpretations of this category are described by some European linguists.

Key words: category of negation; European grammar tradition; the psychomechanics theory; the generative transformational model.

Отрицание – одна из важнейших языковых категорий, которая служит для описания действительности, играет большое значение в процессе общения и является одной из основных мыслительных операций. Категория отрицания издавна привлекает внимание учёных разных отраслей знаний – философии, логики, психологии, лингвистики. Именно поэтому актуальность исследования этой темы связана с таким направлением языкознания, как изучение языковых единиц, объединённых функцией выражения отрицательного значения, прежде всего, в современном испанском языке.

Главной исходной точкой для исследователя-лингвиста, интересующегося темой отрицания, можно считать учение О. Есперсена, в котором поясняются разграничения между противоречащими (*blanco / no blanco*) и противоположными (*blanco / negro*) понятиями и устанавливается трёхчленная шкала делений [1, с. 373]: А. Положительная ступень. В. Сомнительная ступень. С. Отрицательная ступень. При этом А и С, являясь абсолютными величинами, предполагают уверенность, а В, в свою очередь, неуверенность, и в таком случае В составляет отрицательную параллель таким предложениям: А. *Es seguro que es rico*. С. *Es seguro que no es rico*. Упомянутая трёхчленная структура предполагает только отношение говорящего к включению объекта в один из разрядов: *rico / no rico* [1, с. 374–375].

В 50-х годах в Париже Г. Гийомом была основана школа психомеханики, представители которой занимались исследованиями отрицания, но которые, по мнению С. К. Саида, не изучали само отрицание, а кружили в общих рамках [7, с. 31]. Сам Г. Гийом под отрицанием понимает психический процесс, протекающий между чем-то существующим и несуществующим, и представляет его так:

отрицание
существующее ----- → несуществующее.

Этот психический процесс может быть усиленный в разные моменты развития: до полноты реализации или же после, зависимо от момента отрицания – впереди стоящее отрицание (*in fieri*) – незаконченное, неполное, передаваемое частицей «не», другое отрицание (*in esse*), выражаемое отрицательными словами «никто, ничто, никогда», является полным и законченным [4, с. 133]. В случае завершения процесса до его полного развития – в языке отрицание является неполным и называется имманентным, а если отрицание реализовано полностью – трансцендентным, например: *no puedo hacerlo / nadie puede hacerlo*. Второе предложение представляет полное отрицание.

М. Моло, ученик Г. Гийома, применяет вышеуказанное описание отрицания именно к испанскому языку и подробно рассматривает особенности имманентного и трансцендентного отрицания. Он утверждает, что если к вектору 1 имманентного отрицания добавить «*plus*» (исп. *más*) – образуется высшая степень отрицания; если к вектору 2 имманентного отрицания добавить «*moins*» (исп. *menos*), то это выражение будет тяготеть к позитивному высказыванию [6, с. 706]. Сравним: *no quiero comer más / no quiero comer menos (quiero comer más)*. Вообще, имманентное отрицание, будучи незавершённым, является бытийным отрицанием, а трансцендентное есть утверждение небытия [6, с. 707]. Комбинирование двух видов отрицания считается возможным, в результате чего появляется усиленное отрицание. Например:

А. Простое отрицание = имманентное: *No vino*.

В. Сложное отрицание = имманентное + трансцендентное: *No vino nadie*.

С. Простое отрицание = трансцендентное: *Nadie vino*.

Б. Камус Бергарече [2, с. 178] отклоняет классификацию отрицания в испанском языке, предложенную М. Моло, поскольку не отождествляет роль французского «*ne*» и испанского «*no*» в выражении отрицательного значения. С. К. Саид замечает, что гийомисты фразы с «*ne*» и «*no*» относят к имманентному виду отрицания, но испанское «*no*» может функционировать и как трансцендентное, как французское «*pas*», не только как «*ne*» [7, с. 33].

А. Жоли, чьи взгляды в основном совпадают с учением Г. Гийома, утверждает, что всё психическое действие оперативно разворачивается во времени, это действие направлено на устранение позитивного для установления негативного [5, с. 128]. Вводя термин «битрансценденция», он представляет тройную структуру, но сам термин может находиться вне поля отрицания, выступать как внешний усилитель, выраженный с помощью наречий или оборотов: *en absoluto, en mi vida, en parte alguna, en toda la noche, etc.*, которые указывают на продление трансцендентного отрицания [5, с. 147].

В некоторых случаях, по утверждению и примерам А. Жоли, можно опустить имманентное и трансцендентное отрицание, оставляя битрансцендентное [5, с. 147–148]:

Имманентное: *No viene.*

Имманентное + Трансцендентное = Трансцендентное: *No hay nada.*

Битрансцендентное: *No hay nada en absoluto.*

Такая постановка вопроса о составляющих отрицания и приложении её к испанскому и другим языкам являются спорными, поскольку имманентное отрицание несёт меньшую отрицательную нагрузку, чем трансцендентное, но в случае с испанским языком это было бы всё равно, что утверждать, что приведённые ниже предложения имеют разную степень отрицания [7, с. 35]:

No hay manzanas / Na hay ninguna manzana.

Основная цель исследований А. Жоли – показать значение отрицания, его психическую структуру, описать и проанализировать выбор тех или иных средств выражения значения отрицания.

Для Л. Теньера всё отрицание является дериватом утверждения и, соответственно, выражается таким же способом, но с одним отличием – употреблением отрицательного элемента, то есть само изучение отрицания сводится к изучению его маркёров, которые варьируют в зависимости от типа отрицания [8, с. 372–373]:

– ядерное отрицание (то, которое падает на ядро);

– связующее отрицание (отрицание связи между полными ядрами, которые сами по себе имеют утвердительное значение).

В последнем типе отрицания ядра остаются неизменными, но маркёр влияет на саму их связь и на предложение в целом. То, что отрицание происходит из утверждения, учёный объясняет тем, что до того, как отрицать содержание предложения, человеческий дух сначала должен утверждать его, – происходит настоящий разрыв связи [8, с. 385]. Когда мы говорим: *Andrés no canta*, мы разрываем (отрицаем) связь *Andrés canta*.

Н. Хомксий, в свою очередь, предлагает рассмотрение отрицания в генеративно-трансформационной модели, он также рассматривает отрицание как производное от утверждения, то есть вводит оператор отрицания в независимую глагольную фразу с первоначальной утвердительной структурой, прослеживает и анализирует трансформацию в цепи из таких сегментов [3, с. 61–62]:

NR – C – V (глагольная фраза)

NP – C + M –

NP – C – + have – ...

NP – C + be – ...

Здесь *NP* – *noun phrase*, *C* – *complement*, *V* – *verb*, *M* – *modal verb*. При включении оператора отрицания (*not*, *n't*) после второго элемента наблюдаются следующие трансформации:

They can't come. They haven't come. They aren't come.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что универсальная категория отрицания сложная, многоаспектная и разноплановая, для репрезентации её используются разноуровневые средства выражения, вследствие чего считаем необходимым комплексный подход к её изучению, прежде всего, в испанском языке.

Библиографический список

1. Есперсен О. Философия грамматики. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.
2. Camus Bergareche B. Aspectos históricos de la negación románica: Tesis de Doctorado – Madrid: Universidad Complutense, 1988. – P. 160–180.
3. Chomsky N. Syntactic structures. – Paris : Mouton, 1969. – 260 p.
4. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gastuve Guillaume. 1948–1949, Série C // Grammaire particuliere du française et grammaire générale (IV), deuxiem edition. – Québec : Roch Valin Publisher, 1982. – 291 p.
5. Joly A. Structure psychique et structure sémiologique de la negation nexale dans les langues indo-europeennes // Bulletin de la societe de linguistique de Paris 76, 1. – Paris, 1981. – P. 99–154.
6. Molho M. De la négation en espagnol // Melanges Marcel Bataillon, (Bordeaux), Féret: MOLI, 1962. – P. 704–715.
7. Said. S. K. Estudio comparativo de los procedimientos de la negación en español y en árabe. – Granada : Universidad de Granada. Facultad de filosofía y Letras. Departamento de Lengua española [Tesis doctoral], 2009. – 492 p.
8. Tesnière L. Elementos de sintaxis estructural, I. [Traduc. de Esther Diamante]. – Madrid : Gredos, 1994. – 660 p.

ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В XIX–XX ВВ.

Д. В. Новак

Донбасский государственный педагогический университет,
г. Славянск, Украина

Summary. This article represents the analysis of lingvohistoriographical literature that introduces the problem of historical and morphological studing of the adjective's forms. There are determined the main tendencies of researches in linguists' works of XIX–XX centuries.

Key words: the lingvohistoriografic aspect; the adjective's forms; semantic cryterium; the atributic function.

Лингвоисториографическое изучение имени прилагательного – одна из актуальных и дискуссионных проблем языкознания. В работах нескольких поколений исследователей затрагиваются разные аспекты анализа природы имени прилагательного в русском языке: исторический аспект – в работах Ф. И. Буслаева, А. А. Потемни, А. А. Шахматова, Л. П. Якубинского, Н. Ю. Шведовой, Е. А. Земской, В. В. Иванова, В. В. Колесова, З. М. Петровой, Е. С. Биржаковой, И. М. Мальцевой, Т. И. Вендиной, Н. Н. Кукановой, А. А. Котова, Л. Ф. Копосова и др.; современный аспект – в работах В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, А. А. Уфимцевой, А. Н. Шрамма, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной и др.

Лингвисты-историки, изучая историю развития прилагательных, пришли к выводу, что в индоевропейском языке имя прилагательное не существовало как особый разряд слов, формально отграниченный от существительных.

Падежные формы прилагательных были именными, т. е. совпадали с окончаниями существительных. Также учёными отмечено, что в большинстве современных индоевропейских языков падежные формы прилагательных утрачены. Учёные-слависты, опираясь на сравнительно-исторический метод, доказывают, что в праславянском языке прилагательные прошли путь от недифференцированного имени через синтаксическое вычленение этого разряда слов из общего класса имён до его формального обособления.

В древнерусском языке формально прилагательные в значительной степени продолжают сохранять морфологические признаки, объединяющие их с существительными: они характеризуются категориями рода, числа, падежа, однако содержание этих категорий является иным, также как и у неличных местоимений. Род, число, падеж прилагательного – единая согласовательная категория, оформляющая синтаксическую зависимость прилагательного от существительного.

Среди учёных нет единства мнений относительно истоков и диахронии категории имени прилагательного. Общепринятой концепцией считается происхождение прилагательных из существительных (С. Д. Кацнельсон, А. А. Потемня, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский и др. В. С. Юрченко и А. П. Володин, полагают,

что источником прилагательного является наречие, А. П. Юдакин приходит к выводу, что прилагательные своим возникновением обязаны существительным, глаголам и наречиям, В. З. Панфилов говорит о глаголах и существительных как об источниках категории имени прилагательного, О. Л. Чареков полагает, что прилагательные возникли из синкретичного слова. При этом в вышеупомянутых концепциях диахрония имени прилагательного представляется вне учёта того, что оно представлено двумя неоднородными разрядами – качественными и относительными прилагательными, которые, согласно гипотезе исследования, имеют разные истоки: первые – глагол, вторые – имя существительное.

Целью статьи является решение вопросов об исследовании имени прилагательного с точки зрения лингвистической истории, определение истоков и хода развития имени прилагательного в языке.

Достижение этой цели предусматривает решение следующих задач:

- 1) исследовать, кто из современных лингвистов занимался историко-морфологическим изучением прилагательных в русском языке;
- 2) определить соответствующий круг вопросов по истории развития имени прилагательного, которые привлекали внимание лингвистов;
- 3) выявить, что осталось вне поля зрения исследователей;
- 4) показать, какие положения языковедов в исследовании прилагательного как части речи сохранили свою значимость для современного языкознания.

Имя прилагательное – часть речи, обозначающая свойства-признаки предметов. Оно развивается на основе синтетической категории определения. Естественно, что предпосылки развития определения прилагательного создаются лишь по мере того, как говорящие научаются выделять те или иные свойства предметов, сравнивая эти предметы между собой, познавая один предмет через другой. Это познание предметов развивается не путём пассивного их созерцания или сопоставления, а в активном процессе производства, в процессе труда. Подлинными предпосылками для возникновения в мысли категории свойства-признака, а в языке – синтаксической категории определения и, далее, прилагательного создаются лишь по мере того, как говорящие научаются воспроизводить те или иные свойства предметов; так как свойства предметов раскрываются через другие предметы, то первоначально названия иных свойств – это не что иное, как название предметов, которые с точки зрения говорящих являются преимущественными носителями этого свойства или признака. Так, например, первоначально свойство твёрдого выражается тем же словом, что и «камень», которое становится преимущественным носителем признака твёрдости. Отсюда ясно, что на первоначальном этапе развития определения не может быть речи об особой категории слов, выражающих признаки предметов, – выразителем свойств является та же грамматическая категория имён, названий предметов. Это обуславливает также тот факт, что в своём генезисе все прилагательные являются относительными, семантическими производными от какого-то названия предмета, через отношение к которому характеризуются другой или другие предметы.

Достаточно проанализировать любое качественное прилагательное, чтобы, при наличии соответствующего материала, открыть в нём отношение к какому-то конкретному предмету. Например, русскому качественному прилагательному *крутой* (др.-русс. *крутъ*) в литовском соответствует существительное *krantas* – (берег); понятие «крутого» строилось в данном случае на основе образа (крутого берега); ср. русск. *берег* и немецк. *berg-* (*гора*). Лишь постепенно, с развитием отвлечённого мышления, признак обособляется как таковой и мыслится отдельно. Тогда образуется качественное прилагательное, в котором образ предмета уже отсутствует. Отсюда следует, что качественное прилагательное – категория более отвлечённая, чем относительное. Из сказанного выше ясна глубокая генетическая связь между существительным как названием предмета и прилагательным как названием признака предмета, которое первоначально даётся также через название предмета. Поэтому справедливым считается утверждение, согласно которому между существительным и прилагательным первоначально нет никакого грамматического различия; обе грамматические категории выделяются из общей категории имени, которое используется как название предмета или как название признака. Первоначально группы имён, закрепляемые для обозначения

признака, ограничиваются только лексически; определённые имена специализируются для обозначения признаков, так, например, в турецком языке *ак* – «белый», ничем не отличаясь по форме от существительного, закреплено для выражения понятия «белый». Это лексическое определение, но уже рано возникают и синтаксические формы определения-прилагательного. К примеру, в том же турецком языке имя *demir* – «железо», как и многие другие имена, может выступать и в качестве определения-прилагательного, и в качестве имени существительного; в первом случае оно ставится перед определяемым именем и не склоняется, например, *demir kapı* – «железная дверь», собственно «железо-дверь». Такое положение вещей не говорит о том, что мышление турецкого народа архаичнее, чем у тех народов, которые выделили особую морфологическую категорию прилагательных. Возможности выражения в языке той или иной мыслительной категории бесконечно разнообразны; турки мыслят теми же категориями мысли, что и мы; но у них категория признака-свойства, определения-прилагательного не получила специфического морфологического выражения; в других языках при благоприятных обстоятельствах определение-прилагательное оформляется и морфологически особыми суффиксами-окончаниями; то же произошло и в русском языке.

Известно, что в славянских языках некогда существовали способы выражения определения-прилагательного, свойственные турецкому языку, что доказывается архаичными по структуре приложениями, определениями-существительными типа *жар-птица*, *душа-человек*, *царь-девица* и др. Здесь в качестве определения выступает имя существительное, поставленное перед другим существительным и не склоняемое: *жар-птица*, *жар-птицы*, *жар-птице* и т. д.

Условия образования существительных от прилагательных таковы, что заставляют предполагать более древний обратный ход образования прилагательных от существительных. Образование существительных от прилагательных состоит в переходе от того состояния мысли, когда качественное имя прилагается к разнородным вещам, служа только непосредственным или предикативным атрибутом к тому состоянию, когда оно начинает прилагаться лишь к одной вещи или к многим, но однородным и становится субъектом или объектом. Если эти состояния сменяют друг друга в том же человеке, то при переходе ко второму состоянию он должен чувствовать облегчение, ибо легче, например, под *инокъ* думать только об одном одиноком человеке, монахе, чем держать наготове различные слова, которые могут стать определяемыми слова «инок»: *богъ инокъ*, *сынъ инок*, *слово инок*. Отсюда следует, что и при смене состояний языков и народов, требующее меньшего усилия мысли, т. е. когда было такое существительное, должно было предшествовать состоянию, требующему больших усилий, когда было и прилагательное [3, с. 59].

Глубокая связь между существительными и прилагательными в славянских языках грамматически выражается, прежде всего, в том, что склонение прилагательных кратких, т. е. древнейшего слоя прилагательных, тождественно со склонением существительных основ на **-о**, **-а**; *добръ*, *добра*, *добро* склоняются так же, как *столь*, *жена*, *село*. Далее отмечено, что в ряде случаев сравнительная степень прилагательного формально образуется не от прилагательного, а от соответствующего существительного: *ниже* образовано от *низъ* (*низъе*), а не от *низкъ* (было бы *низъче*), *гаже* образовано от *гадъ* (*гадъе*), а не от *гадкъ* (было бы *гадъче*). Следовательно, в эпоху образования этих степеней сравнения имена *низъ*, *гадъ* были столь же и существительными, сколь и прилагательными, обозначали и предмет, и свойства; иначе от них не могла бы быть образована степень сравнения; впоследствии *гадъ* в значении «гаджий» было оформлено суффиксом **-ѣк**, *низ* в значении «низкий» – тем же суффиксом. Сравнительная степень к этим отдифференцированным прилагательным осталась прежняя (*ниже*, *гаже*). Следовательно, расщепление единой категории имени сопровождалось специальной суффиксацией; многие суффиксы прилагательных и существительных имели только эту словообразовательную функцию. Так, суффикс **-ец** (**-ѣць**) дифференцировал от имени *молодъ*, которое первоначально обозначало и молодого человека, и свойства молодости, название «молодого человека» – *молодец*; в данном случае не оформленная суффиксом основа закреплялась за прилагательным *молодъ*, в то время как в *низкъ* неоформленная основа закреплялась за существительным. Таким образом,

специфические суффиксы существительных и прилагательных являются их существенными морфологическими признаками, восходя к эпохе, когда существительное и прилагательное выделялись из единой категории имени.

К. Бругман также поддерживал идею первоначальной нерасчленённости существительного и прилагательного в индоевропейском языке. Он отмечал, что адъективация существительных происходила уже с индоевропейского периода. Толчком к процессу адъективации был тот факт, что одно существительное, сочетаясь с другим в роли атрибута или предиката, выражало только качественное понятие, которое содержалось в нём [6, с. 339].

Известно, что полные прилагательные образовывались от кратких путём прибавления определённого местоимения **и, я, е**. Первоначально местоимение сохраняло свою полную значимость, и в выражении *добръ-и, добра-я, добро-е* различались две части – собственно прилагательное и указательное местоимение **и, я, е**, которое хотя и становилось при прилагательном, но относилось к определяемому имени существительному, функционируя в качестве определённого члена к этому имени существительному. Наличие местоимений при прилагательных в одних случаях и отсутствие их в других первоначально выражало категорию определённости и неопределённости в применении к существительным, которые определяло прилагательное.

Объяснение полной формы прилагательного как членной (т. е. формы с артиклем, указывающим на определённый предмет) принадлежит ещё Ф. Миклошичу и является в своей основе совершенно справедливым [10, с. 37–38]. Однако бесспорно, что в древнейших славянских памятниках употребление полных и кратких форм колеблется, наблюдается как бы распад категории определённости и неопределённости, успевшей возникнуть в языке; всё более выдвигается роль кратких прилагательных как предикатов. В самом способе образования категории определённости и неопределённости в славянских языках, выражаемой различием членных (местоименных, полных) и нечленных (именных, кратких) прилагательных, коренились причины её гибели. Исконная слабость этой категории в грамматическом строе русского и других славянских языков коренилась во многих обстоятельствах. Возникало как оформленное грамматическое значение лишь понятие определённости; это оформление заключалось в постановке артикля (местоимения **и, я, е**) после прилагательного. В свою очередь, отсутствие члена выражало и понятие неопределённости, и невозможность или ненужность применения в данном случае категории определённости и неопределённости. А такие случаи, нейтральные по отношению к категории определённости и неопределённости, были. К ним относились, например, в области лексики собственные имена, названия общественных (определённых) местностей, территорий, городов, праздников и т. п. Здесь применение понятия определённости и неопределённости оказывалось совершенно лишним, так как определённость была заложена в их лексическом значении. Они выступали как определённые, совершенно независимо от того, упоминаются ли они впервые или упомянуты уже ранее в данном контексте. Ошибочным со стороны многих исследователей данной категории было то, что они рассматривали её узко синтаксически, контекстной, смешивая понятие лексико-семантической определённости с понятием так называемой определённости. Понятие определённости есть лексико-синтаксическое понятие, поскольку определённость может быть дана в самом лексическом значении слова. Например, в названии «*Новъгородъ*» прилагательное выступает всегда в краткой форме, а в названии «*Новый торгъ*» (*Торжок*) – в полной. Эта «непоследовательность» объясняется тем, что слово «*Новъгородъ*» является определённым по самому своему значению; аналогичные явления наблюдаем и в языках с ярко выраженной категорией определённости и неопределённости. Сравним, к примеру, во французском языке *Paris* – «*Париж*», без члена, потому что определённость дана в лексическом значении слова, как и в слове «*Новъгородъ*», но *le Havre* – «*Гавр*» – с определённым членом по той же причине, что и «*Новый торгъ*». Однако между древнерусским и французским, безусловно, имеется и коренное отличие в этом отношении.

Во французском языке имеется три разных способа выражения для трёх разных случаев отношения предмета к категории определённости – неопределённости: в случае определённости предмета – определённый член (*le*), в случае неопределённости – неопределённый член (*un*), в случае нейтральности – отсутствие всякого члена. В

древнерусском языке оформление в виде члена при прилагательном получал только случай определённости (полное прилагательное), отсутствие члена (краткое прилагательное) показывало как неопределённость (соответствует неопределённому члену других языков), так и собственно отсутствие члена, нейтральность. Двойная функция краткого прилагательного (неопределённость и нейтральность) ослабляла систему выражения определённости и неопределённости в древнерусском языке.

Категория определённости выражалась в древнерусском (в отличие от французского) постановкой артикля не при существительном, а при прилагательном, которое и становилось благодаря этому полным прилагательным. Последующее возникновение непоследовательности в употреблении полных и кратких прилагательных ослабляло выражение определённости и неопределённости.

Образование лексико-синтаксической категории прилагательных принадлежит ещё общеславянскому языку, но возникновение специальной морфологической категории прилагательных происходит уже в отдельных славянских языках в связи с возникновением в общеславянском языке категории полных прилагательных и их судьбой в дальнейшем развитии каждого языка.

Актуальность темы определяется тем, что проблема происхождения категории имени прилагательного не имеет окончательного решения в лингвистике и нуждается в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

1. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / под ред. Р. И. Аванесова. – М., 1953. – 306 с.
2. Мейе А. Общеславянский язык. – М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1951. – С. 304–306.
3. Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. – М., 1968. – С. 37–59.
4. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. – Л. : Наука, 1972. – 655 с.
5. Шахматов А. А. Русский язык // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1899. – Т. 28. – С. 564–581.
6. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. S. 339.
7. Hirt H. Indogermanische Grammatik. – Heidelberg, 1927. – S. 270.
8. Kurz J. Kotazce doby vzniku slovanskych slozenych a jejich puvodnino vyznamu. – Studie ze slovanske jazykovedy. Sbornik k 70/ narozeninam akademika Frantiska Travnicka. – Praha, 1958. – S. 213–218.
9. Leskien A. Grammatik der altbulgarischen Sprache. – Heidelberg, 1909. – S. 142.
10. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Dritter Band. – Wien, 1876. – С. 37–38.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СТАНОВЛЕНИИ КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. М. Нуруллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. This article observes the origin and formatting of gender's category in Russian language. A lot of different scientific arguments are summarized. The famous composing of well-known linguists is learnt in this article.

Key words: gender's category; animate and inanimate nouns.

Среди грамматических категорий имени существительного особое место занимает *лексико-грамматическая категория рода*, которая исследуется лингвистами и философами в течение многих тысячелетий. Распределением существительных по родам начали интересоваться ещё в античные времена. Первоначально различие было сделано между одушевлёнными и неодушевлёнными предметами. Двигающиеся вещи считались одушевлёнными, а инертные – неодушевлёнными. Живые существа (одушевлённые) были подразделены по принадлежности к мужскому и женскому полу (роду). Даже *солнце*, *луна* и *небо* относились к мужскому роду, а *земля* – к женскому.

«Первооткрывателем» категории рода в эпоху Античности считается Протагор. Ему принадлежит термин «*γένος*», имевший в греческом языке перевод как «род» (племя, класс и др.), так и «пол». Протагор первым предложил трёхродовую класси-

фикацию имени существительного. Он делит имена по родам на мужские, женские и «утварь» [1, с. 15] (в позднейшей грамматической терминологии – «ни того, ни другого рода», по-латыни – *neutrum*, что в русском переводе имеет значение «средний»). Возможно, что в наименовании родов Протагором нашло выражение общее представление древней филологии о грамматических категориях как об отражающих реальные категории бытия. Кроме того, он пытался поставить принадлежность к роду в связь с окончанием имени, подвергая при этом критике существующее словоупотребление.

О категории рода в эпоху античности говорили также такие видные лингвисты, как Харисий, Дионисий Фракиец, Сервий, Варрон, Консентий, Аммоний, Аристотель и др. Так, Сервий, полагая, что «роды получили своё название от того, что они порождают», выделял только два основных рода: *мужской и женский*. По Сервию, «роды бывают или от природы, или основаны на установившемся обычае». Роды «от природы»: *uir* (мужчина), *mulier* (женщина). Роды, основанные «на установившемся обычае»: *hic paries* (муж. р.; это стена), *haec fenestra* (жен. р.; это окно). В последнем случае мы не наблюдаем природного пола, род закреплён по традиции. Сервий выделяет также роды: *средний* («ни тот, ни другой»), «который не есть ни мужской, ни женский», *общий*, «который есть и мужской, и женский», *всяческий*, «который содержит в себе все вышеназванные роды», *смешанный*, «который не содержит в себе различий пола» [1, с. 119–120]. Консентий тоже говорил об общем и смешанном родах, но он был против увеличения количества родов. По его мнению, имена имеют склонение либо целиком мужское, либо целиком женское.

Особенно интересным кажется происхождение среднего рода, который в античный период чаще всего именуется как «ни тот, ни другой» по отношению к мужскому и женскому родам. Древнегреческий грамматик Аммоний утверждал, что смысл среднего рода легко понять, поскольку он приводит или к тому, «что предшествует обоим родам (например, *первое*)», или к тому, «что происходит из обоих (*дутья*)», или к тому, «что переходит от более сильного к более слабому (*семья*)» [1, с. 76].

Весьма важными в понимании категории рода являются взгляды известного античного философа Аристотеля. В своей «Поэтике» он обращается к морфологической классификации рода, выделяет окончание в качестве маркера родовой принадлежности и составляет «перечни типичных окончаний для каждого рода». Аристотелем впервые была предпринята попытка формального описания родовой системы.

Позднее другой учёный-лингвист Н. Я. Марр, искавший в развитии грамматических категорий непосредственного отражения развития общественно-экономических отношений и общественной, даже классовой идеологии, ставил и развитие категории рода в зависимость от смены общественно-экономических формаций. Но его размышления в некоторых случаях просто лишены всякой логики. Так, например, возникновение женского рода он связывал с эпохой матриархата, а мужского – с эпохой патриархата. Средний же род, по Марру, возник ещё позднее.

Научную трактовку развития категории рода и её изучения мы получаем в грамматике древнерусского языка. Памятники древнерусской письменности – притчи, былины, фольклорные записи, диалектная речь – отражают процесс развития категории рода.

В древнерусском языке грамматическому роду как классифицирующей категории принадлежала ведущая роль в преобразовании словоизменительной системы существительных. Роль рода в качестве основного классификатора именных парадигм проявлялась в том, что на протяжении древнерусского периода устанавливалась «более однозначная связь между родом и словоизменительной моделью имени существительного за счёт объединения в один тип склонения существительных с одним и тем же родовым значением» [4, с. 7].

Как известно, категория рода существительных, обозначающих людей, связана по происхождению с понятием о реальном («естественном») поле (мужской – женский); ср. *брат – сестра*, *муж – жена*. Однако древнерусские тексты дают примеры родовой характеристики, соответствующей формально-грамматическим показателям, а не реальному полу лиц, обозначаемых существительными. Это касается слов типа *воевода*, *слуга*, *староста*, *детины*, *мужчина*, которые всегда обозначали лиц мужского

го пола и генетически являлись именами мужского рода, но характеризовались аффиксами, являющимися показателями женского рода [2, с. 137].

Древнерусские тексты свидетельствуют о том, что в родовой характеристике существительных часто происходили колебания. При сохранении трёх родов, установившихся с глубокой древности, порой наблюдаются переходы некоторых существительных из одного рода в другой. Эти переходы и колебания обуславливаются или синтаксически (строение соответствующей формы, наличие у неё определённой флексии или словообразующего форматива), или семантически (переосмысление значения, связанного с тем или иным родом).

В древнерусском языке традиционно выделяют три основных принципа выражения грамматической категории рода: семантический, морфологический, синтаксический, что соответствует отражению категории рода на всех уровнях языковой системы. Эти три основных способа определения родовой принадлежности слова сохранились и в современном русском языке.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М.; Л. : ОГИЗ-Соцэкгиз, 1936. – 343 с.
2. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для ун-тов. – М. : Высшая школа, 1981. – 359 с.
3. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка: морфология. – Изд. 2-е, испр. – М. : Едиториал УРСС, 2005.
4. Шульга М. В. О причинах устранения родовых различий во множественном числе у родоизменяемых слов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 3. – С. 98–104.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В РЕАЛИЗАЦИИ ТАКСИСНЫХ МОДЕЛЕЙ ОТНОШЕНИЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Н. Радченко

Брянский государственный университет, г. Брянск, Россия

Summary. In this article the author deals with some peculiarities of the language realization of the taxis relations of simultaneousness. Several models of such relations are provided and characterized in the network of the functional grammar. The author focuses both on the ways of verb action, verb forms and the contextual environment.

Key words: functional grammar; functional and semantical field; taxis; simultaneousness; processuality; simultaneousness of processes.

Одним из основных направлений лингвистики текста на современном этапе развития, как известно, является установление, дефиниция и описание текстообразующих факторов с их морфологическими, лексическими и синтаксическими особенностями функционирования. В данной связи интересным представляется исследование частных значений совершенного вида (СВ) личного глагола и его форм: деепричастий (Д), действительных деепричастий (ДД) и причастий (П) в сочетании с глаголами и глагольными формами несовершенного вида (НВ). Данный вопрос подробно рассматривался Ю. С. Масловым [см.: 4] и А. В. Бондарко [см.: 2]. Опираясь на концепции Маслова и Бондарко и используя понятийный аппарат современной функциональной грамматики, в данной статье сделана попытка отыскания и анализа конкретных закономерностей употребления совершенного вида в реализации семантики одновременности.

Употребление совершенного вида в аспектуально-таксисных ситуациях одновременности, как показывает анализ языкового материала, встречается как у деепричастия и других НеФГ (здесь и далее: нефинитная форма глагола), так и у флективного глагола (ФГ).

Совершенный вид глагола употребляется для обозначения полной завершённости названного действия в любом количественном проявлении:

- а) как достигшее временной границы фазы начала и конца;

б) как достигшее своего количественно-временного ограничения (кратковременного, мгновенного, длительного);

в) как достигшее границы чрезмерной длительности или крайней границы развития интенсивности, в том числе и результативной интенсивности.

Анализ найденных примеров и попытка их классифицировать позволили выделить следующие наиболее часто встречающиеся аспектуально-таксисные модели, представленные в языке формулой «ФГСВ + ДД/ПНВ»: результативно-эволютивная; результативно-количественная, репрезентирующие отношения «одновременность второстепенного процесса и основного целостного факта» и отношения «одновременность второстепенного результативного состояния субъекта и основного процесса».

Наиболее широко в речи представлена результативно-эволютивная модель, которая функционирует в сегменте таксисных отношений «одновременность второстепенного процесса и основного целостного факта»:

– подтип 1: «ФГСВ + ДДНВ в обстоятельственной функции»:

Когда он вошёл, держа на весу подготовленные к операции руки, она как раз проводила скальпелем разрез по обработанной поверхности [8, с. 17].

В самый день смерти, ловя мгновение, Костиков оформил сестру на должность покойной Лизы [8, с. 71].

Таня звякнула ключом, отпирая стеклянный шкаф с мелкими металлическими драгоценностями [8, с. 178].

Песок защекотал, ссыпаясь с её одежды [8, с. 217];

– подтип 2: «ФГСВ + ДДНВ в атрибутивной функции»:

Сняли под Звенигородом большую зимнюю дачу, принадлежащую карьерному адмиралу [8, с. 43].

Выделенные примеры позволяют говорить о локализованной во времени модели, а употребление в речи определённых маркеров позволяет визуализировать семантику временной делимитации: *в самый день смерти*. При отсутствии подобных темпоральных уточнителей наша модель переходит в подкласс – «нелокализованные во времени модели»: *ловя мгновение, Костиков оформил сестру на должность покойной Лизы*. Результат подобных трансформаций позволяет классифицировать темпоральные квалификаторы как количественные, так как их наличие или отсутствие качественно не отражается на хронологической цепи всего высказывания.

Таким образом, общая результативно-эволютивная модель, представленная в языке схемой «ГСВ + ДД/ПНВ», репрезентирующая отношения «одновременность второстепенного процесса и основного целостного факта», является в русском языке грамматизованной и / или смешанной.

Отдельного внимания заслуживают конструкции, передаваемые формулой «ГСВ + отрицательное ДНВ», для передачи семы отрицания ожидаемого действия:

Не отпуская Таниной ноги, Тома всем своим тощим телом надавила на отошедшую доску [8, с. 142].

В реализации семантики результативности и одновременности действия выступают глаголы совершенного вида общерезультативного способа действия (СД) с приставками «с-; на-»: *надавить* (функция подобных глагольных приставок заключается в подчёркнутом выражении идеи результата [1, с. 22]) и отрицательные деепричастия эволютивного СД.

Схема «ГСВ + ДДНВ» актуальна для передачи в речи и отношений «одновременность второстепенного процесса и основного целостного факта», которая трактуется нами как результативно-количественная модель:

Таня кинулась вниз, глотая слёзы [8, с. 69].

И Василиса кинулась по длинному коридору, стуча спадающими с пяток старыми туфлями, к входной двери [8, с. 116].

Употребление в данных примерах фазовых глаголов начинательного СД совершенного вида (*кинуться*) и действительных деепричастий многоактного СД (*стучать, глотать*) позволяет определить подкласс результативно-количественной модели как грамматизованную результативно-фазово-количественную модель.

Отсутствие лексических указателей на временной отрезок, в который происходили описываемые события, характеризует данную модель как нелокализованную во времени.

Интересным представляется изучение отношений одновременности, которые можно выразить формулами «ФГНСВ + Д/ПСВ» и «ФГСВ + Д/ПСВ». В предложении грамматическое значение деепричастия связано с категорией таксиса, а грамматическая семантика русского деепричастия связана с отражением реально существующей в действительности последовательности событий, которая предстаёт в языках как предшествование / непередшествование одного события другому [3, с. 150].

Как было зафиксировано ещё А. М. Пешковским, деепричастия несовершенного вида обозначают действие, одновременное с действием сказуемого, а деепричастия совершенного вида – предшествующее действие. Пешковский отметил также, что иные временные значения у деепричастий возможны лишь при поддержке контекста [5, с. 139–140], а, следуя теории русской грамматики, русские деепричастия совершенного вида могут передавать разные таксисные отношения, в частности, кроме предшествования, могут передавать одновременность состояния: *сидит – нахмурившись* [6, с. 672]:

– подтип 1: «ФГНСВ + Д/ПСВ»:

Вцепившись одной рукой в свою кошелку, а другой в Еленин рукав, она шла на почту... [8, с. 40–41].

Кисти, крупные и грубые, она держала постоянно сложенными на груди [8, с. 83].

Он стоял на углу Каляевской и Оружейного, прислонившись к стене молочного магазина [8, с. 143];

– подтип 2.1: «ФГСВ + Д/ПСВ в атрибутивной функции»:

Павел Алексеевич вытащил слегка запотевшую прямоугольную банку [8, с. 36].

Он взялся тяжёлой рукой за её тесно сдвинутые колени [8, с. 290];

– подтип 2.2: «ФГСВ + Д/ПСВ в обстоятельственной функции»:

Сгорбившись, она вышла на улицу [8, с. 70].

По представленному языковому материалу можно интерпретировать отношения, выраженные формулой «ФГНСВ + Д/ПСВ», как отношения «одновременность второстепенного результативного состояния субъекта и основного процесса», а отношения, выраженные формулой «ФГСВ + Д/ПСВ», как отношения «одновременность результативных состояний».

Функционирующие в языке полипредикативные пары, выраженные формулой «ФГНСВ + Д/ПСВ» (подтип 1), представляют отношения одновременности при соблюдении определённых условий и предполагают следующее парное сочетание финитных и нефинитных форм: ФГНСВ эволютивного СД (*идти, держать, стоять*) + Д/ПСВ перфектно-результативного СД, обозначающие состояние субъекта (от непереходных глаголов) и обозначающие действие, касающееся части тела субъекта (от переходных глаголов) [7, с. 259–261]: *скрещёнными, прислонившись*. Определённое соотношение в выборе употребляемых форм конкретных способов действия и отсутствие временных маркеров дают нам возможность отнести данную модель к эволютивно-результативной нелокализованной во времени модели.

В подтипе 2.1 «ФГСВ + Д/ПСВ в атрибутивной функции» превалирует функционирование глаголов результативного-пассивного СД: *вытащить, взяться* в сочетании с глагольными формами перфектно-результативного СД: *запотевший, сдвинутый*.

Сема предельности имплицитно определяется следующими методами: уточнители перемещения к определённой точке пространства: *взялся за колени*; наличие наречного компонента с пространственным значением у глагольно-наречных единиц: *вытащил наружу*.

При отглагольных формах в атрибутивной функции можно найти наречия, усиливающие их качественную характеристику: *слегка запотевшую; тесно сдвинутые*.

Подтип 2.2: «ФГСВ + Д/ПСВ в обстоятельственной функции»:

вышла – сгорбившись (глаголы результативно-тотивного СД + глагольные формы перфектно-результативного СД). Достигнутость результата визуализируется

путём употребления уточнителей перемещения к определенной точке пространства: *на улицу* и при помощи наречного компонента с пространственным значением: *выбежала наружу*.

Исходя из семантики основного СД глаголов, функционирующих в представленной модели, характеризуем её как перфектно-результативную модель.

Так как передача отношений, выраженных формулой «ФГНСВ + Д/ПСВ», как отношения «одновременность второстепенного результативного состояния субъекта и основного процесса» и отношений, выраженных формулой «ФГСВ + Д/ПСВ», как отношения «одновременность результативных состояний» возможна только с соблюдением определённых условий, то мы относим их к смешанным моделям.

В качестве предварительных выводов можно отметить, что все представленные модели могут встречаться в чистом и смешанном виде, то есть характеризоваться как грамматизованные и / или смешанные и неграмматизованные и / или смешанные.

Значение целостности, результативности представленных событий, выражаемое глаголами совершенного вида, исключает употребление глаголов определённого способа действия (фазовые глаголы, глаголы, называющие начало, конец и продолжение действия; привычку, обычай, правило; повторяемость).

Библиографический список

1. Бондарко А. В., Буланин, Л. Л. Русский глагол. – Л. : Просвещение, 1967. – 192 с.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
3. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. – М. : Академия, 2004. – 252 с.
4. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157–312.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 7-е. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
6. Русская грамматика. В 2-х т. Т. 1. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1982. – 783 с.
7. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Наука, 1987. – 347 с.
8. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. – М. : Эксмо, 2006. – 464 с.

СТАТУС ЗАИМСТВОВАННЫХ МОРФЕМ -МОБИЛЬ, -БУС, -КАР, -ПЛАН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. И. Селезнева

Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. This paper considers the problem of productivity of foreign-language morphemes –mobile, -boos, -car, -plan in the modern Russian language. The author analyzes the main trends in the status of these morphemes, depending on the social conditions of the functioning suffixoids. On the basis of this study revealed the relationship of productivity data morphemes with the status of their operation in the speech.

Key words: productivity; suffixoid; morphem.

Морфем в русском языке множество, но неизмеримо меньше, чем слов. Отечественное языкознание до сих пор не располагает точными данными о количестве служебных морфем в русском языке, о количестве морфем, встречающихся в составе слов той или иной части речи, несмотря на существующие словари морфем. Мешает этому, прежде всего, отсутствие единого подхода к вопросам варьирования омонимии морфем.

Несмотря на большое разнообразие по форме и значению, морфемы русского языка представляют собой однородные единицы, так как обладают общими для них признаками, характерными для всего класса. Вместе с этим у них имеются признаки, которые охватывают только определённый круг морфем. На основании таких признаков морфемы объединяются в типы.

При распределении морфем по типам обычно учитываются следующие их признаки:

- 1) функция в слове;
- 2) характер (тип) значения;

3) место в слове.

Морфемы, вычлениющиеся в словах русского языка, делятся на два типа: корневые и аффиксальные.

Корневая морфема – это общая часть родственных слов, которая является смысловым ядром, носителем основного элемента лексического значения. Корень является обязательной частью слова и выступает как его структурно и семантически организующий центр. Слов без корня в русском языке не существует.

Корни играют важную роль в обогащении лексики языка. В русском языке одна корневая морфема может дать жизнь огромному числу слов. Так, у самостоятельного слова *мобиль* с корнем *мобиль*, можно проследить ряд производных слов – *мобильный, мобилля, мобиллю, мобиле...*

Корни, которые могут употребляться в слове самостоятельно или в сочетании с флексиями, называются свободными, или радиками. Таких корней большинство.

Аффикс (лат. *affixus* – прикрепленный) – служебная морфема, то есть часть слова, видоизменяющая лексическое либо грамматическое значение корня (основы) или выражающая отношения между словами в словосочетании и предложении, общее название всех морфем, за исключением корня.

Согласно теории Ф. Ф. Фортунатова [1, с. 23], аффикс выделяется в результате морфологического членения слова на его составляющие и выделения корня (или корней) и противопоставляется материальной сущности слова как его формальная принадлежность.

Аффиксы присоединяются к корню, как бы нанизываются на него в определённой последовательности.

По функции различаются аффиксы:

- 1) словообразовательные (словообразующие), служащие для создания новых слов;
- 2) формообразующие, или синкретичные, служащие для образования форм слов (*автокар, автокара, автокару* и др.);
- 3) словоформообразующие, совмещающие в себе функции словообразования и формообразования.

По характеру воспроизводимости различаются аффиксы:

- 1) регулярные, которые воспроизводятся постоянно, образуя определённую модель слов, составляющих закономерные ряды образований (*дискобус, зообус, солнцебус* и др.);
- 2) нерегулярные, которые встречаются в единичных образованиях, не составляющих определённой модели.

По позиции в слове относительно корня различают следующие виды аффиксов: префиксы (приставки), суффиксы, флексии, постфиксы.

Изначально форманты *-мобиль, -бус* были окончаниями, т. е. флексиями. Но перейдя в другой язык, приобрели статус самостоятельного слова, или стали суффиксоидами.

Проведя сравнительный анализ суффиксоидов, мы выяснили, что наибольшей продуктивностью обладают суффиксоиды *-мобиль* (отмечен в 94 из 227 дериватов, что составляет 40 % от общего количества зафиксированных слов), *-кар* (отмечен в 67 из 227 дериватов, что составляет 30 % от общего количества зафиксированных слов), *-бус* (отмечен в 43 из 227 дериватов, что составляет 20 % от общего количества зафиксированных слов), *-план* (отмечен в 23 из 227 дериватов, что составляет 10 % от общего количества зафиксированных слов).

Библиографический список

1. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – М. : Высшая школа, 1957. – С. 23.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИНФИНИТИВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «ВОСПРИЯТИЕ / ПРОШЛОЕ / ВОСПОМИНАНИЕ – ВООБРАЖЕНИЕ / БУДУЩЕЕ / ПОНЯТИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Л. Н. Голайденко

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. The nominative of imagination and recollection and the infinitive of imagination and recollection are considered as special syntactic means, reflecting the specificity of the category of imagination and recollection, which is a transitional link from perception to conception. These sentences are characterized from the point of the features of their use in fiction in order to cause the visual-sensory images of memories / imagination in the minds of readers and descriptions of imagination and recollection, arising in the minds of literary characters, from the standpoint of reference of these descriptions in the plan of the past / future.

Key words: structural and semantic category of imagination and recollection; the nominative of imagination and recollection; the infinitive of imagination and recollection.

Понимание категории представления как структурно-семантической [3] предполагает комплексное многоаспектное рассмотрение системы языковых средств выражения семантики воспоминания / воображения с учётом явлений переходности и синкретизма в этой системе. Последнее мотивируется переходным характером и синкретизмом самого представления, которое мы традиционно (классически) квалифицируем как наглядно-чувственный образ, воспроизводимый в памяти / воображении в результате переработки прошлого опыта человека, его ощущений и восприятий.

Занимая промежуточное положение между восприятием и понятием, представление обнаруживает сходства и различия и с тем и с другим. Чувственно-предметная природа представления сближает его с восприятием, но представление отличается от восприятия тем, что оперирует воспроизведёнными в памяти или воображении образами без непосредственного воздействия предметов и явлений действительности на органы чувств. Кроме того, представление по отношению к восприятию более абстрактно в силу того, что включает в себе элементы анализа и синтеза. Оно поднимается над непосредственной данностью единичных объектов и связывает их с понятием. Однако понятие не наглядно, в нём раскрываются существенные стороны предмета или явления в их взаимосвязи.

Представление совмещает в себе свойства восприятия и понятия, является средним звеном, переходной ступенью между ними, объединяя тем самым чувственные формы познания объективного мира с абстрактными. Своеобразный синкретизм признаков восприятия и понятия определяет подвижность представления в ряду других форм отражения действительности и характеризует его как «одну из самых семантически ёмких и выразительных психологических и логических категорий» [1, с. 51].

Семантическая ёмкость и выразительность категории представления обуславливаются сложностью её внутренней организации, многомерностью, неоднозначностью.

Представление существует в двух «ипостасях»: как наглядно-чувственный образ воспоминания и как наглядно-чувственный образ воображения. Эти «формы» бытования представления взаимосвязаны и вместе с тем противопоставлены. Их взаимосвязь проявляется в единой наглядно-чувственной природе и постоянном «перетекании» образов памяти в воображаемые картины и наоборот. «В процессе сохранения и воспроизведения представлений памяти происходит их личностная реконструкция, первоочередное вычленение тех сторон, которые существенны для решения актуализированной задачи, уподобление образа объекта другим сходным объектам. Образы памяти могут произвольно реконструироваться и переходить в образы воображения» [5, с. 332]. «Воображение обеспечивает опережающее отражение действительности», когда в будущее «экстраполируется (проецируется)» не что иное, как прошлое [5, с. 50].

Противопоставленность наглядно-чувственных образов воспоминания / воображения обнаруживает себя в тяготении первых к восприятию, а вторых – к понятию: воспоминание более предметно, более чувственно, а воображение, наоборот, более отвлечённо. Наглядно-чувственные образы воспоминания возникают в результате «возбуждения в головном мозге соответствующих следов памяти» [5, с. 332] – воображае-

мые картины могут представлять собой «более или менее свободную переработку восприятий (фантастические представления)» [7, с. 361], «каждый акт мышления включает в себя воображение. Только благодаря воображению становится возможной специфически человеческая операция мышления – абстракция. Глубокое проникновение в действительность требует свободного отношения сознания к её внешним проявлениям» [5, с. 50].

Представлению свойственна своеобразная временная двуплановость, то есть отнесённость как в план прошлого, так и в план будущего: «Большинство представлений – представления прошлого. Но они могут также относиться и к будущему (вызываться ожиданием, предвкушением, предчувствием, заботой, страхом и т. п.)» [5, с. 332]. Причём к прошлому тяготеют наглядно-чувственные образы воспоминания, потому что это «воспроизведённые образы ранее воспринятых предметов и явлений» [7, с. 361], а к будущему – наглядно-чувственные картины воображения, поскольку они есть «способ овладения человеком возможным будущим на основе опережающего отражения действительности» [5, с. 49].

Таким образом, категория представления характеризуется подвижностью на сложной семантической шкале «восприятие / прошлое / воспоминание – воображение / будущее / понятие».

Разноуровневые средства современного русского языка, выражающие семантику представления [4], «высвечивают» данную особенность категории представления и проявляют семантическую подвижность в рамках указанной оппозиции.

Рассмотрим с этой точки зрения именительный представления и инфинитив представления – специфические синтаксические конструкции, которые в языке специально предназначены для выражения соответствующей семантики [2]. Это уникальные разновидности односоставных предложений, вызывающие «в сознании неограниченное количество субъективных образов и ассоциаций», выражающие «ситуацию медитации, размышления». Функциональным назначением данных синтаксических конструкций является «не только желание говорящего вызвать в сознании собеседника представление о предмете», действии, ситуации, «но и сообщить о наличии представления о предмете», действии, ситуации «в сознании самого говорящего» [1, с. 299–300].

Например: *Беда не разъединяла людей, а сближала их. **Война, война!** Никак не хватало моего ума постичь, осмыслить её* (В. Астафьев. Последний поклон); – *Молчи, не надо. Это только моя вина, Родион, ты тут ни при чём. Я тебя не пустила. **Остаться без родины, без России...** – Ну и как отблагодарила тебя за твоё мученичество Россия? – зло сощурился на жену Анисимов* (П. Проскурин. Судьба).

Именительные представления и инфинитивы представления частотны в тех художественных произведениях, которые характеризуются глубоким психологизмом, особым, наглядно-чувственным ореолом, в высшей степени диалогичностью в связи с целенаправленным обращением автора к чувственному опыту читателя, постоянным воздействием на его память / воображение и эмоции.

Именительный представления и инфинитив представления употребляются при описании как воспоминаний персонажей, так и воображаемых картин.

Если речь идёт о воспоминании, то в художественном контексте довольно часто употребляются слова с соответствующим значением: *вспоминать, припоминать, напоминать, упоминать, запоминать, помнить, воспоминание, припоминание, напоминание, память* и др.

Например: – ***А Остап?** – вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг **вспомнил**, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляхских руках* (Н. Гоголь. Тарас Бульба); <...> *Сестрица, сестрица, бесстыдница, кровожажущая <...> (**Вспомнил**, как стояла под шатром в соборе.) <...> Гранаты на дорогу велела подбросить... С ножом подсылает... В поварне вчера объявился боценок с квасом, хорошо, что дали сначала полакать собаке, – сдохла... <...> **Лишить его жизни!** Ни зверь, ни один человек, наверно, с такой жадностью не хотел жить, как Пётр <...>* (А. Толстой. Пётр Первый).

То, что в первом фрагменте описывается именно воспоминание, очевидно. Это определяется контекстом, следующим за именительным представления. Данный контекст содержит глагол *вспомнил*. Но даже если бы этот глагол отсутствовал, описание

наглядно-чувственного образа памяти не «сместилось» бы в сторону воображения. Именительный представления, оформленный с помощью вопросительного знака, побуждает именно вспоминать, а не воображать: чтобы о ком-чём-либо спросить, надо сначала о ком-чём-либо вспомнить. Конечно же, в приведённом примере именительный представления – главное, доминирующее средство выражения соответствующей семантики, тогда как глагол *вспомнил* – дополнительное, вспомогательное.

Если именительный представления в первом отрывке вызывает воспоминание и не нуждается в контексте, чтобы передать это значение, то во втором примере инфинитив представления требует обязательного наличия такого контекста, причём именно предшествующего. Данный контекст содержит глагол *вспомнил*, который и определяет содержание всего фрагмента: Петр вспоминает не только сестру Софью *под шатром в соборе*, но и все её попытки убить его. Поэтому инфинитив представления звучит как итог воспоминаний литературного героя.

Если в произведении описывается воображаемая картина, то художественный контекст нередко содержит слова со значением воображения (*воображать, мечтать, фантазировать, видеть во сне, воображение, мечта, мечтание, фантазия, сновидение, иллюзия* и др.) или слова ЛСП интеллектуальной деятельности, в значении которых актуализируется сема воображения (*думать, соображать, предполагать, мысль* и др.).

Например: **А Петербург?** Далёкая мечта за горизонтом. *Есть ли он на самом деле, или его придумали люди, чтобы не так грустно было жить?* (С. Чураева. Ниже неба); **«Убежать бы куда-нибудь, скрыться и забыть обо всём»**, – *стоя в комнате над раскрытой книгой, думал Толя* (В. Астафьев. Кража).

В первом отрывке только следующий за именительным представления контекст помогает понять, что описывается воображаемый объект. Существительное *мечта* в значении '1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое' [6, с. 353] (ещё и *далёкая, за горизонтом*), глагол *придумали*, обозначающий '2. Выдумать, вообразить' [6, с. 588], и первая предикативная часть *Есть ли он на самом деле* подчёркивают, что персонаж не был в Петербурге, поэтому не может воспроизвести в памяти образ неизвестного города; литературный герой мечтает оказаться в Петербурге, поэтому может только конструировать соответствующее представление в воображении.

Инфинитив представления во втором примере самодостаточен: употреблённый с частицей *бы*, он «выражает желательность действия» [1, с. 290]. Описание воображаемой картины как своего рода программы действий не зависит от глагола *думал*. Наоборот, в значении этого глагола интеллектуальной деятельности под влиянием инфинитива представления актуализируется наглядно-чувственный компонент, сема воображения.

Анализ художественных фрагментов с точки зрения зависимости / независимости именительного представления / инфинитива представления от контекста, содержащего лексику с семантикой воспоминания / воображения или мыслительного процесса, показывает, что именительные представления чаще всего используются в описаниях воспоминаний, тяготеющих к восприятиям, а инфинитивы представления – воображаемых картин, близких к понятиям. Это в основном объясняется разным морфологическим выражением данных предложений. С помощью именительного представления, в основе которого лежит субстантив в форме именительного падежа или субстантивное (нумеральное) словосочетание, автор стремится вызвать в сознании читателя наглядно-чувственный образ предмета, а с помощью инфинитива представления, в основу которого положен инфинитив, глагольная форма, – наглядно-чувственный образ действия.

Образ предмета имеет более чувственный, более конкретный характер (даже если в основе именительного представления лежит абстрактное существительное, то наглядно-чувственный образ эмоции, состояния, качества и т. п. всё равно будет непосредственно связан с каким-то конкретным объектом действительности); предмет легче вспомнить, его свойства при воспроизведении в сознании искажаются несущественно. Например: *Могу уйти, пройти по этажам. Коридоры...* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени).

Наглядно-чувственный образ действия сложнее, богаче, отвлечённее наглядно-чувственного образа предмета, так как действие обычно предполагает оперирование

какими-либо предметами (в широком смысле) и всегда включено в определённый контекст действительности, ситуативно, а ситуация предполагает наличие взаимосвязи и взаимодействия её участников. Например: – <...> *У тяти и у мамы я семая была да своих десятину подняла... Это легко только сказать. А **вырастить?!** Но о жалостном она говорила лишь сначала, как бы для запева, а потом рассказывала о разных случаях из своей большой жизни* (В. Астафьев. Последний поклон).

Немаловажно и то, что инфинитив представления, являясь специфической разновидностью односоставных инфинитивных предложений, вызывает в сознании наглядно-чувственный образ необходимого, требуемого, желаемого и т. п. действия, а такое действие конструируется в воображении как результат, ожидаемый говорящим от себя или собеседника. Данный результат в свою очередь осознаётся как предмет желаний, стремлений, а это второе значение существительного *мечта* [6, с. 353], которое относится к лексике со значением воображения.

Ср., например: <...> *Надо было, наконец, привыкнуть к ужасной мысли, что я совершил новое преступление <...> **Жалоба Мими, единица и ключик!** Хуже ничего не могло со мной случиться* (Л. Толстой. Отрочество) и *Ух, как в нем забилося ретивое, когда он только подумал о том! **Одеться в модный фрак, разговеться после долгого поста, нанять себе славную квартиру, отправиться тот же час в театр, в кондитерскую*** <...> *И он, схвативши деньги, был уже на улице* (Н. Гоголь. Портрет).

С помощью весьма распространённого инфинитива представления во втором отрывке рисуется мозаичная картина желаний, стремлений персонажа, которая рождается в его воображении. Причём эти желания очень сильные. На силу желаний персонажей указывает субстантивированное существительное *ретивое* – ‘В народной словесности: сердце¹ (во 2 знач.)’ [6, с. 676] (*сердце¹* – ‘2. Этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений’ [6, с. 711]). Предикативное сочетание *забилося ретивое* обозначает ‘О возникновении сильного чувства, возбуждения’. Эффект же восходящей градации, безусловно, создаётся благодаря множественности однородных членов, среди которых доминирующими являются именно инфинитивы.

Употребление именительного представления / инфинитива представления позволяет оживить художественное повествование и перенестись из прошлого в настоящее, а через настоящее – в будущее, потому что именительный представления, не имея временной парадигмы, является «одним из средств выражения настоящего исторического времени» (содержание этого предложения «обычно относится к моменту речи» [1, с. 413–414]); действие же инфинитива представления «имеет вневременное значение или относится к будущему времени» [1, с. 281–282].

Например: – *Таковы, по словам моей разведки, предположения немногих оставшихся. – **А Юратин? Что там? В чьих он руках?** – Тоже нечто несообразное* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *При сих словах государь велел подавать сани и оставил Ибрагима, погруженного в глубокие размышления. **«Жениться!»** – думал африканец. – Зачем же нет? <...>*» (А. Пушкин. Арап Петра Великого).

Поскольку «извлечение» из памяти наглядно-чувственного образа происходит в настоящем, то есть литературный герой здесь и сейчас вспоминает объекты действительности, которые воспринимал когда-то в прошлом; поскольку и конструирование новых наглядно-чувственных картин в воображении тоже происходит здесь и сейчас, «возникает иллюзия настоящего времени» [1, с. 413–414].

Например: – <...> *Я ведь тебе сказал: мне бы только до тридцати лет дотянуть, а там – кубок об пол! – **А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина!** Как же жить-то будешь, чем ты любить-то их будешь? – горестно восклицал Алеша* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); – *Погоди, погоди: никогда ни один идеал не доживал до срока свадьбы: бледнел, падал, и я уходил охлажденный... – **А всё-таки каждый день сидеть с женщиной и болтать!..** – упрямо твердил Аянов, покачивая головой. – Ну о чем, например, ты будешь говорить хоть сегодня? Чего ты хочешь от нее, если ее за тебя не выдадут?* (И. Гончаров. Обрыв).

В некоторых случаях трудно определить, к какому временному плану – прошлому или будущему – относится наглядно-чувственный образ, вызываемый посредством именительного представления / инфинитива представления.

Например: *Любовь, жалость ко мне вместе с отчаянием и страх неизбежной смерти убили его. **Смерть! Смерть!** От этого слова, которое одно для нее еще звучало надеждой, на меня повеяло последним холодом* (З. Гиппиус. Вымысел); ***Бедная мать!** Слепота ее ребенка стала и ее вечным, неизлечимым недугом* (В. Короленко. Слепой музыкант); *А вот смокинг стал тесноват, прямо тесноват. «**Бал**», – произнес Лужин и представил себе много, много кружащихся пар* (В. Набоков. Защита Лужина); *<...> Всё это было ничто против мученья столь соседственной разлуки. **Быть так близко подле нее и не быть с нею, слышать ее голос и не видеть ее лица, внимать шум ее походки, и только!..** <...>* (А. Бестужев (Марлинский). Ночь на корабле); *– Счастливый смертный! Он еще может любить! – засмеялся француз. – **Любить!** – сказал голос и помолчал. – Я не могу не любить! Без этого нет жизни. Делать роман из жизни одно, что есть хорошего. И мой роман никогда не останавливается в середине, и этот я доведу до конца* (Л. Толстой. Семейное счастье); *Мариана сошла вниз, в привычную ей обстановку богато украшенных покоев. **Притворяться нежной матерью!** О, как завидовала Мариана простым людям, которые не приучены притворяться!* (Ф. Сологуб. Очарование печали).

Во всех приведённых фрагментах именительные представления и инфинитивы представления вызывают наглядно-чувственные образы, которые не находятся вне времени, а одновременно связаны и с планом прошлого, и с планом будущего, то есть синкретичны с точки зрения временной отнесённости. Это, конечно же, отражение специфики самой категории представления, весьма подвижной на семантической шкале «прошлое – будущее». Будучи внутренне «разнонаправленным», тяготея, с одной стороны, к восприятию, с другой – к понятию, «проявляясь» то как наглядно-чувственный образ памяти, то как воображаемая картина, представление связывает воедино временные планы, организованные по принципу оппозиции.

Так, в первом примере, с одной стороны, речь идёт о прошлом, чему способствует предшествующий контекст, содержащий глагол *убили*, называющий результат воздействия причин «убийства»: *любовь, жалость ко мне вместе с отчаянием и страх неизбежной смерти*. С другой стороны, именительный представления в качестве предмета речи называет слово *смерть*, которое и *звучало надеждой*, и веяло *последним холодом*. Холодом, потому что человеческая жизнь ушла в прошлое; надеждой, потому что живым надо жить дальше, потому что ныне живой человек когда-нибудь умрёт и, в соответствии с верой в бессмертие души, встретится со своим родным, близким, любимым, ушедшим из жизни раньше, на небесах. Неслучайно в контексте, следующем за именительным представления, употребляется существительное *надежда*, которое обозначает '1. Вера в возможность осуществления чего-то радостного, благоприятного' [6, с. 376]. Словесный же денотат именительного представления заставляет персонажа размышлять над тем, что такое смерть, и представлять, воображать, как это может быть с ним самим в будущем.

Во втором отрывке из художественного произведения именительный представления *Бедная мать!* называет мать слепого мальчика, чтобы в сознании читателей возник наглядно-чувственный образ той, которая всегда была рядом с сыном в прошлом и будет с ним в будущем до конца своих дней. Закономерно в контексте за именительным представления используется прилагательное *вечным*, имеющее значение '1. Не перестающий существовать, сохраняющийся на многие века' [6, с. 82].

В третьем художественном фрагменте постконтекст содержит глагол *представил*, который употребляется в общем, нейтральном значении представления, без актуализации семы воспоминания или воображения: *представит* – '6. Воспроизвести в мыслях, вообразить' [6, с. 580]. Поэтому данный глагол не может обусловить отнесение описания наглядно-чувственного образа ни к плану прошлого, ни к плану будущего. Лужин знает, что такое бал, видел его в прошлом: литературный герой неслучайно констатирует факт, что *смокинг стал тесноват, прямо тесноват*. Говоря «*Бал*», Лу-

жин вспоминает какой-нибудь из них. Вместе с тем герой воображает будущий бал, правда, эта картина его не волнует, поскольку для него главное в жизни – шахматы.

Уникален, на наш взгляд, инфинитив представления в четвёртом примере. Построенный по принципу антитезы, он вызывает наглядно-чувственные образы, противопоставленные как мучительное *это было*, естественно, отнесённое к прошлому, поскольку персонаж вспоминает об этом, и как прекрасное «это хочу», ставшее мечтой, предметом желания, возможное в воображаемом будущем. Причём прошлое называется первым членом антитезы, а будущее, желаемое – вторым, который носит мнимо отрицательный характер. Второй член антитезы *не быть с нею, не видеть её лица*, казалось бы, формально отрицает соответствующий факт художественной действительности, но вместе с тем содержательно утверждает желательность этого факта в сознании литературного героя, в его будущем.

Не менее интересен пятый отрывок из художественного произведения с инфинитивом представления *Любить!*. Отнесённость наглядно-чувственного образа одновременно и в план прошлого, и в план будущего определяется исключительно контекстом. Слова персонажа *Я не могу не любить! Без этого нет жизни. Делать роман из жизни одно, что есть хорошего* «высвечивают» мысль о том, что литературный герой любит, сколько живёт, в том числе любил и в прошлом; слова же *И мой роман никогда не останавливается в середине, и этот я доведу до конца* акцентируют внимание читателей на стремлении персонажа не останавливаться в любви, завершать в будущем уже имеющийся роман и начинать новый. Это подчёркивается глаголом *доведу* в форме будущего времени.

В последнем художественном фрагменте временная двуплановость наглядно-чувственной картины так же, как и в предыдущем примере, обуславливается контекстом, окружающим инфинитив представления. В предшествующем контексте употребляется прилагательное *привычную* в значении ‘2. Известный, хорошо знакомый, такой, к которому привык’ [6, с. 587]: *знакомый* – ‘1. Такой, о котором знали раньше, известный’ [6, с. 234], *привыкнуть* – ‘1. Получить привычку к чему-н.’ [6, с. 587], а *привычка* – ‘1. Поведение, образ действий, склонность, ставшие для кого-н. в жизни обычными, постоянными’ [6, с. 587].

Такое разложение значения прилагательного *привычную* на семы позволяет отнести наглядно-чувственный образ, вызываемый инфинитивом представления *Притворяться нежной матерью!*, к прошлому героини. Краткое причастие *не приучены* в последующем контексте тоже актуализирует эту мысль, усиливает её звучание, ибо *приучить* – ‘Заставить привыкнуть к кому-чему-н., научить чему-н., выработать навык’ [6, с. 600], а *навык* – это ‘Умение, выработанное упражнениями, привычкой’ [6, с. 374].

Вместе с тем привычка, навык, заложенные в прошлом в результате многократного повторения действий, остаются с человеком навсегда, то есть они реализуются на протяжении всей его жизни: и в настоящем, которое уходит в прошлое, и в будущем. С психологической точки зрения *навык* – ‘Освоенное действие, отличающееся свернутостью сознательного контроля над его осуществлением’ [5, с. 259], то есть автоматизированное действие, а *привычка* – ‘Полуавтоматизированное действие’, она “складывается <...> в силу формирования динамического стереотипа” [5, с. 343]. Таким образом, привычка и навык *притворяться нежной матерью* (*притвориться*² – ‘Принять какой-н. вид с целью ввести в заблуждение, повести себя неискренне’ [6, с. 599]) в Маринане неистребимы.

Как видно из последних проанализированных примеров, инфинитивы представления, связывая прошлое и настоящее персонажей посредством наглядно-чувственных образов, соотносённых и с прошлым, и с будущим, поэтому и с настоящим тоже, действительно создают иллюзию настоящего времени (как именительные представления), ибо настоящее – связующее звено в оппозиции «прошлое – будущее», совмещающее в себе признаки обеих её «крайних точек», обеспечивающее диалектический переход из одного временного плана в другой.

Итак, именительный представления и инфинитив представления, являясь в современном русском языке специальными синтаксическими средствами выражения семантики воспоминания / воображения, активно функционируя в художественной про-

зе, в полной мере раскрывают подвижный характер категории представления на сложной, многоплановой семантической шкале «восприятие / прошлое / воспоминание – воображение / будущее / понятие».

Такие богатые возможности именительного представления и инфинитива представления в плане передачи всего многообразия смыслов, вытекающих из философско-психологического и структурно-семантического понимания категории представления, особенно ярко проявляются в художественном контексте: будучи «конденсаторами семантики» [1, с. 418], данные предложения довольно часто требуют пояснения с помощью слов ЛСП представления, ЛСП интеллектуальной деятельности или слов, семантически соотносимых с ними.

Библиографический список

1. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке : моногр. – М. : Дрофа, 2004. – 512 с.
2. Голайденко Л. Н. Именительный представления и инфинитив представления: опыт сравнительного анализа (на материале художественной прозы) // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. – Уфа : БГПУ, 2001. – С. 89–96.
3. Голайденко Л. Н. Представление как структурно-семантическая категория в современном русском языке: к постановке проблемы // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2012 г. – Пенза – Москва – Решт : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 23–31.
4. Голайденко Л. Н. Средства выражения представления в художественной прозе (на материале произведений Л. Н. Толстого) // Перспективы развития современного научного знания : сб. науч. тр. – Чебоксары : Учебно-методический центр, 2011. – С. 87–93.
5. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. – М. : ООО «ТК Велби», ООО «Изд-во Проспект», 2006. – 560 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1991. – 917 с.
7. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Коралева, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 576 с. – (Б-ка словарей «ИНФРА-М»)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, КАТЕГОРИЗУЮЩИХ СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

А. В. Семкова

Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального
университета им. М. К. Аммосова, г. Мирный,
Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. The article observes prototypical and non-prototypical syntactic structures categorizing the situation of audial perception. These structures are semantically close, but not identical. Semantic variety of the structures emerges owing to ability of a person to grasp dimensions from different situations of extra linguistic reality simultaneously. Non-prototypical structures are analyzed by means of mental spaces and conceptual integration theory.

Key words: prototypical situation; prototypical structure; non-prototypical structure; dimension; conceptual integration; mental space; blend; emergent meaning.

В связи с тем, что предложения обладают номинативной функцией и категоризируют ситуации реальной действительности, «пропущенные» через сознание говорящего, общим концептуальным содержанием для всех семантически близких предложений, то есть предложений, организованных предикатами одной лексико-семантической группы, является *прототипическая ситуация*. Понятие прототипической ситуации, предложенное Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, представляет собой некую упрощённую идеализированную когнитивную модель, существующую *in potentia*. Это – «набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для нашего опыта» [23, с. 70]. Данные характеристики или «признаки», по мнению авторов, воспринимаются говорящим как гештальт [23, с. 71].

В прототипической ситуации обнаруживаются различные признаки, именуемые нами как параметры. Термин «параметр» (*dimension*) был выбран не случайно. Он является термином когнитивной лингвистики, который, в отличие от термина «при-

знак», используется с целью установления связи между предложением и ситуацией внеязыковой действительности в понимании говорящего. Иными словами, каждый параметр избирается говорящим, что позволяет обнаружить связь между лингвистической единицей и внеязыковой действительностью в понимании говорящего [25].

Прототипическая ситуация слухового восприятия обнаруживает следующие параметры:

- 1) «субъект слуховой перцепции», выступающий только в данной роли;
- 2) «объект слуховой перцепции», воспринимаемый только с помощью органов слуха;
- 3) «акт восприятия»;
- 4) «локализованность субъекта и объекта в едином физическом пространстве»;
- 4) «одновременность звукового события и акта восприятия».

В роли субъекта слуховой перцепции может выступать одушевлённое существо либо механизм, способный воспринимать звуковой сигнал и управляемый человеком. Субъект слухового восприятия всегда конкретен, и в прототипической ситуации он выступает только в роли субъекта восприятия. В реальности эта роль почти всегда оказывается неотделимой, например, от роли субъекта осмысления информации, поступающей через слуховой канал, так как восприятие, по мнению психологов, – неотделимый от мышления процесс. Несмотря на это, исследователи выделяют «чистую» прототипическую ситуацию восприятия, или модель, которая служит «точкой отсчёта» (reference point) [9, с. 31]. Данная модель и принимается за основу при описании прототипической ситуации слухового восприятия.

Параметр «объект слухового восприятия» нуждается в уточнении его характеристик. Исходя из представления о прототипической ситуации восприятия, объект прототипической ситуации должен иметь событийный (звук) характер, поскольку в отличие от зрительного восприятия, которое «может в равной степени охватывать и статику, и динамику», «слуховое восприятие отвечает только динамическому аспекту мира» [1, с. 40]. Восприятие происходит на уровне, который когнитивисты называют базовым. К объектам базового уровня относятся материальные предметы, воспринимаемые действия [8, с. 269]. Поскольку речь идёт о физическом восприятии, воспринимаемые звуки относятся к объективному материальному (реальному) миру, а объектом слухового восприятия является субстанция, существующая отдельно от человека.

Исходя из того, что восприятие в чистом виде представляется процессом, обособленным от других когнитивных процессов, случаи восприятия различных звуков, таких как свист, удар, бой часов, треск, хруст, шум ветра, гул самолёта, голос человека, звуки природы и т. д., рассматриваются нами как прототипические. Эти звуки опознаются и структурируются субъектом сразу, благодаря предыдущему опыту.

Кроме того, объект восприятия концептуализируется как воспринятый полностью, – это показатель того, что событие имело место. «Речь идёт о концептуализации восприятия события как такового: во многих случаях необязательно воспринимать событие «от и до», достаточно мгновений, чтобы знать или убедиться, что что-то имеет место» [8, с. 64].

Необходимо отметить и то, что акт восприятия осуществляется в перцептивной зоне субъекта, а воспринимаемый объект вторгается в неё. Таким образом, необходимым условием прототипической ситуации слухового восприятия является обстоятельство «здесь», т. е. «локализация объекта восприятия в непосредственном физическом перцептивном пространстве субъекта восприятия» [8, с. 33].

Конструкции, категоризирующие прототипическую ситуацию самым лучшим образом и без примеси иных свойств, называются прототипическими. Данная конструкция «существует в сознании говорящего как готовая форма для выражения прототипической ситуации» [23, с. 70–72].

Прототипическими конструкциями, категоризирующими ситуацию слухового восприятия, являются следующие конструкции:

- 1) N_{одуш} hear N_{звук},
- 2) N_{одуш} hear Infinitive,
- 3) N_{одуш} hear Ing-форма.

В качестве субъекта прототипической конструкции употребляется одушевлённое существительное или местоимение, а также неодушевлённое существительное, обозначающее механизм, способный улавливать звуки окружающего физического пространства, и управляемое человеком и обозначаемое нами как $N_{\text{одуш}}$.

В качестве организующего предиката употребляется доминанта синонимического ряда глаголов слухового восприятия глагол *to hear*, первичное значение которого: «*to receive or become conscious of a sound using your ears*» [11]; «*to listen to what someone is saying, the music they are playing etc.*» [24].

Прототипический объект может быть оязыковлён существительным, инфинитивом и *ing*-формой. Конструкции с неличными формами признаны прототипическими для категоризации ситуации восприятия, так как употребление форм простого инфинитива и *ing*-формы свидетельствует об одновременности акта восприятия и воспринимаемого события и о том, что воспринимаемое входит в перцептивную зону субъекта, то есть происходит именно здесь и сейчас [4, с. 215–215; 5, с. 23]. Более того, представляется, что объект в прототипической конструкции репрезентируется лексическими единицами в определённом значении, а именно обозначающими событие, воспринимаемое только с помощью органов слуха.

Приведём следующие примеры:

(1) It was nice to *hear everyone give the chap a big cheer* as he came forward, obviously overcome with excitement [10];

(2) I ... *heard the doorbell ringing* and opened it to find Eileen Wade had forgotten her keys [12];

(3) I *heard the chatter of voices*, and my vision was clouding [27];

(4) He presently *heard the music of a pipe* now very mournful and sweet [16].

Все эти конструкции из предложений (1–4) определены нами как прототипические для категоризации ситуации слухового восприятия. Субъект категоризован личными местоимениями, обозначающими человека. В конструкции (1) субъект является неопределённым, но употребление глагола слуховой перцепции в качестве организующего предиката не оставляет сомнений, что воспринимаемое событие направлено на одушевлённое лицо, способное улавливать и дифференцировать внешние звуки. При этом субъект выступает исключительно в одной роли – субъекта восприятия, так как все воспринимаемые события (музыка, болтовня и т. д.) относятся, во-первых, к объектам реального мира, во-вторых, к объектам базового уровня, которые концептуализируются автоматически благодаря предыдущему опыту. Иными словами, речь идёт о «чистом» слуховом восприятии. Кроме этого, употребление соответствующих грамматических форм, а именно существительного, инфинитива и *ing*-формы, свидетельствует об одновременности восприятия и воспринимаемого события. Следует также отметить, что конструкции (1) и (2) неэквивалентны между собой, так как употребление инфинитива, по мнению Л. М. Ковалёвой, свидетельствует о том, что событие воспринималось полностью, то есть от начала и до конца, а употребление *ing*-формы – о том, что оно было воспринято лишь мельком [4, с. 215–217]. Несмотря на это, акт перцепции и перцептивное событие совпадают по времени протекания и находятся в перцептивном пространстве субъекта восприятия.

Те конструкции, которые категоризуют прототипическую ситуацию хуже или совмещают в себе параметры нескольких прототипических ситуаций, называются не-прототипическими. Это связано с тем, что в процессе мышления и коммуникации внимание говорящего одновременно бывает направлено на разные ситуации и, следовательно, на разные параметры данных ситуаций. При этом происходит слияние различных концептуальных областей в сознании говорящего. Это, несомненно, отражается на значении и организации языковых структур: конструкции приобретают *эмерджентное значение*, то есть значение, образующееся «здесь и сейчас».

Для того чтобы продемонстрировать данное положение, представляется необходимым проанализировать непрототипические конструкции в рамках теории ментальных пространств и концептуальной интеграции. В рамках этих теорий исследовались механизмы конструирования динамического значения в процессе мышления и коммуникации.

Ментальные пространства, согласно Ж. Фоконье, основоположнику теории, представляют собой неязыковые сущности, которые находятся в мозгу индивида, взаимодействуют между собой и репрезентируются языковыми конструкциями. Конструкция «даёт минимальную, но при этом достаточную информацию для нахождения областей и принципов, соответствующих концептуализациям определённой ситуации» [17, с. 11].

Концептуальная интеграция определяется Ж. Фоконье и М. Тернером как базовый когнитивный процесс, лежащий в основе человеческого мышления, который «ведёт к созданию нового значения, общему представлению, концептуальной компрессии, манипуляции «распылённым» значением» [20, с. 292]. Суть процесса концептуальной интеграции заключается в том, что при взаимодействии ментальных пространств образуется новое ментальное пространство со своими собственными характеристиками – бленд.

Бленды динамичны, так как создаются и структурируются при «онлайновом» процессе мышления и говорения. Это связано с тем, что мышление представляет собой творческий процесс, позволяющий говорящему активно и всегда заново производить мыслительную процедуру комбинирования и выбора.

Одним из основных свойств бленда является *компрессия* (compression), подразумевающая сжатие концептуальных областей, неудобных для человеческого понимания и оперирования ими, в концептуальные области более компактные и удобные [21, с. 530]. Другая основная особенность бленда обозначается как эмерджентность. Она заключается в том, что бленд, частично и выборочно наследуя черты исходных ментальных пространств, не идентичен ни одному из них и не сводится к сумме их элементов [19; 21; 28].

Концептуальная интеграция – центральный процесс в грамматике, потому что она может сопровождаться формальной интеграцией для создания новых грамматических конструкций, которые репрезентируют только данные бленды [19, с. 180]. При этом носители языка чувствуют, что интегрированная форма представляет ситуацию как последовательность событий, а не единое (интегрированное) событие [18, с. 117]. Однако в английском языке существует способ представить эту же последовательность ситуаций как единую ситуацию.

Непрототипические конструкции, категоризирующие ситуацию «слуховое восприятие», совмещают в себе параметры следующих прототипических ситуаций: 1) «слуховое восприятие» и «понимание», 2) «слуховое восприятие» и «получение информации», 3) «слуховое восприятие и знание».

Проанализируем непрототипические конструкции, репрезентирующие ситуации «слуховое восприятие» и «понимание». Эти конструкции интегрируют элементы из ситуации восприятия и элементы из ситуации понимания, что отражается на их содержании.

В предложении (5) *Watching from above, to their relief they saw him pick himself up, and heard him begin to revile them, shaking his fist and vowing vengeance* [22] конструкция представляет собой бленд двух ментальных пространств «восприятие» и «понимание». В «распакованном» виде ситуации, категоризируемые этими конструкциями, будут выглядеть следующим образом:

1) ментальное пространство 1: субъект восприятия слышит шум; воспринимаемое, безусловно, находится в перцептивном пространстве субъекта восприятия; время восприятия и воспринимаемого события совпадает;

2) ментальное пространство 2: на основании услышанного шума субъект делает некоторое ментальное заключение о том, что некое лицо *начинает* оскорблять определённую группу людей.

Теоретически эти ситуации следуют друг за другом. Однако, как отмечает Ж. Фоконье, «иногда мы предпочитаем объединять (интегрировать) события в одно целое, и один из способов сделать это – объединить их при помощи уже существующей интегрированной структуры» [18, с. 116].

Восприятие в данном случае репрезентировано лексически: глаголом *to hear* и грамматически: инфинитивным оборотом, так как конструкция с инфинитивом определена как прототипическая конструкция для репрезентации ситуации восприятия.

Понимание репрезентировано лексически, а именно: лексическим значением глагола *to begin* – «to start doing something» [24]. Исходя из лексического значения глагола, предполагается, что данный объект характерен скорее для репрезентации ситуации понимания, нежели восприятия.

Объяснить использование конструкции, прототипичной для репрезентации ситуации восприятия, можно тем, что субъект делает заключение, понимает состояние находящегося перед ним человека на основании именно слухового восприятия.

Следующая конструкция также может рассматриваться как пример концептуальной интеграции в грамматике: (6) *And I can't bear to hear you provoking the gentlemen, and endangering of yourself more* [14, с. 523]. Несмотря на то, что конструкция с *ing*-формой определена как прототипическая конструкция для ситуации слухового восприятия, данная конструкция не является прототипической. Это – конструкция-бленд, представленная в «распакованном» виде двумя ментальными пространствами:

1) ментальное пространство 1: субъект воспринимает разговор джентльменами и неким лицом; воспринимаемое, безусловно, находится в перцептивном пространстве субъекта восприятия; время восприятия и воспринимаемого события совпадает;

2) ментальное пространство 2: на основании услышанного субъект делает вывод, что собеседник провоцирует джентльменов, навлекая на себя опасность.

Как видно из примера, субъект выполняет две роли – субъекта восприятия и субъекта понимания, в связи с чем конструкция не может считаться прототипической. Восприятие в данном случае репрезентировано лексически: глаголом *to hear* и грамматически: *ing*-формой, так как конструкция с *ing*-формой определена как прототипическая конструкция для репрезентации ситуации восприятия. Понимание репрезентировано лексически, а именно: лексическим значением глагола *provoke* – «to cause a reaction or feeling, especially a sudden one» [24]; *endanger* – «to put someone or something at risk or in danger of being harmed, damaged or destroyed» [11]. Из лексического значения следует, что данный объект характерен более для ситуации понимания, нежели для ситуации восприятия.

Следующие конструкции интегрируют параметры прототипических ситуаций «слуховое восприятие» и «получение информации»:

(7) "Have you *heard anything of the case?*" he asked [15];

(8) As soon as I *heard of Mrs. Ferrars's death*, I felt convinced that she would have told him everything before she died [13].

В «распакованном» виде ситуации, категоризируемые этими конструкциями, будут выглядеть следующим образом:

1) ментальное пространство 1: субъект восприятия слышит некий шум и идентифицирует его как человеческий голос; воспринимаемое, безусловно, находится в перцептивном пространстве субъекта восприятия; время восприятия и воспринимаемого события совпадает;

2) ментальное пространство 2: одновременно с восприятием звуков человеческого голоса происходит декодирование информации, стоящей за производимыми звуками.

В этих конструкциях объект репрезентирован существительными, обозначающими абстрактные явления, которые невозможно воспринимать только с помощью органов слуха (*death, case*). Это наводит на мысль, что параллельно с восприятием у субъекта задействованы и другие когнитивные процессы, направленные, в частности, на получение и запоминание информации. Таким образом, в данном случае речь идёт не только об идентификации воспринимаемых звуков как звуков человеческого голоса, но и о получении конкретной информации, которая становится приобретённым знанием субъекта.

По мнению некоторых российских исследователей, в функционально-когнитивную сферу глагола *слышать* входит, наряду с другими блоками, блок получения информации, который характеризуется наличием односторонней связи, направленной только на получение информации [9, с. 54]. Многочисленный ряд слов, «описывающий объект данного блока имеет, с одной стороны, ключевое понятие – «информация»: сообщение, новости, сводка погоды, сказка, анекдот, речь, отчёт; с другой

стороны, представлен одушевлёнными объектами: слушать лектора, учителя, рассказчика, чтеца, диктора и т. д.» [6, с. 62].

Существительные *death* и *case* относятся к лексическим единицам, описывающим понятие «информация», и характерны скорее для репрезентации объекта прототипической ситуации «получение информации», а не «слуховое восприятие». Необходимо также отметить, что результат связи (взаимодействия) слухового восприятия и мыслительной деятельности отражён и в толковых словарях. Все они фиксируют следующее значение глагола *to hear*: «*to be told or learn (of)*» [11]; «*to be told or find out a piece of information*» [24]. В связи с этим речь идёт, скорее всего, о «привычных блендах», которые находят отражение в словарных дефинициях глаголов [4, с. 233].

Связь восприятия и мышления отражается и в учебниках по практической грамматике. В них отмечается, что конструкция с глаголом *to hear* изменяет своё значение, если глагол управляет придаточным предложением дополнения, а зависимый глагол представлен перфектной формой. В таком случае глагол *to hear* приобретает значение «*to learn, to be told*»: «*I heard that he had left for the South (Я слышал (мне сказали), что он уехал на юг)*» [2, с. 318]. Дело, на наш взгляд, не в изменении значения главного глагола, а в том, что конструкции с глаголом *to hear* и придаточным предложением дополнения представляют собой конструкции-бленды, категоризирующие одновременно две ситуации: «слуховое восприятие» и «знание».

Исследуя предложения, обозначающие восприятие, лингвисты выделяют употребление перфекта в значении «восприятие результата» [4, с. 202]. Также отмечается, что перфектное значение – производное и основано на умозаключении: «если обладает, значит, приобрёл», «если носит, значит, надел» [3, с. 215].

Иначе говоря, если говорящий сообщает об определённом знании, которое было приобретено им в результате слухового восприятия, он прибегает к использованию конструкции с глаголом *to hear* и придаточным предложением дополнения, где зависимый глагол употреблён в видо-временной форме перфекта. При этом речь идёт не о получении информации, а о результате её получения и запоминания – знании.

Конструкция (9) *Once or twice I heard that Ata had been to Papeete to buy painting materials, but I did not happen to see her* [26, с. 56] представляет собой бленд двух ментальных пространств: «восприятие» и «знание». Во-первых, конструкция с придаточным предложением дополнения была определена как прототипическая для глаголов знания [4, с. 242]. Во-вторых, в результате реконструкции исходных ментальных пространств становится очевидным, что речь идёт о приобретении (узнавании) субъектом определённой информации от постороннего лица. Можно представить описанные данной конструкцией ситуации следующим образом:

1) ментальное пространство 1: субъект воспринимает определённую информацию о посещении Атой Папиты. Воспринимаемое не находится в перцептивном пространстве субъекта восприятия, и время восприятия и воспринимаемого события не совпадает, так как Ата посещала Папиту раньше;

2) ментальное пространство 2: на основании услышанной информации субъект получает определённую информацию, которая впоследствии становится его знанием.

Восприятие репрезентировано лексически глаголом *to hear*, а знание – грамматически придаточным предложением дополнения и видовременной формой зависимого глагола (перфект). На основании услышанного субъект реконструирует у себя в голове определённую ситуацию, в данном случае ситуацию посещения Атой Папиты, что отражается на выборе придаточного предложения дополнения в качестве объекта. Таким образом, данная конструкция представляет собой бленд «восприятие – знание».

Итак, во-первых, несмотря на то, что не все конструкции способны полно представить прототипическую ситуацию, она есть общая идея, объединяющая семантически нетождественные конструкции, так как все они содержат в себе те или иные параметры данной ситуации, позволяющие подвести их под общую категорию.

Во-вторых, в процессе категоризации ситуаций слухового восприятия говорящий подстраивает под прототипическую ситуацию все похожие на неё ситуации. При этом сознание говорящего замечает и выделяет в ситуациях внеязыковой действительности те или иные параметры. Любое содержательное изменение ситуации, которое удалось уловить сознанию говорящего, влечёт за собой формальное изменение кон-

струкции. Конструкции могут отличаться от прототипической конструкции лексически, а именно лексическим значением единицы, оязыковляющей объект слуховой перцепции. О выделении сознанием говорящего определённых параметров в ситуации сигнализирует также синтаксическая структура всего предложения, а именно видо-временная форма зависимого предиката.

Таким образом, несмотря на то, что семантически близкие конструкции восходят к общей прототипической ситуации, они не являются семантически идентичными, поскольку категоризируют ситуации, которые отличаются от прототипической а) вариативностью самой ситуации, б) тем, что ситуации осмысливаются и категоризируются говорящим по-разному.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Дроздова Т. Ю., Берестова А. И., Маилова В. Г. English Grammar: Reference and Practice. – М. : Антология, 2003. – 344 с.
3. Есперсен О. Философия грамматики. – М. : Иностранная литература, 1958. – 404 с.
4. Ковалёва Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 397 с.
5. Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 206 с.
6. Крючкова Т. В. Функциональная категоризация глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний со значением слуховой перцепции в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Белгород, 2004. – 157 с.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
8. Муняева Е. И. Анализ конструкций с глаголом see в свете теории концептуальной интеграции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Иркутск, 2007. – 141 с.
9. Хакимова Г. Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Уфа, 2005. – 160 с.
10. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 12.01.2013).
11. Cambridge Dictionary Online – Cambridge University Press. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/hear_1?q=hear (дата обращения: 08.01.2013).
12. Chandler R. The Long Goodbye. URL: <http://www.homeenglish.ru/Books.htm> (дата обращения: 25.01.2013).
13. Christie A. The Murder of Roger Ackroyd. URL: <http://www.homeenglish.ru/Books.htm> (дата обращения: 14.01.2013).
14. Dickens Ch. David Copperfield. – London : Penguin Books, 1994. – 716 p.
15. Doyle A. C. Adventure of Sherlock Holmes. URL: <http://www.homeenglish.ru/Books.htm> (дата обращения: 14.01.2013).
16. Farnol J. Beltane the Smith. URL: <http://www.homeenglish.ru/Books.htm> (дата обращения: 15.01.2013).
17. Fauconnier G. Mental spaces. – Cambridge : University Press, 1985. – 210 p.
18. Fauconnier G. Blending as a central process of grammar // Conceptual Structure, Discourse, and Language / ed. by A. Goldberg. – Stanford : CSLI Publications, 1996. – P. 113–129.
19. Fauconnier G. Mental spaces, language modalities, and conceptual integration // The new psychology of language: Cognitive and Functional approaches to Language Structure / ed. by M. Tomasello. – Abington : Lawrence Erlbaum, 1998. – P. 133–183.
20. Fauconnier G., Turner M. Compression and Global insight // Cognitive Linguistics. – 2000. – Vol. 11. – P. 283–304.
21. Fauconnier G. Compression and Emergent Structure // Language and Linguistics. – 2005. – Vol. 6. – № 4. – P. 523–538.
22. Haggard H. Fair Margaret. URL: <http://www.homeenglish.ru/Books.htm> (дата обращения: 15.01.2013).
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
24. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/hear> (дата обращения: 08.01.2013).
25. Lutzeier P. Lexical fields. – Surrey : University of Surrey, Elsevier Ltd, 2006. – 1 электрон. отл. диск (CD-ROM).
26. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. – London : William Heinemann Ltd, 1959. – 252 p.
27. Rice A. The Devil. URL: <http://mq2.ru/catalogue/m333244.html> (дата обращения: 14.01.2013).
28. Turner M. Compression and Representation // Language and Literature. – 2006. – Vol. 15 (1). – P. 397–418.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД С ГЛАГОЛЬНЫМИ ОСНОВАМИ

И. Н. Демешко

Кировоградский государственный педагогический университет
им. В. Винниченка, г. Кировоград, Украина

Summary. The article outlines the perspective of researching the deverbatives in modern linguistics. The specific of deverbatives with apical verb in the modern Ukrainian language is determined. The morphological structure of deverbatives with apical verb of native and foreign origin is analyzed. The peculiarities of morphological regularities in verbal derivational units with apical verb of native and foreign origin is defined.

Key words: word-building morphonology; deverbatives; morphological position; derivational paradigm; derivational unit.

На современном этапе развития дериватологии актуальным остаётся создание типологии словообразования, в основе которой лежит функциональная нагрузка мотивирующих основ разных частей речи языка. Изучение таких микросистем даёт возможность выявить «деривационную валентность разных классов мотивирующих слов, их словообразовательные потенции и обусловленность деривационной потенции разных классов их формально-семантическими особенностями, способы освоения семантических составляющих образующего слова в семантической структуре производного в процессах деривации, парадигматику и синтагматику мотивирующих основ, принципы классификации описания производных по признакам мотивирующих основ» [1, с. 8].

Расширение морфонологической проблематики является следствием того, что полнота и адекватность морфонологического описания находится в зависимости от результатов анализа фонологического и морфологического строя языка, а морфонологическое описание приобретает аналитический характер, поэтому исследование и описание формальных признаков языковых единиц с позиции системно-структурной лингвистики остаётся актуальным. Сложности морфонологического описания объясняются и тем, что в научных статьях по славянской морфонологии представлены разные морфонологические концепции, а также наличием разных программ анализа материала, неоднородностью анализируемого материала, всё это усложняет теоретическое обобщение полученных результатов. На современном этапе морфонологический аспект при анализе словообразования производных исследуется в славянских, германских, балканских, тюркских языках, но многочисленные работы не дают ответы на ряд чрезвычайно важных для языка вопросов, в частности таких, как процедурные вопросы морфонологического анализа, морфонологические особенности комплексных словообразовательных единиц, моделирование морфонологической структуры и определение функциональной нагрузки комплексных словообразовательных единиц. В современной лингвистике становится актуальным изучение как теоретических, так и практических вопросов, связанных с углублением знаний об особенностях функционирования морфонологических изменений, их роли в структурировании словообразовательных гнёзд (СГ) с вершинным глаголом, в установлении правил внешнего видоизменения компонентов словообразовательной структуры deverбативов.

В начале XXI в. появляются работы, посвящённые исследованию морфонологической структуры отсубстантивных СГ украинского языка (М. Ю. Федурко), отглагольных производных русского языка (Г. М. Потапова), динамических процессов морфонологических моделей deadъективного словообразования (Г. В. Пристай), морфонологии словоизменения и словообразования белорусского языка (В. П. Русак), морфонологии башкирского (Г. Р. Абдулина), монгольского (С. О. Крылов) языков. Но в современном языкознании нет разработок, посвящённых целостному и исчерпывающему анализу словообразовательной морфонологии СГ deverбативов в украинском языке, рассмотрению проблемных вопросов деривационных отношений, выяснению морфонологических трансформаций в отглагольных производных. Это определяет актуальность исследования словообразовательной морфонологии deverбативов в синхронном аспекте с целью изучения особенностей морфонологических трансформаций исконных и иноязычных отглагольных производных.

Новые научные попытки направлены на определение сущности и функциональной значимости словообразовательной морфонологии, квалификацию морфонологических средств, анализ функций разных типов альтернатив, установление детерминантов морфонологических трансформаций в структуре производных и выделение морфонологических классов СГ десубстантивов, деадъективов и девербативов, определение функций морфонологических моделей, используемых в процессах словообразования, установление структурных типов словообразовательных парадигм лексико-грамматических групп существительных, глаголов, выделение зон парадигмы в связи с принадлежностью дериватов к определённой части речи. А. Н. Тихонов отмечает, что словообразовательное гнездо имеет чётко определённую структуру, и в основе «строения гнёзд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим» [3, с. 36]. Необходимо отметить, что в состав словообразовательного гнезда входят слова, что имеют общий лексико-семантический вариант, материальным выразителем которого выступает корневая морфема.

Цель предлагаемой статьи – изучение специфики девербативов с вершинным глаголом в современном украинском языке. Достижение поставленной цели предусматривает решение таких задач: 1) обобщить взгляды дериватологов на словообразовательную парадигму и словообразовательное гнездо как комплексные единицы словообразовательной системы языка; 2) проанализировать морфонологическую структуру СГ с вершинными вербативами и определить их специфику; 3) установить морфонологические параметры словообразовательных гнёзд с вершинным глаголом.

На современном этапе рациональным выступает описание динамической морфонологии – морфонологии словообразовательного гнезда. Попытки описать морфонологию СГ представлены в работах Е. С. Кубряковой, Ю. Г. Панкраца, Н. Е. Ильиной, Т. В. Поповой, М. И. Ермаковой, Н. Е. Ананьевой (при описании славянской морфонологии, в частности субстантивного словоизменения), С. Н. Толстой (при описании морфонологии словоизменения и словообразования польского языка), М. Ю. Федурко (при описании морфонологии отсубстантивного словообразования украинского языка), Г. Н. Пристай (при описании морфонологии отадъективного словообразования украинского языка). Описание морфонологии СГ способствует исследованию деривационного потенциала вершинных глаголов словообразовательной парадигмы, морфонологических трансформаций на всех ступенях словообразования и в пределах словообразовательных зон, выявлению морфонологических моделей девербативов субстантивной, вербальной, адъективной и адвербиальной зон, установлению национальных специфических черт парадигмообразования. Использование понятия парадигмы в дериватологии обусловлено основоцентрическим подходом, который опирается на дериватологические исследования, для которых характерным выступает учитывание роли и функциональной нагрузки мотивирующей основы как средства выявления типологии словообразования (труды А. Н. Тихонова, С. М. Толстой, В. В. Лопатина, Р. С. Манучаряна, Е. А. Земської, В. В. Грещука, З. О. Валух, К. Бузашиовой и др.). В украинском языкознании деривационную парадигму определяют как микросистему дериватов одной ступени образования, которые имеют общую мотивирующую основу, что реализует её словообразовательные потенции. Перспективным считаем изучение деривационной парадигматики девербативов, представленной исследованиями Е. А. Земской, В. В. Грещука, З. О. Валух и др. В украинском языкознании деривационную парадигму определяют как микросистему дериватов одной ступени образования, объединённых тождественностью мотивирующей основы и словообразовательных формантов. Доказано, что важными факторами влияния на деривационный потенциал слов выступает их происхождение, длительность функционирования в языке, активность употребления, ступень словообразования [1, с. 47]. Замечена такая закономерность: чем далее размещается производное слово от вершинного члена гнезда, тем ниже его словообразовательная мощность. Протяжность словообразовательной парадигмы (СП) определяется количеством зон (по частям речи), словообразовательных значений и дериватов, которые эти значения активизируют. По признаку протяжности СП современного украинского языка делим на такие типы: 1) нулевые СП (свойственны лексемам, которые не принимают участия в словообразовательных процессах) (девербативы субстантивной и вербальной зон): апроб-ація(а), адаптова-н(ий), про-

дебатувати, декларувати-н'н'(а), дикт-ánt, дисон-áнс, філірувати-ся; 2) однозонные СП (преимущественно субстантивные): епат/увати – епатувати-н'н'(а), епат-áж; інтерфер/увати – інтерфер-éнциj(а), інтерфер-óн; 3) двухзонные СП (состоят из двух зон дериватов – вербальной и субстантивной, изредка субстантивной и адъективной зон): інтерпрет/увати – інтерпретувати-ся, інтерпретувати-н'н'(а), інтерпрет-áциj(а), інтерпрет-áтор; конструj/увати – конструювати-ся, конструк-циj(а), конструкт-ор, сконструювати; режисир/увати – режисирувати-н'н'(а), режис-éр, з-режисирувати; флуктуj/увати – флукту-áциj(а), флуктуj-уч(ий); 4) трёхзонные СП (объединяют три зоны производных – вербальную, субстантивную, адъективную зоны): реставр/увати – реставрувати-ся, реставрувати-н'н'(а), реставр-áциj(а), реставр-áтор, реставрóва-н(ий); інформ/увати – інформувати-ся, інформувати-н'н'(а), інформ-áциj(а), інформ-áтор, інформóва-н(ий), дез-інформувати; комбін/увати – комбінувати-ся, комбінувати-н'н'(а), комбін-áциj(а), комбінóва-н(ий), с-комбінувати; 5) четырёхзонные СП (наличие вербальной, субстантивной, адъективной, адвербиальной зон) (присущие исконным СГ): мог/тi – мотi-ся, мóж-учи, мiць-о, мож-лiв(ий), мог-úтн(ий), мóжн-а, мóж-е, яко-мóга, вi-могти, з-могтi, пере-могтi, пiд-могтi, про-могтi, до-могтi-ся и др.

В исследовании на основании глаголов и однокорневых слов образованы словообразовательные гнезда на основе критериев, разработанных русскими и украинскими лингвистами. Не возникает сомнения, что словообразовательные возможности слов чётко прослеживаются на фоне СГ, которые представляют собой словообразовательную микросистему, «что состоит из словообразовательных цепочек и парадигм, которыми охватывается вся совокупность однокорневых слов, иерархически упорядочена отношениями мотивированности» [1, с. 169]. Как свидетельствует фактический материал, непродеривированные слова имеют мощный словообразовательный потенциал. Так, все производные образованы от вершинных глаголов иноязычного происхождения, являются членимыми и принадлежат к одно-, двухзонным девербативам, а исконные (нечленимые / членимые) вершинные глаголы преимущественно непродеривированные и представлены СГ, в состав которых входят четырёхзонные девербативы (субстантивная, вербальная, адъективная, адвербиальная зоны), трёхзонные девербативы (субстантивная, вербальная, адъективная зоны).

Глаголы (как мотивирующие основы) играют значительную роль в образовании суффиксальных, префиксальных производных и сложных слов. Основным словообразовательным средством выступает суффиксация. С помощью суффиксов образуются отглагольные существительные, причастия, глаголы, наречия, деепричастия.

Процесс деривации сопровождают морфонологические операции, которые трансформируют мотивирующую основу в производную. Важными морфонологическими средствами выступают усечение глагольной финали, консонантные и вокалические альтернативы, изменения ударения. Указанные морфонологические трансформации используются преимущественно комплексно. К первому морфонологическому классу (МК-1) принадлежат СГ, у которых вершинные глаголы нечленимы, а к третьему морфонологическому классу (МК-3) – СГ с нечленимыми вершинными глаголами с финальными морфемами {г}, {к}, которые в позиции палатализации реализуются альтернативами /ж/, /ч/. Анализ морфонологической структуры девербативов МК-3 даёт основания выделить следующие комплексные морфонологические трансформации. 1. Усечение мотивирующей основы параллельно с изменением акцентной позиции (2 а. п.) (с мотивирующей основы ударение переходит на формант): бiгти – бiг-úн, бiг-унóк, бiг-цём; тек-úч(ий). 2. Усечение мотивирующей основы параллельно с изменением акцентной позиции (3 а. п.) (с мотивирующей основы ударение переходит на флексию): бiг-к(ий). 3. Усечение мотивирующей основы параллельно с изменением акцентной позиции (3 а. п.) (с мотивирующей основы ударение переходит на флексию) и альтернативами: мiц-н(ий), те-ч-ij(á). 4. Усечение мотивирующей основы параллельно с консонантными альтернативами и изменением акцентной позиции: мóж-учи; тéч-ив(о); тéч-о(а); обсiч-ен(ий). 5. Усечение мотивирующей основы параллельно с консонантными и вокалическими альтернативами: мотi – мiч-о, мóж-н(ий), мiж-н(ий), намаг-á-ти, роз-маг-á-ти. 6. Усечение мотивирующей основы параллельно с консонантными альтернативами и наращиванием суффиксальной морфемы: бiж-енець. 7. Усечение мотивирующей основы параллельно с наращиванием суффиксальной

морфемы: сік-анець. Адвербиальная зона имеет суффиксы -цем, -ком, -ма, которые требуют использования морфонологических операций консонантных альтернатив, модификации ударения: біж-кóm, біг-цём. На всех ступенях деривации больше суффиксальных образований, чем префиксальных. Фактический материал даёт возможность утверждать, что исконным глагольным основам (нечленимым и членимым) и глагольным основам иноязычного происхождения (членимым) свойственна асимметрия морфемной структуры. В украинском языке не существует глаголов с нулевой словообразовательной реализацией.

На внешний вид девербативов в украинском языке влияют такие механизмы: 1) операция усечения глагольной финали; 2) консонантные и вокалические альтернативы; 3) наращивание суффиксальной морфемы; 4) модификация ударения. Трансформации подвергаются конечные консонанты корневых морфем. Основу МК-3 составляют трёх- и четырёхзонные нечленимые вершинные глаголы на морфонемах {г}, {к}, которые в позиции палатализации реализуются альтернантами /ж/, /ч/ (зберегту́ – зберэжений, перемогту́ – перемóжений).

Результаты исследования плана выражения как вершинных глаголов, так и возглавляемых ими СГ позволили выделить в системе отглагольного словообразования морфонологические классы с подклассами. Каждому классу (подклассу) свойственна своя конфигурация морфонологических моделей. Необходимо отметить, что каждый класс / подкласс наделён прогностической функцией, которая позволяет предвидеть морфонологические трансформации производных отглагольных СГ.

Основу МК-2 составляют СГ (37) с трёх- и четырёхзонными членимыми вершинными глаголами в финали с морфонемами {л}, {н}, {р}, {д}, {т}, которые в позиции палатализации реализуются альтернантами /л'/, /н'/, /р'/, /д'/, /т'/: бар/у́/ти – бар'-ін'н'(а); благотвор/у́/ти – благотвор'-ін'н'(а); блуд/у́/ти – блуд'-аг(а); брод/у́/ти – брод'-аг(а); вал/у́/ти – вал'-іж, вал'-ій, вар/у́/ти – вар'-ін'н'(а), вод/у́/ти – вод'-ій, воз/у́/ти – воз'-ій, воз'-ін'н'(а); в'яз/а́/ти – в'яз'-ій, в'ял/и/ти – в'ял'-ін'н'(а); мот/а́/ти – мот'-аг(а); нос/у́/ти – нос'-ій, нос'-ін'н'(а); плат/у́/ти – плат'-іж; сад/у́/ти – сад'-ін'н'(а); студ/у́/ти – стúд'-інь; твор/у́/ти – твор'-ін'н'(а); ход/у́/ти – ход'-ін'н'(а), ход'-ач(ий).

Анализ консонантных морфонологических альтернатив согласных в словообразовании украинского языка позволяет сделать вывод, что консонантные морфонологические альтернативы необходимо описывать для каждого морфонологического класса согласных (губных, язычных (передне-, заднеязычных), фарингальных). Такой методологический подход может определить регулярность и позволяет предвидеть влияние форманта на мотиватора, поведение согласных вследствие сочетаемости с инициальной форманта. Морфонологическую квалификацию СГ определяют: морфонологическая структура, морфонологическая позиция, морфонологическая трансформация и морфонологическая модель. СГ с вершинными глаголами разделены на морфонологические классы на основе морфонологической трансформации, маркировка морфонологической структуры девербативов соответствующей словообразовательной парадигмы и определяет морфонологическую специфику каждого класса. Средняя глубина СГ рассматриваемого морфонологического класса – IV деривационные шаги.

Установлено, что словообразованию исконных трёх- и четырёхзонных девербативов МК-3 первого морфонологического класса свойственны комплексные морфонологические операции (усечение образующей основы, переходная палатализация, изменение акцентной позиции (позиции ударения), вокалические альтернативы (в корневой морфеме).

При вершинных однозонных глаголах иноязычного происхождения на первой ступени деривации расположены существительные с абстрактным, изредка с конкретным значением, на второй ступени деривации – прилагательные, обратные и префиксальные глаголы, существительные женского рода: асеніз/ува́/ти – асеніз-а́ціj(а), асеніз-а́тор; асеніза́ціj-н(ий); асист/ува́/ти – асист-э́нт; аер/ува́/ти – аер-а́ціj(а), аер-а́тор; де-аерáтор; галюцин/ува́/ти – галюцин-а́ціj(а); гідрофік/ува́/ти – гідрофікóван(ий); деград/ува́/ти – деград-а́ціj(а), епат/ува́/ти – епатува́-н'н'(а), епат-а́ж. Таким образом, для отглагольных производных с исконной мотивирующей основой продуктивными являются трёх- и четырёхзонные словообразовательные парадигмы, а для отгла-

гольных производных с иноязычной основой продуктивными являются двух-, трёх- зонные типичные СП.

1315 СГ с вершинным глаголом, 321 СГ с вершинными глаголами иноязычного происхождения. Однозонные СП глаголов (55) на I-й ступени деривации представлены субстантивной зоной. На I-й ступени деривации находятся существительные, на II-й – прилагательные, обратные и префиксальные глаголы, существительные женского рода.

Анализ словообразовательных гнёзд с вершинным глаголом иноязычного происхождения (321) позволяет утверждать, что двухчленные словообразовательные гнёзда (с одним производным) являются самой малочисленной группой, их всего 14. Регулярностью и производительностью отличаются образованные от этих мотивирующих основ девербативы субстантивной, вербальной и адъективной зон с помощью суффиксов -аціj-, -н'н'-, -аж-, -ер-, -н-, префікса з- и др. для обозначения названий лиц, абстрактных понятий, прилагательных, причастий (менадувати – менаж-ёр (д//ж), абордувати – аборд-аж, дебордувати – дебордува-н'н'(а), превалювати – превалюва-н'н'(а), сканувати – сканува-н'н'(а), меліювати – меліор-ація). Итак, в двухчленных СГ дериваты представлены преимущественно суффиксальными и префиксальными производными. Трёхчленных гнёзд (с двумя производными), вершиной которых являются глаголы иноязычного происхождения, насчитываем 36. Расширение словообразовательных возможностей имён в этих гнёздах произошло за счёт производных субстантивной зоны с суффиксами -аціj-, -ціj-, -іj-, -к-, -н'н'-, -аж-, -тор-, -атор-, -ант-, -анс, вербальной зоны с префиксом про-, постфиксом -ся, адъективной зоны с суффиксом -ен-: контамінувати – контамінувати-ся, контамін-аціj(а); глісірувати – глісірува-н'н'(а), проглісірувати; дефілювати – дефілюва-н'н'(а), про-дефілювати; пасерувати – пасерува-н'н'(а), пасерів-к(а); епатувати – епатува-н'н'(а), епат-аж; контузити – контуз'-іj(а) (з//з'), контуж-ен(ий) (з//ж), адъективной и адвербиальной зон с помощью суффиксов -уч(ий), -е: імпонувати – імпону́j-уч(ий), імпону́юч-е. Четырёхчленных гнёзд (с тремя производными) насчитываем 35. Субстантивная и адъективная зоны представлены теми же суффиксами (констатувати – констатувати-ся, констатува-н'н'(а), констат-аціj(а)), но на второй ступени деривации в производных субстантивной зоны продуктивным остаётся формант -ент- под ударением (при образовании существительных мужского рода), -к- (при образовании существительных женского рода), адъективная зона представлена суффиксами -ивн(ий), -альн(ий), -ськ(ий) под ударением. Многочленные гнёзда (с четырьмя и более производными) составляют большинство – 181. Кроме суффиксальных и префиксальных образований, имеются и сложные слова, образованные от глагола или производного (на второй ступени деривации): шліфувати – шліфувати-ся, шліфува-н'н'(а), шліфова-н(ий), шліфува-ль/н(ий), внутрішн'-о-шліфува-ль/н(ий), стрічк-о-різьб-о-шліфува-ль/н(ий), сфер-о-шліфува-ль/н(ий), дошліфувати, дошліфів-ува-ти. Расширение словообразовательного гнезда возможно за счёт образованного на II-й деривационной ступени отглагольного существительного или причастия, а также абстрактных существительных с суффиксами -аціj-, -н'н'-.

Морфонологические позиции детерминируют действия таких морфонологических правил: усечение глагольной основы при создании производных, консонантные альтернации в корневой морфеме на II-й и III-й ступени деривации: прециз/ува/ти – прециз'-іj(а) (з//з'), прецизіj-н(ий), прецизіjн'-ість (н//н'); претенд/ува/ти – претенд-ент, претэнз'-іj(а) (д//з'). При образовании девербативов общей морфонологической операцией выступает усечение глагольной финали, что сопровождается изменением акцентной позиции, в комплексе с другими морфонологическими средствами (консонантные чередования на морфемном шве, вокаличные – в корневой морфеме [2, с. 79–108], интерференция, а также интерфиксация обнаружена при образовании сложных слов, между корневыми морфемами). Каждая конкретная морфонологическая трансформация в фонемном проявлении основных (корневых) и аффиксальных морфем при их взаимодействии происходит при наличии определённых условий. При образовании девербативов субстантивной и адъективной зон преобладают комплексные морфонологические операции (охватывают два и более видов морфонологических операций). Необходимо отметить, что словообразовательные гнёзда с вершинным глаголом иноязычного происхождения имеют определённую структуру, с набором необ-

ходимых деривационных средств, достаточно широко представлены на II-й деривационной ступени, а на последующих – их словообразовательная активность угасает.

Мотивирующая основа глагола при сочетании с формантом реализуется в своих вариантах. Описание морфонологической структуры глагола даёт возможность выяснить фонологическую организацию глагольной основы, осуществить классификацию глагольных основ по классам, структурным типам и подтипам в зависимости от их морфонологических характеристик. Целесообразно отметить, что изучение морфонологической структуры глагола позволяет раскрыть закономерности организации отглагольных производных и установить условия реализации морфонологических процессов в создании девербативов в украинском языке. Морфонологическая структура глагола представляет собой соотнесение вариативной части основы глагола и неизменяемой. Элементы глагольной основы, которые изменяются под влиянием инициали форманта, сигнализируют о возможных морфонологических изменениях: усечение, консонантные, вокалические альтернации, наращивание корневой или суффиксальной морфемы, модификации ударения в отглагольном производном.

Анализ морфонологической структуры вершинных глаголов иноязычного происхождения даёт возможность сделать вывод о том, что все они членимы и принадлежат к первому морфонологическому классу, вершина их – формально членимый глагол с корнем на твердый согласный / соединение согласных морфем. Ведущей морфонологической операцией является усечение мотивирующей основы (форматив -ува-(321), -и- (1)) при образовании девербативов субстантивной и адъективной зон II-й ступени словообразования, при создании вербальной зоны мотивирующая основа не усечается. Морфонологическая операция усечения обычно содействует изменению ударения: дистил'/ува́/ти – дистил'-а́ціj(a), дистил'-а́тор, дистил'-а́т; дубл'/ува́/ти – дубл'-а́ж, дубл'-е́р, експон/ува́/ти – експон'-а́т. Усечение иноязычной глагольной основы взаимодействует с перемещением акцента на деривационный суффикс: ілюстр/ува́/ти – ілюстр'-а́ціj(a), ілюстр'-а́тор; імпорт/ува́/ти – імпорт'-е́р, інтерфер/ува́/ти – інтерфер'-е́нціj(a), інтерфер'-о́н, камуфл'/ува́/ти – камуфл'-а́ж. Иноязычные глагольные основы на консонантный комплекс сочетаются с суффиксами на вокалическую морфему (-а́ціj-, -а́тор, -о́н, -а́нт, -е́нт, -а́т, -а́ж).

Отглагольные новообразования употребляются преимущественно для обозначения: 1) названий лиц: відроджувальник, впроваджувач, грантодавець, апелювач, зцілювач, пожертвувач, пильнувач, паркувальник, рекламолюб; 2) опредмеченных действий: легітимізація, трубоподіл, почутини. Структура новообразований показывает, что деривационный механизм, словообразовательная система украинского языка реагируют на активные процессы, происходящие в современном украинском обществе.

Таким образом, СГ выполняет доминирующую роль в систематизации украинского словообразования, поскольку именно в нём чётко прослеживаются закономерности действия внутреннего механизма, который характеризуется иерархическими связями между другими комплексными единицами словообразовательной системы. Исходя из специфики глагола как вершинного слова СГ, утверждаем, что более продуктивными из всех морфонологических операций являются усечение, консонантные альтернации и модификации ударения.

Анализ морфонологической структуры словообразовательных гнёзд с вершинным глаголом даёт возможность сделать следующие выводы. 1. В украинском языке исконные и заимствованные словообразовательные гнёзда не однородны. Неоднородность чётко выявлена уже на первых ступенях деривации. 2. Наиболее активно морфонологически маркирована I-я ступень словообразования, а для префиксальных глаголов – вторая, поскольку они входят в состав трёхзонных девербативов, на последующих ступенях морфонологические процессы угасают. 3. Для всех девербативов общей морфонологической операцией является усечение глагольной финали, сопровождающее изменение акцентной позиции, в сочетании с альтернациями (преимущественно консонантными).

Перспективу дальнейшего исследования словообразовательной морфонологии девербативов видим в изучении комплексных словообразовательных единиц, объяснении морфонологических трансформаций исконных и иноязычных глагольных основ

при образовании отглагольных производных, что даст возможность описать морфологическую подсистему современного украинского языка.

Библиографический список

1. Грещук В. В. Український відприкметниковий словотвір. – Івано-Франківськ : Плай, 1995. – 208 с.
2. Демешко І. М. Сучасна українська літературна мова. Вступ. Фонетика. Фонологія. Морфологія. Орфоєпія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Фразеологія. Лексикографія : таблиці, схеми : навч. посіб. – 2-е вид., випр. і доп. – Кіровоград : ПП «Центр оперативної поліграфії „Авангард”», 2013. – 328 с.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – 2-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1990.

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМ ПРИЧИНЫ (на материале современной украинской художественной прозы)

Е. А. Волобуева

Национальный фармацевтический университет, г. Харьков, Украина

Summary. The article deals with the attempt to select semantic-grammatical varieties of compound sentences with cause-subordinate clause used in literary works of modern Ukrainian writers.

Key words: semantic-grammatical filling; main predicative part; cause-subordinate clause; negative; will; statement.

Один из важных вопросов современного синтаксиса – определение отличительных конструктивных признаков, с помощью которых формируются основные семантические типы сложных предложений и их разновидностей, – уже несколько лет вызывает активный научный интерес русских и украинских лингвистов. Большое внимание уделялось и исследованию сложных союзных и бессоюзных конструкций, в основе которых лежат причинные отношения между предикативными частями. Так, Л. Л. Бабалова [3, с. 89] классифицировала сложноподчинённые предложения с причинно-следственными отношениями на основе соотношения объединяющих разновидностей временных планов и лексического наполнения первого компонента. М. П. Жоголева [8, с. 180], Д. И. Изаренков [9, с. 95–96], Е. В. Глотова [7, с. 85], О. А. Тележкина [19, с. 35–36] рассматривали вопрос классификации бессоюзных сложных предложений с компонентом причины. Наиболее полную классификацию таких синтаксических образований предложила О. А. Тележкина [19, с. 35–36], ей были учтены признаки семантико-грамматического и смыслового наполнения обеих предикативных частей сложного предложения. Однако до сих пор в современной украинистике не была должным образом освещена проблема выделения семантических и семантико-грамматических разновидностей сложноподчинённых предложений с придаточным причины, поэтому данный вопрос не утратил своей актуальности для украинского синтаксиса. Считаю целесообразным проанализировать названные синтаксические образования с учётом их характеристик по семантико-грамматическим признакам.

Цель нашей статьи – определить семантико-грамматические разновидности элементарных сложноподчинённых предложений с придаточным причины, представленных в художественных произведениях современных украинских прозаиков. Для проведения анализа были отобраны примеры из произведений, отличающихся своими жанрово-стилевыми признаками: философская проза (повести С. Андрухович «Літо Мілени», «Старі люди», роман С. Майданской «Сподіваюся на Тебе»), историческая проза (роман В. Шкляра «Чорний ворон», романы И. Корсака «Діти Яфета», «Капелан армії УНР», «Отаман Чайка», повесть-эссе «Тиха правда Модеста Левицького», романы Н. Байдаченко «Жан без страху», «Танок смерті» и повесть «Перший гріх Ізабелли»), реалистическая проза (роман М. Матиос «Нація», повести С. Майданской «Провідна неділя», «По той бік студеного плину», «Баркарола»). Считаю, что предложенная выборка фактического материала поможет более объективно оценить исследуемые синтаксические единицы.

Примеры анализируемых синтаксических образований, приведённых в указанных произведениях художественной литературы, позволяют констатировать, что необходимость причинного объяснения, обоснования предыдущего действия вызывает смысловое наполнение первой части, семантико-грамматические признаки которой обуславливают её аргументацию. К таким признакам принадлежат: наличие отрицания (I), волеизъявления (II) или утверждения (III) в главной предикативной части.

I. Как показал анализ рассматриваемых конструкций, отрицание, содержащееся в главной части, требует причинного пояснения в придаточном компоненте и имеет следующие характеристики: а) отрицание при различных формах сказуемого: *Навіть Жан не прийшов, бо він боронить Лектур* (Н. Байдаченко); *Кути мене не знають, бо я тоді дрібно ще була* (М. Матиос); *Та її слова чомусь не переконали, бо медсестра Марися, махнувши рукою, хутко постукотіла сходами донизу* (С. Майданская); б) ситуация, когда подлежащее и сказуемое первой части выражают отрицание: *Непослуху не любить ніхто, бо завтра і інші казна-що собі дозволятимуть* (І. Корсак); в) главный член первой предикативной части – эквивалент односоставного предложения с отрицанием: *[Смарагд, забачивши у прибитому штампі слова «автокефальна церква», смикнувся було, мов гедзь його щойно вкусив:] Немає такої церкви, бо то все відступництво* (І. Корсак).

Отрицание, содержащееся в препозиции, выраженное частицей **не** при сказуемом или при главном члене первой части, может усиливаться другими лексемами со значением отрицания, выраженными различными частями речи: а) местоимением: *Досить довго у нього нічого не виходить, бо він застарий і взагалі* (С. Андрухович); б) наречием: *Маргарита ніколи не просила його влаштувати долю своїх байстрюків, бо вона напевно хотіла для них звичної долі: церковної кар'єри* (Н. Байдаченко); *Одночасно з цим ніколи ще не були такими сприяючими обставини боротьби з більшовиками, бо настрої українського населення є рівнозначно-державний і активний* (І. Корсак).

Также требует обоснования отрицание, относящееся к второстепенным членам предложения главной предикативной части. В частности, в анализируемых произведениях были обнаружены следующие примеры: а) отрицание при обстоятельстве времени: *І відчухнув її хтось зовсім недавно, бо зі свіжого зламу поволі скапував сік* (В. Шкляр); б) отрицание при обстоятельстве образа действия: *Вона лежала, не во-рушачись, бо кожен рух наново зривав шкіру зі спини й ніг* (Н. Байдаченко); в) отрицание при дополнении: *[Ізабелла боялася війни.] Не смерті, бо смерть вона сама з легкістю сіяла шелестом своїх парчевих спідниць* (Н. Байдаченко).

Все предложения, рассмотренные в I пункте, представляют разновидность конструкций с выражением негации в главной части сложноподчинённого предложения с придаточным причины.

II. Ко второму семантико-грамматическому признаку первой предикативной части анализируемых конструкций следует отнести наличие в ней сказуемого, которое выражает волеизъявление. Это могут быть структуры со сказуемым: а) с частицей **не**: – *Тіки не крути хвостом, бо моя шабля зразу чує брехню* (В. Шкляр); б) без частицы **не**: *Їж, дурню, бо то з маком...* [– і він залився уривчастим сміхом] (С. Майданская); – *Помовч, бо й тобі те світитиме, [– зла іскра кресонула у погляді старшого]* (І. Корсак).

Волеизъявление становится более эмоциональным, насыщенным, если в препозиции сложноподчинённой конструкции употребляются однородные сказуемые. Примеры свидетельствуют о том, что это может быть императив без отрицания: – *Закриеш на ніч кури й даси їсти псові, бо я вже пішла, [– цмокнула Оксана Дмитра між щогою і вухом і взялася за хатню ручку...]* (М. Матиос), а может быть соединение приказа с отрицанием и без отрицания: *Не видумуй, вбирайся, бо спізнишся до школи, [– не давала передиху бабуня]* (С. Майданская).

Результаты проведённого анализа доказывают, что волеизъявление в исследуемых примерах выражается различными личными формами повелительного наклонения глагола. Эту разновидность правомерно называть предложениями с препозиционными компонентами волеизъявления.

III. При рассмотрении анализируемых синтаксических конструкций мы определили, что отношения причины возникают не только в сложноподчинённых предложениях, где в первом компоненте есть отрицание или волеизъявление, но и между предикативными частями, первая из которых содержит утверждение. Определяющей в формировании рассматриваемого отношения является роль лексического оформления первого компонента. В частности, лексемы, содержащиеся в главной части, могут указывать на ограничение чего-либо или кого-либо (слова *тільки, лише, лиш*), целесообразность чего-либо (такое значение первой части зависит от слов *варто, необхідно, треба, потрібно*), необходимость, осознанное выполнение определённого действия (семантику таких конструкций обуславливают присутствующие в препозиции глаголы *мусити, доведеться* в соответствующих формах), предположение (такое семантическое наполнение создают вводные слова *мабуть, видно, здається, може*), возможность чего-либо (на это значение указывает глагол *могти* в соответствующей форме). Кроме того, причинного пояснения требует и констатация определённого факта или выполнения конкретного действия, о котором говорится в главной части. Это подтверждают примеры, в которых сказуемое первого компонента выражено глаголами изъявительного наклонения в разных временных формах: *Вона таки щоліта поминає Абрама, бо саме літня днина забрала в неї чоловіка, а в дітей батька* (М. Матиос); *Микола І на ранок наступного дня, бо на сьогодні прикроців і так вже досить, наказав запрочити канцлера Карла Несельроде* (И. Корсак); *І я охоче поділюся нею з Вами, адже ціную Вас до безмежності* (С. Андрухович). Также встречаются примеры с однородными сказуемыми, преимущественно – двумя, в первой предикативной части, и где причинное пояснение, находящееся в придаточной части, касается обоих глаголов: *Він неспішно, час від часу спиняючись, наче передихнути хотів від мандрівки з далеких доріг, оповідав про Добруджу, про тамтешнє життя, описував все ґрунтовно, бо з добрий десяток літ перед тим прожив у Туреччині* (И. Корсак).

Такие сложноподчинённые предложения с придаточным компонентом причины целесообразно называть конструкциями, главная часть которых содержит утверждение. Это – третья разновидность рассматриваемых структур, которая определяется по семантико-грамматическим признакам.

Таким образом, результаты анализа семантико-грамматического наполнения главной части исследуемых предложений свидетельствуют о том, что в произведениях современной украинской художественной прозы употребляются следующие семантико-грамматические разновидности сложноподчинённых предложений с придаточным компонентом причины: а) структуры, главная часть которых выражает отрицание; б) конструкции, главная часть которых выражает волеизъявление; в) синтаксические образования, где главная составляющая содержит утверждение.

Поскольку определение семантико-грамматических разновидностей – это лишь один из аспектов выделения семантических групп сложноподчинённых предложений с придаточным причины, мы считаем целесообразным в последующих работах охарактеризовать исследуемые предложения по признаку смыслового наполнения обеих предикативных частей, а также проанализировать их с учётом соотношения форм синтаксической модальности и синтаксического времени.

Библиографический список

1. Андрухович С. Літо Мілени : повість // Андрухович С. Старі люди. – Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2008. – С. 83–143. – (Першотвір).
2. Андрухович С. Старі люди : повість // Андрухович С. Старі люди. – Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2008. – С. 3–82. – (Першотвір).
3. Бабалова Л. Л. О семантических разновидностях причинных предложений // Русский язык в школе. – 1974. – № 1. – С. 84–89.
4. Байдаченко Н. Жан без страху : роман у новелах. – К. : Факт, 2006. – 134 с. – (Першотвір).
5. Байдаченко Н. Перший гріх Ізабелли : повість. – К. : Факт, 2006. – 190 с. – (Першотвір).
6. Байдаченко Н. Танок смерті : роман. – К. : Факт, 2005. – 144 с. – (Першотвір).
7. Глотова О. В. Функціонально-синтаксичний аналіз категорій причинності в сучасній українській літературній мові : дис. ... канд. філол. наук. – Х., 1994. – 194 с.
8. Жоголева М. П. Бессоюзные сложные предложения с общим значением причинно-следственных отношений // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. – Горький, 1960. – С. 180–188.

9. Изаренков Д. И. Бессоюзные сложные предложения. – М. : Русский язык, 1990. – 163 с.
10. Корсак І. Діти Яфета : роман. – К. : Ярославів Вал, 2010. – 219 [5] с. – (Першотвір).
11. Корсак І. Капелан армії УНР : роман. – К. : Ярославів Вал, 2009. – 176 с. – (Першотвір).
12. Корсак І. Отаман Чайка : роман. – К. : Ярославів Вал, 2010. – 192 с. – (Першотвір).
13. Корсак І. Тиха правда Модеста Левицького : повість-есеї. – К. : Ярославів Вал, 2009. – 166[2] с. – (Першотвір).
14. Майданська С. Баркарола : повість // Майданська С. Провідна неділя. – К. : Факт, 2006. – С. 81–107. – (Першотвір).
15. Майданська С. По той бік студеного плинину : повість // Майданська С. Провідна неділя. – К. : Факт, 2006. – С. 48–80. – (Першотвір).
16. Майданська С. Провідна неділя : повість // Майданська С. Провідна неділя. – К. : Факт, 2006. – С. 3–47. – (Першотвір).
17. Майданська С. Сподіваюся на Тебе : роман. – К. : Факт, 2008. – 344 с. – (Першотвір).
18. Матіос М. Нація : роман. – Львів : ЛА «Піраміда», 2011. – 256 с. – (Першотвір).
19. Тележкіна О. О. Безсполучникові складні речення з компонентом обґрунтування : дис. ... канд. філол. наук. – Х., 2002. – 180 с.
20. Шкляр В. Чорний ворон : роман. – К. : Ярославів Вал, 2010. – 356 с. – (Першотвір).

ПОЗНАНИЕ СВОЕГО НА ФОНЕ ЧУЖОГО

Р. Т. Касымова

**Казахский национальный педагогический университет
им. Абая, г. Алматы, Казахстан**

Summary. The article presents a comparative analysis of the words of the Russian and Kazakh languages. The comparison shows that in one case are similar to choosing a motivating feature underlying the nomination. In another - specificity in the way names realities.

Key words: nomination; Russian and Kazakh languages; language world.

Как известно, различия в языковом содержании между соответствующими словами разных языков обусловлены звуком (внешней формой), представлением (внутренней формой) и значением. В своём учении о внутренней форме слова А. А. Потебня писал, что «...слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один её признак. Образ стола может иметь много признаков, но слово «стол» значит только простланное (корень *-стл-* тот же, что и в глаголе *стлать*), поэтому оно может одинаково обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала» [2, с. 119]. По его мнению, в момент своего возникновения все слова мотивированы, т. е. имеют внутреннюю форму (по терминологии А. А. Потебни). Такие слова характеризуются образностью, поэтичностью, достаточно прозрачной связью между звучанием и значением. Но в процессе развития и функционирования языка и мысли слова утрачивают внутреннюю форму, образность [2, с. 119–121]. Прозрачность семантической структуры слов в языках позволяет легче понимать и запоминать мотивированные слова в отличие от немотивированных (например, разные признаки цветка рус. «незабудка» и каз. «*балыққөз*» (буквально: *рыбий глаз*) легли в основу номинации в русском и казахском языках).

Хотя и существует такое значительное несовпадение в знаковой стороне слов, носители языка не фиксируют его как значимое. На раннем этапе речевого развития «слово не замечается ребёнком и часто представляет собой как бы стекло, через которое ребёнок смотрит на окружающий мир, не только не делая само слово предметом сознания, но и не подозревая о том, что оно имеет своё собственное строение, – в семантике это именуется «прозрачностью значения» [1, с. 28]. Поэтому необходимо учитывать при обучении русскому языку как неродному степень прозрачности семантических структур, мотивированности, «аналитичности» вводимых для усвоения слов, так как степень мотивированности слов прямо пропорциональна степени запоминания слов.

Обозначения русским и казахским языками одних и тех же реалий показывают, что в одних случаях обнаруживается **сходство** в выборе мотивирующего признака, лежащего в основе номинации, в других – **специфичность** в способах названия реалий, что отражает полное или частичное различие.

I. Сходство

1. Номинация по функции (по назначению, использованию, роли и некоторым другим):

а) общий мотивирующий признак слов:

рус. кукушка и каз. көкек – **звукоподражание**; рус. дятел и каз. тоқылдақ –

действие: долбить;

рус. ворона и каз. қарға – то же **звукоподражание**, которое содержится в слове воробей (ворковать) и – қарқылдау (каркать).

2. Номинация по характерному признаку:

а) по цветовому признаку:

рус. лебедь и каз. аққу – **белое оперение птицы**;

б) по форме, структуре:

рус. рыба-меч и каз. семсербалық – **форма** (крупная морская рыба с похожим на меч отростком на вытянутой верхней челюсти);

рус. сороконожка = каз. кырык аяк (букв. перевод – сорок ног) – **признак внешности / количественный и часть тела** («сороконожка» и «кырык аяк»); но: польское stopoda (сто ног), нем. Tausendfus (тысяча ног);

в) по вкусу: рус. горькая полынь, каз. ащы жусан, горький василёк, каз. ащы гүлкекіре;

г) по запаху:

рус. жук-вонючка; каз. сасық қоңыз;

рус. душица, каз. жұпаргүл;

д) количественный признак:

рус. тысячелистник и каз. мыңжапырақ.

3. Номинация по характерному свойству:

а) по времени роста; цветения; рус. подснежник, каз. наурызгүл (букв. март и цветов);

б) по месту произрастания обозначаемого, по месту обитания:

рус. водяной лютик и каз. сусаргалдақ;

рус. горный козел и каз. таутеке;

в) по характерному свойству:

рус. мыльнянка и каз. сабыниөп (свойство отвара растения пениться);

рус. землеройка и каз. жертесер (свойство этих мелких зверьков рыть норы или занимать норы других животных);

рус. рыба линь и каз. оңғақ (свойство линять).

II. Специфичность

– **форма** (рус. насекомое «паук» названо по его изогнутым лапкам; каз. слово түйежапырақ от слов түйе – верблюд и жапырақ – лист);

– **характер движения** (каз. «өрмекші» – от глагола өрмелеу – «лазить», «карабкаться, взбираться вверх»);

– **мифическая функция** («бабочка» – собств. русск. от слова «баба» в значении «ведьма, колдунья», старуха, так как по старым поверьям некоторые животные, в т. ч. и бабочки, считались тайными колдунами);

– **звукоподражание** (насекомые «жук» и «пчела» названы по характерному для них при полёте жужжанию);

– **действие** («стрекоза» – от глагола «стрекать» – «жалить, колоть, прыгать, скакать»);

– **пространство – время / место** (рус. снегирь – птица названа так потому, что прилетает с севера вместе с первым снегом, но **цвет / размер** в каз. бозторгай 'бледный' или 'бело-серый' + 'мелкая птичка');

– **размер / форма / метафорическая связь**) в рус. страус с греч. 'воробей' – каз. түйе құс – птица-верблюд (дословно).

Внимательное рассмотрение языковой картины мира разных народов позволяет каждому из нас лучше понять свои культурные ценности путём сопоставления обозначений тех или иных фрагментов действительности в языках. Сравнительный анализ определённых наименований в том или ином языке свидетельствует об особенностях образа мышления разных народов. На своеобразное видение мира накладывает отпечаток не только разное членение и разная классификация данных опыта, но и выбор

разных признаков для наименований. Наблюдения над внутренней формой слова, т. е. над тем, почему в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе выделения разных дифференциальных признаков, показывают разное членение словарями данных языков континуумов объективной действительности, что вызывает «искры замешательства» при пересечении национальных картин мира.

Библиографический список

1. Комлев Н. Г. Слово, денотация и картина мира // Вопросы философии. – 1981. – № 11. – С. 25–37.
2. Потебня А. А. Мысль и язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М., 1960. – С. 119.

ЭТИКЕТНАЯ МОДЕЛЬ КОМПЛИМЕНТА В БРИТАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

А. А. Мосейко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия

Summary. An attempt is made to classify a speech act of compliment in Russian and English languages with regard to the following characteristics: sphere of communication (formal/informal), tonality of communication (seriousness/futility and everyday/solemnity).

Key words: compliment; model of behavior; solemn communication; official/formal communication; everyday/informal communication.

Одной из актуальных проблем в современной лингвистике является вопрос типологии речевых жанров, их моделируемости, имени речевого жанра и национально-культурологической специфики.

Для описания жанров речи в сфере обыденного общения мы принимаем определение К. Ф. Седова, представляющего речевой жанр как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [1, с. 11].

В официальном общении не существует единых правил, которые бы годились для любого случая и были бы признаны универсальными. О какой-либо этике официального общения мы можем говорить только в плоскости конкретного места и времени, конкретного общества, конкретного социального слоя, в котором или для которого ведётся коммуникация.

Торжественное общение мы относим к риторическому жанру. Главным критерием разграничения повседневного и торжественного общения выступает фактор специального отбора речи и языковых средств. Торжественное общение требует определённых усилий и умений, прежде всего, со стороны адресанта, отбор языковых средств имеет целью получение определённого эффекта и во многом зависит от удачного способа выражения интенции.

Мы рассматриваем формульную этикетную модель поведения знакомства в жанровых разновидностях: в бытовом и официальном общении с учётом следующих признаков: 1) официальность / неофициальность; 2) серьёзность / несерьёзность; 3) обыденность / торжественность.

Комплимент – элемент речевого этикета, в котором содержится некоторое преувеличение положительных качеств человека. По своей сути комплимент содержит в себе психологический механизм внушения, создания аттракции. Приятные слова, преувеличение качеств собеседника, похвала и поощрение вызывают у него чувство удовлетворения, образуют положительные эмоции, создавая расположение к себе или к обсуждаемому вопросу. Комплимент, сделанный на фоне антикомплимента себе самому, является наиболее эффективным. Такой контрастный метод побуждает собеседника сказать ответную любезность, вернуть комплимент. А обмен любезностями – хорошее начало любого общения (во всяком случае, это лучше, чем обмен колкостями и нападками). Детально речевое действие комплимента проанализировано в диссертационном исследовании В. В. Леонтьева (1999).

«Комплимент – это этикетное высказывание, вербально представляющее собой в высшей степени структурированную формулу, которая может быть с минимальными

усилиями применена во множестве ситуаций, требующих одобрительного комментария (толкования)» [3, с. 123].

Основная функция комплиментов в речи заключается в создании и поддержании согласия, единомыслия, солидарности между адресантом и адресатом. Роль комплиментов в западных культурах (особенно в американской) столь велика, что они образно, но очень точно названы «смазочным материалом для общества» (social lubricant) [4, с. 86]. Комплимент это своего рода похвала, только в отличие от лести сказанная бескорыстно. Выбор темы комплимента определяется коммуникативной ситуацией, это может быть внешность, личностные качества, профессиональные достижения. Степень формальности комплимента также диктует сама ситуация: коммуниканты могут использовать стереотипные комплименты, их индивидуальные вариации и так называемые авторские комплименты, оригинальность выражения которых зависит от языковой креативности говорящего. Стереотипные ситуации предопределяют как выбор комплиментов, так и реакцию на них: отклонение комплимента, благодарность, ответный комплимент диктуются, прежде всего, культурной моделью.

При проведении исследования было установлено, что в русском общении частотна негативная реакция на комплимент. Негативная реакция может возникнуть у адресата как по вине говорящего, так и из-за некоторых особенностей собственного характера, например скромности, застенчивости.

Одной из ошибок говорящего, которая является причиной негативной реакции, является употребление чересчур явных комплиментов:

«Я сам приехал к вам, как к благородному человеку». – «Нельзя ли без комплиментов?» (А. П. Чехов).

Другой ошибкой является употребление комплимента, содержащего иронию, насмешку, издёвку:

«А ты похорошела. Никак зубы вставила?» – «Вот засранец!» (С. Д. Довлатов).

Негативную реакцию может вызвать и комплимент, содержащий отрицательное сравнение:

«Хоть ты и метр с кепкой, а танцуешь неплохо!» (УР, 1999).

Негативную реакцию влечёт за собой и *фамильярность говорящего*:

«Прелесть моя...», – начал нежно Коровьев. – «Я не прелесть», – перебила его гражданка (М. А. Булгаков).

Неуверенность адресата в искренности говорящего также служит причиной неадекватной реакции на комплимент:

«Ваше теперешнее платье лучше всяких модных и дорогих платьев... Оно идёт вам». – «Нет, это неправда!.. Это платье дешёвое, не может быть оно хорошим» (А. П. Чехов).

Адресат может начать оспаривать комплимент, руководствуясь представлением о скромности:

«О, да ты красавица в этом платье!» – «Какая там красавица!» (В. Минко).

Ошибка говорящего в выборе предмета комплимента также может повлечь за собой негативную реакцию адресата:

«...меня можно называть на 'ты'». – «Я не могу так сразу... Тем более вы так солидно выглядите...» – «Неужели?! А я и не думала, что такая старая» (А. Минчин).

Следующей причиной является неуместность комплимента в конкретной ситуации:

«... я не могу смотреть без какого-то острого, болезненного сознания недовольности... на прекрасные женские лица... К примеру на ваше...» – «Ну, ну, Григорий Савельич. Это уже не про жизнь и, самое главное, ни к чему. Уж больно резкий перепад» (В. Шугаев).

И, наконец, антипатия адресата к говорящему также ведёт к негативной реакции:

«Лена, до чего ты хороша!» – «Уйди! Ты известный негодяй» (М. А. Булгаков).

Таким образом, говорящий может снизить вероятность негативной реакции адресата на комплимент, избегая употребления чересчур явных комплиментов, компли-

ментов, содержащих иронию, насмешку издёвку, отрицательное сравнение, а также избегая фамильярного обращения.

Негативная реакция на комплимент в английском общении встречается гораздо реже, чем в русском. В английской коммуникативной культуре не принято спорить с собеседником или руководствоваться при ответе на комплимент ложными представлениями о скромности.

"My Lord," Phillip said. "I didn't know you were this pretty".

"I'm hardly pretty, Phillip, but I like it."

"Look, Bernie. If I say you're pretty, believe me, honey, you're pretty."

(– Господи, – ахнул Филлипп. – Да я и не знал, какая ты красивая!

– Ну уж и красивая. Но причёска мне нравится.

– Сказано красивая – значит красивая. Уж ты мне поверь, золотко (Т. Макмиллан)).

Негативные реакции на комплимент в английском общении обусловлены чаще всего следующими причинами:

– неуверенностью адресата в искренности комплимента:

«... you look younger, cousin Jolyon». – «I'm ancient...» (J. Galsworthy). (...Вы выглядите моложе, кузин Джолион. – Я древний...);

– антипатией адресата к говорящему: «You are a very nice girl, but I wish you would flirt with me, and me only», said Winterbourne. – «Ah! Thank you very much, you are the last man I should think of flirting with» (H. James). («Ты очень милая девушка, но я бы предпочёл, чтобы ты флиртowała только со мной, – сказал Винтерборн. – Благодарю, Вас, вы будете последним человеком, с кем я буду думать о флирте»);

– неуместностью комплимента в конкретной ситуации: «You were wonderful dear. You made quite a hit. The girls simply raved about you: they thought you so handsome». – «Girls», he said bitterly. «Old hags» (W. S. Maugham). («Ты был очарователен, дорогой. Ты произвёл фурор. Девочки были в восторге от тебя: они считают тебя красавцем». – «Девочки, старые ведьмы, – сказал он со злостью»);

– ошибкой в выборе предмета комплимента: «You are extraordinarily attractive to women. And your greatest charm is that you don't realize it». – «No, but really,» – he protested, «I hope I'm some kind of a doctor as well» (A. J. Cronin). («Ты невероятно нравишься женщинам. Самое очаровательное то, что этого не осознаешь». – «Нет, но на самом деле», – запротестовал он, – «Я считаю себя в какой-то мере доктором»).

Из этого можно сделать вывод, что негативная реакция на комплимент в английском общении может возникнуть у адресата как по вине говорящего, допустившего ошибку в выборе предмета комплимента, либо употребившего неуместный в конкретной ситуации комплимент, так и из-за внутренних особенностей адресата, испытывающего антипатию к говорящему или неуверенного в искренности комплимента.

При всей своей банальности комплимент содержит в себе ряд смыслов и определённую технологию, которую нельзя нарушать без опасности превратить комплимент в обычную «шпильку» или издёвку. Во-первых, комплимент должен содержать только один смысл, избегать какой-либо многозначности. Во-вторых, не должен преувеличивать возможные противоположные свойства. В-третьих, комплимент должен однозначно опираться только на собственное мнение. В-четвёртых, в комплименте не должно содержаться ни грана менторства, дидактики. И, наконец, в-пятых, комплимент не должен содержать в себе той ложки дёгтя, которая может испортить бочку мёда. Стиль комплимента различен. Он зависит от объекта (подчинённый, начальник, посетитель, женщина), от характера (комплимент о личных или деловых качествах), от ситуации и техники, предыдущего контекста разговора и в целом от всей исторической переменной данного вопроса или специфики личных взаимоотношений с объектом комплимента.

Способ общения в комплиментах в личностном дискурсе (впрочем, как и в институциональном дискурсе) также определяется их этикетной природой и основной функцией.

В личностном дискурсе комплименты могут быть произнесены в любом месте, в любое время при общении родственников или близких друзей. Главным условием может считаться наличие некоего предмета оценки, действительно заслуживающего

одобрения (восхищения) адресанта. Интересно отметить, что стратегия адресантов на укрепление отношений с адресатами заставляет их очень часто прибегать к применению комплиментов вместо приветствий. В этом случае темой комплиментов, как правило, становится внешность адресатов.

Формульная природа комплиментов в английской лингвокультуре говорит об их высокой социальной значимости для англоговорящих наций (особенно для американцев), об их стратегическом значении для коммуникантов при установлении или поддержании согласия в общении [4, с. 86].

При сопоставлении частотности употребления различных типов комплимента в русском и английском общении выявлено, что в русской коммуникативной культуре преобладают комплименты внешнему виду человека в целом, в то время как в английской коммуникативной культуре первое место занимают комплименты внутренним, моральным качествам человека.

«Комплиментарное высказывание (комплимент) – это любая фраза или более сложный фрагмент текста, состоящий из нескольких связанных по смыслу и целевой прагматической установке фраз, в которых говорящий преднамеренно пытается изменить эмоциональное состояние партнёра по коммуникативному акту и вызвать у него положительную эмоциональную реакцию на своё высказывание». Один и тот же комплимент, в зависимости от его искренности, тактичности и остроумия, может как расположить людей друг к другу, так и произвести противоположный эффект.

Общая коммуникативная стратегия адресантов комплиментов в английской лингвокультуре может быть описана как стратегия зарождения или развития уже имеющихся личных контактов с адресатами, стратегия консолидации солидарности с адресатами [2, с. 447], или, другими словами, стратегия создания и поддержания взаимопонимания и согласия с адресатами [4, с. 86]. Комплимент как речевое воздействие обладает некоторым набором дифференциальных признаков: лестность, формальность, мягкость, выражение одобрения, почтения, восхищения, похвалы, искренность / неискренность.

Если правдоподобность комплимента относится к тому, что вы говорите, то искренность – это уже характеристика того, как вы говорите: ваши интонации, взгляд, жесты... Это очень важный момент. Без него самый лучший текст может быть озвучен как самое изощрённое издевательство.

В институциональном дискурсе при общении разностатусных коммуникантов очень трудно, а порой и невозможно отличить искренний и «дежурный» (неискренний) типы комплиментов. Согласно данным Н. Вольфсон, Дж. Мэйнс, Дж. Холмс, Р. Герберта, комплименты в современном западном обществе встречаются в основном в личностном типе дискурса. Хотя комплименты могут быть зафиксированы также и в общении разностатусных коммуникантов, по мнению Н. Вольфсон, «подавляющее большинство комплиментов адресованы людям того же возраста и статуса, что и адресанты» [4, с. 91]. Такого же мнения придерживается и Дж. Холмс [2, с. 112].

Проанализируем комплимент из институционального (судебного) дискурса. Место вербализации комплимента – судебный зал. Время вербализации – вскоре после проведения судебного разбирательства.

Адресант комплимента – адвокат Уинтер, номинальный адресат – заключённый Гладстоун, действительный адресат – барристер Рамполь, помощником которого является Уинтер:

... Winter continued, cheerfully. "I've seen them all at work, and Mr. Rumpole's cross-examination was top hole! I mean, he had D. I. Arthur right on the ropes." Oswald gave a look of pity. "I'm sorry, dad. I know you tried real hard." "Thank you." (Mortimer. The Second Rumpole's Omnibus).

«Вторжение» статусно зависимого адресанта в сферу профессионального мастерства адресата более высокого статуса, являющегося его непосредственным начальником, можно рассматривать как попытку подольститься, заставляющую адресанта идти на нарушение социальных норм речевого поведения. Мотив здесь также совпадает с целью, заключааясь не в искреннем стремлении улучшить эмоциональное состояние адресата, а в том, чтобы произвести на него приятное впечатление, завоевать его доверие и расположение.

На предполагаемую неискренность адресанта указывает нарушение им тематических нормативов для комплиментов в адрес высокостатусного адресата. Известно, что в английской лингвокультуре нормативными темами комплиментов для адресантов более высокого статуса считаются действия и мастерство адресатов, а для адресантов более низкого статуса – внешность и личные вещи адресатов [5, с. 91–92]. Налицо нарушение культурно-специфичного правила речевого поведения.

Основными иллокутивными целями адресантов комплиментов (независимо от типа дискурса) в английской лингвокультуре являются: 1) намерение польстить адресату или поощрить его, продиктованное соображениями вежливости или желанием поддержать согласие в отношениях с ним; 2) намерение выразить благодарность адресату за его определённые действия; 3) намерение извиниться перед адресатом за действия, которые сам адресант считает неправильными по отношению к собеседнику.

Комплимент как речевое воздействие в обеих культурах обладает следующими признаками признаков: лестность, формальность, желание понравиться, выражение одобрения, почтения, восхищения, похвалы, искренность / неискренность.

Библиографический список

1. Седов К. Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения и становления языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. ст. – Волгоград, 1998. – С. 9–20.
2. Holmes J. Paying compliments: A sex preferential politeness strategy // Journal of Pragmatics. – Vol. 12 # 6. – 1988. – P. 147.
3. Manes J., Wolfson N. The compliment formula // Conversational routine. – The Hague; Paris : Mouton, 1981. – 123 p.
4. Manes J., Wolfson N. The compliment as a social strategy // Papers in Linguistics. – 1983. – Vol. 13 # 3. – P. 54–61.
5. Wolfson N., Judd E. (Eds). An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition. – Rowley : Newbury, 1983. – P. 82–95.

ВРЕМЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (на материале немецкого языка)

Я. Б. Рузиев

Бухарский государственный университет,
г. Бухара, Узбекистан

Summary. The article discusses the temporal relation of verbal action in the feature story based on German language. Basic verbal forms of narration are past form, although the story may be conducted in the form of historical Presence. As part of the narrative reveals the relationship of time sequence, precedence, simultaneous actions. These relations determine the choice of verb forms in the text.

Key words: tense form; temporal relation; context; morphological and functional categories; the field of grammatical time; epic time; past tense; speech moment.

В художественном произведении микротекст не всегда имеет обстоятельственные слова, но временные ориентиры всегда существуют в рамках контекста и дают чёткое представление об объективном времени событий. Контекст достаточно исчерпывающе объясняет употребление временных форм глагола, их согласование.

Глагольные словоформы выражают, как известно, морфологическую категорию времени. Взаимодействие глагольной словоформы с элементами текста – контекстуальную категорию времени [2, с. 242].

Глагольные словоформы в контексте могут иметь значение, которое они не имеют вне контекста: например, презенс выражает действие в будущем или прошедшем, в русском языке морфологическое прошедшее может обозначать будущее время: «До свиданья, я пошёл». В соответствии с этим различают парадигматическое, или основное, значение, вытекающее из значения словоформы, взятой вне контекста (*lese* – настоящее время) и синтагматическое, или особое, значение, приобретённое этой словоформой в контексте под влиянием определённых элементов, лексических или контекстуальных:

Bereits 2500 vor unserer Zeitrechnung finden wir auf Tortafeln eines der ältesten Rezepte der Chemie (H. Zinner. Erzählungen, с. 128).

Различаются морфологические категории и функционально-семантические [3, с. 131]. Функционально-семантические категории представляют собой систему языковых средств, которые взаимодействуют для выполнения определённых семантических функций. Эти категории имеют план содержания и план выражения. План содержания образуют временные характеристики глагольного действия, план выражения – языковые средства, относящиеся к разным уровням языка – морфологическим, синтаксическим, словообразовательным, контекстуальным [4, с. 117–118].

Таким образом, налицо формирование своеобразной микросистемы, являющейся результатом актуализации общезыковой системы на уровне речепорождения средствами вербальной морфологии. Здесь следует учитывать толкование системы, которое предложил А. М. Бушуй [1, с. 15]: «Система – это высокая форма организации множества, где обнаруживаются и особенности упорядоченности (элементы располагаются по определённым правилам), и особенности организации (элементы на основе правил распределяются по звеньям). Кроме того, система, как высшая форма организации, характеризуется новыми чертами: 1) множество, представляющее собой систему, выступает как законченное единство, отмеченное какими-то релевантными свойствами (показателями системы); 2) распределение реалий по классам происходит на основе не просто правил (правило обычно не распространяется на всё множество, допускает многие исключения), а на основе объективно существующих закономерностей или законов, обладающих высокой степенью необходимости».

Как правило, структура категории времени рассматривается по принципу поля. Ядро, или центр, поля составляет морфологическую категорию времени, все остальные семантико-грамматические и контекстуальные временные средства находятся на периферии данного поля.

Глагольная словоформа вступает во взаимодействие с контекстуальными элементами и получает конкретную временную характеристику или другое временное значение.

Оказывается, что элементы языка, находящиеся на периферии поля грамматического времени, имеют иногда решающее значение при определении временной семантики глагольного действия; они могут изменять её значение и входить в сферу другой временной характеристики, например:

Er geht zum Arzt – Er geht *morgen* zum Arzt.

Was denkst du, was meinem Mann *gestern* passiert ist: er geht durch den Platz und sieht plötzlich... (L. Martin. Die Nacht vor dem Urlaub, с. 18).

В этих примерах лексические временные детерминанты *morgen* и *gestern* выводят глагольное действие из сферы настоящего времени (которое может быть показано только глагольной словоформой) в сферу будущего и прошедшего.

В связи с разработкой теории текста намечается несколько иной подход к категории времени глагола. Исследователи различают грамматическое время, или языковой момент речи, выражаемый грамматической формой глагола, и объективное время, или внеязыковой момент речи, выражаемый лексическими, синтаксическими или контекстуальными средствами [6, с. 502–503].

В коллективной монографии по проблеме грамматико-семантических полей [10, с. 78–79] отмечаются лексические средства и грамматические выражения, которые по своему значению соотносятся со значением временных форм глагола:

gegenwärtig – Präsens – heute, jetzt, ab, seit, im Augenblick, zur Zeit;

vergangen – Präteritum, Perfekt – gestern, damals, vor, vor kurzem;

zukünftig – Futur 1 – morgen, künftig, in, bis, in Kürze.

К этим средствам следует добавить придаточные предложения времени, семантика которых обуславливает выбор соответствующей временной формы глагола:

Nachdem er die Arbeit gemacht hat, geht er ins Kino. (L. Martin. Die Nacht vor dem Urlaub, с. 24).

По своему характеру грамматическая категория времени реляционна. Выражая отношение действия к моменту речи, значение этой категории раскрывается морфоло-

гической формой глагола. В контексте же грамматическое время согласуется с объективным временем, получая объяснение своему употреблению.

Временное значение глагольной формы носит виртуальный характер, так как она не соотносится ни с какой определённой точкой отсчёта времени, а лишь раскрывает темпоральное протекание действия по отношению к моменту речи. Таким образом, во временном отношении глагольная словоформа связана, с одной стороны, с моментом речи, а с другой стороны, с определённым объективным временем.

Попытку выявить особенности функционирования временной системы языка сделал Г. Вейнрих в своей работе “*Tempus. Besprochene und erzählte Welt*” [11, с. 42–44]. Он различает: 1) обсуждаемый мир и 2) рассказываемый мир. Эта концепция отражает отношение между практической деятельностью людей, которая находит своё выражение в разговорной речи и в повествовании о ней. Первая сфера речевой деятельности характеризуется употреблением презенса, перфекта, футурума 1, вторая – претеритума, футурума 2, кондиционалиса 1. Таким образом, Г. Вейнрих отметил общую тенденцию употребления временных форм для определённой речевой деятельности.

Это связано с актуализованностью / неактуализованностью речевой ситуации и участием / неучастием автора речи [8, с. 102].

В этих типах речи по-разному проявляются грамматические значения темпоральности.

В первом типе речи учитывается позиция говорящего, во втором – эта ось не актуализуется.

Первый тип речи характерен для непосредственного общения, *второй* – для художественного повествования, а также для констатации закономерностей, правил и т. д. Различия между этими типами речи значимы для реализации грамматических значений, которые связаны с отношением содержания высказывания к речевой ситуации и позицией говорящего.

Основными глагольными формами повествования являются претеритальные формы, хотя повествование может вестись и в формах исторического презенса.

Что касается претеритума, то он указывает на факты прошлого, предшествующие во времени моменту сообщения, реального автору и читателю. Однако претеритальные формы в художественном повествовании не имеют значения прошедшего, они указывают на некоторое воображаемое настоящее «эпическое» время [7, с. 104]. В этом времени живут, действуют персонажи художественного произведения.

В рамках времени повествования выявляются отношения последовательности, предшествования, одновременности действия. Эти отношения определяют выбор глагольных форм в тексте [5, с. 248]. Отношение эпического времени к нашему времени оказывается несущественным. В повествовании о прошлом оно определяется как прошедшее, о будущем – как будущее, о настоящем – как настоящее героев повествования. Эти отношения не влияют на внутреннюю структуру текста, а особенности употребления претеритума дали повод говорить о том, что временная форма утрачивает грамматическую форму прошедшего времени в художественном тексте. Начало художественного текста ориентирует читателя на прошлые события, совершаемые до момента речи, и первые предложения создают предпосылку для временной характеристики дальнейших действий, служат временной точкой отсчёта [9, с. 209].

Претеритум берёт на себя функции презенса, футурума:

Am anderen Tag nach dem Mittagessen kam die grosse Überraschung (Baumert W. Schau auf die Erde, с. 112). Слово сочетание *am anderen Tag* подчёркивает предстоящее действие по отношению к предыдущему контексту.

В тексте, где всё повествование ведётся в претеритуме, в прямой речи употребляется презенс для выражения настоящего времени, так как для персонажей произведения это их настоящее, а для читателя это повествование о прошлых событиях, созерцателем которых со стороны он является в настоящее время:

“Wer seid ihr, Fremdlinge und was treibt ihr hier? Seid ihr Räuber?” – fragte er.

Мастерство автора состоит в том, чтобы сделать читателя соучастником событий, сделать «настоящее» героев также и «настоящим» читателя, и тогда читатель не воспринимает действия в прошлом, а переживает и видит их в «настоящем», как и действующие лица. Следует отметить, что взятый вне контекста глагол в презенсе и

претеритуме показывает временной разрыв, разные временные оси: Ich lese das Buch. Ich las das Buch. В художественном произведении обычно не ощущается этот разрыв и воспринимается как закономерный переход от одной речевой ситуации к другой, где глаголы употреблены в разных временных формах:

Der Jäger ging und ließ die Freunde im Dunkeln. „Was meinst du?“ sagte Otto zu Adolph. „Wir werden entweder gar nicht, oder sehr lange schlafen!“ versetzte dieser ernst. „Ist dort nicht ein Fenster im Dach?“ fragte Otto (F. Hebbel. Eine Nacht im Jägerhause, in Deutschland erzählt, с. 244)

Претеритальные формы выступают в контексте с обстоятельственными словами и конструкциями объективного времени. Они делятся на:

а) синсемантические, опирающиеся на контекст, имеющие реляционное значение, точкой отсчёта для которых является временная форма глагола:

Nach ein paar Tagen war unser Kutter fertig für die Jagd (A. Zweig. Junge Frau von 1914, с. 133).

Du fährst morgen früh zur Grenze. Mit neuen Papieren fährst du am folgenden Tag durch Polen nach Moskau (L. Feuchtwanger. Die Geschwister Opermann);

б) автосемантические, имеющие абсолютное значение (называющие точное время, дату событий), которое согласуется с временной формой глагола: *Im Jahre 1284 liess sich zu Hameln ein wunderlicher Mann sehen* (Ch. Brückner. Alexander der Kleine, с. 251).

Эти средства уточняют временную характеристику глагольного действия и выражают временное значение эксплицитно.

В тексте, однако, объективную временную характеристику несут не только глагольные формы и обстоятельственные слова. Имплицитно временное значение выражают очень многие словоформы, семантика которых связана с определёнными реалиями объективного мира и которые не имеют ярко выраженного временного значения, например:

Wir ruderten angestrengt und stiegen, als die Sonne sank, aufs Land der Zyklopen (M. Walser. Zorn einer Göttin, с. 89)

An den Hof war auch Siegfried, der Königssohn aus Xanten gekommen, der von der Schönheit Kriemhilds erfahren hatte und sie zu gewinnen suchte (Das Nibelungenlied, с. 46).

ch war Quartaner, vierzehn Jahre alt, saß zu Hause und lernte Heimatkunde... (H. Zinner. Erzählungen, с. 73).

Во всех предложениях глагол употреблён в форме *имперфект*, но соотношение с объективным временем при этом разное. Первое предложение соотносит нас со временами подвигов Одиссея, второе – со временем Зигфрида, а третье – с недалёким прошлым.

Объективное время может быть выражено не только эксплицитно, но и имплицитно. Формы повествования – претеритум и презенс выступают как синонимы в текстовой характеристике, но по отношению к моменту речи они всегда сохраняют свою специфику.

Библиографический список

1. Бушуй А. М. Общие принципы изучения семантики языка // Хорғийй филология. – Самарқанд : SamD-ChTI, 2006. – С. 5–9.
2. Franke Wilhelm. Einführung in die Sprachwissenschaft. – Hamburg :
3. Helmut Buske Verlag, 2006. – VIII. – 380 S.
4. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. – Bern, 1991. – 388 S.
5. Gloning Thomas. Bedeutung, Gebrauch und sprachliche Handlung. –
6. Ansätze und Probleme einer handlungstheoretischen Sicht. – Tübingen : Niemeyer, 2007. – XII. – 401 S.
7. Grosse E. U. Text und Kommunikation. Eine linguistische Einführung in die Funktionen der Texte. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2006. – 390 S.
8. Helbig Gerhard / Buscha, Joachim. Deutsche Grammatik. – 20. Auflage. –
9. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 2008. – 736 S.
10. Latzel S. Die deutschen Tempora Perfekt und Präteritum. – München :
11. Iudicium, 2007. – 318 S.
12. Müller – Alfeld T. Deutsche Grammatik. – Düsseldorf : ECON, 2007. – 255 S.

13. Schmidt Wilhelm. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine
14. Einführung in die funktionale Sprachlehre. – Berlin : Volk und Wissen, 1995. – 323 S.
15. Weber, Heinz J. [Herausg.]. Grammatisch – semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart. – Tübingen : C. Winter, 1986. – 484 S.
16. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1994. – 440 S.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТУРЕЦКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

А. В. Донгидон

Техникум строительства и городского хозяйства,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

Summary. The different geographical position of Turkey and Uzbekistan, at first sight, doesn't give anything to us. But, as we know, the Turkish and Uzbek languages are included into a Western Hunnish branch of Turkic group of the Altai language family. And sometimes absolutely identical pronunciation is observed of these or those words in the Turkish and Uzbek languages. Comparison of nominal parts of speech successfully proves that these two languages kept common features.

Key words: nominal parts of speech; Turkish language; Uzbek language.

К именным частям речи относятся имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и местоимение. Это самостоятельные (имеющие значение), изменяемые (склоняемые) части речи, которые являются членами предложения. Имя существительное занимает одно из главных мест в нашей речи. Всё, что существует в мире, названо словом – именем существительным. Имена существительные обозначают предмет, отвечают на вопросы тур. *Kim?* узб. *Kim?* «Кто?»; тур. *Ne?*, узб. *Nima?* «Что?» (тур. *kış*, узб. *qish* «зима»; тур. *köpek*, узб. *it* «собака»)

В обоих языках имена существительные имеют конкретное лексическое и общее грамматическое значение (предмет), делятся на группы в зависимости от значения, имеют постоянные морфологические признаки (собственное тур. *Mustafa* «Мустафа», узб. *Bahodir* «Богатырь», и нарицательное тур. *kişi*, *asker* узб. *kishi*, *askar* «человек», «солдат»; в турецком и узбекском языках существительные грамматически не разделяются по признаку одушевлённости и неодушевлённости [3, с. 64].

Различие происходит по признаку лица и не-лица. К классу лиц относятся только люди и ряд мифических существ, наделяемых свойствами людей. К ним применяется вопросительное местоимение тур. и узб. *Kim?* «Кто?». К классу не-лиц относятся все предметы и все другие существа (кроме людей). К ним применяется вопросительное местоимение тур. *Ne?*, узб. *Nima?* «Что?»; склонение осуществляется по падежам: в турецком языке их восемь, а в узбекском шесть.

Одна из особенностей имен существительных в турецком и узбекском языках – это их разнообразнейшая аффиксация [8]. По существу, турецкий и узбекский языки представляют собой почти бесконечное варьирование определённых и неизменных основ посредством прибавления к ним разных функциональных аффиксов. Например, в турецком *yol-cu-lar-imiz-da* и узбекском *yo'l-chi-lar-imiz-da-gi-ni* – «то, что у наших путников». Это языковое явление фундаментально для тюркских языков, можно предположить, что и для тюркского сознания: определённая, не изменяющаяся основа прибавляет к себе известные, стабильные приложения, и в результате этой комбинации меняется целое. Рассматривая систему аффиксации более детально, можно заметить определённый порядок в прибавлении тех или иных функциональных аффиксов и случаи употребления нескольких аффиксов одновременно.

Имя прилагательное – часть речи, обозначающая качество, признак, присущий или приписываемый предмету и отвечающий на вопросы тур. *Nasil? Hangi?*, узб. *Qaysi? Qanday?* «Какой?» [9]. Турецкое и узбекское имя прилагательное не имеет отношений ни к одной грамматической категории, свойственной имени существительному (категории: пола, числа, принадлежности, склонения, определённости-неопределённости). С помощью имён прилагательных предмет можно охарактеризовать с различных точек зрения. Итак, имена прилагательные имеют конкретное лексическое и общее грамматическое значение (признак предмета) и постоянный признак – разряд по значению. Име-

на прилагательные также имеют уменьшительно-ласкательную: тур. *güzelcik*, узб. *chiroylicha* «красивенький» и усилительную формы: тур. *kara kara gözler*, узб. *qora qora ko'zlar* «чёрные-пречёрные глаза», степени сравнения: тур. *İyi söz baldan tath* «Доброе слово слаще мёда», в узбекском языке ставится аффикс *roq*: узб. *U udan chiroyliroq* «Она лучше её». Также им присуща адъективация, т. е. переход других частей речи в прилагательное [7, с. 227].

Имя числительное – это самостоятельная часть речи, которая обозначает количество и порядок предметов при счёте и отвечает на вопросы тур. *Kaç?*, узб. *Necha? Qancha?* «Сколько?», тур. *Kaçıncı?*, узб. *Qaysı?* «Который?». Начальная форма имени числительного – форма именительного падежа. По выражаемому значению и грамматическим особенностям числительные делятся на: количественные, отвечающие на вопрос тур. *Kaç?*, узб. *Necha? Qancha?* «Сколько?», например: тур. *beş*, узб. *beş* «пять», тур. *kırk üç*, узб. *qırk uch* «сорок три» и порядковые, которые отвечают на вопрос тур. *Kaçıncı?*, узб. *Qaysı?* «Какой?» или «Который?»: тур. *beşinci*, узб. *beşinchi* «пятый», тур. *kırk yedinci*, узб. *qırq yettinchi* «сорок седьмой». Количественные числительные могут обозначать как целые числа: тур. *iki*, узб. *ikki* «два», так и дробные: тур. *üçte bir*, узб. *uchda bir* «одна третья». Имена числительные бывают простыми (состоят из одного слова): тур. *sekiz*, узб. *sakkiz* «восемь», сложными и составными (из двух и более слов): тур. *bin iki yüz otuz bir*, узб. *ming ikki yuz o'ttiz bir* «тысяча двести тридцать один».

Имена числительные в рассматриваемых языках имеют конкретное лексическое и общее грамматическое значение (числа) и постоянные морфологические признаки: бывают порядковыми и количественными, простыми, сложными и составными, целыми, дробными и собирательными (только количественные).

Местоимения – это слова, которые используются вместо имени, обозначают лица (тур. *ben*, узб. *men* «я»; тур. *sen*, узб. *sen* «ты»; тур. *biz*, узб. *biz* «мы»; тур. *siz*, узб. *siz* «вы»; тур. *o*, узб. *u* «он», «она», «оно»; тур. *onlar*, узб. *ular* «они»), указывают на предметы, признаки предметов, количество предметов, не называя их конкретно (тур. *o*, узб. *o'sha* «тот»; тур. *bu, şu*, узб. *bu, shu* «этот», тур. *her*, узб. *har* «всякий»; тур. *bunca*, узб. *buncha, shuncha* «столько»). От всех других именных частей речи местоимения отличаются тем, что они сами по себе не имеют самостоятельного значения, но в речи, в тексте это значение становится конкретным, потому что соотносится с конкретным лицом, предметом, признаком, количеством. Местоимения имеют морфологические признаки той части речи, с которой соотносится [4, с. 139].

Как видно, все именные части речи самостоятельны, имеют конкретное лексическое и общее грамматическое значение и постоянные морфологические признаки (грамматические значения). Подводя итог, следует заметить, что для сравнительного анализа взяты далёкие друг от друга языки. Это объясняется объективными причинами: разное историческое, географическое и культурное развитие этих двух, с первого взгляда одинаковых, а с другой – совершенно разных народов. Однако, несмотря на явное сходство в грамматической структуре этих двух языков, вряд ли турок будет с лёгкостью понимать узбека, и наоборот. Тем не менее, исследовав эти два языка, можно предположить о существовании общего алтайского праязыка.

Библиографический список

1. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и её изучение. – М., 1981.
2. Гаджиева Н. З. Тюркские языки. – М., 1997.
3. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956.
4. Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка. – Ташкент, 1948.
5. Кононов А. Н. Из истории изучения тюркских языков в России. – М., 1974.
6. Узбекско-русский и русско-узбекский учебный словарь.
7. Шаабдурахманов Ш. Ш., Решетова Л. В. Узбекский язык. – Ташкент, 1981.
8. SHARQIEV S., ISMAILOV H. U'zbek ongi chizgilari / Очерки узбекского сознания (Til, adabiyot, falsafa / Язык, литература, философия).
9. Большой толковый словарь русского языка. – 1-е изд.-е. – СПб. : Норинт; С. А. Кузнецов, 1998.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ АНГЛИЙСКОЙ, РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ РЕКЛАМЫ

Е. И. Козиолова, Т. С. Серова
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, г. Пермь, Россия

Summary: The main topic of this article is English, Russian and German advertisement for young people. First of all the author describes verbal component of advertisement in common. The different texts of advertisements are taken as a material of analysis and lexica-grammatical features are described. Moreover the author gives examples in English, German and Russian.

Key words: youth advertisement; lexica-grammatical features; verbal components.

В современном обществе реклама является важным элементом. Она выполняет две главные функции: способствует продвижению товара или услуги на рынке, а так же информирует покупателя о новых поступлениях. Несмотря на то, что в рекламе присутствует большое количество цвета, графики и изображений, непосредственную информацию о товаре, услуге, компании или бренде, потенциальный покупатель узнаёт из текста рекламного сообщения. Текст рекламного сообщения напрямую зависит от его получателя, что позволяет рекламному сообщению максимально достигать своих целей. При удачном использовании богатейших возможностей языка: фигур речи, стилистически и эмоционально-экспрессивных приёмов, лексики можно резко повысить привлекательность и интерес к предполагаемой рекламе, повлиять на решение и добиться желаемого результата [1. с. 42].

В данной статье мы подробно рассмотрим и сравним наиболее часто встречающиеся лексико-грамматические единицы в молодёжной рекламе на русском, английском и немецком языках. В качестве материала исследования, мы отобрали более 600 примеров рекламы в немецкоязычных, англоязычных и русскоязычных молодёжных печатных изданиях (*cosmopolitan, glamour, instyle, joy, ellegirl*) и рекламы в Интернете предназначенной для молодёжи.

В русских, английских (американских) и немецких коммерческих молодёжных рекламных сообщениях использовано большое количество прилагательных. В русскоязычной и англоязычной молодёжной рекламе преобладают прилагательные в начальной форме. (Gancia: “Первое игристое вино Италии”; L’oreal: “Hair looks lompous, shiny...”); В немецкоязычных рекламных сообщениях чаще используются прилагательные в превосходной (One-Between: “So sieht der treueste aller Begleiter...”) и сравнительной (Vodafone: “...das noch dünner, leichter und schneller ist.”) степенях; в англоязычных текстах так же много прилагательных в превосходной степени (Northern Clinic: “The latest development ...”).

Глаголы превалируют в молодёжной рекламе Германии и Англии. В первую очередь, мы бы хотели отметить использование глаголов в повелительном наклонении (Telecom: “Bestellen Sie jetzt”; Tomas Sabo: “Charm-up your life”; Clinique: “Добавьте цвета...”). В русской молодёжной рекламе больше существительных, но глаголы тоже использованы довольно часто, хотя их значительно меньше, чем в американской или немецкой.

Касательно времён, то во всех трех случаях преобладает настоящее время. (Maxfactor: “Советуют профессионалы”; Pantene: “My hair looks and feels”; Misslyn: “...präsentiert Nail Polish Strips”). Прошедшее время глаголов больше используется в России и Германии. (Inneov: “Эффективность клинически доказана”; Intouch: “Lieb war gestern”). Будущее время встречается только в русскоязычной молодёжной рекламе. (Boss: “Это ночь будет твоей.”). Начальная форма глаголов более характерна для немецкой молодёжной рекламы. (Smirnoff: “Einfach servieren und geniessen”).

Большой процент рекламы в немецких средствах массовой информации для молодёжи сделан на английском языке (Opel: “Men’s new baby”; Schwarzkopf: “Hairtherapy down to every single hair”). Английские слова так же обильно используются в русской рекламе (Casio: “Elegant, smart, Shining”; Clinique: “Увлажняющая помада-бальзам

Chubby Stick”), но и отдельные французские слова так же присутствуют (Dior: “L’absolu”). В английской рекламе процент иностранной лексики очень высок, и в основном это французские вкрапления. (Lancome: “Rouge in love”).

Изучив лексико-грамматические особенности английской, русской и немецкой рекламы для молодёжи, мы пришли к выводу, что многие элементы встречаются во всех трёх случаях, а некоторые характерны для той или иной языковой группы. Это может быть обусловлено многими факторами, которые относятся к языку (грамматический и лексический строй), культуре (языковая картина мира, менталитет), а так же непосредственно рекламе (цель рекламного сообщения, особенности рекламируемого товара)

Библиографический список

1. Агамуродова Р. Ш. Стилистические фигуры противопоставления в рекламном тексте // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 42–44.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАЗАХСКИХ И РУССКИХ ТОПОНИМОВ В РОМАНЕ А. АЛИМЖАНОВА «ГОНЕЦ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

К. М. Головина

Современный многопрофильный колледж, г. Караганда, Казахстан

Summary. This article discusses the parallel use of Kazakh and Russian place names in a literary text as a manifestation of the literary art of bilingualism.

Key words: a bilingual writer, concurrency, syntagmatics bilingual, intercultural translation.

В художественном русскоязычном тексте романа «Гонец» писателя-билингва А. Алимжанова топонимы и другие виды собственных имён выполняют важную роль в создании национально-исторической образно-языковой картины мира. В самом начале романа автор рисует масштабную впечатляющую картину бегства казахов под натиском джунгар, используя в тексте ряд национальных топонимов: «Аулы Великого жуза бегут на запад, на северо-запад и на юг Казахии с Алтая, с берегов Тентека и Аксу, Ит-ишпеса и Алтынколя, Зайсана, Аккуйгаша и Чарына к границам Хивы, в Туркестан, где стоит священный пантеон великих ханов, батыров, биев, где покоится великий Ахмед Яссави; бегут к братьям из Младшего жуза, бегут на вольные пастбища Сарыарки казахских саванн, которые географами тех времён названы Туранской низменностью, а после получили наименование Казахской складчатой страны» [1, с. 192].

В данном микротексте топонимы выполняют свою адресно-указательную функцию, показывая масштаб пространственных ареалов бедствия. Это не только национально маркированные языковые средства, создающие национальную картину мира и историческую достоверность описываемых событий. Они не только стилистически значимы и являются яркой приметой индивидуально-авторского речевого стиля, но и играют важную роль в плане межкультурной коммуникации, осуществляя культурно-носную функцию в межкультурной трансляции. Говоря другими словами, русскоязычный реципиент, не владеющий необходимым минимумом фоновых знаний по казахской истории и культуре, сталкивается впервые в данном микротексте с целым рядом национальных топонимов, потенциально (имплицитно) обладающих национально-культурной и исторической информацией.

Писатель-билингв А. Алимжанов в плане билингвистической синтагматики (термин Б. Хасанова) осуществляет межкультурную трансляцию (элиминирование лакун) разными способами. Так, в анализируемом нами микротексте, культурно-исторические коннотации топонимов *Туркестан* и *Сарыарка* разъясняются, толкуются средствами русского языка в пределах билингвистической синтагматики текста: «... в Туркестане, где стоит священный пантеон великих ханов, батыров, биев, где покоится великий Ахмед Яссави...», «...бегут на вольные пастбища Сарыарки казахских саванн,

которые географами тех времён названы Туранской низменностью, а после получили наименование Казахской складчатой страны..." [1, с. 192].

Во внетекстовой части произведения (в сносках) даны современные названия таких исторических топонимов, как *Ит-ишпес*, *Алтынколь*, *Аккуйгаш*:

Ит-ишпес – озеро Алакуль;

Алтынколь – озеро Балхаш;

Аккуйгаш – река Или.

Такой способ межкультурной трансляции предполагает, что реципиенту известны современные названия упоминаемых географических объектов, и, что самое важное, такой параллелизм в употреблении современных исторических топонимов является средством национально-исторической стимуляции русскоязычного художественного текста, передающего казахскую образно-языковую картину мира. Употребление таких исторических топонимов помогает ощутить контекст ушедшей эпохи.

Указанием на тип (категорию) географического объекта могут служить глаголы, употребляющиеся в сочетании с казахскими топонимами, т. е. в билингвической синтагматике текста: «Говорят, что лобные тысячники джунгар, что прошли здесь месяц назад уже перевалили Каратау, проникли в долину Таласа, осадили Сайрам» [1, с. 216].

Одним из способов межкультурной трансляции и проявлением казахско-русского двуязычия в топонимах является синхронный перевод в тексте (через тире): «От одного каравана беженцев к другому шла молва о батырах где-то в степях Сарыарки, собиравших ополчение. Говорили, что во главе их стоит другой удачливый батыр, который хочет примирить ханов всех трёх жузов, что он напомнил им мудрые слова Тауке-хана и потребовал от всех султанов выполнения клятвы, когда-то данной на Старой горе перед Тауке-ханом. С тех пор гора называется Улытау – Великой горой» [1, с. 196]. «Два месяца назад джунгары окружили мой род и перерезали всех. С тех пор то проклятое урочище называется "Садыр-мурде" – "Могила Садыра"» [1, с. 241].

В тексте романа А. Алимжанова «Гонец» встречается иной тип синтагматического топонимического параллелизма, когда оба топонима являются иноязычными, но один из них является историческим топонимом: «Нас ждут города на Сейхуне, реку, которую казахи называют Сырдарья» [1, с. 290].

Такой способ парного, параллельного использования топонимов преследует, на наш взгляд, во-первых, цель передать контекст эпохи, исторического периода, отображённого в произведении; во-вторых – объяснить, «перевести», элиминировать в тексте иноязычный (инокультурный) компонент текста.

Чаще всего в тексте романа А. Алимжанова «Гонец» встречается топонимический параллелизм, где за казахским топонимом следует русский топоним, его буквальный или смысловой перевод; также встречаются внетекстовое толкование, объяснение, перевод казахского топонима, которые даются в сносках.

Приведём некоторые примеры:

«Дорога к Аулие-Ата перерезана» (в сноске: «Ныне город Джамбул») [1, с. 204];

«Нужно взять левее к Жаргасу. Если кто-то из наших есть в этих краях, то на Жаргасе обязательно будут посты» (в сноске: «Утёс»);

«Когда-то за тем изгибом речки стояла крепость Бешбалык. Видите развалины? Ну, у кого глаза острее?» (в сноске: «Столица одного из сыновей Чингизхана Джагатая, умершего в 1242 году»);

«Там впереди должна быть пресная вода, должно быть маленькое, голубое, прохладное озеро. Манай не раз слышал о нём. Старики – его сверстники и люди постарше говорили, что Алтынколь – это мать маленького прохладного озера, со дна которого бьют родники и потому это озеро называется Балапанколем» (в сноске: «Озеро-птенец. Балапанколь расположен на Юго-восточном берегу Балхаша») (1, с. 266);

«Оставив позади вёрст шестьсот, батыры повернули коней, обошли стороной Туркестан и вышли к просторному караванному пути, связывающему "Чимкала¹ с Шашем²» (в сноске: «¹ городок, находившийся на месте нынешнего Чимкента», «² Ташкент»);

«Вот они достойные Казыбек-бий и Айтеке-бий, осенённые доверием народов Среднего и Младшего жузов. Мы все перед вами. Сегодня на этой священной горе, ко-

торую отныне потомки зовут "Ордабасы", наше слово будет единым!» (в сноске: «т. е. место объединения орд») [1, с. 364].

В приведённых выше примерах в пределах стилистической синтагматики текста присутствуют параллельно употребляющиеся топонимы, один из которых является казахским, другой – русским. Такой параллелизм казахских и русских топонимов является проявлением литературного художественного двуязычия и одним из способов межкультурной трансляции, осуществляемой в плане межкультурной коммуникации в рамках диады «текст – реципиент».

Библиографический список

1. Алимжанов А. Степное эхо. Романы. – Алма-Ата : Жалын, 1983. – 192–392 с.

III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Христианова, Н. Я. Чуб
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. This article investigates the national and cultural stereotypes and the role they play in the process of intercultural communication. They are treated as stable representations of culture, traditions, religions, superstitions, which characterize the spiritual life of the definite nation. The special attention is given to the national – cultural representations done by the Russians and the Germans.

Key words: national culture; stereotype representation; culturally and nationally determined representation; intercultural communication; national values.

В современных гуманитарных науках понятию «культура» уделяется большое внимание и его относят к числу фундаментальных. Закономерным является тот факт, что культура занимает центральное место и в межкультурной коммуникации, которая в настоящее время расширяет свои границы и увеличивает влияние в самых разных сферах человеческой жизни: спорте, туризме, военном и политическом сотрудничестве, личных контактах и т. д. В последнее время наблюдается увеличение миграции народов, что ведёт их к большему взаимодействию друг с другом, тем самым стирая границы между своим и чужим. Происходящие перемены, которые охватывают многие сферы жизни, получают в разных культурах неоднозначную оценку, так как представители данных культур имеют разное понимание мира, что затрудняет коммуникацию.

Мы руководствуемся нормами и ценностями своей культуры, и это оказывает огромное влияние на общение с представителями других народов. Например, у немцев, привыкших к более спокойной коммуникации, при общении с итальянцами, которые оживлённо жестикулируют во время разговора, может сложиться впечатление, что они очень экспрессивные и неорганизованные. А итальянцы, наоборот, во время коммуникации с немцами могут подумать, что они очень холодная, сдержанная и неприветливая нация.

Культура, являясь многогранным понятием, изучается различными науками: философией, культурологией, историей, лингвистикой, политологией, этнологией, психологией и др. Трудно найти другое понятие, имеющее столь огромное количество определений. Основными значениями понятия «культура», использующимися в повседневной жизни, являются следующие:

- культура как производство и распространение духовных ценностей;
- культура как совокупность ценностей и норм, присущих большой социальной группе, общности, народу или нации;
- культура как процесс образования и воспитания (как образованность и воспитанность) [1, с. 14].

Мы остановимся на определении культуры как совокупности ценностей и норм, которые присущи большой социальной группе, общности, народу или нации (элитарная культура, русская культура и т. д.). Такая культура может быть названа национальной и включает, помимо прочего, символы, верования, убеждения, характеризующие духовную жизнь человеческого сообщества в той или иной стране, государстве [2, с. 135].

Принадлежность индивида к некоторой национально-культурной общности находит своё отражение в стереотипных представлениях, таких как, например, «немецкая аккуратность», «французская галантность», «африканский темперамент», «русский авось». Но следует понимать, что стереотип отражает групповые характеристики и признаки, а не особые качества отдельного индивида, принадлежащего к данной группе, так как, иначе, они могут быть вредны для коммуникации. Для эффективности и полезности стереотипов, их следует рассматривать и использовать как положи-

тельную догадку о человеке или ситуации, а не воспринимать как единственно верную информацию о них [1, с. 4].

Впервые понятие «стереотип» использовал американский социолог Уолтер Липпман в 1922 г. в книге «Общественное мнение» при анализе влияния знания о предмете на его восприятие и оценку в результате непосредственного контакта. Он определил стереотипы как упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира и защищают его ценности, позиции и права [3, с. 126]. Иными словами, по мнению У. Липпмана, стереотипы помогают человеку ориентироваться в море окружающей его социальной информации и сохранить своё положение в обществе, идя в ногу со временем.

Стереотип является обобщённым, схематичным представлением о каком-либо социальном явлении окружающей действительности, о типичных нормах поведения индивидов в обществе в зависимости от их пола, возраста, принадлежности к определённой социальной группе и нации. Стереотипы могут характеризовать также ценности и нормы, которые присущи определённому народу или нации. Данные стереотипы можно определить как национально-культурные стереотипы. А. С. Кармин считает, что «обобщённое представление о каких-либо чертах, характеризующих какой-либо народ», является не просто стереотипом, а национально-культурным стереотипом, представляющим собой устойчивый образ о культуре, традициях, образе жизни, верованиях, убеждениях, характеризующих духовную жизнь определённой нации [2, с. 135].

Так, немцы считают, что в повседневной жизни все дела должны быть сделаны, как следует. Их любовь к порядку находит отражение даже в пословицах:

- Ordnung ist das halbe Leben (Порядок – душа всякого дела);
- Ordnung muss sein (Порядок должен быть во всём);
- Heilige Ordnung, segensreiche Himmelstochter (Святой порядок – благословенный сын небес).

Порядок должен быть во всём, и не имеет значения, где ты находишься, на работе или дома. Немцы выполняют работу с полной ответственностью, привлекая все свои навыки и умения. Пунктуальность и порядок являются самыми яркими чертами, которые полностью их характеризуют. В Германии детей с детства приучают к порядку и дисциплине, и они уже в раннем возрасте знают, что нужно делать, а что нет. Например, они чётко знают, что опаздывать нельзя. Образ жизни немцев отличается от нашего, и в этом нет ничего удивительного, так как у нас разные взгляды на жизнь, образ мышления, мировосприятие. Обычный будний день в Германии начинается с восходом солнца и заканчивается с заходом. Немцы привыкли рано ложиться и рано вставать. Например, звонить после девяти часов вечера не принято, а вот звонок в семь или восемь часов утра является уместным.

В Германии пунктуальность и правильность соблюдаются практически во всех сферах. Если на пешеходном переходе светофор мигает красным цветом и нет машин на проезжей части, то немец будет стоять и ждать зелёного, что не характерно, например, для нашей нации. Мы за это время успеем перейти дорогу и дойти до места своего назначения. На велосипедах немцы ездят по специальным вымощенным плиткой дорожкам, предназначенным только для велосипедистов. И дисциплинированные немцы никогда не будут ходить по этим тротуарам. Опоздание даже на пять минут в Германии считается плохим тоном, в отличие от наших пятнадцати минут ожидания.

Порядок невозможен без таких качеств, как работоспособность, организованность, дисциплина, пунктуальность. Немцы привыкли много работать, но прежде чем приступить к какому-либо делу, они должны для начала расставить всё по полочкам и взвесить все за и против, установить чёткие границы между хорошим и плохим, своим и чужим, необходимым и ненужным, общественным и частным. И только после такого распределения, они могут сказать, что всё в порядке, и только потом приступать к работе.

Если говорить о русских, то они характеризуются такими качествами, как гостеприимство, доброта, человечность, жертвенность. Они всегда готовы оказать помощь и поделиться последним. Это явление не характерно для Запада. Для него русская щедрость является каким-то уникальным качеством человека. Русские часто смущаются, когда им дарят подарки и когда их хвалят, но всё же их сердце переполняется счастьем,

просто их характер не позволяет им выразить всю долю эмоций. В Германии Россию воспринимают, как страну великих поэтов, таких как Достоевский, Толстой, которые описывали весь колорит русской жизни и людей с открытой русской душой.

Говоря о стереотипах, следует отметить, что их нельзя переоценивать. Некоторые стереотипы, такие как немецкая пунктуальность и русская безалаберность, сильно преувеличены, поэтому нужно помнить, что они могут оказать негативное воздействие в процессе коммуникации.

Таким образом, культура как совокупность ценностей определённой нации находит своё отражение в стереотипных представлениях, характеризующих определённую национальную общность. Знание национально-культурных стереотипов позволяет прогнозировать действия и реакции индивидов, которые принадлежат к определённой нации, народности, упрощая процесс межкультурной коммуникации. Стереотипы встроены в нашу систему ценностей и являются её составной частью, обеспечивая своеобразную защиту наших позиций в обществе. Умение правильно оценить коммуникативную ситуацию является важным компонентом успешного межкультурного диалога.

Библиографический список

1. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. Л. Основы межкультурной коммуникации : учеб. для вузов / под ред. А. П. Садохина. – М., 2003. – С. 4–15.
2. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. – СПб. : Лань, 1997. – С. 135.
3. Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. – 2006. – № 4. – С. 125–141.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «РОДНОЙ ЯЗЫК» И «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

А. В. Чуханова

Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка, г. Минск, Беларусь

Summary. The article analyzes the linguistic situation of the Belarusian-Lithuanian border, set the correlation concepts of "mother language" and "national language" in polilingval space. The author draws attention to the fact that as a result of a number of extra-linguistic factors and ethno-cultural characteristics of the individual motivation of these concepts, first, occupy different positions in the structure of ethnic self-consciousness, and secondly, their ratio determines the degree of linguistic assimilation of ethnic minorities.

Key words: mother tongue, national language, Belarusian-Lithuanian border region, ethnic identity personality, linguistic assimilation.

Пограничные районы представляют собой уникальные территории, на которых пересекаются различные этнические сообщества, культурные и языковые традиции. В этих условиях особое значение приобретает сохранение национального самосознания, среди компонентов которого ключевую позицию занимает этническая идентификация как осознание принадлежности к определённому этносу. Одним из средств выражения культурной дистанции и формирования основ этнической интеграции является язык. Соотношение понятий «родной язык» и «национальный язык» свидетельствует, с одной стороны, о степени языковой ассимиляции представителей национальных меньшинств и о характере этнокультурных предпочтений – с другой.

На территории пограничья роль национального языка как этнического маркера многопланова, поскольку он может использоваться целой группой этносов и изменять масштабы своего функционирования: либо расширять их при позитивном отношении к языку со стороны личности, либо сужать их при негативном. При этом «мера свободного владения этническим языком и степень его использования зависят от того, включается ли язык в структуру этнического самосознания личности в качестве родного» [2, с. 17].

В условиях полилингвального пространства (например, в ситуации белорусско-литовского пограничья) понятия «родной язык» и «национальный (этнический) язык» нередко занимают разные позиции в структуре этнического самосознания лич-

ности. Это является результатом действия ряда экстралингвистических факторов и во многом обусловлено этнокультурной мотивацией индивида, а именно либо его стремлением сохранить свою культуру и свой язык и одновременно изучать другие, либо желанием сохранить собственную культуру и собственный язык, либо усваивать культуру титульного этноса и пренебрегать собственной. Так, материалы переписи населения Республики Беларусь (2009 г.) показывают, что в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, литовский язык в 1999 г. назвали 15,0 % всех литовцев Беларуси, в 2009 г. – только 5,45 %. При этом в 1999 г. литовцы-горожане пользовались национальным языком меньше (около 3 %), чем сельские жители (около 30 %). Сельское литовское население в быту активнее использовало русский язык (81,0 %), чем белорусский (39,0 %).

За 10 лет ситуация изменилась следующим образом: в 2009 году 1,52 % городских и 12,64 % сельских жителей активно использовали национальный язык, при этом городское литовское население отдавало предпочтение русскому языку (79,43 %), а не белорусскому (14,55 %). Это свидетельствует, во-первых, о том, что в условиях белорусско-литовского пограничья именно городское население в большей степени подвергается языковой ассимиляции, во-вторых, о значительной интеграции литовцев в языковое окружение Беларуси. Однако степень языковой ассимиляции у представителей различных этнических групп неодинакова. Так, в областях Республики Беларусь, граничащих с Литвой, высокий уровень языковой ассимиляции характерен для: поляков (родным языком считают белорусский или русский язык 88,16 % польского населения Витебской области и 92,09 % Гродненской области); татар (91,52 % татарского населения Гродненской области называют родным белорусский или русский язык); украинцев (72,50 % украинского населения Витебской области и 75,22 % Гродненской называют белорусский или русский язык родным); литовцев (60,42 % литовского населения Витебской области и 61,73 % Гродненской родным языком считают белорусский или русский язык) [3].

Во всех районах белорусско-литовского пограничья, кроме Браславского и Гродненского, городское и сельское население назвало родным белорусский язык. В Браславском и Гродненском районах для городского населения статус родного имеет русский язык.

В ситуации пограничья нередко наблюдается несоответствие между этническим и языковым разнообразием, что приводит «к стиранию языковых различий и несовпадению идентификационных и языковых границ» [1, с. 291]. Это положение подтверждает перепись населения Республики Беларусь. Так, в Гродненской области 68,81 % белорусов считают родным белорусский язык, русский – 29,46 %. В качестве языка, на котором разговаривают дома, в Витебской области назвали белорусский 21,59 % (266 235 человек), русский – 68,41 % (751 668 человек). В Гродненской области – 38,38 % и 54,29 % жителей [3].

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы.

В ситуации белорусско-литовского пограничья расширяются «границы» понятия «родной язык» за счёт активного использования белорусского и русского языков.

На территории белорусско-литовского пограничья сокращается количество городского и сельского литовского населения, которое активно использует национальный язык. При этом городское литовское население отдаёт предпочтение русскому языку, а не белорусскому.

В областях Республики Беларусь, граничащих с Литвой, самый высокий уровень языковой ассимиляции характерен для поляков, татар, украинцев и литовцев.

Во всех районах белорусско-литовского пограничья, кроме Браславского и Гродненского, городское и сельское население считает родным белорусский язык, в Браславском и Гродненском – русский.

Библиографический список

1. Беспамятных Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспамятных. – Минск : РИВШ, 2007. – 404 с.
2. Микулич Т. Н. Этноязыковые процессы и система национального самосознания : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.07 – этнология / АН Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1991. – 19 с.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru> (дата обращения: 25.07.2011).

ОТОБРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ В ТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АНЕКДОТА

С. Н. Бассай

Запорожский национальный университет, г. Запорожье, Украина

Summary. Ethnic behavioral stereotypes of various ethnic representatives are considered in the article. The attempt to analyze existing national stereotypes of German-speaking citizens has been made based on the texts of German jokes. The characteristic of ethnic stereotypes as one of the ways to express peculiar and unique ethnic culture has been given.

Key words: ethnic stereotype; national character; German joke; cultural clash.

Процесс межкультурной коммуникации требует знания этнических образов коммуникантов, формирование которых определяется понятием этнического стереотипа. Они являются формой проявления национального характера и выполняют важную функцию, определяя поведение человека в различных ситуациях и влияя на его симпатии (антипатии) в ситуации межкультурных контактов, что обуславливает **актуальность их изучения**. Этнические стереотипы являются инструментами передачи от поколения к поколению социального и нравственного опыта этноса, включая правила поведения, обычаи, ритуалы, нормы и ценности.

Объектом данной статьи являются этнические стереотипы поведения. Поскольку они представляют собой жёстко фиксированные образования, не подвергающиеся влиянию внешних воздействий, они являются этноконсолидирующим фактором и основанием для сравнения и сопоставления с другими этносами. **Предметом** является специфика отображения этнических стереотипов поведения в текстах немецкоязычного анекдота, а также особенности их функционирования на уровне комического текста.

Этноспецифичность сознания представителя того или иного этноса наиболее устойчиво формируется за счёт закрепления в сознании индивида социальных реалий конкретной этнической общности – образов и понятий из сферы социального устройства, религии, хозяйственной деятельности, быта и истории этноса – через народное творчество – былины, сказания, басни и особенно анекдоты.

Этнические стереотипы, функционирующие в общественном и индивидуальном сознании, имеют разный механизм возникновения, закрепления и проявления, в соответствии с которым их можно разделить на две группы. По свидетельству С. В. Гладких, первая группа стереотипов (этнические стереотипы поведения) формировалась на протяжении многих столетий; они перешли в ранг мифологизированных и являются устойчивыми, не поддающимися культурным изменениям. Вторая группа стереотипов (этнические стереотипы мышления) формируется стихийно в процессе межкультурной коммуникации, этнических столкновений, с помощью средств массовой коммуникации; они являются подвижными, изменчивыми [3, с. 59–60].

Стереотипы первой группы выработаны и проверены на практике не одним поколением предков. Те привычки, модели поведения, характерные реакции и взгляды, которые были усвоены в детстве, являются основой для формирования этнических стереотипов поведения, которые потом проявляются в предпочтениях, начиная от приёма пищи и заканчивая отношением к другому этносу.

Вторая группа стереотипов формируется под воздействием культурных, политических и экономических факторов, характеризующих условия бытования этнической группы.

Любой этнический стереотип является продуктом исторического развития, социальной организации и экономических условий. Этнические стереотипы поведения (стереотипы первой группы) восходят к временам глубокой древности, когда географические и экономические условия породили стереотипы, характерные только для этой этнической группы (или в меньшей степени присущие другим этносам). Множе-

ство стереотипов второй группы являются негативными, что можно объяснить либо неблагоприятным исходом взаимодействия, либо влиянием информации, навязываемой в идеологических целях. Наличие негативных стереотипов имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Первая заключается в сохранении духовной культуры этносов, вторая – в том, что этнические стереотипы выступают в качестве барьера в ситуации межэтнического общения, значительно уменьшают вероятность успешного исхода коммуникации, способствуют возникновению конфликтов.

Таким образом, этнический стереотип поведения представляет собой набор типовых программ, направленный, прежде всего, на «нейтрализацию тенденции к индивидуализации поведения, сдерживанию роста его вариативности, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо привёл бы к распаду общества» [2, с. 63]. По словам С. Арутюняна, «этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения, хотя все люди на земле и одеваются, и едят, и сидят» [3, с. 126]. В разных этнических культурах одним и тем же действиям может придаваться различное содержание, или одно и то же содержание может находить различное выражение в поступках. Стереотипные представления как раз и формируются при попытке интерпретировать поведение представителя другого этноса, которое обычно осуществляется с точки зрения особенностей своей собственной культуры.

Одним из основных источников стереотипных представлений о национальном характере является анекдот, в котором представители разных национальностей попадают в одну и ту же ситуацию и реагируют на неё в соответствии с теми стереотипами, которые существуют на их счёт на родине анекдота.

Так, на примере приведённого ниже анекдота мы можем судить о том, что представители определённой нации, которые находятся в одинаковой ситуации (поведение британского, французского и немецкого пенсионера во время завтрака и после него), ведут себя совершенно по-разному: Британец – читает «Таймс» и идёт в гольфклуб, Француз – пьёт стакан вина и идёт играть в теннис, Немец – пьёт капли для сердца и идёт на работу.

Wie unterscheiden sich ein britischer, ein französischer und ein deutscher Rentner? Der Brite liest zum Frühstück seine Times, dann geht er in den Golfclub. Der Franzose trinkt zum Frühstück ein Glas Wein, dann geht er zum Tennis. Der Deutsche nimmt seine Herztropfen und geht zur Arbeit.

Когда мы произносим слова «немец», «англичанин», «американец», мы вкладываем в них намного больше, чем просто название представителя какого-либо народа. Мы подразумеваем какие-то специфические черты внешности, связанные с расовыми особенностями, черты характера, темперамента, принадлежность к определённой религиозной конфессии. В своём сознании мы обычно связываем все эти свойства с преобладающими ландшафтными характеристиками места жизнедеятельности этноса. Легко убедиться, что этнический образ представляет собой довольно сложный элемент этнического сознания, поскольку в том или ином физическом типе человека обобщаются территориальные, общественно-исторические и культурные особенности жизни целого этноса. Иными словами, в конкретном этническом образе происходит персонификация одновременно и народа, и страны его проживания. Меркантильность и жадность швейцарцев отражены в анекдоте религиозного характера. Диалог происходит между Богом и представителем указанного этноса по поводу желаний последнего. Смеховой эффект наступает из-за двойственного толкования вопросов «was kann ich noch für dich tun?» и «was willst du noch?», второй вариант вопроса воспринимается Швейцарцем с точки зрения комерсанта (что ты хочешь за товар или услугу?, что я тебе должен?), ибо Швейцария известна как «банковская Мекка»:

Als der liebe Gott den Schweizer erschaffen hatte, war ihm dieser sogleich ans Herz gewachsen. Also fragte ihn der liebe Gott: "Mein lieber Schweizer, was kann ich noch für dich tun?" Der Schweizer wünschte sich schöne Berge mit saftigen grünen Wiesen und kristallklaren Gebirgsbächen. Gott erfüllte ihm diesen Wunsch und fragte wiederum: "Was willst du noch?". Darauf der Schweizer: "Jetzt wünsche ich mir auf den Weiden gesunde, glückliche Kühe, die die beste Milch auf der ganzen Welt geben." Gott erfüllte ihm auch diesen Wunsch, und der Schweizer molk eine der Kühe und ließ Gott ein Glas von der wunder-

baren guten Milch kosten. Und wieder fragte Gott: "Was willst du noch?" "Zwei Franken fünfzig für die Milch!"

Современное коммуникативное пространство представляет собой довольно сложную систему, в которой одно из основных мест принадлежит различным видам коммуникации. Дело в том, что в тех или иных ситуациях и обстоятельствах человек ведёт себя по-разному и тем самым в каждом отдельном случае общается с другими людьми особым образом. Важным видом коммуникации, способствующей укреплению межэтнических отношений, является рекреативная коммуникация, которая включает в себя различные формы развлекательного общения, позволяющие собеседникам расслабиться и отдохнуть. В этом виде коммуникации люди создают воображаемые ситуации и передают друг другу информацию о них: рассказывают истории, анекдоты и т. п. Именно в этническом юморе проявляется вербализованное стереотипное представление одного этноса по отношению к другому.

Так, в следующем анекдоте называются 8 самых тонких книг Европы, их названия высмеивают различные стороны жизни народов континента, приписывая им определённые стереотипы.

Die acht dünnsten Bücher Europas: Das englische Kochbuch, das französische Filmlexikon, das polnische Arbeitsgesetzbuch, das italienische Strafgesetzbuch, der griechische Umweltschutzbericht, der deutsche Kulturführer, der belgische Reisekatalog und der österreichische Sexualratgeber.

Этнические анекдоты отображают особенности национального характера, базирующиеся на стереотипных представлениях, и используют богатый арсенал средств создания комического для дискредитации образа чужой и поддержания авторитета своей группы (ирония, пародия, каламбур и т. д.). Стереотипизация этнических групп в анекдотах происходит путём оценочного противопоставления национальных характеристик разных этнических групп в разных моделях поведения.

Весьма рельефно характер проявляется в так называемых «международных» анекдотах, где представители разных наций, поставленные в одинаковые стандартные ситуации, ведут себя в соответствии с существующими представлениями об основных чертах их национального характера. Характерным является следующий анекдот:

Der Himmel ist dort, wo die Briten die Polizisten sind, die Franzosen die Köche, die Deutschen die Mechaniker, die Italiener die Liebhaber und organisiert wird alles von den Schweizern. Die Hölle ist dort, wo die Briten die Köche sind, die Franzosen die Mechaniker, die Schweizer die Liebhaber, die Deutschen die Polizisten und organisiert wird alles von den Italienern.

Наиболее известными национальными качествами немцев являются аккуратность, практичность, добросовестность, пунктуальность, точность, обязательность, трудолюбие. Их мышление отличается способностью к отвлечённым построениям, глубокой абстрагированием, философской широтой. Как считают исследователи этнической психологии, с одной стороны, гибкость, сметливость, рациональность мышления в известной мере чужды немцам, а с другой стороны, по умению планировать свои будущие действия немцы превосходят представителей многих других этнических общностей. Вместе с тем немцы наделены хорошим здравым смыслом, который не мешает им в то же время быть впечатлительными и сравнительно легко подвергаться внушению. Но если на французов особое воздействие оказывают идеи, эмоции и громкие фразы, то на немцев – факты, цифровые расчёты и другие конкретные аргументы. Централизация страны, жёсткий режим правления и строгая регламентация всех сторон жизни в государстве на протяжении длительного исторического периода породили в немецком национальном характере педантизм и приверженность системе, и это как нельзя ярче продемонстрировано в анекдоте.

Ein Ami, ein Franzose und ein Deutscher sitzen in einer Kneipe. Plötzlich kommt Jesus zur Tür rein. Der Ami sagt zu Ihm, dass er doch Wunder machen und heilen kann. Jesus antwortet mit Ja. Dann könntest Du doch mein Knie heilen, was seit 5 Jahren ständig schmerzt. Er legt die Hand drauf und die Schmerzen waren weg. Darauf der Franzose: 'Ich habe seit langen ein schlimmes Rückenleiden, bitte heil mich auch' Nachdem Jesus auch bei Ihm die Hand aufgelegt hat, waren die Schmerzen weg. Dann schaut der Deutsche Jesus an und sagt: 'Bleib bloß weg von mir, ich bin 6 Wochen krankgeschrieben!'

В этом состоит большой недостаток немецкой этнической психологии, так как приверженность к строгому порядку и системе порождает любовь к шаблону, глушит инициативу. Немцы дисциплинированы, пунктуальны. Эти качества одновременно и положительны, и отрицательны, поскольку малейшее нарушение в какой-либо части плана деятельности, как правило, ведёт к нарушению всей системы, порождает смятение и дезорганизацию их жизни. В данном анекдоте комический эффект происходит именно за счёт высмеивания немецкого бюрократизма, когда англичанин собирается через 14 дней закончить строительство дома, в то время как немец – только начать этот процесс после оформления 14 формуляров.

Ein Deutscher und ein Amerikaner wetten, wer schneller ein Haus bauen kann. Nach 4 Wochen telegraphiert der Ammi: 'Noch 14 Tage und ich bin fertig!' Antwortet der Deutsche: 'Noch 14 Formulare und dann fang ich an!'

Вербальная репрезентация стереотипа поведения представителя немецкого этноса основана преимущественно на негативных или нейтральных характеристиках немецкой нации, что привело к актуализации стереотипов: немцы – некрасивы и глупы, их местность ничем не примечательна, они живут не в гармонии с окружающим миром, у них нет чувства юмора и они совсем не симпатичны. Данное стереотипное представление нашло своё отражение в следующем анекдоте:

Gott erschuf die Welt in 7 Tagen. Am 8. Tag war Gott nicht mehr aufzufinden. Petrus suchte ihn überall und fand ihn auf einen Berg sitzen und sich ausruhen.

Petrus: Gott, wo warst du, ich suche dich schon überall?

Gott: Ich habe etwas erschaffen und ruhe mich jetzt aus. Komm ich zeig es dir! Gott schiebt ein paar Wolken zur Seite und die Welt kam zum vorschein.

Petrus: Meine Güte! Was ist das denn?!

Gott: Das lieber Petrus ist die Welt, die habe ich erschaffen. Überall herrscht absolutes Gleichgewicht.

Petrus: Was ist Gleichgewicht?

Gott erklärte es ihm und nannte ihm sogleich ein Beispiel.

Gott: sieh her, hier haben wir Amerika. Dieses Land ist sehr reich und hat viele Bodenschätze im Gegensatz haben wir Afrika es ist ein sehr armes Land. Dann hier: Indien dort ist es sehr warm und im Gegensatz dazu haben wir Grönland, dort herrscht eisige Kälte.

Und zu guter Letzt haben wir Österreich, darauf bin ich besonders Stolz: hier leben die schönsten und klügsten Menschen, die Landschaft ist wunderschön und alle leben im Einklang, die Österreicher haben Humor und sind einfach liebenswert!

Petrus: Aber Gott, ich dachte es muss alles im Gleichgewicht sein!

Gott: Keine Angst daneben liegt gleich Deutschland.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование этнических стереотипов – сложный процесс. Рождаясь свободным от стереотипов, уже в раннем детстве ребёнок начинает неосознанно формировать представления о других этносах, взаимоотношения с которыми являются неотъемлемой частью истории его народа. Формирование этнических стереотипов может происходить на психологическом уровне, однако важнейшую роль в этом процессе играют непосредственные контакты с представителями другого этноса, история взаимоотношений между двумя этносами, а также массовое сознание, которое воздействует на нас посредством литературы, искусства, средств массовой информации и т. п. В системе социализации в каждой этнической культуре приобщающемуся к ценностям, представлениям о взаимоотношениях и нормах поведения прежде всего внушается уважение к собственной этнической группе и только после этого – к иным этносам. В ситуации контакта культур привычные стереотипы поведения оказываются неприемлемыми и потому при низком уровне межкультурной компетенции негативные стереотипы могут не только не исчезнуть, но и перерасти в агрессию.

В настоящее время, в период экономической и политической нестабильности, на фоне утверждения этническими группами своей идентичности межкультурное общение порождает немало проблем. Восприятие другого этноса обычно происходит через призму автостереотипов мышления и поведения, определяемых этнической принадлежностью. Культура межэтнического общения представляет собой не только систему стереотипов поведения в ситуации межэтнического контакта, но и культуру эт-

носа в целом. Этнические стереотипы общения представляют собой один из способов существования и выражения своеобразной и уникальной этнической культуры этноса. Богатейшим источником изучения механизмов формирования этнических стереотипов является как язык народа в целом, так и отдельные литературные и исторические памятники.

Библиографический список

1. Арутюнян С. М. Нация и её психический склад. – Краснодар : Куб-ГУ, 1966. – 271 с.
2. Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического поведения // Этнические стереотипы поведения. – Ленинград : Пресса, 1985. – 218 с.
3. Гладких С. В. Этнические стереотипы и проблемы межкультурного общения // Этнические проблемы современности : сб. ст. Вып. 5. – Ставрополь, 1999. – С. 57–65.
4. Grocceni's Witzewelt. URL: <http://grocceni.com/w/schweizer.html>
5. Spitzenwitze. URL: <http://www.spitzenwitze.de/witze/oesterreicher/>
6. Witze-Archiv. URL: <http://www.witze-archiv.de>
7. Witze-blogger. URL: <http://www.witze-blogger.de/witzecategory/nationen-witze/witze-ueber-deutsche/>

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РИТОРИКИ, КУЛЬТУРЫ РЕЧИ, ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

АНАЛИЗ ПРИЧИННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПОЗИЦИИ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА

Н. В. Христианова, И. М. Кацитадзе
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. This article is devoted to research of causal statements within cognitive linguistics from a position of frame approach. The frame of the concept "reason" represents the structure of knowledge of the linguistic and extralinguistic character, that is organized round the concept "reason" for the best understanding of a speaker and a listener of statements with causal semantics.

Key words: frame, concept "reason", frame levels, frame terminals, agents of values, syntactic model.

Целью данной статьи является анализ высказываний с причинной семантикой с позиции фреймового подхода. Говорящий, произнося высказывание с причинной семантикой, и слушающий, воспринимая его, сталкиваются с проблемой понимания данного высказывания и самого понятия «причина». Понимание высказывания с причинной семантикой выражается в том, что говорящий и слушающий конструируют определённое представление о данном высказывании и в частности о понятии «причина».

Данные представления создаются у говорящего и слушающего на основе определённых знаний лингвистического и экстралингвистического характера. Слушающий и говорящий, понимающие реальные или речевые события, создают представление об этих событиях при условии, что они располагают общими знаниями о таких событиях, они понимают их, исходя из прошлого опыта, для которого были характерны аналогичные события [3, с. 4].

Слушающий и говорящий, воспринимая понятие «причина», исходят из определённых знаний о нём, то есть из предыдущего опыта, из воспоминаний о предыдущих подобных ситуациях, связанных с понятием «причина». Поэтому, воспринимая высказывание с причинной семантикой, говорящий и слушающий имеют представление о том, что причина – это определённое событие или явление, которое порождает другое событие, называемое следствием. То есть говорящий и слушающий неосознанно извлекают данную информацию из своей памяти и тем самым воспринимают высказывание с причинной семантикой в соответствии со своими знаниями об этом понятии.

Соотнося определённое речевое высказывание, а в данном случае высказывание с причинной семантикой, с некоторой уже имеющейся структурой знания о понятии причина, говорящий и слушающий конструируют определённую модель (или фрейм) данного речевого высказывания для использования её в понимании высказывания [3, с. 17]. Так, одним из способов понимания высказываний с причинной семантикой является фреймовый подход. Само понятие «фрейм» используется главным образом в работах по искусственному интеллекту (Т. Виноград, М. Минский) и в когнитивной психологии (Барлетт, Майер, Пауль). В лингвистике данное понятие используется для понимания и интерпретации речевых высказываний или целого текста (Е. Масленникова, Ч. Филлмор, У. Чейф, Ю. Черняк, Е. В. Шингарева и другие).

Под фреймом понимается определённая модель стереотипных, часто повторяющихся ситуаций, таких как действие, рассуждение, зрительные образы. Фрейм – это определённая структура данных, которую человек выбирает из памяти, пытаясь понять новую для себя ситуацию. С помощью фреймов человек может осознавать зрительные образы (фреймы визуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения, действия (фреймы-сценарии) и так далее [4, с. 8]. В виде когнитивных моделей (фреймов) в сознании говорящего отражаются отношения различных предметов и явлений окружающей действительности. Фреймы являются результатом опыта говорящего и его знаний об окружающем мире [2, с. 74]. Фрейм представляет собой определённую совокупность знаний, которая извлекается из нашей памяти. Эти знания организованы вокруг некоторого понятия и содержат данные о существенном для данного понятия.

Фрейм, например, может извлекаться говорящим или слушающим из памяти для понимания слов, высказываний и целого текста. Так, например, при изучении значений слов, относящихся к группе «дни недели», для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо понять, что они все означают. Такие группы слов определяются особыми конструкциями знания, то есть фреймами.

Для того чтобы выразить понимание названий дней недели, можно обратиться к единому фрейму интерпретации, который предполагает Ч. Филлмор [6, с. 54]: 1) понимание естественного цикла движения солнца; 2) знание стандартных способов вычисления того, когда один цикл начинается, а другой заканчивается; 3) знакомство с большим календарным циклом из семи дней; 4) принятая в нашей культуре практика связывать различные часы отдельного цикла с работой и досугом. Этот фрейм образует особую организацию знания о значении слов, относящихся к группе «дни недели», которая делает возможным наше понимание тесно связанных между собой слов.

Фрейм активизируется в определённой ситуации и служит для её объяснения. Фрейм активизируется в том случае, когда человек, пытаясь выявить смысл высказывания или текста, помещает содержание данного высказывания в определённую модель, которая известна ему независимо от высказывания или текста [6, с. 65]. Процесс активизации фрейма причины можно представить следующим образом: слушающий или говорящий, пытаясь выявить смысл высказывания с причинной семантикой, помещает содержание данного высказывания во фрейм причины. Фрейм причины известен нам независимо от высказывания с причинной семантикой и извлекается нами из памяти для его понимания.

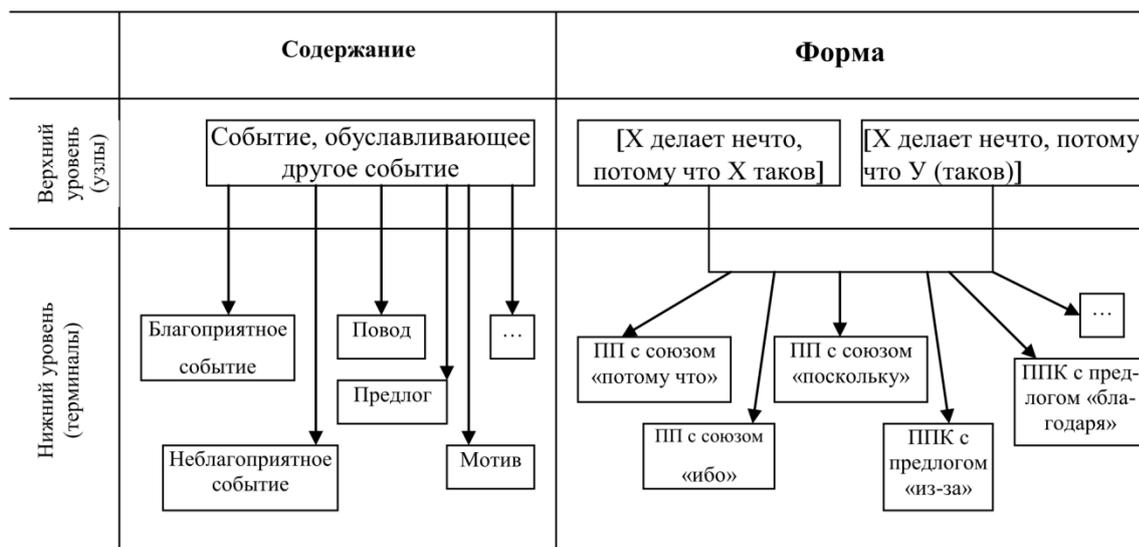
Итак, под фреймом понимаем структуру знаний лингвистического и экстралингвистического характера, которая организована вокруг понятия «причина» для наилучшего понимания говорящим и слушающим высказываний с причинной семантикой. Данная структура знаний автоматически извлекается нами из нашего опыта в ситуациях, когда мы воспринимаем и интерпретируем высказывания с причинной семантикой.

Графически фрейм можно представить в виде сети, которая состоит из узлов и связей между ними. Каждый узел содержит характерные для данного понятия черты. Во фрейме можно выделить несколько уровней, которые иерархически связаны друг с другом, а именно верхние и нижние уровни. К верхним уровням относятся те узлы фрейма, которые содержат наиболее общие знания, характерные для данного понятия, и которые всегда справедливы в отношении данного понятия. Так, например, узел самого верхнего уровня может содержать в себе название ситуации (уборка комнаты, поход в ресторан и так далее). Узлы нижних уровней называются терминалами.

Терминалы заполняются определённой информацией уже в процессе приспособления данного фрейма к конкретной ситуации [4, с. 9]. Терминалы указывают на информацию, являющуюся недостающей, которая должна быть введена на основе совокупности знаний отправителя и получателя [5, с. 22].

Мы считаем, что графически фрейм понятия «причина» может быть представлен следующим образом (см. схему).

Фрейм «причина»

ПП – придаточное предложение причины

ППК – предложно-падежная конструкция с причинным предлогом

Фрейм причины состоит из верхнего и нижнего уровней. Верхний уровень включает в себя семантическую информацию о понятии «причина» и синтаксические модели высказываний с причинной семантикой. Узел верхнего уровня, связанный с семантической стороной понятия «причина», содержит определение данного понятия, а именно причина – это событие, которое обуславливает другое событие (следствие). Причина может быть субъективной или объективной. Если причина характеризует субъекта действия, она является субъективной. Если причина выражает внешний фактор по отношению к субъекту действия, она является объективной [1, с. 8].

Другие узлы верхнего уровня связаны с формальной стороной понятия «причина». Они включают в себя две синтаксические модели. Каждая из данных моделей справедлива по отношению к одному из высказываний с причинной семантикой.

На нижнем уровне находятся терминалы, которые характеризуют понятие «причина» в конкретном высказывании и заполняются только в процессе приспособления данного фрейма к конкретному причинному высказыванию. На нижнем уровне можно выделить терминалы, которые связаны с содержательной стороной понятия «причина», и терминалы, связанные с формальной стороной, то есть с различными речевыми способами выражения понятия «причина».

Терминалы, связанные с содержательной стороной понятия «причина», заполняются определённой информацией в зависимости от лексического наполнения каждого конкретного высказывания. А именно, причина может конкретизироваться как благоприятная либо неблагоприятная причина, повод, предлог и так далее. Терминалы, связанные с формальной стороной понятия «причина», содержат в каждом конкретном высказывании актуализаторы синтаксических моделей высказываний с причинной семантикой. Актуализаторами являются союзы, союзные слова и частицы в придаточном предложении, а также предлоги в предложно-падежных конструкциях.

Приведём некоторые примеры высказываний с причинной семантикой:

Пр. 1. Макс Вебер часто испытывал в жизни разочарования, потому что слишком часто разочаровывался в себе [8, с. 14].

Воспринимая данное высказывание, слушающий и говорящий помещают его во фрейм «причина», который известен независимо от текста. Узлы верхнего уровня фрейма «причина» содержат следующую информацию. Оно относится к причинным высказываниям, так как придаточное предложение «потому что слишком часто разочаровывался в себе» обуславливает главное предложение, которое содержит следствие «Макс Вебер часто испытывал в жизни разочарования». Данное высказывание соот-

ветствует первой синтаксической модели {X делает нечто, потому что X таков}, где X – это Макс Вебер. Оно представляет собой внутреннюю (субъективную причину), так как придаточное предложение «потому что слишком часто разочаровывался в себе» характеризует субъекта действия, то есть Макса Вебера.

Терминалы нижнего уровня характеризуют причину в конкретном высказывании. Так, лексическое наполнение приведённого высказывания характеризует его как неблагоприятную причину (Макс Вебер разочаровался в себе). Причина актуализируется в придаточном предложении с помощью союза «потому что».

Пр. 2. Много времени женщины тратили на домашний труд, поскольку служба быта никак не облегчала их труд [7, с. 24].

Фрейм «причина» во втором примере также представлен двумя уровнями. Узлы верхнего уровня фрейма характеризуют высказывание как причинное, где придаточное предложение «поскольку служба быта никак не облегчала их труд» является причиной, вызывающей следствие, заключённое в главном предложении «много времени женщины тратили на домашний труд». Данное высказывание соответствует второй синтаксической модели {X делает нечто, потому что Y таков}, где X – это женщины, а Y – это служба быта. В нём выражена объективная причина, так как в придаточном предложении причина представляет собой внешнее событие по отношению к субъекту действия.

Терминалы нижнего уровня характеризуют данное высказывание с причинной семантикой как неблагоприятную причину. Причина выражена придаточным предложением в составе сложноподчинённого предложения при помощи союза «поскольку».

Пр. 3. Человеческое «Я» у Гофмана возникло исключительно благодаря обычной существующей дистанции между актёром и ролью [8, с. 169].

Узлы верхнего уровня фрейма причины характеризуют данное высказывание как причинное, так как предложно-падежная конструкция «благодаря обычной существующей дистанции между актёром и ролью» является причиной, порождающей следствие «Человеческое «Я» у Гофмана возникло». Оно соответствует второй модели {X делает нечто, потому что Y}, где X – это человеческое «Я», а Y – это дистанция. Данное высказывание выражает внешнюю (объективную причину), так как предложно-падежная конструкция «благодаря обычной существующей дистанции между актёром и ролью» выражает внешний фактор по отношению к субъекту действия.

Терминалы нижнего уровня фрейма содержат следующую информацию. Данное высказывание с причинной семантикой представляет собой благоприятную причину, выраженную предложно-падежной конструкцией в составе простого предложения при помощи предлога «благодаря».

Приведём несколько примеров высказываний с причинной семантикой на немецком языке.

Пр. 4. Mancher Unternehmerleiter mag sich noch in Sicherheit wiegen, weil die Eigenkapitalausstattung nach wie vor befriedigend ist [9, с. 22].

В данном высказывании речь идёт о том, что некоторые руководители предприятий (предприниматели), возможно, чувствуют себя в полной безопасности, поскольку снабжение (рост) их личного капитала остаётся, как и прежде, удовлетворительным.

Фрейм «причина» в примере 4 также представлен двумя уровнями. Узлы верхнего уровня характеризуют данное высказывание как причинное, где придаточное предложение «weil die Eigenkapitalausstattung nach wie vor befriedigend ist» является причиной, вызывающей следствие, заключённое в главном предложении «Mancher Unternehmerleiter mag sich noch in Sicherheit wiegen». Оно соответствует второй синтаксической модели {X делает нечто, потому что Y таков}, где X – это руководители предприятий, а Y – это рост их личного капитала. Данное высказывание представляет собой внутреннюю причину, так как высказывание с причинной семантикой «weil die Eigenkapitalausstattung nach wie vor befriedigend ist» характеризует состояние субъекта действия, а именно предпринимателя.

Терминалы нижнего уровня характеризуют данное высказывание как благоприятную причину. Актуализатором причины в придаточном предложении является союз «weil».

Пр. 5. Viele Erneuerungsideen werden aufgerieben durch zu viele gleichzeitig gestartete und sich gegenseitig behinderte Projekte und Programme [9, s. 11].

В данном примере речь идёт о том, что многие идеи обновления уничтожаются из-за одновременно стартовых и препятствующих друг другу проектов и программ.

Узлы верхнего уровня фрейма «причина» в примере 5 содержат следующую информацию. Предложно-падежная конструкция с распространённой причастной группой «durch zu viele gleichzeitig gestartete und sich gegenseitig behinderte Projekte und Programme» является причиной, вызвавшей следствие «viele Erneuerungsideen werden aufgerieben». Данное высказывание соответствует второй синтаксической модели {X делает нечто, потому что Y таков}, где X – это идеи обновления, а Y – это проекты и программы, и представляет собой внешнюю причину.

Терминалы нижнего уровня характеризуют данное высказывание как неблагоприятную причину. Причина выражена предложно-падежной конструкцией с распространённой причастной группой в составе простого предложения при помощи предлога «durch».

Таким образом, говорящий и слушающий, воспринимая данные высказывания с причинной семантикой, помещают их содержание во фрейм «причина», который известен им независимо от текста. Узел верхнего уровня фрейма, связанный с семантикой понятия «причина», содержит типичные черты понятия «причина», определяет его сущность (причина – событие, порождающее другое событие) и всегда справедлив в отношении любого высказывания с причинной семантикой. В данном случае узел верхнего уровня фрейма «причина» справедлив для всех высказываний с причинной семантикой. Узлы верхнего уровня, связанные с формальной стороной понятия «причина», включают в себя две синтаксические модели. Одна из них, как мы видим из примеров, справедлива по отношению к одному из высказываний с причинной семантикой.

Что касается нижних уровней фрейма, то они содержат терминалы, характеризующие понятие «причина» в конкретном высказывании. Так, первое, второе и пятое высказывания представляют собой неблагоприятную причину. Третье и четвёртое высказывания выражают благоприятную причину. Терминалы, связанные с формальной стороной понятия «причина», содержат актуализаторы синтаксических моделей высказываний с причинной семантикой в каждом конкретном высказывании. Актуализаторами являются в первом, втором и четвёртом высказываниях союзы в придаточных предложениях: в 1-м примере – «потому что», во 2-м примере – «поскольку», в 4-м примере – союз «weil». В третьем и пятом высказываниях причина выражена предложно-падежными конструкциями с предлогами «благодаря» и «durch».

Отметим, что фрейм понятия «причина», представленный в нашем исследовании, не является полным, отображающим все возможные варианты высказываний с причинной семантикой, поскольку нижний уровень фрейма содержит терминалы, которые характеризуют данное понятие в каждой конкретной ситуации.

Библиографический список

1. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – М. : Рус. яз., 1988. – 207 с.
2. Гаврилова Г. Ф. Предложение-высказывание в когнитивном аспекте // Филологические науки. – 2001. – № 6. – С. 72–78.
3. Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 4–39.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
5. Реунова О. И. Эллиптизация как свойства художественного текста. Очерки по лингвистике текста. – Пятигорск : Изд-во ПГПУ, 2001. – С. 4–123.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52–93.
7. Аверьянов Л. Я. Социология: что она знает и может. – М. : Наука, 1993. – 105 с.
8. Кравченко Е. Макс Вебер. – М. : Весь мир, 2002. – 221 с.
9. Mutius Bernhard Die Kunst der Erneuerung: Was die Erfolgreichen anders machen: 12 Gebote des Gelingens. – Frankfurt/M : Gampus Verlag, 1995. – 230 s.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ УЧАЩИХСЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

И. Н. Тутатчикова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан, Красноярский край, Россия

Summary. This article observes the main principles of the competent approach in teaching the written speech to students of philology. The principles define real-life writing tasks that the students may face developing written speech habits with the important element of critical thinking.

Key words: competent approach; principles; written speech; debating and argument essays.

В процессе овладения иноязычной письменной речью студенты сталкиваются со многими трудностями. В ряде исследований [1] проанализированы основные трудности в продуцировании письменной речи и указывается методика обучения этому сложному виду речевой деятельности. По мнению авторов, использование эффективного подхода к обучению письменной речи (ПР) является главным критерием в продуцировании письменного текста.

Авторы различных подходов в основном апеллируют к форме письменного произведения [1]. Сначала изучаются модельные образцы типа текста, а затем учащиеся пишут свои собственные тексты по этой модели. Часто письмо представляется как процесс организации, «подстановки» готовых предложений, абзацев в предписанные формы (модели), а обучение письму, следовательно, заключается в освоении навыков оперирования данными моделями [2].

Процессуальный подход, более характерный для зарубежной методики преподавания английского языка, центральное место отводит самому пишущему, тому, кто, являясь ключевой фигурой в производстве мысли, проходит через этапы планирования, организации своей деятельности, этапы непосредственно сочинения и его переработки, редактирования. При этом главное внимание уделяется передаче содержания письменного текста. В ходе письменного процесса роль учителя сводится к помощи обучаемым выработать различные стратегии для начала письма (подбор темы и сбор необходимой информации, планирование и т. д.), его переработки (создание нескольких черновых вариантов), редактирования (уменьшить, расширить, переставить местами и т. д.) и корректирования (лексики, грамматики и т. д.).

В настоящее время современная парадигма образования, в частности ФГОС ВПО, введенные в 2011 году, находят выражение в компетентном подходе, который, по сути, следует рассматривать как новое воплощение идеи о триединстве образования, воспитания, развития. Следует отметить, что, говоря о компетентном подходе, мы вслед за И. А. Зимней и другими исследователями разводим понятия «компетенция» и «компетентность». Компетенция представляет собой сплав знаний, навыков и умений, способности и готовности их использовать в познавательной и профессиональной деятельности, а компетентность является социально-профессиональным качеством личности, которое включает в себя мотивационный, когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой и эмоционально-волевой компоненты [3]. Определяя цель иноязычного образования в вузе как формирование личности, обладающей коммуникативной компетентностью в сфере профессионально ориентированного иноязычного общения, следует стремиться к достижению вышеупомянутой триединой дидактической цели.

Итак, компетентный подход в вузе не просто отвечает требованиям нового ФГОС ВПО, но и интегрирует то лучшее, что создала отечественная дидактика и методика иностранного языка (ИЯ) в предыдущие годы [4].

В современном иноязычном образовании, которое выражается в лингводидактических принципах, определяющих профессионально ориентированный отбор содержания, выбор методов обучения и способов организации учебно-познавательной деятельности студентов при обучении ПР позволяет выделить следующие принципы: принципы аутентичности, современности, информативности и функциональности.

Принципы аутентичности, современности, информативности диктуются обще-дидактическим принципом опережения и перекликаются с принципом новизны

Е. И. Пассова [5]. Эти принципы, проявляющиеся в отборе актуального языкового и тематического материала из современных источников, включая художественную литературу, периодические издания и электронные ресурсы, обеспечивают не только интерес к предмету, но и развитие общей культуры и эрудиции студентов, т. е. их социокультурной компетенции. Аутентичность и современность текстового материала дают студентам возможность составить представление о реальном функционировании единиц языка в речи. Очевидно, что реализация принципа аутентичности и современности невозможна без использования текстового материала, порождённого современными носителями ИЯ.

Анализ зарубежной литературы по обучению письму и развитию ПР позволяет выделить многочисленные типы аутентичных письменных текстов. Приведём примеры основных типов письменного текста, которым необходимо обучать в вузе: личные письма, официальные письма, деловые письма, повествовательное сочинение, описательное сочинение, аргументативное эссе, эссе – выражение собственного мнения, эссе с аргументацией «за» и «против» [6].

Данная функциональная типология письменных текстов позволит обучить студентов культуре иноязычной письменной речи в процессе её взаимодействия с устной речью уже начиная с первого курса языкового вуза. Преподавателю необходимо при формировании речевых умений поставить акцент на развитии умений студентов мыслить критически. Речь идёт, прежде всего, об умении высказывать свою точку зрения и аргументировать свою позицию как в устной форме в небольших группах, так и в письменной.

При выполнении творческих письменных заданий принципы аутентичности, современности и информативности позволяют организовывать учебный процесс так, чтобы тематика текстов «обновлялась», используя все доступные источники информации. Такая возможность обусловлена актуальной тематикой письменных произведений.

Принцип функциональности в широком смысле в рамках компетентностного подхода предполагает гармоничное сочетание учебного, познавательного, воспитательного и развивающего аспектов иноязычного обучения в целях удовлетворения студентами осознаваемой ими потребности – развития профессионально значимых компетенций в письменной речи.

Таким образом, с нашей точки зрения, обучение иноязычной письменной речи будет наиболее эффективным на основе компетентностного подхода, реализуемого в принципах аутентичности, современности, информативности и функциональности. Перечисленные принципы являются существенными стратегиями при обучении аутентичной письменной коммуникации с интеграцией элементов критического мышления. Они позволяют повысить мотивацию и интерес обучающихся к предмету, активизировать их познавательную и речевую деятельность, развить умение самостоятельно управлять своей учебной деятельностью.

Библиографический список

1. Каплич Л. В. Начало обучения продуктивной письменной речи в лингвистическом вузе : дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 235 с.
2. Лагвешкина Г. В. Профессиональная подготовка преподавателя иностранного языка в области письменной речи : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1989. – 22 с.
3. Зимняя И. А. Учебное пособие по курсу психологии в программе педагогической практики «Психология обучения видам речевой деятельности и аспектам иностранного языка». – М., 1987. – 128 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая от 18 дек. 2006 г. // Российская газета. – 2006. – 22 дек.
5. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иностранному общению. – М. : Русск. яз., 1989. – 276 с.
6. Silva T. Second Language Composition Instruction: Development issues and directions in ESL // Second Language Writing Research insights for the classroom /Ed. by Barbare Kroll. – Cambridge : CUP, 1993. – P. 11–23.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

И. Н. Кайгородова, Л. М. Лазарева
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. The article on the material of individual copyright usage of usual names in the literary text, a model a metonymical nominations realizing communicative function identification.

Key words: Indirect nomination; metonymy; text modality identification.

Художественный текст отражает процессы отбора, сочетания и употребления языковых средств, сложившихся в определённых исторических и общественных условиях. Анализ словесной канвы художественного произведения даёт возможность увидеть слово в динамике его развития и модификации значения и подтверждает мнение академика В. В. Виноградова о том, что «в индивидуальном стиле великого писателя... полнее, разнообразнее и ярче проявляется общий стиль и дух литературного языка» [2].

Мы различаем три основных функции номинативных средств, реализующихся в процессах литературной коммуникации: а) функцию тематической организации; б) функцию обеспечения связности речи; в) стилистическую функцию (способность употребляться в качестве стилистического приёма построения речевого высказывания).

В предложении наиболее прямое средство, реализующее модальность, – это эпитет. В тексте эпитет, многократно повторяясь, начинает вскрывать текстовую модальность. Это особенно заметно в литературных портретах. Текстовая модальность выявляется тогда, когда читатель в состоянии составить себе представление о каком-то тематическом поле, т. е. группе эпитетов, сравнений, описательных оборотов, косвенных характеристик, объединённых одной доминантой и разбросанных по всему тексту или по его законченной части. Например: *...на террасе сидят несколько разноцветных девиц... Я раскланиваюсь и хочу уходить, но разноцветные девицы с визгом хватают мою шляпу и требуют, чтобы я остался... разноцветные девицы говорят на тему о мужчинах... Теперь я могу оставить неприятное общество и идти продолжать свою диссертацию. Встаю и раскланиваюсь. Варенькина татап, сама Варенька и разноцветные девицы окружают меня и заявляют, что я не имею никакого права уходить* (Чехов. Из записок вспыльчивого человека).

Метонимические номинации являются проводниками экспрессивно-образного содержания. «Как нет только выхваченных из всеобщей связи единичных вещей или только всеобщего вне вещей, так и нет и не может быть чувственного познания вне опосредствованного познания, вне отражения общего в единичных вещах» [2, с. 16, 135].

Процессы переосмысления языковых форм закономерно связаны с приспособлением словесных знаков к выполнению того или иного коммуникативного задания, например, функции идентификации или предикации. Метонимия, по мысли Н. Д. Артюновой, выполняет идентифицирующую функцию [1, с. 348–349]. Косвенные наименования, переосмысляемые на основе метонимии, представляют собой приём производства образных единиц на основе переноса с целого на часть или с части на целое, при этом понятие «часть» необходимо понимать как составную часть либо неотторжимую часть объекта [4, с. 299].

Из системных свойств, присущих слову при индивидуально-авторском употреблении, прежде всего, модифицируются его семантические признаки. Например, знаменательные слова в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» реализуются и в прямых значениях (*сиреневый костюм, клетчатый пиджачок*), и в переносных (*сиреневый вскричал, длинный задрезжал, клетчатый отрекомендовался*), создавая образное представление о персонаже.

На основе анализа приведённых выше примеров можно сделать следующий вывод: окказиональные слова, потенциальные производные слова с отчётливо членимой внутренней формой образуются и функционируют в рамках связного целого, вытекают из него, обусловлены этим целым. Являясь неотъемлемой стилиевой чертой, стилистическим элементом текста, они несут на себе печать экспрессивности, необычности, приостанавливают автоматизм восприятия речи и нацелены на личностное выражение ав-

тора. Их употребление всегда имеет своей целью достижение частных коммуникативных задач автора высказывания по ходу развёртывания основного тезиса, темы текста.

При окказиональном употреблении слово модифицирует свои грамматические признаки и вполне закономерно приобретает иные системные признаки, а именно: категориальное значение предметности, групповое значение 'названия лица по особенностям его одежды'. Метонимические номинации сохраняют лишь самый общий признак, не представляющий ядра значения, а все другие семантические и грамматические признаки или утрачиваются, или модифицируются.

Приведённые выше примеры подтверждают факт индивидуально-авторского словоупотребления в художественном тексте.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 304–355.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. : Высшая школа, 1972.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М. : КомКнига, 2006.
4. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – С. 299.

КОММУНИКАЦИЯ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ГОВОРЯЩИХ СОЗНАНИЙ»

Е. А. Шимко

Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Тамбовская область, Россия

Summary. An article is devoted to studying of a question of relationship of language, consciousness and thinking within cross-cultural communication from ethnolinguistics positions. This approach allows to find out the distinctions in perception, categorization and an assessment of the phenomena of reality from representatives of various communities.

Key words: cross-cultural communication, ethnolinguistics, language, consciousness, thinking.

Исследования в сфере межкультурной коммуникации ставят на повестку дня прежде всего вопрос об изучении национальной специфики сознания той или иной лингвокультурной общности.

Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о взаимоотношении языка, сознания и мышления.

Сознание, осуществляющее интериоризацию индивидом окружающей действительности в форме определённым образом структурированных и систематизированных знаний и представлений и отвечающее за фиксацию, хранение и оценку результатов деятельности человека, вступает в сложные взаимоотношения с мышлением и языком. При этом сознание в различных работах практически отождествляется с мышлением, «в современной философской и когнитивной литературе <...> неразличение этих понятий и даже их прямое отождествление носит постоянный характер» [6, с. 175–176].

Некоторым исследователям это позволяет настаивать на том, что язык, сознание и мышление выступают как разные ипостаси некоей единой сущности, образуют единый ментально-лингвальный комплекс, под которым понимается «функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации» [7, с. 65].

Таким образом, «мы не можем взять уже в исходном пункте язык и мышление отделёнными друг от друга, а должны взять единое, выступающее какой-то своей стороной на поверхность и внутренне ещё не расчленённое целое» [12, с. 449 – 450].

Вопрос об обусловленности сознания и мышления языком теснейшим образом оказывается связан с проблемой «языка мысли». Протекает ли мышление в вербальных формах или существует довербальный уровень мышления? В отечественной науке как «вербалисты», так и «антивербалисты» ссылаются на Л. С. Выготского: «Мысль не

выражается в слове, но совершается в слове» [2, с. 306]; «Единицы мысли и единицы речи не совпадают» [2, с. 354].

Проблема «вербальности» сознания и мышления, совпадения когнитивных единиц с языковыми значениями теснейшим образом связана с другими факторами: являются ли сознание и мышление детерминированными этническим языком (ведь слово не может быть словом конкретного этнического языка) или они независимы от него, можно ли говорить об особой языковой картине мира, особой «сетке», которую тот или иной язык накладывает на восприятие, членение и категоризацию действительности, или отражение человеческим сознанием мира не зависит от этнического языка, а когнитивные процессы являются универсальными.

Согласно вербальному подходу, «мышление <...> всегда протекает в вербальных формах, даже если оно достигает высокого уровня абстракции» [1, с. 16], «готовой мысли до её вербализации не существует» [6, с. 172–175]. Противники этого подхода утверждают, что «мысль присутствует в сознании говорящего человека до того, как начнётся процесс вербализации, и воплощается она в особом знаковом материале, отличном от словесного языка» [10, с. 8].

Высказываются положения, что существует особый универсальный язык мысли, имеющий невербальную природу и единый для всех людей, говорящих на разных этнических языках, что позволяет осуществлять перевод с одного языка на другой, носителю одного языка проникать в семантику другого. «Предметный код – это смысл речи и интеллекта. Здесь совершается перевод мысли на язык человека. Это значит, что национальные языки имеют общую генетическую структуру и различаются между собой только некоторыми способами интеграции того же предметного кода, который имеет общую структуру для обработки не только вербальной информации, но и информации о действительности, поступающей через органы чувств» [3, с. 55].

Дж. Фодор говорит о существовании универсального языка мысли, который представляет собой язык врождённых когнитивных примитивов, которые едины для всех языков, но по-разному кодируются в семантике естественных языков, что позволяет носителю одного языка проникнуть в семантику другого [13, с. 162]. Когнитивные примитивы представляют при этом собой своеобразные атомы доязыкового смысла.

Так, Г. В. Колшанский утверждает, что нет оснований ставить вопрос об особом «Языковом мире», об особом членении мира через язык; он полагает, что «языковые формы не образуют своего «особого царства», а всё содержание и богатство мышления воплощается в материи языка, и понятийным миром человека остаётся отражение единого объективного мира, укладываемого в единую познавательную систему, в целом адекватно передаваемую любым конкретным языком, являющимся по своим существенным характеристикам единым для всего человеческого рода» [4, с. 118]. Подобный подход представляет собой радикальное отрицание самого понятия «языковая картина мира».

Противники данной точки зрения ссылаются на гипотезу «культурных языков» Л. С. Выготского, согласно которой, человек и воспринимаемый им объект «связаны не только прямо», но одновременно и «непрямо» через посредника, состоящего из артефактов, – культуры [5, с. 142].

Артефактами М. Коул называет как различные символы, так и орудия, инструменты, которые часто относят к материальной культуре; автор настаивает на «единстве материального и символического в человеческом познании» [5, с. 141].

Основной единицей опосредования при этом является слово, но слово не может быть словом этнического языка, именно «язык является средством связи между двумя знаковыми системами» [9, с. 64], следовательно, сознание оказывается опосредовано языком и находится от него в прямой зависимости. Сказанное может привести к выводу, что язык выступает своеобразным демиургом культурной реальности. Именно это утверждает гипотеза лингвистической относительности Уорфа.

Однако гипотеза Сепира – Уорфа имеет ряд противников и среди лингвистов, и среди психологов. Так, П. Тульвисте на основании анализа экспериментальных данных делает вывод о том, что различия в мышлении обусловлены «различиями не между языками, а между распространёнными в той или иной культуре видами деятельности и способами подготовки детей к их выполнению, по его мнению, речь должна идти не о

лингвистической, а о «деятельностной относительности», так как не может быть и речи о том, будто разным языкам соответствуют разные типы познавательных процессов» [11, с. 299–300]. Цитируемый автор, таким образом, не отрицая различий в картине мира представителей разных культур, настаивает, что различия эти обусловлены отнюдь не языком. Соглашаясь с основными положениями, высказанными Г. Тульviste, изложим некоторые соображения в связи с рассматриваемыми проблемами.

Человек, вероятно, способен усвоить любой вид человеческой деятельности и способ её осуществления, любую естественно сложившуюся ценностную шкалу, пройти аккультурацию, однако при возможности «чистого» выбора, который, конечно, существует только гипотетически, он сознательно или бессознательно будет склоняться к тем видам, способам, ориентациям, которые выработала его культура.

Таким образом, этнические сознания серьёзно отличаются друг от друга, но различия эти могут детерминироваться не только языком, но и социокультурными условиями. Этнические особенности сознания могут сохраняться в тех нациях, в которых его носители говорят на разных языках и, наоборот, когда два различных этнокультурных сообщества являются носителями одного языка.

Из сказанного можно сделать вывод, что различия в восприятии, категоризации и оценке явлений действительности у представителей различных сообществ оказываются в неразрывной связи с различиями в языке и культуре этих сообществ. При этом в культуре «нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности» [8, с. 12]. Всё содержание этой ментальности обретает своё существование для «нас», опосредуясь в процессе семиозиса и подвергаясь кодировке в границах знаковых систем конкретной этнокультурной общности.

Библиографический список

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепты логоэпистем. – М. : Икар, 2001.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М. – Л., 1934.
3. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. – М. : Лабиринт, 1998.
4. Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации // Проблемы общего и германского языкознания. – М., 1978.
5. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М. : Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997.
6. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. – 1994. – № 4.
7. Морковин В. В., Морковина А. В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина. – М. : Рус. яз., 1977.
8. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М. : Языки русской культуры, 1998.
9. Рождественский Ю. В. Философия языка. Культуроведение и дидактика. Современные проблемы науки о языке. – М., 2003.
10. Седов В. В. Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
11. Тульviste П., Леви-Строс К. Проблема «первобытного мышления» // Мат-лы Всесоюзн. симпоз. «Мышление и общение». – Алма-Ата, 1973.
12. Щедровицкий Г. П. Языковое мышление и его анализ // Вопросы языкознания. – 1957. – № 1. – С. 440–453.
13. Fodor J. A., Bever Th. G., Garrett M. G. The psychology of language: An introduction to psycholinguistics and generative grammar. – New York etc. : McGraw- H: ll, 1974. – 180 p.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ УГРОЗЫ: К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ

А. И. Дзюбенко, А. В. Жирова
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article investigates the communicative strategy of threat realized in the modern English language through a number of tactics and also gives classification principles of the latter.

Key words: concept; speech act; intention; communicative strategy; destruction.

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес к исследованию языковых единиц в контексте тех задач, которые решаются коммуникантами по мере

осуществления ими речевых актов, разных по своим установкам и целям, по условиям их осуществления и т. п. [2, с. 519–520; 1, с. 684]. Любой речевой акт одновременно является действием дискурсивным (производство высказываний), когнитивным (обмен знаниями) и социальным (взаимодействие с другими людьми), в связи с этим при выборе стратегий и тактик для реализации интенций говорящие применяют разнообразные по структуре и содержанию языковые средства. Проведённое нами исследование (базой послужили произведения английских и американских авторов – J. Grisham, J. Archer, Ch. Rogan, E. Gilbert и др.) показало, что целью стратегии угрозы в современном английском языке является убеждение адресата в обязательной, неминуемой, не изменяемой никакими обстоятельствами реализации намерений, высказываемых адресантом. Как следствие, происходит «коммуникативное обезоруживание» собеседника-адресата, приводящее либо к его коммуникативному бездействию и нейтрализации, что помогает избежать нежелательных действий с его стороны, либо к смягчению последствий от его действий, которые он реализует, несмотря на высказанную в его адрес угрозу. Таким образом, можно говорить о таких тактиках коммуникативной стратегии угрозы, реализуемой в современной англо-американской прозе, как тактика угрозы-промиссива негативных последствий и тактика угрозы-промиссива виндиктивного типа. Тактика угрозы-промиссива негативных последствий заключается в том, чтобы заставить собеседника осуществить определённые действия или отказаться от выполнения каких-либо действий под угрозой отрицательных, тяжёлых для него последствий. При этом совершенно очевидны устойчивые прагматические установки говорящего осуществить обещанное в форме угрозы: “How many pages?” Avery asked when he hung up. - “Over two hundred.” - “This is quite impressive. How rough is it?” - “Not very. That's the fourth revision since yesterday morning. It's almost perfect.” - “We'll see. I'll read it on the plane, then Capps will read it with a magnifying glass. If he finds one mistake he'll raise hell for an hour and threaten not to pay. How many hours are in this?” - “Fifty-four and a half, since Wednesday.” - “I know I've pushed, and I apologize. You've had a tough first week. But our clients sometimes push hard, and this won't be the last time we break our necks for someone who pays us two hundred dollars an hour. It's part of the business” [5, p. 100].

Действуя в рамках тактики угрозы-промиссива виндиктивного типа, адресант реализует свою коммуникативную интенцию нанести вред адресату в том случае, если он совершит или не совершит определённое действие. При этом наносимая или обещанная деструкция воспринимается говорящим как месть, которую обязательно необходимо осуществить: “If you lay a finger on me, you little squirt, you'll crease it, and if you do I'll kill you” [8, p. 328]. Более того, реализуя данную тактику, собеседники в подавляющем большинстве текстовых реализаций используют форму будущего времени глагола, стремясь оказать воздействие на адресата не только во время непосредственного осуществления коммуникативных действий, но и с целью придания своей угрозе более пролонгированного характера: “It was at this point that Hannah began to make her way aft, crouching low and holding on to whatever presented itself in order to keep her balance. Mr. Hardie's attention lay elsewhere, and he appeared not to notice her until she had her hands on one of the two water barrels that remained to us now that we had lost one in the gale. - “Back to yer seat, damn ye!” cried Hardie, noticing her too late to stop her from ripping off the lid. He lunged in her direction, shouting, “Ye will imperil us all!” but Hannah's hand disappeared into the barrel and emerged with a wooden box, which was tied tightly around with a bit of rope. - “You who fear no one act as if you fear Blake,” she cried. “Is this the reason why?” She seemed to have known the box was there, so Mrs. Grant must have seen it when she had checked the barrels for water and passed the information on [7, p. 151].

В ходе анализа было также установлено, что тактики реализации коммуникативной стратегии угрозы можно классифицировать по следующим признакам:

1) по источнику угрозы:

– от человека: “We're sleeping in a car tonight because Marla came to the house and threatened to call the police and have me arrested for cooking her mother, and then Marla slammed around the house, screaming that I was a ghoull and a cannibal and she went kicking through the piles of Reader's Digest and National Geographic, and then I left her there. In a nutshell” [6, p. 62];

– от животного или насекомого: “The spiders saw the sword, though I don't suppose they knew what it was, and at once the whole lot of them came hurrying after the hobbit along the ground and the branches, hairy legs waving, nippers and spinners snapping, eyes popping, full of froth and rage. They followed him into the forest until Bilbo had gone as far as he dared” [9];

– от фантастического персонажа: “As Gandalf had hoped, the goblin army had gathered behind the resisted vanguard, and poured now in rage into the valley, driving wildly up between the arms of the Mountain, seeking for the foe. Their banners were countless, black and red, and they came on like a tide in fury and disorder” [9];

– от стихии: “I don't know how difficult it would have been to reach him. One minute I was convinced that a rescue might have been accomplished without too much trouble and the next I remembered an ocean full of dangerous obstacles between our boat and the boy. I still wonder if my imagination has magnified or reduced the dangers changing our course to save him would have entailed, but now I think that if I and the others in the lifeboat are to be tried for anything, it should be for that” [7, p. 133];

2) по времени реализации:

– моментальная: “She had agreed, had even reassured her sister-in-law that de Raimés was unlikely to kill her immediately” [4];

– пролонгированная: “Everyone's looking. I yell, you don't have cancer either! - “He's been coming here for two years,” Marla shouts, “and he doesn't have anything!” - I'm trying to save your life! - “What? Why does my life need saving?” - Because you've been following me. Because you followed me tonight, because you saw Tyler Durden kill someone, and Tyler will kill anybody who threatens Project Mayhem” [6];

3) по наличию у адресата возможности избежать последствий угрозы, высказываемой адресантом:

– безальтернативная тактика (у адресата нет шансов избежать наказания ввиду уже совершённого им определённого действия): “Now we were being asked to make a difficult choice about Hardie's culpability and about the resulting sentence, but I made it seem as if the problem were with Mary Ann's lack of staunchness. “Oh, come now,” I said. “You can't pretend we're playing in the bathtub, Mary Ann. I'm sorry if you don't like the choices, but the hard fact is that Mr. Hardie has become dangerous to the rest of us. He has lost his authority and his ability to make sound decisions. Either he goes overboard or we all drown, it's as simple as that” [7, p. 161–162];

– альтернативная тактика (тактика, при которой адресант предоставляет своему собеседнику выбор, от которого зависит дальнейшее развитие конфликтной ситуации): “An unhappy alternative is before you, Elizabeth. From this day you must be a stranger to one of your parents. Your mother will never see you again if you do NOT marry Mr. Collins, and I will never see you again if you DO” [3].

Итак, в результате исследования были выявлены наиболее распространённые в английском языке тактики коммуникативной стратегии угрозы, а также предложены классификационные признаки для описания тактик, реализующих данную стратегию в речи.

Библиографический список

1. Ирисханова О. К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 856 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Austen J. *Pride and Prejudice*. – Penguin Classics, 2003.
4. Вурне J. *My Enemy, My Love*. – Surrey : Mills & Boon, Richmond, 1993.
5. Grisham J. *The Firm*. – New York : A Dell Book, 1991. – 501 p.
6. Palahniuk. Ch. *Fight Club*. – Gardners Books, 2011.
7. Rogan Ch. *The Lifeboat*. – New York : Reagan Arthur Books / Little, Brown and Company, 2012. – 247 p.
8. Shah E. *The Lucy Ghosts*. – London : Corgi Books, 1997.
9. Tolkien J.R.R. *The Hobbit*. – London : Harper Collins UK, 2012.

ПРИЧИНЫ МАНИПУЛЯЦИИ ПРИ ОБВИНИТЕЛЬНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ В СУДЕ

И. А. Зюбина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The aim of this paper is to show some aspects facing the peculiarities of the term “manipulation”. We will try to analyse the reasons of this phenomenon in a speech of a modern public prosecutor in Russia.

Key words: manipulation; court speech; public prosecutor.

Сначала остановимся на самом понятии «манипуляция». Существует множество определений. Представим лишь некоторые:

– скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения [4, с. 26–49];

– вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуальными существующими желаниями [2, с. 59];

– ловкое скрытое управление для достижения власти и господства с отношением к людям как к объектам, вещам [3, с. 19–21];

– господство над духовным состоянием, управление изменением внутреннего мира [1, с. 120].

Отметим, что обвинительное выступление в суде доверено прокурору, выполняющему функцию государственного обвинителя. Несомненно, он должен быть глубоко убеждённым в своей правоте и лишённым предвзятости. Свои отношения с судом прокурор должен строить на основе строгого соблюдения принципов состязательности и равенства прав сторон, независимости судей и их подчинения только закону.

Как правило, государственный обвинитель участвует в рассмотрении наиболее общественно опасных противоправных деяний. Прокурор поддерживает государственное обвинение по всем делам, рассматриваемым судом присяжных, по делам об организованной преступности, бандитизме, умышленных убийствах, взяточничестве, контрабанде и других опасных преступлениях, по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также в тех случаях, когда в силу важности или сложности дела прокурор сам сочтёт необходимым поддержать обвинение, либо его участие признает обязательным суд.

Но всё это большей частью, к сожалению, только в теории. Изучение судебной практики показывает, что в деятельности прокуроров, поддерживающих государственное обвинение, всё ещё имеется немало случаев проявления обвинительного уклона. Объясняется это главным образом тем, что в основном в качестве государственных обвинителей выступают помощники прокурора, находящиеся в подчинении руководителя органа прокуратуры, которому принадлежат полномочия утверждать обвинительное заключение, направлять дело в суд и так далее. Следовательно, прокурор города или района несёт полную ответственность за качество предварительного следствия и законность решений, принятых по уголовному делу при производстве расследования. По этой причине часть руководителей городских и районных органов прокуратуры необоснованно ориентируют прокуроров, выступающих в качестве государственных обвинителей, на то, чтобы они сделали всё для предупреждения оправдательного приговора.

И на практике любой оправдательный приговор может послужить основанием для негласного выговора прокурору, поддерживающему государственное обвинение в суде. К сожалению, не все прокурорские работники оказываются достаточно стойкими в противостоянии обвинительному уклону современного суда, и потому далеко не все являются профессионально пригодными к выполнению своих обязанностей.

Особенно сложно государственным обвинителям приходится в выступлениях в суде с участием присяжных заседателей. Профессиональный же суд и так нацелен на обвинительный вердикт. Выступления перед профессиональными судьями отличаются формальным подходом, и они явно готовятся по определённому шаблону. А вот простого обывателя-присяжного ещё нужно убедить в необходимости сурового наказания.

Вот тут и появляется необходимость в манипуляции, поскольку открытое давление, выраженное государственным обвинителем, безусловно, отталкивает тем, что навязывает решение. Свобода, в том числе свобода принятия решения, – одна из ос-

новых человеческих ценностей, поэтому задача прокурора, поддерживающего обвинение, состоит в том, чтобы у слушающего создалось впечатление, что решение принял он сам, добровольно. Судьи, особенно присяжные заседатели, как и все люди, принципиально различны и обладают своими ценностями и моделями поведения. Профессионально успешный государственный обвинитель не должен иметь даже и мысли о манипуляции, но в действительности для успешного воздействия на адресата зачастую прибегает к манипулированию.

Библиографический список

1. Волкогонов Д. А. Психологическая война. – М., 1983.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М., 1996.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000.
4. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М., 1980.

ТАКТИКА ДИСКРЕДИТАЦИИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Э. Ш. Никифорова

Республиканское государственное казённое предприятие
«Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова»,
г. Костанай, Казахстан

Summary. The article deals with one of the inalienable elements of the strategies of defense and accusation used by professional participants of trial discourse. The author compares the way of its realization by the representatives of two linguistic cultures, common features being attributed to basic functions and characteristics of trial discourse and the aims of communicants, whereas peculiarities - to ethnic and cultural ones.

Key words: trial discourse; communicative strategy; tactics; discrediting strategy; defense strategy; accusation strategy.

Судебный дискурс представляет собой пример статусно ориентированного общения, в котором роли чётко распределены и за каждым участником закреплены функции, определённые нормами института правосудия [2]. В соответствии с функциональным критерием нами были выделены базовые стратегии коммуникативного воздействия профессиональных участников судебного дискурса (прокуроров и адвокатов): стратегии обвинения и защиты, причём под стратегией мы понимаем совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели и реализующихся в коммуникативных тактиках [3, с. 100].

В рамках обозначенных стратегий особое внимание следует обратить на тактику дискредитации, которая традиционно является одной из самых сильных в эмоциональном отношении тактик, цель которой разрушить стратегию оппонента. Кроме того, она направлена на создание отрицательного образа оппонента в глазах наблюдателей.

Характерной для ситуации суда является реализация тактики дискредитации через возражение в случае, если вопрос другой стороны кажется представителю правосудия неуместным или нарушающим правила ведения допроса. В этом случае формальным адресатом является судья:

- 1) *«Ваша честь, для начала я прошу сделать замечание участвующим в качестве слушателей лицам, чтобы они не вступали в дебаты»;*
- 2) *«I object. That's a misstatement of what the evidence will be. They were not compared».*

Дискредитации могут подвергаться как показания подсудимого и свидетелей, так и доводы защиты или обвинения, а иногда уровень профессионализма процессуального оппонента:

- 1) *«Did they honestly and directly address the issues before you?»* (дискредитация доводов защиты, экспликация лжи);
- 2) в ответ на реплику адвоката *«Я Вас могу проконсультировать ещё лучше, чем Вы себя»* (дискредитация уровня профессионализма процессуального оппонента в резкой агрессивной форме).

Необходимо отметить тот факт, что адвокаты чаще прибегают к тактике дискредитации, что объясняется тем, что они в суде выступают после прокуроров, ко-

торые представляют факты в выгодном для себя свете, и поэтому им необходимо дать адекватный ответ.

В целом поведение русских адвокатов и прокуроров отличается конфронтационностью, резкостью. Тактика дискредитации в исполнении американских юристов чаще всего направлена против доводов процессуальных оппонентов и не выходит за рамки конвенциональной вежливости.

Общая тональность судебного процесса, построенного по западному образцу, и того, который мы наблюдаем в России, отличается: в США судебный процесс содержит определённый элемент шоу, драмы, с одной стороны, и рассматривается как нормальное средство разрешения конфликтов, с другой; в то время как в России судебное разбирательство традиционно воспринимается людьми как нежелательное событие, крайнее средство в решении серьёзных проблем, вызывающее негативные эмоции и определённую агрессию.

Библиографический список

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
2. Excerpts from prosecutor Marcia Clark's closing arguments Sept. 26, 1995, in the O. J. Simpson murder case. URL: <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm>
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед ин-т, 1992. – 330 с.
4. Речь адвоката Г. М. Резника по делу журнала «Наш современник». URL: <http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc3129d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0>
5. Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбуждённому против председателя Совета Правозащитного центра "Мемориал" Олега Орлова. URL: <http://www.memo.ru/2011/02/02/0202111.html>

РОЛЬ АЛОГИЗМА В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО МЕХАНИЗМА ПРОВОКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИАЛОГА ВОЛАНДА И БЕРЛИОЗА)

Т. А. Середухина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Summary. This article is devoted to the mechanism of provocation in the conventional (standard) situations. The prevocational communicative behavior in the frame-system is considered on a material of well known dialogue between Woland and Berlioz at the Patriarch's Ponds. So the technology of creating provocative text and a strategy of provocative speech behavior are analyzed. Special attention is paid to the role of alogism in provoker's behavior.

Key words: frame; conventional situation; communication; provocation; verbal strategy; manipulation; illogic.

Основное отличие провокации от манипуляции состоит в том, что адресатом провокатора является **активное сознание**, а не пассивное. Провокация **строго индивидуальна** и может быть направлена **только** на человека, привыкшего и умеющего мыслить. В отличие от манипуляции провокация **осознаётся и осмысливается адресатом** как *логическая цепочка*. Манипулятор же, напротив, нередко использует алогизмы для отключения аналитической способности адресата [3]. В определённые моменты разговора провокатор также включает в свою речь алогизмы. Однако здесь они выступают **катализаторами анализа** в тот момент, когда логическая цепочка достаточно длинна, сложна, а аналитические способности адресата ослаблены. Требуется дополнительный толчок для запуска аналитического механизма – в этой роли и выступает алогизм. В основе провокации лежит **инерционная коммуникация**, в которой тема-рематические связи являются *мотивом* продолжения разговора для адресата провокации. Инерционный механизм основан на безупречной логике. При этом для провокатора важны:

– знание «болеющих» точек адресата – его любимых *тем*, на основе которых можно вводить необходимые провокатору *ремы*;

- знание «языка» адресата – его основных номинационных «ключей», связанных с любимыми темами;
  - знание психологических особенностей адресата, темперамента в частности.
- Прежде всего для того, чтобы выбрать коммуникативную стратегию.

Ключевые различия провокации и манипуляции [1; 2] представлены в таблице:

Манипуляция	Провокация
Сознание адресата пассивно	Сознание адресата активно
Текст алогичен	Текст логичен
Алогизм отключает аналитические способности	Алогизм является катализатором аналитического мышления
Индивидуальная и массовая	Только индивидуальная
Рассчитана на низкие и средние интеллектуальные способности	Рассчитана на высокие интеллектуальные способности

Для эффективного диалога с адресатом провокатору необходимо иметь чёткие представления о структуре фрейма, в рамках которого развивается коммуникация. Под провокацией понимается не обычная речевая агрессия и намеренное создание конфликтных ситуаций общения с целью получения определённой (желаемой) реакции собеседника, а особая совокупность речевых актов, приводящая к выполнению конкретных (необходимых провокатору), *осознанных*, вербальных и невербальных действий со стороны адресата. Так как фрейм [4] представляет собой совокупность *стандартных* знаний о предмете или явлении и содержит *типическую* информацию о возможных речевых и неречевых реакциях собеседника, провокатор может легко прогнозировать действия адресата и выстраивать беседу уже с опорой на имеющиеся стереотипы. То есть провокатору известен ход мыслей собеседника, поэтому цель провокатора – подстроиться под адресата выгодным для себя образом и **удерживать** коммуникацию внутри **одного** «удобного» фрейма. Развёртывание фрейма [5] должно идти *чётко по сценарию* провокатора. Эффективность действий провокатора зависит от *сохранения данного сценария*. В сознании провокатора содержится чёткая последовательность прогнозируемых действий собеседника для «активного» в данный момент фрейма. Парадоксально, что в ходе общения удержать коммуникацию в рамках стандарта пытается **адресат** провокации. Таким образом, провокатор чувствует себя абсолютно свободно в рамках конкретной конвенциональной ситуации, а значит, полностью контролирует ход беседы. При этом провокатор может как поддерживать стереотипные реакции собеседника, так и включать в свою речь абсолютно абсурдные, противоречащие прогнозу адресата, высказывания. Тем самым провокатор контролирует все уровни коммуникации: вербальный (непосредственные речевые реакции собеседника) и невербальный (эмоциональные реакции, темп и логику разговора). В ситуации провокационного общения фрейм может быть задан:

- провокатором незаметно для собеседника (использование шаблонных ситуаций, формул вежливости, игра на стереотипах поведения);
- самим собеседником с подачи провокатора (риторические вопросы, ассоциативное «соскальзывание»).

Однако фрейм может начать разворачиваться ещё до вступления провокатора в коммуникацию. Это наиболее выгодная для провокатора ситуация, так как ему остаётся только подключиться к текущей беседе и войти в уже *заданный* фрейм. Позиция стороннего наблюдателя позволяет провокатору изучить адресата провокации ещё до вступления в непосредственную коммуникацию с ним. Другим выгодным для провокатора моментом служит то, что *инициатором* коммуникации изначально является не он сам, из-за чего становится крайне сложно распознать его истинное намерение. Про-

вокатор остаётся как будто в тени, создавая у адресата ложное впечатление ведения диалога и полного контроля ситуации.

Примером последнего типа коммуникации является разговор Воланда с М. А. Берлиозом и Иваном Бездомным на Патриарших прудах. Диалог Берлиоза и Бездомного разворачивается ещё до появления Воланда внутри фрейма «обсуждение вопроса о существовании Иисуса». То есть изначально провокатор занимает выгодную позицию стороннего наблюдателя и изучает адресатов провокации. Из отрывка разговора Воланд по ключевым лексемам считывает следующую актуальную для себя информацию о коммуникантах.

Функции: F (x) – редактор, G (y) – поэт / писатель. Ключевые слова и выражения, позволяющие актуализировать данную информацию: «Ты, Иван, <...> сатирически изобразил», «необходимо, чтобы ты описал», «выходит по твоему рассказу». Семантика выделенных лексем позволяет определить род деятельности одного из собеседников – писательство.

Отношения: G (y) подчинён F (x). Ключевые слова и выражения: «необходимо, чтобы ты описал». Провокатор считывает актуальную модальность долженствования (Берлиоз требует конкретных действий от Ивана, следовательно, Берлиоз выше по своему статусу).

Свойства: x предъявляет претензии к выполненной работе y; x требует от y желаемых результатов: «Ты, Иван, очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, но соль-то в том, что»; «...необходимо, чтобы ты вместо рождения и, скажем, прихода волхвов, описал нелепые слухи об этом рождении...»

Позиции: x даёт указания y.

Актуальной информацией для провокатора является **степень образованности** коммуникантов: x умнее y. Превосходство Берлиоза определяется по таким ключевым лексемам, как «фигурка Вицлипуцли», «аптеки», «фригийский Атгис». Бездомный же молча выслушивает монолог редактора; следовательно, получает *новую* для себя информацию; следовательно, *менее* образован по сравнению с Берлиозом.

Итак, фрейм «обсуждение вопроса о существовании Иисуса» изначально задан говорящими. Провокатору Воланду необходимо лишь успешно подключиться к диалогу. Для «входа» во фрейм используются формулы вежливости. Такая тактика позволяет в большинстве случаев вступить в контакт с *любым* собеседником, независимо от его статуса и положения. Действительно, и Берлиоз, и Бездомный проявляют одинаковую реакцию: «...друзьям ничего не оставалось делать, как приподняться и раскланяться»; «приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор». В данной ситуации Воланд играет на стереотипной реакции человека: **положительно ответить** на вежливую просьбу. В первых репликах Воланда информация как таковая **полностью отсутствует**: речь провокатора представляет собой нанизывание одной на другую формул вежливости: «Извините меня, пожалуйста, что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...»; «Разрешите мне присесть?». Элиминированные информационные звенья позволяют сакцентировать внимание слушателей **исключительно** на **способе** речевой подачи. Отсутствуют подразумеваемые слова с негативной коннотацией: «вмешиваться», «перебивать». Наконец, подобные незавершённые предложения, содержащие формулу вежливости, подталкивают собеседника к **стереотипному** ответу на предполагаемую ситуацией просьбу (в данном случае – разрешение присоединиться к разговору). Вербальные компоненты подкрепляются невербальными:

а) жестами: «вежливо снял берет»;

б) интонацией: «вежливо попросил».

Речевые и неречевые действия провокатора подталкивают собеседников к принятию **стандартного** решения. Кроме того, быстрая смена вербальных и невербальных формул вежливости лишает собеседников возможности принять любое другое решение, кроме стереотипного, в силу отсутствия временного промежутка для анализа сказанного. Таким образом, адресаты провокации вынуждены действовать автоматически, а значит – **согласно конвенциональным правилам общения**. Причём скорость нанизывания как вербальных, так и невербальных формул вежливости одной

на другую такую, что адресаты провокатора *не успевают* отреагировать на них вербально. А все необходимые провокатору **невербальные** реакции заданы конвенционально в рамках этикетного стандарта. Провокатор с самого начала, незаметно для своих «жертв», «диктует» порядок действий. Причём, задавая его, формально провокатор не лишает собеседников набора возможных решений: от полного отказа от вступления в диалог до полного согласия на коммуникацию. Таким образом, формальный выбор всегда остаётся за жертвой и для провокатора важно *осознание* ею этого выбора. Однако провокатор, в отличие от своих собеседников, заранее **знает**, каким будет результат выбора, основываясь на **конвенциональных параметрах ситуации**.

Непосредственно беседу с Берлиозом и Бездомным Воланд опять же начинает с вежливой формулировки, формально не обязывающей вступать с ним в диалог: «*Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете*». В придаточном условия провокатор оставляет за собой право на совершение ошибки, тем самым **формально** снова предоставляя более широкий спектр выбора собеседникам. Данный квазивопроект представляет собой повторное обозначение фрейма, в рамках которого провокатор собирается вести разговор. Основной тезис «Иисуса не было на свете» подаётся со ссылкой на самих же адресатов провокации. То есть провокатор не имеет к этому тезису никакого отношения. Получив подтверждение, Воланд продолжает симулировать «удивление иностранца»: «*Ах, как интересно!*», «*А вы соглашались с вашим собеседником?*», «*Изумительно!*», «*Ох, какая прелесть!*» Эмоциональные реакции, выражающие проявление интереса к мнению собеседников, позволяют Воланду обозначить своё место на втором плане коммуникации: прикинувшись незнающим, он **формально** передаёт инициативу и контроль над диалогом Берлиозу и Бездомному. Кроме того, провокатору важно создать мнение о себе как о человеке, находящемся интеллектуально ниже своих собеседников. Для достижения такого эффекта Воланд использует противоположные стереотипу (а значит, не прогнозируемые адресатами) вербальные и невербальные действия, предполагаемые фреймом «Атеизм в СССР». Фоновое знание об официально принятом атеизме должно было присутствовать в сознании иностранца – так предположительно сориентированы Берлиоз и Бездомный. Однако провокатор ведёт себя так, как будто открыто говорить об атеизме запрещено: «*Клянусь, я никому не скажу*», «*встал и пожал изумлённому редактору руку*», «*Позвольте вас поблагодарить от всей души!*» Подобные вербальные и невербальные действия провокатора приводят к версии о его необразованности и наивности, а также к дальнейшей стимуляции диалога. Такая позиция выгодна провокатору тем, что его «жертвы» будут свободно высказывать свою точку зрения, а также ошибочно полагать, что именно они контролируют ход беседы.

Вопрос Воланда «*А как же быть с доказательствами бытия Божьего, кои, как известно, существует ровно пять?*» снова даёт Берлиозу почувствовать себя «сильнее» своего собеседника: «*Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может*». Редактор исходит исключительно из рациональных посылок. Фрейм «обсуждение вопроса о существовании Иисуса» имеет два возможных структурных варианта: рациональный и иррациональный. Рациональный путь, единственный, который признаёт Берлиоз, является **стереотипным** для того времени, а значит, самым выгодным для провокации Воланда. Стереотипность его заключается и в том, что Берлиоз выражает мнение мифологической школы, в 1920–30-е годы официально принятой в СССР и признававшей Иисуса Христа только мифом, порождённым сознанием последователей Христа [7]. Более того, помимо **общего стереотипного мнения** о существовании Иисуса, М. А. Булгаков раскрывает истинный – **стереотипный** – источник «знаний» атеиста Берлиоза – словарь Брокгауза и Ефрона, статья П. Васильева «Бог» [7]. Берлиоз почти дословно цитирует оригинальный текст статьи: «*...Кантово доказательство утверждает бытие личного Б., то против него восстают все пантеисты: Фихте, Шеллинг и Гегель порицают его довольно резко, и Шиллер говорит, что Кант проповедует нравственность, пригодную только для рабов. Штраус насмешливо замечает, что Кант к своей системе, по духу противной теизму, пристроил комнатку, где бы поместить Бога*» [6]. На самом же деле Берлиоз не читал ни Канта, ни Шиллера, ни Штрауса. Таким образом, заданный фрейм сужается, провокатор ясно видит всю логику

ческую цепочку целиком и, учитывая мнимую образованность Берлиоза, быстро «пробегаются» по стереотипным реакциям, подтверждая тем самым свои прогнозы. Развёртывание фрейма происходит следующим образом:

пропозиция «существует пять доказательств бытия Бога» – опровергнута Кантом (апелляция к авторитетному мнению);

пропозиция «существует доказательство Канта» – опровергнута Шиллером и Штраусом (апелляция к авторитетному мнению);

пропозиция-вывод: человек полностью сам контролирует свою жизнь.

Разговор с Берлиозом Воланд ведёт именно с учётом этой прогнозируемой логической цепочки и следуя тексту статьи из энциклопедии. Темп разговора быстрый, так как Берлиоз отвечает автоматически. Такая автоматичность ответов на наивно-каверзные (с точки зрения Берлиоза) вопросы провокатора позволяет редактору ещё раз убедиться в своём превосходстве над собеседником и продемонстрировать свою «образованность». Такова и цель Воланда на данном этапе – поддержать чувство уверенности и превосходства редактора, чтобы создать видимость его лидерства в диалоге.

Ключом к созданию эффективной провокации является исключительно индивидуальный подход. Провокатору необходимо говорить с «жертвой» «на одном языке», при этом оставаясь на втором плане. Как правило, в ситуациях социальной коммуникации изучение провокатором адресата идёт задолго до непосредственного контакта. Разговор одновременно с двумя, разными по статусу и интеллекту, адресатами в данном случае возможен и развивается успешно для провокатора только в силу сверхъестественной природы самого провокатора. В силу того же фактора провокатору изначально известна вся информация о собеседниках. Воланд в отличие от провокатора-человека в состоянии вести принцип «двойного контроля»: удерживать внимание двух адресатов одновременно и вести два, не имеющих отношения друг к другу, разговора: с редактором и с поэтом.

Беседа с Берлиозом по своей форме напоминает *сократический диалог*. Опровержение, приведение собеседника в замешательство являются основными стимулами диалога. Цель Берлиоза (как человека абсолютно уверенного в своём превосходстве) – **доказать** иностранцу свою точку зрения. Воланд же создаёт такой контекст, в котором для его собеседника становится очевидной неполнота, ограниченность имеющихся у него философско-мировоззренческих представлений. Подобный тип «учёной» беседы, включающей апелляцию к авторитетным мнениям и свободное построение сложных логических цепочек, абсолютно чужд Бездомному.

Беседа с Иваном идёт полностью «на его языке». В ситуации с Кантом поэт реагирует абсолютно стереотипно для простого (недалёкого) человека своего времени: желание наказать ссылкой того, кто высказывается против принятых идей. Иван не способен объёмно воспринимать суть разговора Берлиоза и Воланда и вычленяет лишь обрывочные фрагменты информации. Единственная актуальная пропозиция, которую Бездомный сумел извлечь, – «Кант создал доказательство бытия Божия». Реагирует поэт в первую очередь на то, что данная пропозиция произносится в качестве контраргумента к **единственному** принятому стереотипу – «Бога нет». Иваном движет исключительно давление конвенциональных установок. Имя «Кант» поэт не соотносит с именем известного немецкого философа и воспринимает его как своего *современника*. Вмешаться в разговор Бездомного подталкивают два **эмоциональных** фактора:

1) бездумное желание отстоять привычные, принятые (а потому и единственно верные) социально-нравственные установки;

2) личная неприязнь к «иностранцу».

Второй фактор является определяющим для вступления в спор: раздражённый Бездомный хочет задеть Воланда своей репликой. Однако провокатор вопреки прогнозу поэта соглашается и даже поддерживает его: «*Именно, именно, ему там самое место!*» Воланд гениально подстраивается под каждого из собеседников, поддерживая их инициативу ведения диалога и давая им абсолютную свободу выдвижения тезисов. В данной ситуации для «нейтрализации» Ивана провокатор так же, как и сам поэт, поступает согласно стереотипу: поддерживает желание Ивана, заданное конвенциональной ситуацией. Вербальная составляющая подкрепляется бурной эмоциональной реакцией: предложение Бездомного отправить Канта на Соловки «привело [Воланда] в

восторг». На уровне подсознания Иван *хочет* услышать одобрение Берлиоза своему шаблонному лозунгу «на Соловки!» и вместе с редактором дать отпор навязчивому иностранцу. Однако провокатору невыгодно спорить с готовым вступить в борьбу Бездомным, поэтому реакция одобрения, **противоречащая** прогнозу жертвы, полностью обезоруживает поэта. Кроме того, аргумент провокатора, поддерживающий Ивана, «*Ведь говорил я ему тогда за завтраком...*» воспринимается поэтом как совершенно реальная, нормальная ситуация. Эвфемистическая замена (Кант) «уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдалённых, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя» (вместо обычного «Кант уже умер»), не понята Бездомным. В данном случае провокатор подаёт **истинную** информацию в априори **недоступной адресату** форме.

Во время разговора Воланда с Бездомным Берлиоз становится способен критически воспринимать, анализировать и оценивать реплики провокатора: «*За завтраком... Канту?.. Что это он плетёт?*» Слова Воланда «*Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежли бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?*» **формально** являются продолжением диалога с Бездомным. Однако со смысловой точки зрения этот вопрос продолжает разговор с Берлиозом и задан ему. Не осознавший быстрого переключения провокатора, Бездомный спешно отвечает: «*сам человек и управляет*». В данном случае провокатору неважно, кто будет отвечать, потому что результат будет один – единственный возможный **стереотипный** ответ атеиста. Кстати, сам Бездомный вовсе не является убеждённым носителем подобного мнения. Он **автоматически** озвучивает общепринятое мнение. Об этом свидетельствует его тон и темп речи: «*поспешил сердито ответить*». Сердитый тон выступает здесь в качестве защитной реакции: сам Бездомный не разбирается в подобных вопросах. О защитной реакции свидетельствует также лексическое наполнение фразы и порядок слов: нейтральный ответ на вопрос выглядит так – «человек». При абсолютном сохранении смыслового содержания в ответе Ивана подчеркнута эмоциональная составляющая, направленная на усиление основного смысла:

– местоимение «сам» употреблено для подчёркивания важности, значительности субъекта высказывания и соответствует по значению лексемам: *именно он; не кто иной, как он;*

– частица «и» использована для усиления смысла лексемы «управляет».

Провокатор как будто цепляется за неуверенность Бездомного, чтобы доказать Берлиозу несостоятельность его (общепризнанной) теории, и первый раз за беседу произносит развёрнутый монолог деструктивного характера:

«– *Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распорядиться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... – тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, – да, саркома, – жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, – и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье – совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, – тут иностранец прищурился на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет – поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою*

управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком».

Второй смысловой план монолога (помимо опровержения теории человеческого управления) состоит в том, что Воланд параллельно выбирает и диктует своей жертве (Берлиозу) сценарий его дальнейшей судьбы – наглядного и последнего доказательства. При этом в монологе отмечается наличие чётких **иерархических** причинно-следственных связей; весь монолог состоит из трёх логических частей с обратной последовательностью:

– **от следствия** («...как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?»)

– **к причинам** (рассказы о саркоме и трамвае) и далее –

– **к общему выводному знанию / следствию** (Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком).

Помимо логической составляющей на чисто **лингвистическом уровне**, в монологе Воланда присутствуют такие элементы воздействия на адресата, как:

лексические:

а) использование неожиданных, непрогнозируемых лексических сочетаний («смехотворно короткий срок лет на тысячу», «не может ручаться за свой собственный завтрашний день»);

б) частотное использование наречия «вдруг» для подчёркнутой внезапности событий;

в) неоправданный лексический повтор («саркома легкого... да, саркома»);

синтаксические:

а) большое количество однородных членов («начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус», «бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам», «Как первое и второе, так и третье», «поскользнётся и попадёт»); однородные члены позволяют создать впечатление учённости всех возможных вариантов действий и характеристик субъекта;

б) частое использование союза «и» для связи как однородных членов, так и частей сложных предложений («и другими и собою», «затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам», «И, в самом деле, вообразите», «и вдруг у вас саркома легкого», «и вот ваше управление закончилось!», «Как первое и второе, так и третье», «И все это кончается трагически», «и окружающие, понимая», «поскользнется и попадет»), что помогает удерживать внимание слушателя.

На паралингвистическом уровне воздействие на **эмоциональную составляющую** адресата достигается с помощью:

– внезапной паузации, создания намеренной неровности темпа речи («и вдруг у вас... кхе... кхе...»), «саркома легкого... да, саркома», «...съездить в Кисловодск... пустяковое, казалось бы, дело...»);

– непрогнозируемых, не соответствующих смысловому содержанию речи мимики и жестов («тут неизвестный повернулся к Берлиозу», «жмурясь, как кот», «тут иностранец прищурился на Берлиоза»);

– несоответствующих смысловому содержанию речи эмоциональных вставок («и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком», «тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие»).

После произнесённого Воландом монолога Берлиоз начинает подозревать что-то неладное и думать: «Он не иностранец! Он не иностранец!» В силу своей сверхъестественной природы провокатор знает об этих мыслях и для нейтрализации подозрений вводит новую ситуацию: «Вы хотите курить, как я вижу?» Данная ситуация позволяет Воланду продемонстрировать свой необычный портсигар, после чего Берлиоз заключает: «Нет, иностранец!» Таким образом, подозрения оказываются сняты. Причём провокатор не совершает никаких вербальных действий: жертва сама приходит к такому логическому выводу и, успокоившись, продолжает рассуждать на основ-

ную тему: *«Надо будет ему возразить так, да, человек смертен, никто против этого не спорит. А дело в том, что...»*. И далее провокатор играет на опережение: *«Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус! И вообще не может сказать, что будет делать сегодня вечером»*. Считывание мыслей Берлиоза происходит не только за счёт нечеловеческих умений провокатора, но и за счёт **прогнозируемости и стереотипности** мыслей редактора. В рамках человеческого опыта, основанного *исключительно* на рациональности и законах логики, а также в рамках одной человеческой жизни (как мыслит Берлиоз) это *единственный* (шаблонный) вариант. Итак, игрой на опережение Воланд сбивает с толку редактора. Во-вторых, в этой реплике он снова воспроизводит в сжатом виде и более прямолинейно одну из мыслей своего монолога – акцентирует *принципиально непредсказуемую* внезапность. Для большей наглядности провокатор до предела минимизирует временные рамки человеческого прогноза: *«И вообще не может сказать, что будет делать сегодня вечером»*. В то же время данную реплику Берлиоз воспринимает как нечто **абсурдное**, что и мотивирует его постоянно продолжать и продолжать спор, пытаясь доказать свою правоту и *убедить* собеседника в ошибочности его мнения.

При профессиональной эффективной провокации, так же, как и в диалоге Воланда и Берлиоза, имеет место смена ролей: **убедить** адресата в необходимости что-то сделать или сказать – реальная цель **провокатора**, однако в ходе разговора эту роль пытается сыграть адресат, результатом чего становится самоубеждение выполнить желаемое **провокатором** действие. Провокатор не спорит – он, скорее, повествует о том, что он *знает*. А так как, с точки зрения восприятия «жертвы», это *знание выходит за рамки конвенционального*, жертва вступает в губительный для себя спор, безуспешно пытаясь **удержать коммуникацию в рамках стандарта**. Однако, помимо желания «жертвы» убедить провокатора, ею движет и простое любопытство. Так происходит с Берлиозом, когда Воланд сообщает, что редактор «умрёт другой смертью»: *«Может быть, вы знаете, какой именно? И скажете мне?»* Вопрос задаётся с «естественной иронией». Кроме того, после таких слов Берлиоз начинает принимать Воланда за сумасшедшего. Ироничным вопросом редактор сам осуществляет попытку спровоцировать своего собеседника на очередной «безумный» ответ, и, как кажется, он его получает – *«вам отрежут голову!»*. То есть провокатор очень точно прогнозирует «жертву» и намеренно «оправдывает» её ожидания. Берлиоз продолжает иронизировать. Вполне естественно, что он не воспринимает провокатора всерьёз: *«А кто именно? Враги? Интервенты?»* Таким образом, редактор, пытаясь подыгрывать «сумасшедшему» иностранцу, сам того не ведая и не замечая, получает сценарий своей судьбы: *«Нет, русская женщина, комсомолка»*. В тоне провокатора иронии не звучит, он говорит серьёзно и спокойно. Отсутствие иронии редактор воспринимает просто как ещё один признак сумасшествия собеседника. Окончательно проигрывая коммуникативную «дуэль» и теряя при этом шанс хоть как-то противостоять провокации. В качестве аргумента в пользу невозможности заседания в МАССОЛИТе провокатор вводит совершенно оторванную от разговора ситуацию: *«Потому, что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится»*. Формально этот сценарий встроен в актуальный на данный момент фрейм: способ развёртывания сценария – от «причины» к «выводу» тоже вписывается в текущий фрейм **по форме**. Причём логические связи **внутри реплики** также присутствуют. Однако по содержанию причинный компонент (*«Потому, что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила»*) оказывается как будто бы выдернутым из **другого** фрейма. Воланд провоцирует Берлиоза на анализ (логику), который в данном случае невозможен: *«Простите, при чём здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?»* Контекстуальный анализ ситуации более невозможен, так как сценарий «лишний», а прогноз и анализ возможны только в рамках заданного фрейма.

Вступая в диалог с провокатором, «жертва» погружается **исключительно** в ситуацию общения – конкретно заданный фрейм. Выйти из фрейма можно только с помощью **внешней** причины: сама жертва оказывается **не в состоянии** прервать или завершить диалог с провокатором. Логика провокатора – сильнейший мотив для адресата продолжать коммуникацию.

Поэтапный механизм провокации можно представить следующим образом.

Пре-коммуникация: поиск «болевых» точек адресата, любимых тем, изучение «языка» адресата, а также его психологических особенностей.

Контактная беседа – использование формул вежливости и их нанизывание друг на друга для вступления в диалог.

Инерционная коммуникация:

– создание иллюзии успешной коммуникации; установление чётких коммуникативных позиций: формальный лидер – адресат провокации;

– проверка стереотипных реакций адресата – стандартные вопросы в рамках нужного фрейма; получение стандартных ответов адресата, создание впечатления его лидерства; ведение беседы по методу сократического диалога;

– введение **первого алогизма** – обнаружение «лакун» в позиции адресата, тем самым мотивация к дальнейшему анализу, с тем чтобы «докопаться» до истины, доказать своё мнение; соблюдение **всех** логических звеньев;

– запуск «вложенного» **этикетного фрейма** для «разрядки» ситуации, демонстрации мнимой расположенности к адресату провокации;

– продолжение диалога в суженной фреймовой парадигме, при этом адресат всегда должен ощущать возможность выбора;

– введение **«инвентарного» алогизма**, то есть включение элементов других фреймов в активный фрейм;

– вновь запуск «вложенного» **этикетного фрейма** для «разрядки» ситуации;

– продолжение диалога в ещё более суженной фреймовой парадигме (адресат не замечает этого сужения, на протяжении всей коммуникации он ощущает своё лидерство);

– введение **структурного алогизма** – нарушение логических связей, что окончательно подталкивает адресата принять **стандартное** рациональное решение в заданной **провокатором** ситуации.

Библиографический список

1. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приёмы, последствия. – Екатеринбург, 1995. – 203 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием: учеб. пособие. – М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.
3. Лири Т., Стюарт М. и др. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. – СПб.: Экслибрис, 2002. – 224 с.
4. Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 114 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
6. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. URL: http://gatchina3000.ru/big/013/13144_brockhaus-efron.htm (дата обращения: 15.11.2012).
7. Энциклопедия Булгакова. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_bulgakov/ (дата обращения: 15.11.2012).

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫМ ПРИЁМАМ, ПОБУЖДАЮЩИМ К ЭКСТРЕМИЗМУ, НА САЙТАХ ИНТЕРНЕТА

Е. В. Сергеева

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The paper is devoted to the analysis of the communication tactic of the manipulative representation of information at the “extremist” sites of the Internet.

Key words: language manipulation; tactic of manipulative representation of information; manipulative method.

Интернет – мощное идеологическое средство воздействия, причём речевое воздействие – важная его составляющая. «Экстремистские» сайты оказывают сильное влияние на адресата, часто используя манипулятивные средства воздействия.

Представляется, что одним из актуальных, и прежде всего в плане практическом, вопросов современной лингвистики является выработка стратегии противодействия подобным манипулятивным приёмам речевого воздействия, поскольку методы политические и юридические не всегда действенны. Одним из методов реализации подобной стратегии могло бы быть размещение на различных сайтах и в социальных сетях популяризированных публикаций и социальной рекламы, демонстрирующих манипулятивный характер экстремистских материалов.

Традиционно под манипуляцией обычно понимают искусное скрытое воздействие на адресата в интересах адресанта с целью навязать манипулируемому чужие взгляды, желания и намерения. Языковую манипуляцию можно определить как умелое использование языковых единиц всех уровней для скрытого воздействия на адресата с целью вынудить его изменить свои мнения и желания или совершить определённые поступки, соответствующие не его интересам, а интересам манипулятора. Одна из наиболее важных тактик языкового манипулирования – это тактика манипулятивной подачи информации, которая может воплощаться в конкретном приёме отрицательного нейминга. К этому приёму можно отнести, в частности, употребляемые на ставших предметом проведённой автором лингвистической экспертизы «экстремистских» сайтах сниженные лексические единицы, которые называют нерусских и употребляют с целью сформировать резко отрицательное отношение к лицам иной национальности (устные тексты расшифрованы и записаны экспертом Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы).

Весьма показательно в данном отношении употребление лексем «чёрные», «нигеры», «черножопые» и «черти», а также словосочетания «черти черножопые» в файлах «Bity - Ej, Skinhed!», «Bity - U Skinheda Vvhodnoi», «HATE FOR LIFE ..240.mp 4» и некоторых других, например:

Я по городу иду, сигареты я курю,
Рядом *черти* на базаре грузят девочку мою.
Сколько *чёрных* появилось, сколько *нигеров* развелось?
Почему всё так случилось и откуда эта злость?
Но эй, скинхэд, ты дал себе обет,..
Отправить *черножопых* на тот свет, на тот свет.

Лексемы «чёрные» и «нигеры», которые в текстах песен представлены как контекстуальные синонимы, – уничижительное, презрительное, разговорно-сниженное наименование людей с тёмным, смуглым цветом кожи, кавказцев или выходцев из некоторых азиатских стран [1]. Следовательно, их частотное употребление ориентировано на то, чтобы внушить слушателю соответствующее отношение к тем, о ком идёт речь. Грубо-просторечная лексема «черножопый», употребляемая, когда речь идёт о жителях Средней Азии или Кавказа [2], также ориентирована на негативную оценку этих лиц по признаку национальности, а следовательно, её употребление влияет на представления слушателя, заставляя его воспринимать людей со смуглой кожей как людей второго сорта, заслуживающих лишь такого наименования.

Среди лексем с ярко выраженной отрицательной коннотацией, которые создатели «экстремистских» сайтов употребляют для воздействия на адресата с целью сформировать презрительное, враждебное отношение к нерусским, можно отметить также лексемы «чурбан», «хач» и «чурка» (файл «HATE FOR LIFE ..240.mp 4»). Так, надписью «Убивай чурбанов! Это весело! Это модно! Это спортивно!» автор побуждает читателя воспринимать тех, для наименования кого использован этноним «чурбаны», употребляемый в качестве синонима слова «чурка» для уничижительного, презрительного, бранного наименования коренного жителя Кавказа или Средней Азии [1], как объект спортивной охоты, выводя их за пределы общего понятия «люди», что делает убийство словно бы не очень страшным. Надписью «Вали хачей!» автор побуждает адресата убивать тех, кого называет «хачи». «Хачи» («хачики») – насмешливо-пренебрежительное жаргонное наименование азербайджанца или армянина [1], употребляемое в современном просторечии для наименования кавказцев вообще. Использование этой лексической единицы должно внушить читающему мысль, что предлагается лишить жизни не полноценного человека, а какое-то человекоподобное существо.

Другая группа файлов связана с желанием авторов внушить адресату максимально отрицательное отношение к евреям. В качестве образцов подобных материалов можно назвать файлы «Doberman - Slavyanskij Soyuz», «pravoslavnyj bard Vsevolod Pravyj - zik haj (za Rus' svyatuy.flv)», где чрезвычайно частотна лексема «жид», традиционно используемая в русском просторечии для уничижительного, презрительного наименования человека по признаку национальности.

Не покоряйся, не унижайся и не работай на жида...

Славяне едины и непобедимы, Русь пробуждается вновь.

За цепи неволи и братьев по крови прольем их *жидовскую* кровь.

Журналиги-еврюги, продажные шлюхи, как крысы, скребутся в нору.

Мы всех перережем, их красные флаги пусть с ними пылают в аду, с ними в аду.

Молнии грянут разрушаться цепи, Славяне раздавят врагов.

Но для этого надо объединяться, чтобы разрушить систему *жидов*.

В тексте песни употребляется лексема «жид», в дефиницию которой входит слово, проясняющее отрицательную характеристику («презрительное наименование еврея»), данное слово квалифицируется как «разговорно-сниженное» [2]. Наименование «журналиги-еврюги» также включает в себе предельно отрицательную оценку, а сравнение «как крысы» – явно бранное, как и слово «шлюхи».

Таким образом, сниженные уничижительно-презрительные и собственно бранные лексические единицы «чёрный», «нигер», «черножопый», «чёрт», «чурбан», «хач», «чурка», «жид» употребляются авторами «экстремистских» сайтов Интернета не только с целью отразить собственное отношение к называемым национальностям, но и, прежде всего, воздействовать на максимально широкую аудиторию с помощью отрицательного нейминга, т. е. использования лексических единиц, внушающих представление о второсортности представителей некоторых национальностей, для выработки определённого взгляда на представителей данных национальностей и проблемы, с ними связанные. Разъяснение манипулятивного характера подобного приёма могло бы стать важным средством борьбы с подобными проявлениями экстремизма.

Библиографический список

1. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. – СПб., 2004.
2. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

V. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

دکتر شهناز محمد زاده
استادیارگروه زبان روسی دانشگاه گیلان

Summary. In this paper is a comparative approach to the study of world creation mythology, Iran and Russia after the time of Zoroaster is Christianity. We have tried to compare the Russian and Iranian myths of this historical period. That is the period of Zoroastrianism in ancient Iran and the period before the advent of Christianity in ancient Russia.

Key words: mythology; Iran; Russia; the creation; Christianity; Zoroastrianism.

چکیده

اسطوره ها غالباً داستانهایی مقدس و سنتی و اصولاً خیالی و غیر واقعی اند که از زبان گوینده ای گمنام بیان میشوند؛ داستانهایی که بازتاب دهنده ی طبیعت آدمی اند با همه ی نیازها، خواسته ها، آرزوها و بیم های او؛ قصه گونه هایی که آیین ها و عقاید موروث را به نحوی غالباً ساده لوحانه بیان می کنند. اسطوره ها معلول تلاش بشرند برای یافتن پاسخ پرسش های فلسفی که درباره ی خلقت خود و جهان پیرامونش مطرح می کند. اسطوره از چگونگی قیود انسانی پرده بر میدارد و دنیای عینی و ذهنی را باهم ترکیب می کند؛ و در نهایت اسطوره تفسیری است از فرآیند تاریخ پیدایش جهان، انسان و پدیده های طبیعی و تفکراتی درباره ی این فرآیند. در این مقاله سعی بر این است که با رویکردی تطبیقی به بررسی نظام خلقت جهان در اساطیر ایران زمان زردشت و روسیه بعد از مسیحیت پرداخته شود. نخست منابع اساطیری ایران و روسیه بیان شده و سپس موضوعات بی نظمی، تصویر اولیه جهان، دیدگاه ثنویت و آفرینش در اساطیر هر دو کشور بررسی و در نهایت مدل های مختلف خلقت جهان ارائه می شود.

واژه های کلیدی: اسطوره، ایران، روسیه، نظام خلقت، مسیحیت، زرتشت.

مقدمه

پژوهش های تطبیقی در تحول و شناخت بشر بسیار اهمیت دارند. عده ای بر این باورند که پژوهش های تطبیقی و شناخت آثار بیگانه از تعصبات قومی می کاهد، فرهنگ اصیل بومی را از بیگانه تفکیک می کند و استفاده از دستاوردهای آن ها سبب غنی شدن ادبیات ملی می گردد. (ندا، ۱۹۹۱: ۲۹-۲۶) با مقایسه و تطبیق اساطیر، فرهنگ و ادبیات ملت ها می توان هر چه بیشتر به طرز تفکر، آرمان ها و حتی نوع زندگی مرتبط با مناسک و افکار ماورطبیعی آن ها آشنا گردید. (تسلیمی، خانقی، اسماعیل زاده، ۱۳۸۶: ۱۰۶) بدون شک یکی از کهنترین پرسش های بشر که همچنان پاسخ روشنی برای آن ارائه نشده این است که جهان چگونه پدید آمد؛ انسان کهن می دانست که جهان برای آنکه بتوان در آن زیست نخست باید آفریده شده باشد. مقوله آفرینش از مقوله های مهم و اساسی ادیان است، بشر آن گاه که از سطح ابتدایی زندگی ارتقا یافت و از نخستین لحظاتی که به خارج از دنیای خود نگریست به این مهم اندیشیده و هنوز هم به اصل و منشأ خود آنچنان که باید پی نبرده است. لارنس کوپ در کتاب اسطوره به نقل از میرچا الیاده می گوید: "در آغاز منطق اسطوره ای حکم می کرد که اولاً جهان باید در لحظه ای خاص آفریده شده باشد و آن لحظه نیز می بایست در زمان مقدس روی داده باشد. (کوپ، ۱۳۹۰: ۶۱) آنچه در این پژوهش مورد بررسی قرار می گیرد گفتگو درباره ی اساطیر آفرینش ایران زرتشتی و روسیه بعد از مسیحیت است. دین زرتشت و دین مسیحیت از ادیانی هستند که مبنای توحیدی دارند و به نوعی با یکدیگر در ارتباطند.

منابع اساطیر ایران

با توجه به شواهد اسطوره ای گوناگونی که وجود دارد ایرانیان شاخه ای از اقوام هندی ایرانی هستند که بعدها به دو گروه مستقل هندی و ایرانی تقسیم شدند اینان باورها و آداب دینی مشترکی داشتند، این باورها و آداب در دوره ای وارد متون دینی شدند و این واقعه در هند زودتر به وقوع پیوست (بهرامی، ۱۳۸۸، ص ۱۱) از این رو منابع دینی هندی یکی از منابعی هستند که اطلاعاتی درباره ی تاریخ روایی و اسطوره ای ایران به دست می دهند. دومین گروه از منابع شناخت تاریخ روایی ایران نوشته های اوستایی، پهلوی، مانوی و دیگر آثار پراکنده هستند. کتب مقدس هر قوم مرجع اصلی اسطوره های آن قوم است. ایرانیان پس از ظهور زرتشت، پیامبر بزرگ ایران، که زمان او را حدود ۶۲۸-۵۵۱ ق.م می دانند، به آیین زرتشتی روی آوردند؛ اوستا مجموعه ی متون دینی زرتشتیان به خط و زبان خاص موسوم به اوستایی و شامل پنج کتاب است: مهمترین بخش این مجموعه گاتها (گاتها، گاهان) یا هفده سرود زرتشت است؛ گاهان در میان یسنها جای دارد. یسنا مجموعه است از دعاها و نیایشهایی که در مراسم عبادی زردشتی به همین نام (یسنا) خوانده می شود؛ یسنتها که بیست و یک پشت یا سرود خطاب به ایزدان مختلف را در بردارد؛ (هینلز، ۱۹: ۱۳۶۸) ویسپرد شامل نیایش هایی است که در برخی آیین های دینی می خوانند؛ وندیاد عمدتاً حاوی احکام دینی است و خرده اوستا که پنجمین بخش است و نیایش ها و نماز های روزانه در بردارد. (بهرامی، ۱۳۸۸: ۱۲) متون پهلوی شامل مطالب متنوع بسیاری است که در بعضی از آن ها اسطوره ها و باورهای اوستایی حفظ شده است؛ به عنوان نمونه بندش (به معنای آغاز آفرینش) مجموعه است از ترجمه ی متنهای اوستایی درباره آفرینش، کیفیت و هدف آن. در بخشهای مفصلی از کتاب دیگری به نام دینکرد فقط مطالب اوستا خلاصه شده است در این مجموعه مطالب (دینکرد) نه تنها اصول عقائد زردشتیان، امیدها و ترس های آنان را در برابر حکومت مسلمانان در بردارد، بلکه شامل اسطوره های ایران پیش از زرتشت نیز هست. (هینلز، ۲۰: ۱۳۶۸) کتبی که به آن اشاره شد تنها بخشی از منابع تاریخ روایی و اسطوره ای ایران هستند.

منابع اساطیر روسیه

بر خلاف یونان، هندی ها و ایرانیان، روس ها فاقد مجموعه ی مشخصی از اسطوره های مربوط به خدایان کفر کیش، کتاب های مقدس کهن یا روایات حماسی قابل توجه اند.

قصه های بایلیچکی (bylichki) یکی از مضمون های اسطوره ای هستند که می توان به عنوان شاهد قصه های قومی و قوم نگاری آن را مورد استناد قرار داد. این قصه ها عمدتاً درباره ی خدایان و روح-موجودات، هیولاهای جنگل، پریان دریایی و ارواح مردگان است و دنیای آشنای دهقانان روسی را آکنده می سازند. قصه های قومی معروف به شازکی (shazki) یکی دیگر از مضمون های اسطوره ای هستند که صرفاً تخیلی و فاقد بعد قدسی اند. (وارنر، ۱۰: ۱۳۸۵) روس ها تا اوایل حکومت ولادیمیر سویتاسلاویچ (۹۸۸م.) چند گانه پرست بودند و اساس پرستش آن ها پرون (Perun) خدای تندر، دازبوغ (Dazhbog) خدای خورشید و استری بوگ (Stribog) خدای طوفان بود. (فادر، ۱۳۸۵: ۲۶) با پذیرش مسیحیت توسط ولادیمیر سرزمین روس وارد مرحله ی جدیدی از فرهنگ و هنر شد و به طبع آن در ساختار اساطیری این کشور نیز تغییراتی پدید آمد. افسانه های مذهبی و دوخوونی استیخی (Dukhovnye stikhi) یا متون مقدس که حول چهره هایی از کتب مقدس عهد قدیم و جدید و قدیسین و بدعت گزاران و دیدار آن ها با عامه ی مردم دور میزند از منابعی هستند که اساطیر روسیه را با عناصر مسیحی در می آمیزند. (وارنر، ۱۳۸۵: ۱۱) به عنوان نمونه می توان به: "کتاب کیوتر"، که مجموعه ای ست از اشعار معنوی ملی مردم روسیه قرن ۱۹ □ ۱۱، متون روایی موجود در شمال روسیه، منطقه آرخانگل (Arkhangel) و آلانیس (Olonets)، متون بدست آمده در اکرین (افسانه کیف (Kievck'e legenda)) و قصه های سحر آمیز روسی (Ruck'ie volshebnye skazki) اشاره کرد.

بی نظمی

اسطوره های پیدایش کائنات و افسانه های مربوط به پیدایش جهان اغلب با توصیف آنچه قبل از آفرینش وجود داشته آغاز می شود یعنی عدم و نیستی که در مفاهیم اساطیری بی نظمی تلقی می شود. طبق مفاهیم اسطوره شناسی نظم (Kosmos) پدید آمده بی نظمی (Khaos) را از مرکز و چهارچوب ساختاری جهان دور می کند اما نمی تواند بر پایانش غالب شود و آن را از بین ببرد. در اغلب باورهای دینی شروع عمر جهان از یک لحظه خاص است و در واقع از آن لحظه است که زمان آغاز می شود. در اسطوره های یونانی آمده است: در آغاز فضایی میان تهی به نام "خائوس" وجود داشت که تخم و اجزای اولیه همه ی چیز ها همانند توده ای بی شکل در آن سرگردان بودند و بعد به تدریج شب و تاریکی و سپس چیزهای دیگر از آن پدید آمد. (بهرامی، ۱۳۸۸: ۲۲)

روایت ها ی ایرانی از یک جهان مینویی یا غیر مادی اولیه سخن می گویند که پیش از آغاز جهان وجود داشته است. در جهان مینویی هنوز نه زمانی هست نه مکانی و تنها دو عنصر یا هستی همواره بوده اند: یکی اهورا مزدا (یا اورمزد یا هرمزد) نام دارد و دیگری انگره مینو (یا اهریمن) اولی مینوی نیکی است و سرچشمه ی جهان مادی و همه نیکی های آن و دیگری مینوی بدی و شرارت و موجب تمام بدی هایی است که او برای نابود کردن نیکی ها به جود می آورد. (بهرامی، ۱۳۸۸: ۲۲) این دو از نظر زمان و مکان از هم جدا بوده و هریک در قلمرو خویش به سر می بردند. مینوی نیکی (اهورامزدا) در جهان بالا، جهانی سراسر نورو صفا و پاکی است اما اهریمن در لنجزار هستی خویش در تاریکی محض دست و پا می زند. فضای خالی این دو اصل را از هم جدا می کند.

طبق این روایات جهان قبل از آفرینش در آرامش و نظم به سر می برده و هیچ نشانی از بی نظمی و آشوب در آن نبوده است. این آرامش تا بعد آفرینش اصلی ادامه می یابد و با ورود شر (اهریمن) به عالم از بین می رود بی نظمی حاصل می شود. اهریمن با شکست آسمان وارد جهان می شود: به آب فرو شد و سپس به میان زمین تاخت و آن را به لرزه در آورد و بر اثر آن کو ها از زمین بیرون آمدند. (هینلز، ۱۳۶۸: ۲۷)

اسطوره های کیهان شناسی روس ها موضوعاتی از این قبیل را پوشش نمی دهد و اکثر افسانه هایی که با ماهیت اتنولوژی از پیدایش زمین و همه ی موجودات آن از جمله انسان، در حافظه ملت ها باقی مانده اند در زمان های اخیر و با گسترش تمدن مسیحیت به وجود آمدند. (24 : 2005, Русская мифология энциклопедия) وجود بی نظمی، سپس اقیانوس ازلی یعنی جایی که جهان یا خدای درخشنده (Svetozarnyi bog) در آن پدید آمد در افسانه های کتاب مقدس مرسوم است. (88 : 1999, Николаева Н. А., Сафронов В. А.) در فرهنگ تطبیقی نماد های اسطوره ای در ذیل کلمه ی جهان (Bselenaya) آمده است: خلقت جهان تداعی گر پیدایش نظم الهی از بی نظمی است، نظم با خوبی شناخته می شود و بی نظمی با بدی؛ اختلاف ظاهری نظم و بی نظمی مثل اختلاف شب و روز، بالا و پایین، چپ و راست، زن و مرد است (99 : 1996, Маковский М. М.) ارتباط بی نظمی با نیروی آب و وجود انرژی که منجر به تولد و زایش می شود، از ویژگی های بی نظمی است. در برخی از اسطوره شناسی ها، بی نظمی به صورت اقیانوس ازلی (Pervarodnyi akean) تجسم می یابد که نیروی ها ی مختلف طبیعت به گونه ای تفکیک ناپذیر در آن وجود دارند؛ (24 : 2005, энциклопедия) مردم بین النهرین به وجود این اقیانوس اولیه یا دریای نخستین اعتقاد داشتند. اشعار معنوی روسی از جمله شعری در «کتاب کیوتر» نیز مبین وجود چنین اعتقادی در میان مردمان سرزمین روس است:

استر فیل مادر همه ی پرنده هاست / زیستگاه او در میان دریاست / او در میان دریای آبی می خورد و می نوشد / او در میان دریای آبی تولید مثل می کند. (نک همان: ۳۳)

تصویر عالم

منظور از تصویر عالم در اسطوره ها، وضعیت اولیه جهان قبل از آفرینش اصلی و بعد از بی نظمی است. بر پایه ی باورهای ایرانیان باستان تصویر قدیمی که از عالم عرضه می شود مشتمل است بر جهانی گرد و آرام که در اصل آن هیچ گونه بدی وجود نداشته است. آسمان فضای محدود و پوششی سخت، همچون الماس که زمین را در بر گرفته بود، خورشید، ماه و ستارگان در وسط آسمان قرار داشتند؛ زمین مسطح و هموار مانند بشقاب، نه دره ای داشت نه کوهی. اولین تصویری که در بعضی از منابع اسطوره های روسی از عالم به نمایش گذاشته شده:

جهانی است که در آن هیچ چیز به جز آب نبود. (28 : 2005, Русская мифология энциклопедия) در برخی دیگر از افسانه ها آمده است:

در روز های ازلی قبل از پیدایش گیتی نه آسمانی بود، نه زمینی، تنها تاریکی و آب مخلوط شده با خاک بود، مثل یک مایه خمیر. (نک. همان: ۳۱)

و در افسانه های قدیمی جهانی توصیف شده که در آن هیچ چیز به جز سنگ نبود.

بررسی دیدگاه تثویت در مسیحیت و زردشت

در دایره المعارف اسطوره آمده است، خالق نزد فرهنگ های مختلف گاهی در چهره ی یک حیوان ظهور می یابد و گاهی در سیمای یک پرند غوطه ور در آب اقیانوس ازلی و یا پرند ای که از آن اقیانوس به زمین راه یافته است. (Русская мифология энциклопедия, 2005: 27) این مدل ماهیت دو آلیستی دارد بدین معنا که به خالق دو نوع شخصیت داده می شود؛ این دو شخصیت کاملاً در تضاد با یکدیگر قرار دارند. طبق نظر پژوهشگران، نظریه ی دو آلیستی پیدایش کائنات در نتیجه ی دو شاخه کردن خدا به وجود آمد. (همان)

در ارتباط دین زردشت با تثویت باید یادآور شد که تثویت مشخصه ی دین زردشتی است^۲ همان طور که ذکر شد منظور از تثویت اعتقاد به وجود دو نیروی اساساً متضاد است که دست اندر کار عالم هستند. آریایی های باستان به دو نیروی راستی یا نظم «اشه» و دروغ یا بی نظمی اعتقاد داشتند، این همان اندیشه ای است که دین زردشت آن را اتخاذ کرد و گسترش داد. (هینلز، ۱۳۶۸: ۶۷) در متون زردشتی آمده است که هرمزد دعای اهورنور^۳ را در ابتدای آفرینش می خواند و اهریمن را برای سه هزار سال در اعماق تاریکی، در حالت بیهوشی، نگاه می دارد:

... هنگامی که به مرز فراز آمد، هرمزد برای باز داشتن اهریمن از شهر خویش به نبرد فراز آمد و او را با گفتار ویژه ی ایزدی بیهوش کرد و باز به تاریکی افکند. (گزیده های زادسپرم، ۱۳۶۶: فصل ۱ بند ۴)

در این مدت، هرمزد برای پاسبانی از اهریمن و جلوگیری از حمله ی دوباره ی او دست به آفرینش معنوی یا روحانی خود می زند و همه ی موجودات مینویی یعنی امشاسپندان، ایزدان و مینوی موجودات مادی یعنی فروهرها را می آفریند. (میرفخرایی، ۱۳۶۶: ۹) اهریمن نیز در این مدت در تاریکی با تدارک نیروی تهاجمی، خود را برای تاخت و تاز مجدد آماده می سازد بدین منظور او به آفرینش متقابل دست می زند و آفریدگان پلید و نابکار خویش یعنی دیوان و درجان را می آفریند تا در نبرد با هرمزدیان او را یار و یاور باشند؛ و سپس اهریمن در پایان سه هزار سال، دوباره به مرز روشنایی می آید و هرمزد را تهدید به نابودی می کند:

اهریمن در تاریکی ابزار همی آراست. در سه هزار سال باز به مرز آمد، تهدید کرد، در ایید (=هرزه گفت): «که تو را بزئم (=بکشم) و آفریدگان تو را بزئم، آفریدگانی را که تو سپند مینویی <آفریدی>، همه را با آن (ابزار) نابود کنم.» (گزیده های زادسپرم، ۱۳۶۶: فصل ۱ بند ۵)

با بررسی این نمونه ها و نمونه هایی از این قبیل می توان نتیجه گرفت که اولاً طبق مفاهیم زردشت اهورا مزدا و اهریمن از نظر زمانی هم دوره اند و ثانیاً اهریمن اگر اراده کند قدرت نابودی و تخریب دارد و چه بسا که پس از آفرینش نخستین این کار را انجام می دهد و با حمله به زمین همه چیز را از بین می برد و این دو مورد ذکر شده دلیلی است بر دیدگاه دو گانه باوری زردشتیان. البته در اعتقادات کهن ایرانی برای اهریمن آفرینش مادی قائل نشدند و معتقدند که قدرت اهریمن در برابر قدرت خدا محدود است برای مثال در حمله ی به زمین اهریمن نمی تواند کیومرث که نمونه ی نخستین انسان است را از بین ببرد زیرا اهورا مزدا سرنوشت کیومرث را در این قرار داده بود که او سی سال در زمین زندگی کند و پس از سی سال جان دهد.

در باب اعتقادات دو گانه باوری روس ها پس از مسیحیت باید گفت که دو آلیسم در بسیاری از ادیان رواج داشت و مظهر بارز آن را می توان در اعتقادات انحرافی آغاز قرن ده در بالکان و پایان آن در بلغارستان مشاهده کرد. مسئله ی برابری دو نیروی خیر و شر، بیان شده در این اعتقادات، با آموزه های ناب مسیحیت در تضاد بود. آن گونه که در منابع رسمی مسیحیت آمده، بدی تنها به دلیل گناه کاری انسان ها در جهان و بعد از نیروی خیر به وجود می آید. شیطان به هیچ وجه خالق نیست، آفریده ی پست خداست و خدا خود ازلی ترین موجود است. با نفوذ بلغارستان به خاک سرزمین روس و همزمان با آن، گسترش مسیحیت به نظر می رسد که این آموزه های انحرافی تأثیر قابل توجهی در شکل گیری تصورات روس ها درباره ی جهان داشت. افسانه های کتب خطی و آموزه های رسمی مسیحیت، که در آن زمان در سرزمین روس ظهور کرده بود، با تصورات اسطوره ای ملی ادغام شد، این جا بود که ساختاری پیچیده و متناقض در اشعار اساطیری بازتاب دهنده ی مبحث آفرینش به وجود آمد؛ افسانه ی مکتوب در ایالت پادولسک گواهی است بر این موضوع:

روزگاری در جهان هیچ چیز به جز آب نبود، روزی خدا در کنار این آب قدم می زد، ناگهان حبابی از کف را دید که حرکت می کرد. خدا با عصای خود حباب را سوراخ کرد، آدمکی سیاه با شاخ و دم از درون آن بیرون پرید. خدا نامش را ساتانائیل (Satanail) نهاد و به او گفت: - با من همراه شو. آن ها مدت طولانی کنار آب قدم زدند تا اینکه خسته شدند و خواستند کمی استراحت کنند که، خدا به ساتانائیل گفت: - به درون آب برو و مثنی خاک بردار، بگو «خاک به نام خدا با من بیا» و آن را نزد من بیاور. ساتانائیل در قعر آب فرو رفت، مثنی خاک برداشت و با خود گفت: «چرا بگویم به نام خدا، مگر من چیزی پست تر از خدا هستم؟»

«خاک به نام من با من بیا». از آب بیرون آمد نگاه کرد حتی ذره ای خاک در مشتش نبود. خدا به او گفت: بسیار خوب، می بینی، می خواستی مرا فریب دهی، نافرمانی کنی و طبق خواسته خود رفتار کنی، بلکه موفق نشدی دوباره به درون آب برو... و تنها بار سوم بود که ساتانائیل نام خدا را بر زبان آورد و موفق شد خاک را بیرون آورد... (Русская мифология энциклопедия, 2005: 28-30) همان شیطان است) موجودی است که هیچ اشاره ای به خلقت آن نشده پس می توان نتیجه گرفت که مخلوق خدا نیست؛ عبارت "روزگاری که در جهان هیچ چیز به جز آب نبود" اشاره دار به روزهای ازلی پیش از خلقت پس از همان آغاز که خدایی بوده است موجودی به نام ساتانائیل نیز وجود داشته که این امر یگانگی و یکتایی خدا را نقض می کند و با توحید و یگانه پرستی در تضاد است.

در یکی از افسانه های کیف آمده است که:

... بعد از دو تلاش بی ثمر ساتانائیل موفق می شود در زیر آب به خاک دست پیدا کند. خداوند به او دستور می دهد به شمایل مادر و کودک (مجسمه ی حضرت مریم که حضرت عیسی را در آغوش گرفته) که در قعر دریا قرار دارد تعظیم کند. این بار شیطان خاک را بر می دارد و به خدا می دهد ولی مقداری از خاک را پشت گونه هایش پنهان می کند. خدا خاک را گرفته و به سمت شرق می پاشد و " سرزمینی زیبا و شگفت انگیز " پدید می آید. شیطان هم خاک خود را به سمت شمال پاشید و سرزمینی سرد، سنگی و ناباور پدید آمد... (همان: ۳۲)

طبق این افسانه ساتانائیل قدرت خلقت دارد، خلق سرزمینی سرد و بی آب علف و این یکی دیگر از نشانه های اعتقاد به ثنویت است زیرا بر اساس مفاهیم توحیدی قدرت خلق کردن تنها به خدا تعلق دارد و هیچ موجود دیگری قادر به این امر نخواهد بود.

آفرینش

در این بخش که آخرین و اصلی ترین بخش این پژوهش است مسئله آفرینش را در چند مورد بررسی می کنیم؛ ابتدا به توصیف کیفیت آفریده ها در ابتدای خلقت می پردازیم و سپس توضیح مختصری در باب مدل های مختلف خلقت خواهیم داد.

توصیف آفریده ها

بنا بر سنت زردشی طول تاریخ جهان دوازده هزار سال است که سه هزار سال آن به آفرینش اصلی اختصاص دارد. هر مزد در این سه هزار سال آفریدگان را به شکل مادی اما همه را بدون جنبش و بدون اندیشه آفرید: سه هزار سال آفرینش تنومند و نافراز رفتار (=ساکن) بود، خورشید و ماه و ستارگان بی جنبش اندر بالست ایستادند. (گزیده های زاد اسپرم، ۱۳۶۶: فصل ۱، بند ۲۶) از اولین تصویر زمین در ابتدای آفرینش توصیفات متعددی در منابع اسطوره ای ایران وجود دارد، از آن جمله در کتاب بندهش این گونه آمده است که:

زمین گرد، پهناور و بی نشیب و فراز میان این آسمان بود... نخست یک سوم این زمین را آفرید سخت چون سنگ سپس یک سوم دیگر این زمین را از گرد آفرید، سدیگر یک سوم این زمین را نرم چون گل فراز آفرید (بندهش، ۱۹: ۱۳۶۹، ۴۰)

فرمانروای جهان نیکی در اولین قدم آفرینش، صورت مینویی یا غیر مادی آفریدگان اصلی را در یک سال و شش نوبت می آفریند که اصطلاحاً به این ها پیش نمونه یا نمونه ازلی می گویند و این آفریدگان به ترتیب عبارتند از آسمان، آب، زمین، گیاه، حیوان، انسان و آتش. اورمزد آسمان را روشن و پهناور می آفریند (آموزگار، ۱۳۷۶: ۴۰) ایرانیان باستان به دلیل مفهومی که از نام آسمان دریافت می کردند آن را از سنگ می پنداشتند. نمونه ی مینویی آسمان همچون جنگ جوی دلیر که زرهی فولادین دارد. بیش نمونه ی آب به صورت یک قطره است به پهنای آب ها. پیش نمونه زمین، زمینی است گرد و هموار بدون هیچ پستی و بلندی در برخی نقاط سخت و در برخی نقاط نرم. پیش نمونه ی گیاه، گیاهی است به صورت یک شاخه در برگرفته ی همه گیاهان عالم. پیش نمونه چهارپایان مفید گاو است. پیش نمونه ی انسان کیومرث است به معنی "زنده ی میرا". (همان: ۴۱)

درخت بدون پوست و خار بود و گاو سفید درخنده همچون ماه، کیومرث که نمونه ی نخستین انسان است همچون خورشید می درخشد. (هینلز، ۸۹: ۱۳۶۸) شکل ظاهری پدیده ها در آغاز هستی (آن طور که در منابع اساطیری ایران به تفصیل شرح داده شده) در اساطیر روسیه به شکلی مبهم توصیف شده برای مثال در ادامه ی افسانه ی مکتوب ایالت پادولسک می خوانیم که ساتانائیل خاک را به خدا می دهد و:

... خدا خاک را گرفت و آن را روی آب پاشید، ناگهان تپه ای زیبا روی آب پدیدار شد که روی آن پر از گیاه و درخت بود... (30: Русская мифология энциклопедия, 2005) سپس خدا مخلوقات گوناگون را در زمین اسکان داد، ابتدا انسان را آفرید، (از روح خود) در او دمید و او شروع به صحبت و حرکت کرد سپس بقیه موجودات و حیوانات و درندگان را به همراه جفت هایشان خلق کرد تا بتوانند تولید مثل کنند. و پس از آن خدا به آسمان رفت. (همان: ۳۱)

خلقت جهانی شبیه تخم مرغ

تصورات درباره ی تخم مرغی که جهان منظم را درون خود جای داده است در افسانه های اساطیری بسیاری از ملت ها وجود دارد؛ در برخی از منابع روایی زرتشتی آسمان همچون سفیده تخم مرغ فرض شده که زمین مانند زرده در میان آن قرار دارد؛ در تصور دیگری آسمان همچون پرندۀ ای فرض شده که تخم خود یعنی زمین را زیر بال گرفته است:

اهرامزدا پس از آفرینش آسمان آن را چون تخم مرغی ساخت (بندهش، ۱۲۸: ۱۳۶۹) و آفرینش مادی را در میان آن قرار داد. (همان: ۱۸) زمین را چون زرده ی تخم مرغ در میان آسمان آفرید که خود چون تخم مرغ است. (بهار، ۱۳۷۶: ۱۳)

تصورات درباره ی جهان تخم مرغی در افسانه های سنتی اسلاو شرقی هنوز پا برجای است. در یک متن اوکراینی آمده است که این تخم طلائی رنگ متعلق به پرندۀ ای است که نیرومندترین موجود میان همه ی حیواناتی بود که در اولین قرن خلقت زندگی می کردند.

در برخی از داستان ها سنتی (Peredanie) این پرندۀ یک خروس است و از تخم این خروس رودخانه ها پدید می آیند: زمانی که هیچ چیز به جز سنگ نبود خدا خروسش را که تخم طلائی می داد فرستاد و از آن تخم هفت رودخانه جاری شد و زمین را سیراب کرد.

(89: Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1999)

خلقت جهان از اجزای بدن آفریدگار

خلقت جهان از اعضای بدن خدا در اسطوره شناسی بسیاری از ملل آمده است، خلقت پدیده ای طبیعی از سر، پا، دست، اجزای صورت خدا هر یک فلسفه ای عمیق را در بردارند. برای مثال طبق متون زردشتی خلقت زمین از پای خدا است چرا که پا به مثابه ستون بدن و نماد استواری است.

این مدل در متون زردشتی این گونه توصیف شده است:

نخست آسمان را از سر آفرید؛ . (میر فخرایی، ۱۳۶۶: 35) سپس آب را از اشک آفرید. (همان: 43) سومین آفرینش زمین بود، که آن را هر مزد از پای خویش می آفریند. (همان: 49)

و در جای دیگر آمده است: ماده ی آفرینش که خود آخگر آتش پاک و پاکیزه است با ورود به تن هر مزد در هر یک از اعضای او ریشه می دواند و با گذشت سه هزار سال افزونی یافته و کمال می یابد؛ این گوهر کمال یافته و مصفا در آفریدگان

جلوه گر می شود زیرا هر مزد آتش، آب، زمین، گیاه و چهارپا را از سر، اشک، پای، مو، و دست راست خود می آفریند. (میر فخرایی، ۱۳۶۶: ۳۰)

این مدل منسوخ در اشعار معنوی روسی که رنگ و لعاب مسیحیت گرفته بود تاثیر گذاشت؛ در «کتاب کبوتر» شعری تحت عنوان «جهان روشن» آمده است در این شعر شاعر، شاعر سر آغاز را با خدای ساوافا، انسانی که خدای طبیعت بود، عیسی مسیح و آدم اولین بشر، آغاز می کند:

جهان ما از چه به وجود آمده... / آفرینش جهان از صورت خداست / خورشید عادل از چشمان او / ماه درخشان از سر / شب سیاه از قفای او (پشت سر) / طلوع و غروب خورشید تابان از ابروان او / و ستارگان بسیار از طره ی موی خدا ... (Русская мифология энциклопедия, 2005: 26)

در شعر معنوی دیگر در همین کتاب آمده: از چه به وجود آمد دنیای ما / از روح مقدس ساگاوا / خورشید سرخ فام از صورت خداوند / ماه درخشان جوان از سینه های خدا / ستارگان بی شمار از لباس خدا... (Русская мифология энциклопедия, 2005: 27)

مدل های دیگر

در منابع اسطوره ای روسی مدل های دیگری از خلقت جهان مطرح شده است، در افسانه ی کیف خلقت زمین همانند یک فعالیت کشاورزی توصیف شده است در یکی از افسانه ها می خوانیم که:

در روزهای ازلی قبل از پیدایش گیتی نه آسمانی بود، نه زمینی، تنها تاریکی بود و آبی مخلوط شده با خاک مثل یک مایه خمیر، روح مقدس خدا در اطراف این آب زمزمه گر (از صدای کف) پرواز می کرد؛ ناگهان خدا به سوی آب رفت در کف دمید و گفت: «فرشته شو» و فرشته ای شد بدون بال <...> آن گاه خدا جهان را آفرید ... و در روز دوم آسمان را. در روز سوم خدا به سرافیم، فرشته ی شش پر دستور می دهد که: «به اعماق آب برو و به نام من اندکی خاک بیاور، آن را می کاریم تا رشد کند»...

یکی دیگر از مدل های ساخت جهان که برای سنت های نژادی مختلف شناخته شده است مدل «صنعتی» (Remeslenayi) است. مردم اسلاو شرقی تصور معروفی درباره پیدایش جهان داشتند به اعتقاد آن ها این روند مشابه پروسه ی تولید نخ و کتان بوده است. بنا بر گفته ی نقل کنندگان فرهنگ سنتی، جهان مثل نخ رسیده می شود و یا مثل پارچه بافته می شود...

نتیجه گیری

در این مقاله سعی بر آن بود که مقایسه ای کوتاه بین اساطیر آفرینش ایران زمان زردشت و روسیه پس از مسیحیت انجام شود. با توجه به مطالبی که توضیح داده شد می توان به وجود شباهت ها و تفاوت هایی در فرهنگ اساطیری این دو کشور پی برد:

الف) روس ها به وجود بی نظمی قبل از پیدایش جهان اعتقاد داشتند؛ بی نظمی در اساطیر روسیه به صورت اقیانوس ازلی یا دریای نخستین تجسم می یابد اما در آموزه های زردشت تنها به عدم وجود زمان و مکان قبل از آفرینش گیتی اشاره شده و بی نظمی و آشوب زمانی حادث می شود که اهورامزدا آسمان، زمین، ماه و خورشید و... را می آفریند حمله اهریمن همه چیز را نابود می کند و دنیا در تاریکی فرو می رود.

ب) اولین تصویری که در منابع زردشتی از عالم عرضه می شود آسمان، زمین، ماه، خورشید و ستارگان وجود داشتند و همه چیز آرام و هماهنگ بود. اما در اساطیر روسیه جهانی تصور شده که در آن تنها آب بوده و یا مخلوط از آب و خاک. (پ) برخی از محققان دیانت زرتشتی را یک نوع یکتا پرستی ابتدائی به شمار می آورند زیرا طبق باورهای زرتشتی در نهایت اهریمن شکست می خورد و نابود می شود و تنها اهورامزدا است که باقی می ماند.

هر چند مسیحیت نیز در اصل یک دین توحیدی است اما از آنجایی که روس ها پیش از گرویدن به مسیحیت به وجود خدایان متعدد اعتقاد داشتند، افکار چند گانه باوری آن ها با آموزه های مسیحیت ادغام شد و از این روست که اندیشه های دو آلیستی در اساطیر روس ها مشهود است. با مقایسه ثنویت در مسیحیت و زرتشت به شباهت هایی در اعتقادات دو آلیستی آن ها پی می بریم؛ وجود دو نیروی خیر (خدا و اهورامزدا) و شر (ساتانائیل و اهریمن) از ازل و قدرت آفرینشی که این دو نیرو در خلق خوبی ها و بدی ها دارند از این شباهت ها هستند.

ت) در کتب زرتشتی کیفیت پدیده های اصلی (آسمان، زمین، آب، گیاه، حیوان و انسان) به تفصیل شرح داده شده و در باب شکل ظاهری آن ها مفصل سخن به میان آمده اما در منابع اساطیری روسیه از کیفیت ظاهری پدیده ها سخن به میان نیامده و صرفاً به خلقت آن ها اشاره شده است.

ث) ترتیب آفرینش پدیده ها در دیدگاه اساطیر دو کشور متفاوت است. آفرینش در زرتشت از آسمان آغاز می شود، زمین، آب، گیاه، حیوان، انسان و در نهایت آتش؛ اما طبق افسانه های باستانی مردم روسیه نخست آب خلق می شود سپس زمین، گیاه و درخت، انسان و در نهایت حیوانات و درندگان.

منابع

۱. آموزگار، ژاله، تاریخ اساطیری ایران، تهران، انتشارات سمت، چاپ دوم ۱۳۷۶
۲. براون فادر، کیم، روسیه، مترجم مهسا خلیلی، تهران، انتشارات ققنوس، ۱۳۸۵
۳. بندش، مترجم مهرداد بهار، تهران ۱۳۶۹
۴. بهار، مهرداد، گردآورنده و ویراستار ابوالقاسم اسماعیل پور، تهران، انتشارات چشمه، ۱۳۷۶
۵. بهرامی، عسگر، تاریخ اساطیری ایران، تهران، انتشارات ققنوس، ۱۳۸۸
۶. کوپ، لارنس، اسطوره، مترجم احمد دهقانی، تهران، انتشارات علمی فرهنگی، ۱۳۹۰
۷. گزیده های زاد اسپرم، مترجم محمد تقی راشد محصل، تهران، موسسه ی مطالعات و تحقیقات فرهنگی، ۱۳۶۶
۸. گیمین دوشن، ژاک، اورمزد و اهریمن ماجرای دوگانه باوری در عهد باستان، مترجم عباس باقری، تهران، انتشارات فرزاد، ۱۳۷۸
۹. میرفخرایی، مهشید، آفرینش در ادیان، تهران، موسسه مطالعات و تحقیقات فرهنگی، ۱۳۶۶

۰۱۰. ندا، طه، الادب الامقارن، بيروت، دار النهضة العربية، ۱۴۱۲هـ / ۱۹۹۱م.
۰۱۱. وارنر، اليزابت، اسطوره های روسی، مترجم عباس مخبر، تهران، نشر مرکز، ۱۳۸۵
۰۱۲. هينلز، جان، اساطير ايران، مترجمان ژاله آموزگار، احمد تقصلي، تهران، نشر چشمه، چاپ اول ۱۳۶۸
۰۱۳. تسليمی، علی، عباس خانقی، اعظم اسماعيل زاده، مقایسه برخی از پرسوناژها در اساطير روسیه و ايران، درمجله ادب پژوهی شماره ۳، ۱۳۸۶
14. Маковская М. М., Сравнительный Словарь Мифологической Символики В Индоевропейской Языках образ мира и миры образов. – Москва :Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС,1996
15. Николаева Н. А. , Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – Москва ,1999.
16. Русская мифология энциклопедия. – Москва : ЭКСМО; СПб : МИДГАРД, 2005.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Н. М. Маторина, А. А. Рубан, Б. И. Маторин
Донбасский государственный педагогический университет,
г. Славянск, Донецкая область, Украина

Summary. In the article the ways and the methods of the stimulation of the schoolboys and the students-philologists' cognitive activity and their interest to the linguistic knowledge, the development of the intellectual initiative and the creative approach to the research through the acquaintance with the proverbs and the sayings are described.

Key words: Russian language and literature; proverb saying cognitive activity.

Мудрость народная гласит: «Пословица недаром молвится» и как будто перекликается с выражением А. С. Пушкина, который видел роскошный смысл и удивительный толк в каждой пословице или поговорке. Каждую пословицу Пушкин называл сгустком радости и горя, гнева и печали, ненависти и любви, юмора и иронии. С их помощью становятся понятными всевозможные явления, окружающие нас, мы проникаем в глубины истории народа.

Пословицы – это короткие, простые, но богатые по мысли изречения. О них давно и, кажется, исчерпывающе сказано всё. Однако наметившиеся за последнее время тенденции в речевой практике заставляют вернуться к этому вопросу. Дело в том, что речь молодёжи отнюдь не обогащается пословицами и поговорками, а то новое, что появляется в ней, прогрессом никак не назовёшь.

Многими ли народными пословицами, поговорками, прибаутками пользуемся мы в нашей разговорной речи? Сколько мы помним таких выражений? Думаем, что не ошибёмся, если укажем – как самое большое – число 50, а в обычной, разговорной речи мы употребляем, пожалуй, и того меньше. И это в то время как неистощимое богатство пословиц и поговорок насчитывает их тысячи. Можно знать очень много пословиц, можно выписать и заучить наиболее понравившиеся из них, но когда дело доходит до их практического применения, особенно в устной речи, на ум, как правило, приходят не самые удачные варианты. Иногда делаются попытки «украсить» пословицами уже готовый текст – результат порой тоже не радует. Эта ситуация знакома многим. Видимо, проблема не в том, что уместная в данном контексте пословица не вспоминается, а в самом способе её применения.

Пословицы и поговорки – это благодатный материал для обучения тому, как одну и ту же мысль можно выразить разными словами. Они образны, кратки и содержательны. Пословицы многому учат, помогают усваивать моральные принципы народа, который их создал. Работа с пословицей развивает мышление, прививает любовь к родному языку, повышает культуру речи, способствует лучшему усвоению грамматики и более глубокому изучению литературы, передаёт учащимся народную мудрость, развивает и обогащает речь.

В данной статье хотелось бы поделиться мыслями о том, как можно использовать пословицы и поговорки на занятиях по языку и литературе в школе и вузе с целью формирования речевой культуры школьников и студентов. Предлагаем краткую характеристику апробированной на русско-украинском отделении филологического факультета Донбасского государственного педагогического университета системы занятий по использованию пословиц и поговорок для обучения речевым умениям – на ос-

нове дидактического материала занимательного характера. Подробнее коснёмся описания занимательного дидактического материала для таких занятий.

1. Составьте собственный словарь пословиц и поговорок, наиболее часто употребляемых в русской речи и зафиксированных в письменных литературных источниках (варианты выполнения: на определённую букву (на букву А), на определённую тему (о языке), определённого типа (например, переводные русско-английские или англо-русские) и т. п.). Словарная статья в авторском словаре должна содержать пословицу (или поговорку), стилистическую помету, толкование смысла и описание ситуации, в которой она употребляется; цитаты из художественных текстов; возможны краткие справки о происхождении пословицы или другая информация (по усмотрению автора).

2. Презентация словарей пословиц и поговорок.

Обязательным структурным компонентом презентации словаря является система заданий, отражающая возможности использования презентуемого словаря в учебном процессе.

Образец: 1) прокомментируйте способы перелицовки традиционного материала в приведённых пословицах из словаря Х. Вальтера и В. М. Мокиенко: «*Автопилот до Киева доведёт*», «*Евро баксу не товарищ*», «*Как встретишь третье тысячелетие, так его и проживёшь*» и т. п.; 2) «*Большой словарь русских пословиц и поговорок*» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Примеры задания. Найдите в словаре современные просторечные и жаргонные обороты, объясните их значение (*быть в [полном] обалдайсе* – сильно удивляться, поражаться чему-либо; *остров невезения* – первая парта в классе; *накрыться [медным] тазом [тазиком]* – умереть, не реализоваться, потерпеть крах (о планах, надеждах) и т. д.); 3) составьте справочник «*Пословицы, поговорки и стихи о...* (о временах года, о труде, о языке, о книге и т. п.), в качестве образца используя словарь О. Д. Ушаковой «*Пословицы, поговорки и стихи о любви и дружбе. Справочник школьника*».

Примерный перечень словарей для презентации: *Адамчик М.* Антипословицы и афоризмы (2011); *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа (2005); *Зигуненко С. Н.* Детский словарь пословиц и поговорок в картинках (2012); *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений (2008); *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок (2000); Ковалёва С. 7000 золотых пословиц и поговорок (2006); *Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л.* Русско-английский словарь пословиц и поговорок (1996); *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских пословиц и поговорок (2007); *Розе Т. В.* Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей (2009); *Сверчинская Д., Сверчинский А.* Словарь пословиц на восьми языках (2008); *Ушакова О. Д.* Пословицы, поговорки и стихи о любви и дружбе. Справочник школьника (2008).

3. «До свидания, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Сегодня к народной мудрости относятся небрежно. Это особенно заметно в публицистике. Такие газетные заголовки, как «Жить или делу служить», «Молчание – золото на погонах», «Властители сумм», «Без божества, но с вдохновением» и мн. др., – знамение времени. Они воплощают в себе современный оценочный способ видения жизни. И рекламный язык пропагандирует языковые опусы, в которых без вкуса и чувства меры неграмотно используются и трансформируются пословицы и поговорки.

Задание. Найдите в СМИ примеры подобного рода использования пословиц и поговорок, дайте свою оценку такому употреблению. Вспомните пословицы, по которым «сделаны» следующие газетные заголовки: 1) «Готовь лыжи летом»; 2) «Мал городок, да дорог», 3) «Проводили по одежде»; 4) «Посадка в чужие сани уже объявлена» и т. д.

4. Упражнение «Найди лишнюю пословицу» (предлагается выбрать одну лишнюю пословицу из четырёх, объяснив своё решение).

А. 1. С деньгами мил, без денег постыл. 2. Правда дороже золота. 3. У Фомушки денежки – Фомушка Фома, у Фомушки нет денежки – Фомка Фома. 4) Худ Роман, коли пуст карман.

Б. 1. Бьется, как рыба об лед. 2. Как рак на мели. 3. Пропал, как швед под Полтавой. 4) Хвост голове не указ и т. п.

Образец: 1. Хвастать – не косить, спина не болит. 2. Не спеши языком – торопись делом. 3. Язык до Киева доведёт. 4. От слова до дела сто перегонов. **Рассуждение.** При поверхностном рассмотрении первую поговорку можно посчитать лишней, так как в последующих трёх речь о языке, слове, а в первой об этом сказано не явно. При более подробном рассмотрении оказывается, что суть первой, второй и четвёртой поговорок сводится к тому, что не всегда слова совпадают с делами, следовательно, лишней является третья поговорка.

5. Начиная с букв исходной поговорки За дружбу дружбой платят, напишите 21 поговорку или поговорку о дружбе (вариант выполнения упражнения – поговорки или поговорки различной тематики).

Образец: Знал дружка в радости, не оставляй в горести. Артель дружбой крепка. Дружба – великая сила. Расстояние дружбе не мешает. Умный себя винит, глупый – своего товарища. Живи, не скупись, с друзьями делись. Без беды друга не узнаешь. Услужливый дурак опаснее врага. Дружба крепка не лестью, а правдой и честью. Раздружится друг – хуже недруга. Улыбке недруга не доверяй, злобы в друге не подозревай. Жить было с другом, да помешал недруг. Без друга в жизни туго. Одежда хороша новая, а друг – старый. **(Й)** Из-за нового приятеля не теряй старого. Плохой друг подобен тени: только в светлые дни его и видишь. Лучше друг верный, чем камень драгоценный. А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь. Товарищ за товарища в огонь бросится. Язык мой – враг мой. Ты, гроза, грозись, а мы друг за друга держись.

6. Подберите примеры поговорок и поговорок на использование указанных изобразительно-выразительных средств.

Образец: Аллегория: Хорошо пахать на печи, да заворачивать круто. Гипербола: У него каждая копейка алтынным гвоздём пробита. Ирония: Жаль девки – потеряли парня. Метафора: Его голыми руками не возьмёшь. Метонимия: Сытое брюхо к ученью тупо. Оксюморон: Дела как сажа бела. Олицетворение: Авоська верёвку вьёт, небоська петлю закидывает. Антитеза: Молодость – пташкой, старость – черепашкой. Синекдоха: Семеро топоров вместе лежат, а две прялки врозь. Эпитет: Не великое дело – великое слово и пр.

7. Подберите поговорки-сёстры из разных языков: Красна птица перьем, а человек – ученьем. Всяк своего счастья кузнец. Детей наказывай стыдом, а не грозой и бичом. Десятая вода на киселе и др.

Образец: Кто кому нужен, тот с тем и дружен (русск.). Вода сливается с водой, а масло – с маслом (индонез.). Всякая птица летает с той, которая ей по крылу (гагауз.). Лапти найдут свою пару (бурят.). Одна доля, одна беда людей вместе объединяют (укр.) и др.

8. Подберите русские соответствия к иностранным поговоркам и поговоркам: Восток или Запад – дом лучше (англ.). Может украсть тушь с ресниц (арабск.). Работе посвящай день, отдыху полдень (перс.). С дождя под водосточную трубу (польск.) и др.

Образец: Час утром лучше двух вечером (англ.) – Утро вечера мудренее (русск.).

9. Сделайте дословный перевод английских поговорок и поговорок на русский язык, затем вспомните соответствующие поговорки и поговорки в русском языке.

Образец: Friends are all right when they don't interfere with your career. **Дословный перевод:** Друзья хороши, пока не вмешиваются в твою карьеру. **Русский эквивалент:** Дружба дружбой, а служба службой.

1. A friend to all is a friend to none. 2. Old friends and old wine are best. 3. A cracked bell can never sound well. 4. A friend's frown is better than a foe's smile. 5. A man is known by the company he keeps.

Материал для справок. 1. **Дословный перевод (далее – Дп):** Друг всем – друг никому. **Русский эквивалент (далее – Рэ):** Всем брат – никому не брат. Приятелей много, да друга нет. 2. **Дп:** Старые друзья и старое вино – самые лучшие. **Рэ:** Старый друг лучше новых двух. Вещь хороша, пока новая, а друг – когда старый. 3. **Дп:** Треснутый колокол не сможет никогда хорошо звенеть. **Рэ:** Надсаженный конь, надломленный

лук да замирённый друг равно ненадежны. 4. *Дп*: Хмурый взгляд друга лучше, чем улыбка врага. *Рэ*: Лучше горькая правда друга, чем лесть врага. Недруг поддакивает, а друг спорит. 5. *Дп*: Человек узнаётся по своей компании. *Рэ*: Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. С кем хлеб-соль водишь, на того иходишь.

10. Найдите пословицы и поговорки в художественном тексте (например, в поэмах Н. В. Гоголя «Мёртвые души», М. Ю. Лермонтова «Песня про купца Калашникова...», Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», в пьесах А. Н. Островского, в эпопеях Л. Н. Толстого «Война и мир» и М. А. Шолохова «Тихий Дон» и др.).

Ниже перечислим другие возможные виды работ с пословицами и поговорками на занятиях по языку и литературе в учебных заведениях (данный перечень можно дополнить заданиями из пособий Н. М. Маториной [1; 2; 3]):

- сочинение по пословице или включение пословицы в сочинение;
- составление плана сочинения в виде пословиц / поговорок;
- подбор пословицы как эпиграфа к сочинению, сочинению-миниатюре;
- определение идеи литературного произведения пословицей или поговоркой;
- составьте рассказ, который логично заканчивался бы пословицей, или прослушайте (прочитайте) рассказ и подберите пословицу, которая будет наиболее подходящей концовкой рассказа;
- подберите пословицу / поговорку, характеризующую литературный персонаж или определённый сюжетный отрывок из текста;
- составление картотеки пословиц и поговорок для изучения конкретной темы по русскому языку (с обязательным научно-методическим объяснением значения их смысла, доступным для понимания учащимися данного возраста);
- вспомните пословицы и поговорки с числами, именами собственными, «цветовыми» прилагательными и пр.;
- придумайте ситуацию, в которой можно было бы употребить данную пословицу;
- придумайте и инсценируйте диалоги, используя при этом пословицы, или прослушайте диалог и скажите, какой пословицей его можно было бы закончить;
- назовите пословицы, которые могут служить жизненным девизом;
- дайте товарищу совет и употребите при этом подходящую пословицу или поговорку;
- для лучшего запоминания проиллюстрируйте данные пословицы забавным рисунком;
- выразите согласие или несогласие с предложенной пословицей;
- конкурс «Кто больше назовёт пословиц?»;
- игра «Пантомима» (пословицу показывает ученик (студент), остальные её отгадывают);
- отгадывание пословицы по одному названному слову или подбор пословиц и поговорок по одному ключевому слову (*друг, вода, радость, книга, жизнь* и т. п.);
- игра «Продолжи начатое»: ведущий говорит начало пословицы, другой игрок должен договорить конец пословицы;
- вспомните занимательные загадки или «хитрые» вопросы, построенные на основе пословиц и поговорок (например: *В какой поговорке насекомое превращается в млекопитающее? В какой поговорке утверждается, что нужно определить цену и вес горю?* и т. д.) (выполнение некоторых заданий можно предлагать на дом, поскольку они требуют времени и сосредоточенного обдумывания, что не всегда возможно реализовать на занятии в силу объективных причин);
- разработка внеклассных и внеаудиторных мероприятий с применением пословиц и поговорок.

Предложенные нами варианты работы далеко не исчерпывают всех возможностей применения пословиц и поговорок в учебном процессе, очевидно, что в одной статье невозможно описать все полезные советы, да и у каждого преподавателя есть свои профессиональные секреты, открытия, находки, хитрости и хитринки... Тем более мы уверены, что творчески работающие педагоги смогут не только применить предложенные задания на практике, но и усовершенствовать их.

Библиографический список

1. Маторина Н. М. Русский язык в вопросах и ответах. – Славянск : Канцлер, 2007. – Ч. 1. – 203 с.
2. Маторина Н. М. Русский язык в вопросах и ответах. – Славянск, 2009. – Ч. 2. – 241 с.
3. Маторина Н. М. Русский язык в вопросах и ответах. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Славянск, 2009. – Ч. 1. – 219 с.

«МЕДВЕДЬ» КАК ОДИН ИЗ ЗНАКОВ КУЛЬТУРЫ В НАИМЕНОВАНИЯХ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

К. А. Власова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. This article considers the ways of representation of cultural signs in the names of the confectionery. The gastronomic and zoomorphic codes of culture reveal the called-for names of confectionery. The lexeme "bear" and its transformations are considered.

Key words: cultural code; confectionery; names; lexeme.

В современных лингвистических исследованиях активно используется понятие культурного кода. Так, в этнолингвистике код культуры понимается как «орудие для выражения смыслов, имеющих разные формальные “обличья”» [1, с. 341]. Также широкое распространение получило предложенное В. В. Красных понятие культурного кода «как “сетки”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, с. 232]. По мнению М. В. Пименовой, код культуры – «это макросистема характеристик объектов картины мира, объединённых общим категориальным свойством» [2, с. 101].

Также стоит отметить, что коды культуры делятся на субстанциональные и концептуальные. «Первые определяются на основании общности плана выражения – материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код (цветовая уличная сигнализация, предметный код обряда и др.); вторые – на основании смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (растительный код, зоологический, кулинарный и т. п.)» [1, с. 340].

Наш интерес связан с репрезентацией культурных кодов в названиях кондитерских изделий. Названия кондитерских изделий является перекрёстком нескольких культурных кодов, в том числе гастрономического и зооморфного.

При наименовании кондитерских изделий активно используются названия животных. Эти названия связаны, прежде всего, с наиболее значимыми для русского народа животными. Наиболее востребованными являются наименования, восходящие к основе «медведь»: *Мишка, Мишка на Севере, Мишка на Юге, Мишки в лесу, Мишка косолапый, Кокосовый мишка, Весёлый мишка, Сказочный мишка, Мишка Косолапов, Михайло-Потапыч, Мишка детям, Снег и Мишка, Три Медведя, Мишутка, Братец Мишутка*. На наш взгляд, это неслучайно, ведь медведь – символ России.

«*Мишка Косолапый*» – самая старая конфета, которую производят на фабрике «Красный Октябрь». Шедевр Ивана Ивановича Шишкина оказался на конфетной обёртке вскоре после того, как Павел Третьяков приобрёл картину художника «Утро в сосновом бору» для своей коллекции. Художник Эммануил Андреев, которому заказали обёртку для пралиновых конфет, взял за основу сюжет «Утра в сосновом бору» и поместил его на бирюзовый фон. Название конфеты, видимо, родилось вместе с дизайном фантика. Когда это произошло, точно сказать сложно, но на исторической этикетке присутствует герб Российской империи – отличительный знак победителя художественно-промышленной ярмарки в Нижнем Новгороде. Это свидетельствует о том, что в промежуток между концом 1880-х и серединой 1890-х годов эта конфета уже была в продаже с этой обёрткой и названием.

Дадим лингвистический комментарий. Название конфеты «*Мишка*» образовано от лексемы *медведь* при помощи суффикса -к-. Следующее определение даёт Толковый словарь С. И. Ожегова: *Мишка* (разг. ласк.) – то же, что медведь (в 1 знач.).

Обратимся к определению лексемы *медведь*. Она имеет несколько значений, основное: крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами, а также его мех; кроме того, в переносном значении – о неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.).

Лексема *косолапый*, согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, также многозначна: 1. Ступающий пятками врозь, носками внутрь. Косолапый медведь. Косолапая походка (носками внутрь). 2. В переносном значении – то же, что косорукый. 3. Шутливое название медведя.

Таким образом, в названии конфеты «Мишка косолапый» название животного употреблено в 1 прямом значении и представляет собой конкретную реалию.

«**Мишка на Севере**» – марка шоколадных конфет, выпускавшихся Кондитерской фабрикой имени Н. К. Крупской и другими кондитерскими фабриками СССР и России. Кондитеры фабрики им. Крупской начали выпускать их накануне Великой Отечественной войны, в далеком 1939 г. Конфеты настолько полюбились жителям города на Неве, что даже во время сложнейшего периода жизни Ленинграда, несмотря на все трудности военного времени и осадное положение, фабрика не прекратила производство этого лакомства. Уже в 1943 г. было выпущено 4,4 тонны конфет «Мишка на Севере». И, может быть, «Мишка на Севере» стал одним из тех важных элементов, что поддерживали в жителях блокадного города веру в победу.

Согласно данным толковых словарей в названии конфеты «Мишка на Севере» наименование животного также употреблено в прямом значении и представляет собой конкретную реалию – белого медведя, живущего на Севере, на что имплицитно указывает обёртка конфеты.

Довольно интересно название конфет «**Мишка на Юге**», оно не указывает на конкретную реалию, так как всем известно, что белые медведи (изображённые на обёртке), на Юге не обитают. Скорее всего, такое название является антонимичной адаптацией базового названия конфет «**Мишка на Севере**».

«**Мишки в лесу**» – шоколадные конфеты и шоколад фабрики «Победа». На их обёртке, как и на фантике конфет «Мишка косолапый», изображена репродукция картины Ивана Ивановича Шишкина «Утро в сосновом бору». И таких вариаций довольно много: это и конфеты «**Мишутка**», и «**Брат с Севера приехал**», и «**Мишка Косолапов**».

Названия конфет «**Кокосовый мишка**», «**Весёлый мишка**», «**Сказочный Мишка**» – ключевые знаки XXI века. Они также восходят к лексеме мишка → медведь, но конкретизируются при помощи прилагательных *кокосовый*, *весёлый*, *сказочный* со следующими лексическими значениями:

Кокосовый. 1. см. кокос. 2. кокосовая пальма - пальма с кольчатый стволем и перистыми листьями, дающая крупные съедобные плоды - кокосы (кокосовые орехи).

Кокос. Орех кокосовой пальмы.

Весёлый. 1. Полный веселья, жизнерадостный. Выражающий веселье, исполненный веселья. 2. Вызывающий радость, веселье. 3. Приятный для глаза, светлый, яркий (о расцветке тканей, обоев, картин и т. п.).

Сказочный. 1. См. сказка. 2. Перен. Прекрасный, необычайный и небывалый.

Сказка. 1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. 2. Выдумка, ложь (разг.). 3. То же, что чудо.

В словосочетании «**Кокосовый мишка**» лексема *кокосовый* употреблена в первом значении и указывает на начинку конфеты. В названии «**Весёлый мишка**» лексема *весёлый* может быть рассмотрена в первом или втором значении. Название же «**Сказочный Мишка**» определяет медведя как сказочного героя, неслучайно лексема *Мишка* написана с заглавной буквы.

В названиях конфет отражается эпоха, реалии, традиции и обычаи, ценностное отношение к фольклору. Это их свойство позволяет использовать их и в художественной литературе, где они выступают в качестве ключевых слов. «**Мишка косолапый**»: «Однажды, сидя на террасе с мамой – Коростелёва не было, – дядя Петя позвал Серёжу и дал ему конфету, большую и редкую – «**Мишка косолапый**» (В. Ф. Панова. Серёжа); «Как он это делал? какой кисточкой и каким мазком? – меня

совершенно не интересует, это дело людей, которые обучались в Академии художеств. Но я «торчу» от «Утра в сосновом бору», и не потому, что оно изображено на обёртках конфет **«Мишка косолапый»**. «Как ты можешь любить Айвазовского?» Да мне плевать, штамповал ли он свои картины, как говорят некоторые, по десять за ночь. Мне просто нравится». (Александр Розенбаум. Бультерьер). **«Мишка на Севере»**: «И каким богачом и счастливецом чувствовал себя азартный метатель, если его прозрачная, дешёвая, от лимонных карамелек бумажка накрывала тяжёлый и плотный фантик шоколадной конфеты **«Мишка на Севере»**, где заиндевелый медведь, стоя на красочной льдине, подымал морду к серебряному полярному сиянию». (Александр Проханов. Господин Гексоген); «Хотя постой, постой, кажется, у меня... ага, есть! – Он выгреб из кармана горсть конфет. – Заключённых угощаю, когда в перерыве пьём чай. Да смотри какие – **«Мишка на Севере»**. Бери!» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Во всех приведённых выше примерах указывается ценность этих конфет, которые в советское время сложно было купить. Эти названия представляют ключевые знаки эпохи, так как через такое определение, атрибуцию можно выявить имплицитную информацию о жизни в то время.

Многие названия переключаются со сказками. Например, название **«Три медведя»** имеет обширную культурную и литературную традицию. Изначально «Три медведя» – популярная английская народная детская сказка, впервые была опубликована Робертом Саути в 1837 году. На русском языке широкое распространение она получила в пересказе Льва Николаевича Толстого. По сюжету этой сказки в советское время было снято несколько одноименных мультфильмов. С лингвистической же точки зрения это название представляет собой словосочетание «имя числительное + имя существительное» со связью управление.

Медведь, будучи «хозяином леса», удостоился в фольклоре наследуемого антропонима – фамилии и часто именуется в сказках Михайло Потапычем, Михаилом Ивановичем или Потаповичем Топтыгиным. И среди отобранных наименований конфет, восходящих к лексеме медведь, есть названия, имеющие в своём составе имена собственные – **«Михайло Потапыч»**, **«Мишка Косолапов»**. Первое название не содержит в себе лексему медведь, но имеет с ней ассоциации, так как Михайло Потапыч (Михаил Потапыч) – традиционное русское прозвище медведя, одного из самых любимых народом сказочных героев. Также Михайло Потапыч является одним из героев сказки А. Можаровского «Волк Евстифей и Михайло Потапыч». Что же касается второго названия, не удивительно, что создатели этих конфет дали Мишке человеческую фамилию, так как значение медведя определяется, прежде всего, его подобием человеку, толкуемым мифопоэтическим сознанием как указание на общее их происхождение или происхождение друг от друга.

Таким образом, группа названий кондитерских изделий, восходящих к лексеме медведь, достаточно разнообразна. В состав наименований данной группы входят существительные и в единственном, и во множественном числе (Мишка – Мишки), словосочетания с обстоятельством места (Мишки в лесу, Мишка на Севере, Мишка на Юге), словосочетания, содержащие имена собственные (Михайло-Потапыч, Мишка Косолапов), словосочетания со связью согласование (Кокосовый мишка, Весёлый мишка, Сказочный мишка), словосочетания с дательным косвенного объекта (Мишка детям), словосочетания «имя числительное + имя существительное» со связью управление (Три медведя).

Наименования кондитерских изделий являются репрезентацией культурных кодов, в том числе зооморфного. В них отражаются культурные реалии, менталитет, история и традиции народа. Наиболее востребованной основой названий кондитерских изделий является основа «животные», в том числе «медведь».

Библиографический список

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
2. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности : учебное пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Изд. 3-е, доп. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. – 136 с.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Изд-во «А ТЕМП», 2007. – 944 с.

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

А. Н. Бжицких
Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск, Россия

Summary. This article is devoted to the issue of speech impact of Proverbs and sayings of old believers Uymonsky the valley of the Republic of Altai. In the article demonstrated examples of cultural traits of the old believers, realized in the pedagogical folklore.

Key words: speech impact; Proverbs; sayings; pedagogical folklore; concept; communicative and relevant features.

Речевое воздействие в современной науке рассматривается как определённый механизм, способный регулировать сознание людей, их мысли, поведение. О. С. Иссерс полагает, что «феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия – значит регулировать деятельность своего собеседника» [1, с. 21].

В нашей статье мы рассмотрим речевые средства воздействия в педагогическом фольклоре старообрядцев Уймонской долины Усть-Коксинского района Республики Алтай. Интерес к культуре старообрядчества определяется тем, что долгое время эта культура была закрытой, следовательно, и языковые особенности данной группы людей рассматривались недостаточно полно. Исследования старообрядчества и речевого воздействия – научные парадигмы, которые редко пересекаются в исследовательских трудах. Мы остановимся на рассмотрении пословиц старообрядцев и попытаемся определить их степень речевого воздействия при воспитании подрастающего поколения.

По свидетельствам Р. П. Кучугановой, основателя музея старообрядческой культуры села Верх-Уймон Усть-Коксинского района, наибольшее число фольклорных материалов старообрядцев связано с воспитанием, затем значительное внимание уделяется вере, а третьим по значимости в их жизни является труд. Данные фольклорных материалов, собранных в 2010–2012 годах в Усть-Коксинском районе, свидетельствуют о преобладании педагогической тематики среди прочих в этих материалах (примерно 68 % пословиц, поговорок, притч и бывальщин посвящены теме воспитания).

Стоит выделить некоторые коммуникативно-релевантные черты русского менталитета, которые схожи со старообрядческой ментальностью. Отметим, что данные черты были выделены И. А. Стерниным и Ю. Е. Прохоровым в книге «Русские: коммуникативное поведение» [3, с. 100–109].

Соборность. Для старообрядцев данная черта имеет огромное значение, поскольку исторически сложилось, что старoverы жили общинами, соответственно, вместе воспитывали детей и вели хозяйство. Соборность сочетает в себе следующие концепты: взаимопомощь, трепетное отношение к семье, родине. Р. П. Кучуганова в своём материале в журнале «Восход» так говорит о значении семьи для старoverов: «Старообрядчество имело крепкие семейные устои, поддерживаемые и укрепляемые всей сутью общинной жизни крестьянина. В семье, где иногда насчитывалось по 18–20 человек, также всё строилось по принципу старшинства. Во главе большой семьи стоял старейший мужчина – большак. Ему помогала хозяйка – большуха. Авторитет матери – большухи – был непререкаем. Дети и невестки называли её ласково и почтительно „маменька”» [2].

Соборность как черта старообрядческой культуры находит отражение в таких пословицах и поговорках, как «*Не хули народ – просить придётся*», «*Кто добрых людей слушает, тот сладости кушает*», «*Кто в гости не ходит и к себе не зовёт, тот неправильно живёт*», «*Что в детстве воспитаешь, на то в старости обопрёшься*», «*Отец и мать – священные слова*», «*Не хвались отцом, хвались сыном*».

молодцем», «Не смейся над старым – сам будешь стар», «Нет родимее дружка, чем родная матушка», «Первая жена от Бога, вторая жена от народа, а третья – от сатаны», «Родима сторона – мать, а чужбина – мачеха».

Душевность социальных отношений. Для старообрядцев Уймонской долины душевность стала основной чертой при воспитании поколений. Эта черта состоит из таких концептов, как гуманность, доброта, всепрощение, гостеприимство. «Умный винит себя, а глупый – другого», «Чистая совесть есть постоянный праздник», «Доброе дело – правду говорить смело», «За доброе дело жди добра, за плохое – худ», «Простота да чистота – половина спасения», «Ласковое слово самому ничего не стоит, а другому много даёт», «Кто правого винит, тот себя язвит», «Мало гость гостит, да много видит», «Кто в гости не ходит и к себе не зовёт, тот неправильно живёт».

Историческая терпеливость. Эта категория включает в себя такие концепты, как толерантность, трудолюбие, сдержанность: «Не вини людей, вини время», «Люби людей, чтобы люди любили тебя», «Не хули народ – просить придётся», «Как нажито, так и прожито», «Спорь, да не вздорь», «Лишнее слово досаду приносит», «Умная голова не скажет пустые слова», «Кто любит трудиться, тому есть, чем похвалиться», «Чем трудней работа, тем выше честь», «Работящего работа ищет, а лентяя постель».

Высокая степень воздействия рассмотренных нами жанров пословиц и поговорок достигается за счёт ненавязчивого вкрапления их в повседневную речь старообрядцев. В самих же пословицах использование императивных форм глаголов несёт особую воспитательную нагрузку, демонстрируя не только народную мудрость, но и позволяя говорящему сообщать повеление, чтобы то или иное действие было выполнено. Использование простых предложений позволяет молодому поколению быстро запомнить пословицы и поговорки. Кроме того, краткость способствует тому, что пословицы и поговорки легко цитируются. Для данных речевых жанров характерен очень сдержанный, скрыто-назидательный тон исполнения. Это значит, что воздействие на ребёнка осуществляется косвенно, нет авторитарного навязывания мнения. Ребёнок делает самостоятельные выводы о том, что именно так и надо жить, из кратких суждений, представленных пословицами.

Таким образом, выделенные нами речевые средства воздействия в пословицах, одной из важных составляющих педагогического фольклора старообрядцев Уймонской долины, позволяют утверждать, что такие средства являются ненавязчивым способом воспитания поколения, позволяющим акцентировать внимание детей на жизненных устоях целого народа.

Библиографический список

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Кучуганова Р. П. Влияние этнической культуры старообрядцев и поздних переселенцев Уймонской долины на духовно-нравственное становление личности. – Восход – 2005. – № 9 (137), сентябрь.
3. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М. : Флинта: Наука, 2007.

ЭВЕНСКИЙ ОБЫЧАЙ *НИМАТ*

Р. П. Кузьмина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. The article describes the ancient custom of the Even "nimat", operating in areas where Evens and now.

Key words: custom; culture; Even the people; history.

В одном из своих выступлений народный писатель Якутии, президент Ассоциации КМНС Республики Саха (Якутия) А. В. Кривошапкин отметил: «...коренные мало-

численные народы Севера в течение многих веков отшлифовали свою уникальную, неповторимую цивилизацию и сделали её достоянием всего человечества» [2, с. 3–5].

Эвены – один из малочисленных народов Севера, сохранивших традиционную культуру и язык. Обычай эвенов, передаваемые из поколения в поколение, сохранившие свои функции и по настоящее время, очень точно передают особенности национального характера, условия жизни и эстетические воззрения народа, населяющего бескрайние просторы Севера.

Одним из обычаев, дошедших до наших дней и сохранивших свои функции, является *нимат*. Этнограф В. А. Туголуков в работе «История и культура эвенов» пишет: «У эвенов, как и эвенков, было характерно в прошлом коллективное распределение охотничьей добычи, известное как обычай *нимат*. Согласно этому обычаю, любая охотничья добыча подлежала обязательному уравнительному распределению между всеми семьями стойбища. По куску мяса полагалось разослать и в близлежащие стойбища» [1, с. 61–62].

Согласно исследованиям У. Г. Поповой, мясо жертвенных оленей, умерщвлённых во время празднований христианских «святых дней», также распределялось между всеми жителями стойбищ, в том числе – и соседних, расположенных рядом, сначала – между всеми старухами и стариками, потом – между всеми семьями, пожилыми и молодыми: его полагалось съесть в течение праздника [4, с. 171].

В настоящее время обычай *нимат* до сих пор функционирует в местах компактного проживания эвенов, в частности у ламунхинских эвенов. Объектом *нимата* является мясо домашнего оленя, горного барана, лося. Рыба и мясо таких пушных зверей, как заяц, тарбаган, не подлежат *нимату*. Хотя, как отмечает Туголуков, у эвенов существовал обычай *юллести*, по которому зайцы распределялись коллективно [1, с. 62]. Раньше ламунхинские эвены во время распределения мяса животного разделяли его только *эксэнэм* («специальный инструмент для разделки мяса»). Топором нельзя было пользоваться, так как считалось, что удача отвернётся от охотника и зверь перестанет попадаться. Вот что рассказывает информант С. К. Кривошапкина, представитель ламунхинских эвенов: «*Өтэрэп бэйөл нимадуми эксэнэт эттэврэр. Тобарат өстөн эттэврэр, майдьин гөми*». – «В старину люди во время *нимата* разделяли *эксэнэм*. Топором не разделяли, чтоб зверь (в качестве добычи) не отвернулся» [5]. В настоящее время происходит трансформация культур, и запреты, связанные с *ниматом*, утрачивают какие-то элементы, и современные ламунхинцы при распределении мяса не используют *эксэн*.

Об этом обычае говорится не только в научной литературе, но и в художественных произведениях. Вот что пишет в этнографической поэме «Мир эвена» А. В. Кривошапкин:

Обычай древний у эвенов жив:
Делиться тем, что добыто в тайге,
Со всеми на становище людьми.

Когда добудет зверя человек,
То лучший кус отдаст соседу он,
а также шкуру, камусы, чтоб тот
мог обувь и покрывки обновить.

Себе ж охотник остальное всё
Оставит: бабки, Шеину, мослы...
Зато достойно будет соблюден
Обычай, что зовут у нас «нимат» –
в нём дух народа, право и душа» [3, с. 37].

Этот обычай говорит о феномене и менталитете эвенского народа, сохранившего и пронёсшего через века этот древний обычай до наших дней. Умение делиться лучшим с окружающими людьми, умение соперничать у эвенов были всегда.

Библиографический список

1. История и культура эвенов: историко-этнографические очерки / В. А. Туголуков, В. А. Тураев, Б. А. Спевиковский, Н. В. Кочешков и др. – СПб. : Наука, 1997. – 180 с.
2. Кривошапкин А. В. За духовное возрождение // Хальархад. – 2005. – № 2. – С. 3–5.
3. Кривошапкин А. В. Мир эвена. – М., 2000. – 52 с.
4. Попова У. Г. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья. 1917–1977. – М. : Наука, 1981. – 303 с.
5. ПМА (полевые материалы автора).

ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА У МИШАРЕЙ

Б. И. Миннибаев

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия

Summary. One of the groups that make up the largest group of serving Tatars, that is, the Tatars, who were in the service of the first Moscow Principality, and later of the Russian state were мишары (Mishars) [2]. Mishar dialect, was one of the main dialects of the Tatar dialect of the language, which contributed to the formation of the Tatar literary language [3].

Key words: Mishar dialect; the dialect; the language; the formation; vocabulary.

Мишарская лексика, в отличие от казанского диалекта, включает значительный пласт древних кипчакских и огузских слов, немногочисленных мордовских заимствований и довольно большое количество заимствований из русского языка. Кроме этого, в мишарском диалекте встречаются отсутствующие в литературном языке арабские и особенно персидские слова [1].

Одной из особенностей мишарского диалекта являются «чокающий» и «цокающий» говоры.

К «чокающей» группе мишарских говоров относятся:

– темниковский говор (западные районы Мордовии, юго-восточная часть Пензенской области);

– лямбирский говор (восточная часть Мордовии);

– прибирский говор (Бирский, Караидельский, Мишкинский районы Башкортостана);

– кузнецкий говор (Пензенская область);

– хвалынский говор (юг Ульяновской области);

– шарлыкский говор (Оренбургская область);

– оренбургский говор (Оренбургская область);

– говоры Волгоградской и Саратовской областей.

«Цокающую» группу мишарских говоров составляют:

– сергачский говор (Нижегородская область);

– дрожжановский говор (Татарстан и Чувашия);

– чистопольский говор (смешанный) (районы Закамья Татарстана и Самарской области);

– мелекесский говор (условно) (северные районы Ульяновской области) [1].

Библиографический список

1. Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Мишарский_диалект
2. Закиев Мирфатых. Мишары – это татары со знаком качества. URL: <http://www.regnum.ru/news/1231225.html>
3. Казиханова А. Г. Лексико-семантическая система мишарского диалекта татарского языка. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-260457.html>

VI. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЖУРНАЛИСТИКА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Н. П. Михайлюк

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
г. Одесса, Украина

Summary. This article deals with the pronominal personal transposition as a part of the morphological one. The transpositively active personal pronouns have been singled out. The research showed that pronominal transposition has a great stylistic potential which is actualized in fiction.

Key words: personal pronouns; pronominal personal transposition; great stylistic potential; transposit; soliloquey.

Одним из *перспективных* направлений изучения морфологической транспозиции представляется изучение транспозиции прономинальных единиц, что даёт возможность вскрыть их большой функционально-стилистический потенциал. Настоящая статья посвящена анализу **прономинальной персональной транспозиции** как составной части морфологической транспозиции и описанию её основных характеристик. Сама же морфологическая транспозиция, которая понимается как использование морфологических форм и их вариантов в несвойственных им функциях, всё ещё остаётся недостаточно изученной областью лингвистики в целом и лингвистики текста в частности. Отсюда и вытекает *актуальность* данного исследования.

Существуют различные трактовки термина «транспозиция» (см., например, определения И. Арнольд (1), О. Ахмановой (2), Ш. Балли (3), Е. Селивановой (4) и др.). В нашей работе под **транспозицией** понимается использование каких-либо словарных единиц, форм и вариантов в контекстах, не предусмотренных речевой или вербальной конвенцией. Соответственно, и под **прономинальной транспозицией** понимается использование различных прономинальных единиц в несвойственных для них контекстах или в несвойственных для них функциях.

Прономинальная персональная транспозиция предполагает смещение в использовании прономинальных форм, предусмотренных нормой для трёх лиц, выделяемых в англоязычной персональной парадигме.

Весьма активными местоимениями являются личные местоимения 3 лица ед. числа *she* и *he*, которые могут вытеснять местоимение 1 лица ед. числа *I*. В этом случае субъект дискурса рассматривает себя как объект собственных наблюдений и размышлений. Подобную персональную транспозицию, правда, не используя подобного терминопредопределения, отмечал Э. Партридж [5, p. 123].

Переход на 3 лицо вместо 1 лица в диалоге чаще всего указывает на ёрничанье говорящего, как это происходит у Ч. Диккенса в «Посмертных записках Пиквикского клуба». Эту особенность у писателя заметила Н. Раевская:

“Mr Grundy’s going to oblige the company with a song”, said the chairman. “No, he can’t”, said Mr.Grundy. “Why not?”, said the chairman. “Because he can’t”, said Mr.Grundy. “You had better say you won’t”, replied the chairman. “Well, then, he won’t”, retorted Mr. Grundy [6, p. 161].

Однако гораздо чаще наблюдается персонально-числовая транс-позиция.

В этом смысле достаточной транспозитивной активностью отличается местоимение *we*, которое вытесняет не только местоимение 1 лица ед. числа *I*, но и местоимение 2 лица *you*, когда это относится к одному человеку, а не к группе лиц, т. е. в тех случаях, когда *you* является элементом сингулярной части парадигмы.

Когда адресант хочет подчеркнуть психологическое единство говорящего и адресата, подчеркнуть своё участие в судьбе адресата, показать, что интересы собеседника – это его личные интересы, то нередко происходит переключение с местоимения *you* на «докторское» *we*:

“I say”, said Hurstwood, as they came up the theatre lobby, “we are exceedingly charming this evening”. Carrie fluttered under his approving glance [7, p. 118].

Здесь *we* это местоимение, передающее нежность, трепетное отношение Герствуда к Кэрри. Адресант подчёркивает своё участие в судьбе адресата, показывает общность интересов, чувств, мыслей. Обычно так обращаются к более слабому, нуждающемуся в моральной поддержке. Но вместе с тем здесь имеет место и покровительственная интонация. Поэтому подобное *we* возможно, когда адресантно-адресатные отношения определяются ролями «покровитель / патрон» – «подопечный / протеже».

Пример «докторского» *we* можно найти у А. Кристи. Подбегая к раненому Саймону, доктор Бесснер из романа «Смерть на Ниле» сочувственно спрашивает:

«Ha? So? What have we here?» [8, p. 126].

В указанном случае происходит двойная транспозиция – одновременно меняются число и лицо: местоимение *you* в контекстуальной функции единственного числа заменяется местоимением множественного числа, причём второе лицо меняется на первое. Говорящий полностью солидаризируется с адресатом. Здесь действует формула ***we = you + I***, где всё же доминирующим остаётся *you*, поскольку речь идёт о сугубо индивидуальном состоянии, самочувствии одного лица. Говорящий ему лишь симпатизирует, полного морально-психологического слияния двух индивидуумов всё же не происходит.

Итак, наиболее активными в плане персональной транспозиции являются личные местоимения *he / she*, заменяющие *I*, что позволяет создать эффект некоторой отстранённости. Имеют место и персонально-числовые замены (*you* → *we*), прагматическая интенция которых заключается в подчёркивании солидарности коммуникантов.

Говоря о прономинальной персональной транспозиции, можно сделать вывод о том, что использование местоимений одного лица вместо другого характерно для неособственно-прямой речи, солилоквиумов, а также является маркером неграмотной речи. Замена местоимений 1 лица местоимениями 3 лица часто свидетельствует о взгляде говорящего на себя со стороны, что характерно для психологической прозы.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 576 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
4. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава : Довкілля – К., 2006. – 716 с.
5. Partridge E. Usage and Abusage: A guide to good English. – L. : Penguin Books, 1978. – 379 p.
6. Rayevska N. M. Modern English Grammar. – Kiev : VŠ, 1976. – 304 p.
7. Dreiser T. Sister Carrie. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1958. – 510 p.
8. Christie A. Death on the Nile. – М. : Менеджер, 2004. – 288 с.

КОМПОНЕНТ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ ДОБРА И ЗЛА В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ

О. А. Фролова
Муромский институт (филиал)
Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Муром, Россия

Summary. The author looks on peculiarities in use of colour naming component in the book “The Chronicles of Narnia” by C.S. Lewis. The author comes to the conclusion that colour naming words are mainly used in the book as a means of representing contrast.

Key words: colour naming component; the theme of good and evil; contrast.

Тема добра и зла – одна из ведущих в мировой литературе, в том числе и жанре фэнтези. В произведениях Дж. Роулинг о Гарри Поттере, «Сумерках» С. Майер, и «Хрониках Амбера» Р. Желязны она выдвигается на первый план.

Значительную нагрузку в отражении темы добра и зла в литературе несёт компонент цветообозначения. Как писал в одной из своих работ П. В. Чесноков, цветообозначающая лексика помимо «наглядного образа цвета» отражает и «определённые эмоционально экспрессивные оттенки» [1, с. 3].

Обратимся к произведению К. С. Льюиса «Хроники Нарнии» («The Chronicles of Narnia») [2], где в репрезентации темы добра и зла цветообозначающая лексика используется довольно часто.

Автор прибегает к цветообозначению при описаниях природы, передаче эмоций и настроения героев, атмосферы произведения, в характеристике речи персонажей. С помощью компонента цветообозначения отражается и контраст между добром и злом.

В частности, контраст передаётся с помощью зелёного (символизирующего юность, веселье, жизнь и надежду) и жёлтого (указывающего на печаль, скорбь, смерть) цветов: *They were in pairs – a yellow one and a green one together, then a little space, and then another yellow one and another green one* [2, с. 11]. Кроме того, в описаниях природы часто встречаются противопоставления ярко-зелёного и тёмно-красного оттенков (красный цвет часто ассоциируется с агрессивностью, войной, враждой): *bright green light, green trees, the warm, green, living forest* и *a dull, rather red light, not at all cheerful*; синего (символа вечности, доброты, верности, чести) и чёрного (знака горя, гибели, зла): *light* или *bright blue sky* и *extraordinarily dark, almost black sky, yawning blackly like the mouths of railway tunnels*.

Идея победы добра над злом также передаётся с помощью лексики цветообозначения, в частности сменой цветовой гаммы: *the blackness overhead, all at once, was blazing with stars... the sky began to turn grey... The sky, in that one place, grew slowly and steadily paler... The eastern sky changed from white to pink and from pink to gold* [2, с. 44]; *The mist was turning from black to gray and from gray to white... the whiteness around him became a shining whiteness* [2, с. 246].

Таким образом, компонент цветообозначения в отражении темы добра и зла выступает и в качестве средства выражения контраста.

Библиографический список

1. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. – М., 1967.
2. Lewis C. S. The Chronicles of Narnia. – N.Y. : Harper Collins Publishers, 2010.

ПОЭЗИЯ ТАНКА В «ДНЕВНИКЕ ЭФЕМЕРНОЙ ЖИЗНИ» МИТИЦУНА-НО ХАХА

Е. В. Беликова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Россия

Summary. This article is devoted to the Japanese poetry of tanka in Mititsuna-no haha's «The Diary of ephemeral life». The article observesscope and featuresof existence, the functions of the tankain this literary work.The authorconcludes thattanka poetry included ina lifestyle of the Japanese Heian aristocracy and served as a cultural code.

Key words: tanka; the medieval Japanese literature; epoch of Heian.

«Дневник эфемерной жизни» Митицуна-но хаха даёт отчётливое представление об особенностях бытования поэзии танка в хэйанской культуре, поводах и условиях их написания, авторах и адресатах. Прозаический текст дневника постоянно перемежается стихотворными вставками – танка, которые были частью повседневной жизни того времени. Они могли слагаться по торжественному поводу, например, Митицуна-но хаха однажды поручили сочинить стихи-надписи для ширмы, приготовленной в подарок министру. Но чаще танка возникают спонтанно, в бытовой обстановке, как «поэзия экспромта». Необходимость в поэзии танка возникает, если нужно перевести разговор в более высокий «регистр» общения, придать ему некую задушевность или интимность. Обычно именно в поэтической форме сообщалось о наиболее сокровенных надеждах и мыслях.

Стихи также слагаются по случаю первого в году стрекота цикад или первой песни камышовки, возникают как мгновенный эмоциональный отклик на созерцание природной красоты. Кроме того, Митицуна-но хаха упоминает в дневнике и о своих танка-молитвах, которые она создаёт, идя на поклонение в буддийские храмы и святилища. Такие надписи прикреплялись к полотну, приготовленному в качестве жертвоприношения, и носили сакральный характер. Митицуна-но хаха порой передаёт свои послания, прикрепив их к цветущей ветви, побегу мальвы, увядшему цветку хризантемы, ветви ивы, поблекшей сосновой ветке, оструганной палке и т. д., дополняя поэтический текст этими предметными символами. Определённую смысловую нагрузку несёт и цвет бумаги, на которой пишутся танка: бледно-голубой, светло-серый, ореховый и др. Многочисленны примеры обмена стихов, когда автор отсылает первую строфу своему адресату и получает ответ, развивающий её тему.

А. Долин отмечает, что «формирование и закрепление эстетического канона способствовало превращению *танка* в своеобразный код, в язык интеллектуального и духовного поэтического общения, который служил отличительным признаком человека образованного и утончённого, принадлежащего к аристократии духа – каковой не без оснований считали себя хэйанские вельможи» [1, с. 9].

Значительная часть поэтических миниатюр «Дневника эфемерной жизни» представляет собой любовные танка. Ритуал «куртуазного» поведения влюблённых в средневековой Японии непременно включал в себя обмен поэтическими посланиями. Открывается дневник Митицуна-но хаха описанием ухаживаний её будущего мужа Фудзивара Канэиэ. Он впоследствии станет одним из самых влиятельных японских саношников X в. Канэиэ настойчиво шлёт героине одно за другим свои стихи, но Митицуна-но хаха поначалу или не считает нужным отзываться на них или отправляет в ответ «подставные стихи», написанные её служанкой. Но потом она начинает отвечать на послания Канэиэ более серьёзно, между ними возникает иносказательный лирический диалог, зашифрованный в традиционные японские поэтические образы.

*Тоскуя по тебе,
Одежду перед сном
надену наизнанку.
И вот на ней роса.
А небо дождик
Замочил слезами [2, с. 39].*

Ответ Митицуна-но хаха развивает тему «одежды, перед сном надетой наизнанку», что предвещало, как верили в древней Японии, сон о любимом человеке:

*Когда б её сушил
Огонь любви,
Она давно бы сделалась сухою.
Так отчего не высохли одежды,
Что оба мы надели наизнанку?! [2, с. 39].*

Но стихов о счастливой любви в дневнике намного меньше по сравнению со стихами о разлуке, ревности, сомнениях в чувстве возлюбленного. Став женой Канэиэ, матерью его сына, Митицуна-но хаха с большой печалью повествует о том, что муж отдаляется от неё, бывает реже в её доме, часто вообще долгое время не даёт о себе знать. Её дни проходят в постоянном тщетном ожидании Канэиэ, душевном одиночестве и горестных раздумьях. При этом поэтическая переписка с Канэиэ продолжается, но она уже чаще носит характер взаимных укоров.

Таким образом, поэзия танка, включавшаяся в повествовательные жанры японской средневековой литературы, отражала литературный характер аристократической культуры периода Хэйан, в которой поэзия не отделялась от повседневности и являлась стилем жизни и языком духовного общения.

Библиографический список

1. Долин А. Японская поэтическая традиция // Шедевры японской классической поэзии в переводах Александра Долина. – М., 2009.
2. Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни (Кагэроникки) / пер. с яп. – СПб., 1994.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» В СВЕТЕ НООСФЕРНОГО СОЗНАНИЯ

Л. П. Елькина

Центр эстетического воспитания детей «Детская картинная галерея»,
г. Магнитогорск, Челябинская область, Россия

Summary. Some aspects of poetry of "Silver age" in the light of "Doctrines about a noosphere" by V. Vernadsky are illustrated in the article. The culture of "Silver age" embodied the new ideas of a scientific picture of the world in an art form. To Russian kosmists belong not only scientists and philosophers, but also poets: M. Tsvetaeva, N. Gumilev, O. Mandelstam, M. Voloshin and others. In their aspiration of life knowledge, they remained faithful to "the young author of Inspiration".

Key words: "Silver age", "the Russian kosmizm", ideas of a noosphere, art as knowledge source.

Между двумя пунктами – началом 90-х годов XIX столетия и конца 30-х годов XX столетия – заключена вся история «Серебряного века», история уже во многом превратившаяся для нас в предание.

Поэзия в эстетичной форме доносит нам мысль философов и учёных, которые заняты проблемами жизни и смерти, пути развития страны, роли народа в эволюции Земли. Что же это всё объединяет? По мнению В. И. Вернадского, что ничто не удовлетворяет никогда человека мировоззрение, построенное на механических закономерностях. Есть вещи, а именно – внутренний мир человека, мир его воли и чувств, знаний и поступков, которые сами по себе представляют новую мировую картину. И далее учёный подчёркивает: «Русской натуре в лице его философов свойственно представлять человека, рождённого крошечной Землей, а затем и обитателем бесконечных пространств космоса, обнимающим собой, своей душой весь мир, связанным с ним всеми интимными чувствами» [1]. Недаром это течение мысли называлось «русским космизмом». Оно отразилось не только в науке и философии, но и в музыке, литературе, изобразительном искусстве. «Великая русская культура конца XIX – начала XX веков – это взрыв талантности, явление загадочное, смысла в целом мы ещё не уловили» [1].

Поэзия «Серебряного века» гармонично отражает все процессы культуры этого периода. Она представляет грань того кристалла, который сверкал на заре XX века. И грань эта яркая, многообразная, выходящая за рамки обыденного сознания.

Если душа родилась крылатой,
Что ей хоромы, и что ей хаты!...
... Два на миру у меня врага,
Два близнеца – неразрывно слитых:
Голод – голодных, и сытость – сытых. [4, с. 389]

Внутренний мир поэта, его душа – это провод, вдохновение, соединяющее Вселенную и планету Земля. Плата за это вдохновение: гонение, нищета, ссылка, расстрел. Вот так можно охарактеризовать судьбы рассматриваемых нами поэтов, которые стояли у истоков русского космизма. В рамках статьи, нет смысла перечислять всех поэтов и их судьбы. Наша цель проанализировать и вывести главный постулат русского космизма, что идеи проникали не только в науку, но и в искусство, в целом создавая новый колорит культуры, культуры мысли и чувства Прекрасного.

Правда всё та же! Средь мрака ненастного.
Верьте чудесной звезде вдохновения!
Дружно гребите во имя Прекрасного!
Против течения! [4, с. 5]

Русский космизм поднял идею, о единстве человека и природы, о взаимосвязи человека, окружающего его мира и Вселенной. В. И. Вернадский, опытным путём доказав это, пошёл дальше. В частности, он пишет, о том, что биосфера (сфера жизни) под воздействием человеческой мысли когда-нибудь перейдет в ноосферу. Ноосфера – сфера Разума, а согласно народной этимологии «ноосфера» обозначает – «сфера совести».

Но «она ещё не родилась»...

Она и музыка, и слово,
И потому всего живого
Не нарушаемая связь. [5, с.16]

Эволюционный путь развития планеты во Вселенной – это проникновение человеческого сознания в тонкие энергии, которые посылает нам Вселенная. Целые Миры окружают человека, установление этой связи даётся нелегко, ещё труднее её передать. Но поэтам «Серебряного века», анализируемым в статье, удавалось вполне. В частности О. Мандельштам нам доносит так [5, с. 22]:

Я вздрагиваю от холода –
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото –
Приказывает мне петь.

Помимо научного метода осуществления связи человека с вселенной существует метод, который доступен для каждого человека, – интуитивный, некое шестое чувство есть в человеке, которое открыто у людей с тонкой душевной организацией, прежде всего у людей искусства. Для поэта интуиция – следование внутренней логике – это цель и смысл жизни.

Строительство новой России, которое началось в начале XX века, предполагало, что не одно поколение людей будет участвовать в строительстве новой культуры, где приоритет будет отдан Прекрасному. И, как мы сейчас уже понимаем, оно идёт не прямо, а имеет разные стороны: светлые и тёмные, так как это зависит от сознания многих людей. В этом процессе отводится немаловажная роль именно искусству, которое воспитывает внутреннюю природу человека, преображая его сознание до осозно-

вания себя частью Космоса, а значит, и возлагает на него ответственность за дело. Говоря словами Ф. М. Достоевского «Это люди с большой Совестью».

Может быть это точка безумия,
Может быть это совесть твоя, –
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для Бытия. [5]

В биосфере учёный обнаружил некое «Живое вещество», которое связывает все процессы на Земле с процессами, происходящие в Космосе, в единое целое. Отсюда следует, что человек – частица целого, т. е. Космоса. Породив Человека, Природа «избрала» ещё один могучий катализатор мирового процесса [1, с. 373].

Так, век за век – скоро ль, Господь?
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства. [4, с.111]

По мнению Вернадского, человек становится геологообразующей силой, и он будет принимать ответственность за развитие Природы. Развитие окружающей среды и общества сделаются неразрывными. Произойдёт великое объединение, в результате которого развитие планеты сделается направленным силой Разума. И Человеку придется взять ответственность на себя за развитие общества, и за развитие Природы. Это явление планета переживёт впервые со дня своего творения, этот процесс невозможно остановить, его можно только замедлить. Это природное явление относится не к земному плану, а к космическому.

Всё, что происходит в биосфере, будь-то социальные явления (революции), этические, эстетические, нравственные подвижки – всё это суть проявления Природы. Если человек является геологообразующей силой (образ, негативный или позитивный, становится силой Земли), то уровень его сознания играет первую роль в этом процессе. Сознание, а не материю выдвигает на первый план учёный. И оно представляет собой «геологическую силу, более мощную, чем грубая сила социальных движений» [1, с. 444].

М. А. Волошин в художественную форму воплощает мысли о сознании.

... Вот царь зверей – всех тварей завершенье,–
Левиафан! ...Лишён
Сознания – он весь пищеварение.
И человечество издревле включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нём оно
Великий жернов сердца. [2, с.156]

Человечество едино и нераздельно, какими бы внешними границами люди не разделялись. Человечество – часть Природы и для установления новых отношений потребует воля всех. Дело в том, что учёный в живом веществе, которое связывает планету и космос, обнаружил биогеохимическую энергию, то есть духовную энергию, которая принадлежит всему человечеству. Овладение духовной энергией – процесс, требующий многих физических и духовных затрат. Но всё окупается сторицей. Таким нелёгким путём шёл Н. С. Гумилёв.

Как могли мы прежде жить в покое....
Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему. [4, с.72]

Так происходило внутренне перерождение у Н. Гумилёва, когда он находился на войне с восточной Пруссией. Вот прозаическое описание, «Записки кавалериста»: «Эта ночь, этот лес, эта нескончаемая белая дорога казались мне сном, от которого невозможно проснуться. И всё же чувство странного торжества переполняло моё сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его» [3].

Некоторые высказывания поэта говорят нам о том, что он сам находился в гуще всех явлений. И это даёт ему право писать. «Ощущая себя явлением среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимая всё воздействие на нас, и в свою очередь воздействуем сами». [3] Безусловно, поэт говорит нам о том, что человек – это явление Природы, Космоса, получая Высшее вдохновение, он сам влияет на окружающее пространство. Может быть, поэтому Гумилёв любил хвалить учеников, «от щедрой похвалы вырастают крылья, вот, пожалуй, основное правило человеческих отношений». И ещё: «Общение людей друг с другом – это духовное донорство, и чем искреннее и добрее твои чувства, тем спокойнее, лучше будет человеку с тобой и вообще в жизни». [2] Он верил в преображающую силу искусства, говоря, что в самые тяжёлые времена искусство и поэзия помогают человеку оставаться человеком [4, с. 23].

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
«Любовь и Жизнь – одно».

Время перемен. Время, когда человеческая мысль, ориентированная на Восток, туда, где восходит Солнце. Ориентация имеет более глубокое значение, которое предполагает Бытие, основанное на знании космических координат, т. е. Целого. Божественное знание непосредственно взаимосвязано с тем, что Эйнштейн описывал как общую теорию поля – формулу или интегральный принцип, посредством которого реализуются все процессы и функции Вселенной. Такая формула должна сводить воедино различные объекты и методики, именуемые «Наукой» в широком смысле этого слова. Искусство и религия, т. к. они являются путями познания, должны быть присоискуплены к тому, что сейчас в узком смысле именуется наукой, а их триединство должно означать познание в целом.

В такой системе познания нет разделения между теорией и практикой. Само её основание – это благоговейное отношение к творческим силам Вселенной, почитание их. Когда человек прекращает почитать Высшую Природу, она исключается из его образа жизни. Человек может даже становиться разрушителем Жизни. А точность знаний оказывается при этом неполной, науки же ведут к состоянию расстройств. Учёный, космолог Оливер Рейзер охарактеризовал сложившуюся ситуацию так: «Учёные не могут объединить основу познания в единое понимание человека, его места в природе, его возможностей для создания достойного общества. У человека есть возможность скоординировать свои усилия для переустройства или для практической перенастройки основ познания так, чтобы оно могло привести его, в конце концов, к гармонии. Под гармонией же подразумевается не только согласованность элементов, но и резонанс этих элементов. Когда человек гармонизирован, он сознательно резонирует или сознательно настраивает себя на различные энергии природы и на циклы, создаваемые этими энергиями» [6]. Как подтверждают современные физики, в Природе нет ничего кроме энергии и высшей энергии полей, которые развиваются, приобретают формулу и функционируют в согласии со специфическими законами. Энергетическое поле человека не является исключением. Теория, представляемая в виде непрерывного резонирующего энергетического поля, отнюдь не нова. Гало или нимб христианской традиции, иначе аура, относится к эфирному телу. Единство эфирного и физического тел в современных терминах описано как спектр биохимических энергий. В. Вернадский обнаружил в живом веществе культурную биогеохимическую энергию, которой нужно овладеть всему человечеству. В этом процессе большая роль отведена искусству, так как оно способно утончить и расширить сознание человека. Культура становится

основой для развития новых отношений Человека и Космоса. Основоположниками новой культуры стали поэты «Серебряного века». Мы – преемники, но нам проще (не легче), у нас есть духовные ориентиры.

Поколение! Я – Ваша! Продолжение зеркал!
Ваша – сутью и статью, и почтением к уму,
И презрением к платью: плотно-временному!
До последнего часа, обращённой к звезде!
Уходящая раса, спасибо тебе! [4]

Библиографический список

1. Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды / сост. Г. П. Аксенов. – М. : Современник, 1993.
2. Волошин М. А. Пути России: стихотворения и поэмы / сост., автор послесл. и примеч. А. Зорина. – М. : Современник, 1992.
3. Гумилёв Н. Избранное / сост., вступ. ст., коммент., лит.-биограф. хроника И. А. Панкеева. – М. : Просвещение, 1990.
4. Душа Любви: литературно-художественное издание / сост. А. Л. Казаков. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издание, 1991.
5. Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. – Т.1. Стихотворения; переводы / сост. О. Дорофеева. – Тула : Филин, 1994.
6. Науменко Г. М. Великая тайна бытия. – М. : Беловодье, 2009.

АВТОР И ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА

А. Н. Костенко

Запорожский национальный технический университет,
г. Запорожье, Украина

Summary. The article considers the question of correlation between the author and the hero in V. Nabokov's works. Complex of publication doesn't give the unanimous idea to the solution of the problem. There is a certain playful attitude of Nabokov to his characters and readers, one example of which is the drawing of characters to the literary profession. The original Russian version and its translation into English provide two viewpoints to the same events, deepening each other.

Key words: V. Nabokov; author; character; hero; reader; artistic means.

Вопрос соотношения автора и персонажа неоднократно затрагивался в критической литературе, посвящённой творчеству Набокова, однако единой точки зрения на эту проблему не существует до сих пор. Долгое время считалось, что роль автора в романах Набокова сводится к попытке обнажить перед читателями свои художественные приёмы (известная мысль, выраженная впервые Ходасевичем).

Н. Анастасьев отрицал достоверность какого-либо соответствия между персонажами и автором в мире, созданном фантазией писателя: «Между автором и героем всегда существует чёткая, хотя, возможно, и невидимая граница. Это для Набокова непреложно» [1, с. 224]. Но далее Н. Анастасьев отмечает двойственность позиции, в которой оказывается Набоков: «Это он за всё отвечает, он дергает за ниточки, но он же доверяет вести повествование персонажу, явно себе неблизкому» [1, с. 229].

Г. Хасин выделяет четыре основных лица, которые действуют в повествовательном мире произведений Набокова: автор, который всё выдумывает, персонаж, который действует, читатель, который читает, и рассказчик-фокализатор. Если в первых романах рассказчик безличен, то в более поздних он становится одним из главных героев: «Может показаться, что, осуществляя эту перемену, автор приближается к читателю и открывается ему; на самом же деле, имеет место обратное. Очеловеченный рассказчик отделяет Набокова-автора от читателя, скрывает его» [6, с. 159].

Следовательно, в романах Набокова присутствует игровой подход автора к тексту и читателю, о чём пишет С. Руссова, отводя Набокову роль «играющего» автора или автора-«трикстера» [5, с. 21]. М. Медарич видит игровой момент отношений автора и читателя в трёх основных категориях: 1) игровой аспект текста, где игра является интеллектуальным развлечением, а интертекстуальность ставит всё более высокие требо-

вания перед читателями как перед равноправными партнёрами игры; 2) набоковская интертекстуальность указывает на его понимание культуры как аспекта знаковой действительности, качественно тождественного незнаковой действительности; таким образом, литературное произведение черпает материал не только из жизни, но и из других, уже существующих литературных текстов; 3) аспект автотематизирования можно найти в фабульных темах, причём в виде всё большего приближения героя к фактической профессии литератора [2, с. 85–87].

Определённую игру можно наблюдать уже в рассказе Набокова «Путеводитель по Берлину», который был написан в 1925 г., в городе, вынесенном в заглавие рассказа. Читатель, впервые открыв это небольшое по объёму произведение, сразу же замечает определённые несоответствия. Во-первых, заглавие напрямую противоречит содержанию. Это не тот путеводитель по Берлину, который хотел бы получить требовательный путешественник. Здесь нет музеев, галерей, парков и других популярных достопримечательностей любого приличного города. Зато перечисляются трубы, трамвай, места работы и пивные, то есть проблемы, которые волновали самого автора. Из всех известных достопримечательностей Берлина автор вспоминает лишь берлинский зоопарк, берлинский аквариум, берлинские улицы. Повторение слова «берлинский» не случайно. Подобные названия использует сам Набоков, и это единственные (кроме заглавия) указания на место действия его рассказа. Приятель рассказчика в разговоре с ним говорит, что это скучный, чужой город [4, с. 340] (в английском переводе вместо слова «чужой» Набоков использует слово «foreign», таким образом, добавляя обобщающий характер описанию места действия).

Во-вторых, рассказ носит лирический, если не сказать интимный, характер, напоминая дневниковые записи. Главный герой, он же рассказчик, утром побывал в Зоологическом саду, а теперь входит с товарищем в пивную, где они будут говорить о трубах, трамваях и других важных делах. На протяжении рассказа герой комментирует всё, что происходит вокруг него, попутно вспоминая о жизни в Петербурге. Да и рассказ от первого лица вместе с размышлениями о смысле писательского творчества всё больше сближает героя и автора.

Но это лишь на первый взгляд. Г. Хасин называл неправильной теорию о том, что набоковские герои и сам писатель в ходе романов стремятся отделаться от «персонажа», части себя, чтобы полностью превратиться в «автора»: «Сама сущность «авторского», художественного действия состоит у Набокова в признании потенциального зрителя и во взаимодействии с ним» [6, с. 150–151].

Намерение дистанцироваться от всего того, что происходит, и превратиться в стороннего наблюдателя можно увидеть уже в первых строках рассказа: «Утром я побывал в Зоологическом сада, а теперь вхожу с приятелем в пивную» [4, с. 336]. В 1976 г. при переводе на английский язык этого рассказа Набоков для глагола «вхожу» использует конструкцию настоящего длительного времени (Present Continuous) «I am entering», в целом не типичную для английской повествовательной манеры, в которой присутствует эффект отчуждения и наблюдения за всем происходящим. Рассказчик выступает в качестве и автора, и зрителя в одном лице.

Если внимательно сравнить рассказ «Путеводитель по Берлину» с его переводом на английский, можно увидеть несколько расхождений в использовании грамматического времени между оригинальной и переводной версиями. Так, при описании пивной, в которой сидят герой и его товарищ, упоминается ребёнок хозяев, который из комнаты в глубине пивной видит всё, что происходит в главном зале. Такой является оригинальная версия. В переводной версии Набоков добавляет единственное предложение, благодаря которому акценты смещаются, – «But he is now looking our way» [7, с. 159]. Ребёнок из воображаемого наблюдателя превращается в главного зрителя, который всё видит и запоминает.

Но Набоков использует ещё одну интересную деталь для описания этой сцены, которая отсутствует в оригинальной версии, – ребёнок сидит под зеркалом. Слово «зеркало» упоминается на одной странице трижды, к тому же, для описания одного и того же места – комнаты в глубине пивной, откуда ребёнок наблюдает за происходящим. Казалось бы, стилистический перебор, но у Набокова нет случайных деталей. Все события отражаются не только в глазах ребёнка, но и в зеркале. В этом Набоков видел глав-

ный смысл писательского творчества: «изображать обыкновенные вещи так, как они отразятся в ласковых зеркалах будущих времён, находить в них ту благоуханную нежность, которую почуют только наши потомки в те далекие дни, когда всякая мелочь нашего обихода станет сама по себе прекрасной и праздничной, – в те дни, когда человек, надевший самый простенький сегодняшней пиджачок, будет уже наряжен для изысканного маскарада» [4, с. 337–338].

Но в переводе ситуация усложняется подобным двойным отображением, двойным преломлением, наличием двух точек зрения на одни и те же события. Эта двойственность восприятия присутствует в каждой сцене рассказа. Трубы, сваленные из грузовика перед домом, кажутся огромными, чёрными и бездеятельными. Но белый снег, который их укрывает, добавляет им глубины. Руки кондуктора в трамвае – «необычайно ловкие, ладные руки, – несмотря на грубость их и толщину» [4, с. 337]. Да и сам трамвай, который сегодня кажется неловким и шатким, в XXI веке будет облагорожен и оправдан стариной.

Соотношение автор/персонаж может быть разным. Автор может выступать как наблюдатель, а участником действия является персонаж. Или персонаж получает функции наблюдателя, и автор, казалось бы, должен исчезнуть из произведения. Набоков, с одной стороны, отсутствует в этом произведении как рассказчик (в переводной версии он намеренно демонстрирует, что автор и рассказчик – разные люди, описывая последнего как человека без правой руки и с лицом, искажённым шрамами [7, с. 160]). С другой стороны, воспоминания о Петербурге, рассуждения о литературе, описания памятных мест Берлина, несомненно, принадлежат Набокову.

В рассказе «Письмо в Россию» мы можем наблюдать оригинальное соотношение автор/читатель, где автор выступает читателем своего же произведения. Этот рассказ – своеобразное продолжение «Путеводителя по Берлину», хотя, если посмотреть на дату написания рассказа (1924 г.), скорее вступление к нему. Рассказ «Письмо в Россию» воссоздаёт картины, отсутствующие в «Путеводителе». Это ночные улицы Берлина, которыми блуждает герой, стены домов, здание кинематографа, фигура одинокой проститутки. От всего веет одиночеством, тоской, отчаянием.

При переводе рассказа на английский язык Набоков изменил его заглавие – «A Letter That Never Reached Russia». Для него важно было подчеркнуть, что письмо не дошло до России; что автору осталось лишь читать и перечитывать своё обращение к далекой Родине, как к далекой любимой; что желание говорить о прошлом оказалось призрачной мечтой. «Ведь нам, писателям, должна быть свойственна возвышенная стыдливость слова», – сообщает автор письма [3, с. 306]. В переводной версии Набоков добавит всего лишь одно слово, которое изменит смысл произносимой фразы и придаст всему рассказу более личный характер, – «нам, авторам в изгнании» [8, с. 137].

Библиографический список

1. Анастасьев Н. Владимир Набоков. Одинокий Король. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002.
2. Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия // Russian Literature. – Amsterdam (North-Holland), 1991. – No. XXIX. – P. 79–100.
3. Набоков В. В. Письмо в Россию // Набоков В. В. Собрание сочинений : в 4 т. / сост., вступ. ст. В. В.Ерофеева; послесл., примеч О. Дарка]. – М. : Изд-во «Правда», 1990. – Т. 1. – С. 305–308.
4. Набоков В. В. Там же. – С. 336–340.
5. Руссова С. Постмодернизм у сучасній поезії, або Набоков – автор-«трікстер» // Слово І час. – 2000. – № 6. – С. 17–23.
6. Хасин Г. Театр личной тайны. Русские романы В. Набокова. – М.-СПб. : Лет. сад, 2001.
7. Nabokov V. A Guide to Berlin // The Stories of Vladimir Nabokov / preface by Dmitri Nabokov, XIII-XVI. – N. Y. : Vintage International, 1997. – P.155–160.
8. Nabokov V. A Letter That Never Reached Russia // The Stories of Vladimir Nabokov / preface by Dmitri Nabokov, XIII-XVI. – N. Y. : Vintage International, 1997. – P. 137–140.

**МИКРОПОЛЕ «ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕДЫ» КАК ЧАСТЬ ЛСП «ЕДА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ, А. П. ЧЕХОВА,
М. А. БУЛГАКОВА**

Т. Н. Куренкова

**Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнёва, г. Красноярск, Россия**

Summary. This article deals with the micro field "Food's descriptions" in the lexico-semantic field "Food". The article contains the detailed description and the structure of the lexico-semantic field "Food" and the analysis of major class features in the micro field "Food's descriptions".

Key words: lexico-semantic field; micro field; lexeme.

Представители разных культур и народов по-своему реконструируют языковую картину мира. Читая произведения авторов разных стран и эпох, мы не можем не столкнуться с описанием тех или иных продуктов питания, блюд, посуды, кухонной утвари, застолий, пиров, званых обедов и т. д., что является совершенно естественным, т. к. тема еды актуальна для каждого человека на любом историческом этапе развития общества. «Приём пищи в народной традиции является далеко не "физиологическим" актом, а жёстко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями, нередко являясь составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов» [1, с. 10].

В результате анализа фактического материала, отбор которого проводился способом сплошной выборки лексики из произведений Н. В. Гоголя «Мёртвые души», А. П. Чехова «Глупый француз», «Свадьба с генералом», М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», был сделан вывод, что в ЛСП «Еда», содержащем в целом 832 лексемы (после исключения повторов), можно выделить два микрополя: «Пища» и «Напитки». Микрополе «Пища» распадается на 2 подполя с ядрами: а) блюда (28 %), б) способы приготовления и приёма пищи (59 %), которые содержат по 11 микрополей каждое. Микрополе «Напитки» включает в себя 2 подполя (алкогольные напитки («Вина» и «Водки») и безалкогольные напитки) и составляет примерно 7 % от общего количества лексем с семантикой еды. 6 % составляют лексемы, относящиеся к микрополю «Miscellanea», которое находится на периферии ЛСП «Еда».

Рассмотрим ниже подробнее только одно из микрополей ЛСП «Еда».

Микрополе «Характеристики еды» состоит из 37 лексем, что составляет примерно 4,4 % от общего числа лексем ЛСП «Еда», 5,1 % лексем микрополя «Пища». Данное микрополе является шестым по величине в подполе с ядром «Способы приготовления и приёма пищи» и включает в себя 7,5 % лексем от общего числа лексем данного подполя. Лексические единицы микрополя «Характеристика еды» могут быть дифференцированы на основе следующих признаков: '**Наличие запаха**': а) с приятным запахом (душистый), б) с неприятным запахом (вонючий), с) с естественным (присущим еде) запахом (пахнущий раками). Пр.: *Но, прожевав душистое, сочное мясо, буфетчик едва не подавился и не упал вторично (ММ 188)*; '**Качество продукта**': а) хорошего качества (лакомый), б) плохого качества (испорченный). Пр.: *А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая! (ММ 187)*; '**Объём (вес) куска**': а) с большим объёмом (толстый кусок), б) с маленьким объёмом (тонкими ломтиками нарезанная сёмга). Пр.: *Псу достался бледный и толстый кусок осетрины... (СС 107)*; '**Вкус пищи**': а) кислая (кислые щи), б) сладкая (сладкий как сахар), в) острая (острая закуска), г) солёная (солоню). Пр.: *Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской. (ММ 69)*; '**Температура пищи**': а) горячая (огненный борщ), б) холодная (холодная телятина). Пр.: *...в гущу огненного борща, находится то, чего вкуснее нет в мире, – мозговая кость (ММ 235)*; '**Наличие термической обработки**': а) подвергшиеся термической обработке продукты (пареный), б) не подвергшиеся термической обработке продукты (сырой). Пр.: *– Право у вас душа человеческая все равно что пареная репа. (МД 97)*; '**Интенсивность окраски**': а) с интенсивной окраской (окровавленный ростбиф), б) с неинтенсивной окраской (бледный кусок). Пр.: *Псу достался бледный и толстый кусок осетрины... (СС 107)*; '**Способ термической обработки**': а) термиче-

ская обработка с добавлением воды (маринованный), б) термическая обработка без добавления воды (выпеченный). Пр.: ...*белые маринованные грибы на тарелочке...* (ММ 69); **Интенсивность вкуса**: а) с нормальной интенсивностью (сладкий как сахар), б) со слишком большой интенсивностью (приторный). Пр.: ...*выражение не только сладкое, но даже приторное...* (МД 24).

Данное микрополе содержит 30 стилистически нейтральных лексем, 4 разговорных лексемы, одну устаревшую лексему. В переносном значении употреблены 3 лексемы. Одна лексема не только употреблена в переносном значении, но и принадлежит к разговорному стилю.

Приведённое выше описание только одного микрополя «Характеристики еды» в ЛСП «Еда» даёт представление о возможных масштабах семантических исследований лексики художественных произведений отдельных авторов, а также всей лексической системы в целом.

Библиографический список

1. Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3–23.

Список сокращений названий источников

МД – Гоголь Н. В. Мертвые души. – М., 1985.

ММ – Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – Новосибирск, 1993.

СС – Булгаков М. А. Собачье сердце // Две повести, две пьесы. – М., 1991

«ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ» В ПОВЕСТИ И. САВЕЛЬЕВА «БЛЕДНЫЙ ГОРОД»

И. О. Прокофьева

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. This article is devoted to the analysis of the story of Ufa writer I. Saveliev «Pale city», the originality of the plot, the composition, imaginative system used by the novelist in his story.

Key words: the youth theme; hitch-hiking; story; screenwriting principle of composition.

Какое оно – молодое поколение? Каковы его жизненные ориентиры? Чем оно отличается от предыдущих поколений? Ответы на эти и многие другие вопросы, возможно, читатель получит, когда познакомится с повестями молодого уфимского прозаика И. Савельева. И хотя произведения писателя опубликованы в разные годы: «Бледный город» – 2004, «Гнать, держать, терпеть и видеть» – 2007, «Женщина старше. Преодоление графомании» – 2011 (временной разрыв между первым и последним текстами составляет почти семь лет), в них есть то, что их объединяет, – молодёжная тема, свой взгляд автора на жизнебытование, мир молодого человека.

Обратимся к анализу литературного дебюта И. Савельева. Действие в «Бледном городе: повести об автостопе» происходит в Уфе, родном городе прозаика. Подзаголовок говорит читателю, что речь пойдёт об одной из сторон жизни российской молодёжи, об её «увлечении», а точнее, об одном из принципов её существования – автостопе.

Действующих лиц в «Бледном городе» немного: Михаил (по прозвищу Сквaер) – автостопщик, студент уфимского авиационного университета, Вадим и Никита – автостопщики из Питера, тюменская автостопщица Настя и случайные «драйвера»-попутчики, знакомые, городская шпана.

И, наверное, не важно, где разворачиваются события. Уфа, собственно, – один из многих промышленных провинциальных российских городов с плохо освещёнными улицами и без каких-либо запоминающихся достопримечательностей. Всё узнаваемо: центр мегаполиса обязательно с улицей «Имени Известно Кого», затем промышленная часть, где в «насмёрть прокопчённых хрущёвках живёт пролетариат с сиреневыми лицами. Нет, не жертвы химии – просто пьют много» [1, с. 12]. Таков бледный город И. Савельева.

«Чтобы составить более полное впечатление, пройдемся по улицам и влезем в разговоры уфимцев», – предлагает автор. Короткие диалоги, «подслушанные» и переданные писателем, – готовые анекдоты. Приведем, на наш взгляд, самый показательный для провинциального города: «Диалог в гастрономе. Суетливый алкаш подбегает к вино-водочному прилавку:

– А самое главное-то не купил! Бутылку! Да, одну... Одну, но хорошую – такую, какую бы сыну дала!..

– Я бы сыну своему как съездила по башке!

Немая сцена...» [1, с. 13]

Типичен не только город, в котором разворачиваются события, но и герои, созданные молодым писателем (персонажи – ровесники И. Савельева). Попробуем разобраться, что же удалось, а что нет в этой первой повести её автору.

Ученически слабо (всё же это проба пера) звучит начало текста, не к месту упоминается Пимен, «сопоставляются» достопримечательности Екатеринбурга (кладбище на въезде в город), Самары (ракета-носитель – памятник С. П. Королёву) и Уфы (заводские пейзажи и «мастер рок-надрыва» Земфира). Затем писатель, мы упоминали это, «влезает в разговоры уфимцев» (эта фраза явно режет ухо). Вполне возможно, начало повести воспринималось бы лучше, если бы не затянувшаяся прелюдия, которая оттягивает знакомство читателя с героями повести. Как только начинается действие, появляются живые диалоги героев, что хоть как-то позволяет забыть о «тяжёлом» начале текста, правда, только на время.

Итак, первый герой произведения – Михаил, его трудно назвать главным, так как роли, «удельный вес» других персонажей не менее значимы в повести. «В принципе, таких в нашем городе – сотни. Приезжающих из районов за заветным студенческим, снимающих хрущёвки в складчину... Их жизнь одинакова из года в год: тонкая грань грозящего отчисления, что приятно щекочет нервы, многомесячный угар прогулов и загулов, ну и батареи пустых бутылок на кухнях упомянутых хрущёвок. Всё это так знакомо, что не стоит описывать» [1, с. 14]. Но И. Савельев описывает... Автор детально изображает в повести быт студента-автостопщика. И это верно, а то как читатель познакомится со всеми прелестями жизни этой особой кочующей «касты» молодых ребят? Хотя, нам кажется, замени «студент-автостопщик» на «студент-байкер», «рокер» и т. д. и т. п. или оставь просто «студент-неряха», всё будет едино. Создаваемая картина подходит к любой номинации.

Но всё по порядку. Знакомимся мы с первым героем повести в продуктовом магазине, где он покупает бутылку пива «Шихан». Писатель позже, во второй главе повести, уточнит, что Скваер «не был из числа тех беспросветно бухающих, кто и при статусе студента престижного вуза де-факто потерян для общества (таких – много, не сомневайтесь)» [1, с. 14].

Следующая встреча читателя с Михаилом будет уже в четвёртой главе, в которой колоритно изображено во всех подробностях «съёмное холостяцкое жилище» Скваера: «диван, продавленный и даже чуть прожжённый», «шифоньер, древний и несколько помоечный», «жирный осадок метана» на газовой колонке и плите, «грязным пятном смотрелся холодильник», «телевизор был бы здесь ненужной роскошью» и т. д. И, наконец, самая яркая деталь – джинсы временного хозяина квартиры. Их герой пытается реставрировать, «обновляя рисунки и надписи» цветными маркерами. Джинсы Михаил не стирал уже два года, он считает, что они так лучше «сохранятся», правда, есть серьёзный минус: оказывается, давно нестиранные штаны совсем не греют в холодное время года!

И прежде чем свести всех основных героев повести в этом «спартанском» жилище, которое, впрочем, устраивало Скваера, его друзей и «проезжих автостопщиков», И. Савельев познакомит нас с дорожными приключениями, если их можно так назвать, Вадима и Насти.

Повесть «Бледный город» практически, как нам кажется, строится по сценарному принципу эпизодов-кадров: на первый план в каждом из них выходит то один, то другой персонаж, которые сменяют друг друга. Начало – вступление и знакомство со Скваером; продолжение – дорога к намеченной точке (город Уфа) Вадима, Насти, Никиты; общая встреча в квартире Михаила; ночная драка на ночной улице города с

местной шпаной; «страшный» сон Скваера об отчислении из вуза, его проводы в армию и в финале – расставание автостопщиков.

Но, на наш взгляд, не столько важна событийная сторона повести (она незамысловата), сколько желание писателя разобраться в сути такого явления, как автостоп, чем он так привлекает молодых ребят. Географически это «движение» вовлекает в свои ряды молодых людей, не только живущих в «бледных», тоскливо-унылых городах нашей просторной родины, но и жителей её неофициальной второй столицы. Значит, есть в этом процессе что-то близкое для молодых людей независимо от их места прописки и семейно-социального статуса.

Доказательством этого служит образ Никиты. У данного героя своя история, которая привела его в автостопщики. На первый взгляд, он из благополучной семьи петербургских интеллигентов: дед – «академик от физики, поминался в учебниках», отец тоже физик, «профессор, зав. кафедрой, проректор по научной работе Санкт-Петербургского университета», мать – «доцент-филолог». «Никита не считал свою семью счастливой <...> Вся эта атмосфера, атмосфера чопорного дома с библиотеками и взглядами за обедом, – вот то, от чего Никита Марченко двадцати лет отроду бежал при любом удобном случае. Бежал куда угодно, в том числе на трассу. И – вперёд, по великой матушке-России!...» [1, с. 24].

И вообще история семьи Марченко – это цельный и достаточно удачный эпизод в повести, который можно рассматривать и как самостоятельный текст с лаконичным сюжетом. Эпизод противостояния и войны людей, которые должны быть самыми близкими друг другу. Яблоком раздора между матерью и отцом Никиты стала религия. Отец – убеждённый атеист-материалист, который «так насаждал своё мнение и проповедовал так яростно, что сектанты могли бы позавидовать», а мать – «показательно набожна. В календарях и обрядах как рыба в воде, и удушье ладана в маленькой церквушке отныне – её среда» [1, с. 25]. И как же был счастлив отец, как он торжествовал победу над мракобесием, когда святая вода, принесённая в дом матерью, помутнела и протухла! Поневоле сбежишь из интеллигентно враждующей семьи, где разногласия и неприятие друг друга скрыты от посторонних глаз.

Свои причины странствия по бескрайним дорогам России у Насти и Вадима: у неё – разочарование в любимом молодом человеке, который струсил и сбежал с «поля боя» с городскими «гопниками», оставив свою девушку одну, а у него любовь – к однокласснице и неудачный опыт признания (романтически настроенного юношу, готового в предрассветный час начертать на асфальте перед окнами девушки слова любви, с позором прогнал рано проснувшийся дворник).

Настя сразу понравилась Вадиму. Молодой человек пытался пробудить к себе интерес девушки, которая наповал сразила его своей самоуверенностью и открытым вызовом. Настя заявила, что вряд ли когда-нибудь сможет найти себе достойного спутника, так как ей нужен не банальный парень, а особенный, «с крыльями». «Крыльями» у хорошо накаченных мужчин называют мышцы под бицепсами», которые выступают вниз. Настя, заставив Вадима раздеться по пояс, «крылья» у него не обнаружила.

Но отсутствие «крыльев», или хорошо накаченных бицепсов, не заставило Вадима струсить и отступить перед уфимскими гопниками, хотя герой и потерпел в этой стычке поражение. Его спасительницей стала Настя, которая знала, что кричать и звать на помощь в такой ситуации бесполезно. Она разбила камнем окно квартиры на первом этаже – этого было достаточно, чтобы «шпана лениво убежала».

А дальше отношения Вадима и Насти в повести развиваются стремительно: девушка сражена отвагой молодого человека, его нежеланием прогнуться под «компанией дворовых подонков», его чувством собственного достоинства. «Вадим, конечно, не был героем. Ни плюнуть в лицо фашистам, ни прочие подвиги из старого советского кино он никогда не смог бы повторить. Но тут сработал рефлекс, который был быстрее мысли: к этой детали своей внешности Вадим относился очень трепетно, и так вот жамкать его волосы не позволялось никому (девушки не в счёт). Рука «гопа» была отброшена очень быстро» [1, с. 32]. Всё в приведённом фрагменте вроде бы неплохо, кроме выражения «ни плюнуть в лицо фашистам, ни прочие подвиги из старого советского кино». Поколение двадцатилетних вряд ли выросло на советских фильмах о войне.

После этого случая симпатия к Вадиму вернула Насте ощущение радости жизни, но не заставила её отказаться от выбранного маршрута. «Я лечусь одиночеством», – говорит Настя, – «<...> по-настоящему одна я могу быть только на трассе <...> Свобода и одиночество – да, это то, что мне нужно сейчас. Только это. И ничего больше» [1, с. 29]. Звучит прямо как манифест автостоппика.

В повести И. Савельева есть фраза, сказанная Вадимом по поводу альтернативной музыки: «Слова без смысла – это позиция» (почти афоризм). Нам кажется, можно попробовать продолжить её: поступки без смысла – это тоже позиция. Ведь какой глубинный смысл может заключаться в путешествии автостоппом? Да и путешествием (словом, которое связано с отдыхом, новыми яркими впечатлениями) назвать этот процесс сложно. Суть автостопа, как пытается убедить нас писатель, – в абсолютной свободе. Остаётся только понять, какая это свобода – внутренняя или внешняя, это порыв души или всего лишь эпатаж. Героев И. Савельева трудно обвинить в неискренности, для них автостоп – способ существования в бледном, абсурдном мире, где всё подчиняется однообразному течению жизни. «И ты вдруг понимаешь, что остался один на этой жестокой и бесконечной трассе! Сознание это всегда – внезапное, бывает столь сильным, что дух захватывает. И тут же острое, острое чувство, в «мирной жизни» не такое явное, пронизывает тебя. Может быть, именно оно, это чувство, яркое и волнующее, и было причиной, по которой Вадим занимался автостоппом? Это ведь только словечки в автостоппе американские... А по сути: это русская дорога и русская тоска» [1, с. 46].

Да, явление это заимствованное, но хорошо прижившееся на родных российских просторах, в котором всё же нет той символической, которая невольно возникает в финальном предложении произведения. Фраза «русская дорога и русская тоска» невольно отсылает читателя, если он знаком с русской литературой хотя бы в рамках школьной программы, к произведениям известных классиков минувших столетий. Автостоп – философия жизни, которая как река: она мелеет, воды её постепенно иссякают. Так и человек переходит от одного состояния к другому, от юности к зрелости, постепенно расставаясь со своими иллюзиями и растрачивая свой бунтарский дух. И доказательством этого служит вера героя повести Никиты, который даже в дороге ухаживает за своими зубами, в блестящее обеспеченное будущее. «Он знал, что будет преуспевать в жизни. Он знал, что будет успех, и белозубую улыбку стоило приберечь для тех не очень далёких дней» [1, с. 44]. Трогательная забота Никиты о зубах ставит под сомнение всю «идеологию» автостоппиков. А может, всё-таки нет никакой идеологии?

Повесть «Бледный город» получила в 2005 году независимую литературную премию «Дебют». А значит, она не могла пройти незамеченной критиками, оценивающими удачу и провалы дебютантов. К комментированию, оценке этого произведения обращались М. Богатов («По ту сторону воды. (Вершина айсберга. Повести)»), И. Булкина («Журнальное чтение. Выпуск 186»), С. Казначеев («Бездомные дебюты»), А. Кириллов («Русские снова в моде»), С. Коган («Когда бог Вын-чан спал»), А. Немзер («Чётко организованное безрыбье»), Б. Орехов («Бледный «Бледный город»»), В. Пустовая («Диптих»).

Положительную оценку это произведение получило дважды: от литературного критика и писательницы О. Славниковой в предисловии к повести, напечатанной в «Новом мире»: ей «с первых абзацев стало понятно, что И. Савельев – настоящий писатель», и от П. Шепотинника, кинокритика, задумавшего снять фильм по повести И. Савельева. Но два этих отклика тонут в буре негативных отзывов.

Так, М. Богатов, рассуждая о повестях трёх финалистов премии «Дебют» 2004 года в номинации «Крупная проза» Станиславе Бенецком, Саше Грищенко и Игоре Савельеве, относит произведения этих молодых писателей к «сумрачной» прозе и считает их тексты в большей степени творческой неудачей, чем успехом.

Опустим комментарий, который был дан повестям Станислава Бенецкого и Саши Грищенко, и остановимся только на оценке критика «Бледного города» И. Савельева. «Автора, пожалуй, слишком много. В этом смысле перед нами – *безысходная* повесть. Герои несамостоятельны, город... Пожалуй, описывая город, автор повести действительно схватывает существенное в жизни типичного российского города, но не столько художественно, сколько обыденно. Разрозненные картинки, зарисовки, анекдоты... И вот здесь, где автор был бы необходим, он как раз отсутствует. Этакий реа-

лизм поневоле. По-настоящему цепляет разве что введение в тему спящего города, когда нет ни одного признака жизни, хотя понятно, что жизнь никуда не делась. Чрезвычайно любопытная деталь – бледный город, призрачная жизнь. Повесть *принципиально сумеречная*» [2, с. 187].

Ещё более резкую оценку повести «Бледный город» даёт Б. Орехов. Он пишет о недостатках сюжета, вернее, об отсутствии его достоинств: «Но в сюжете, во-первых, могут быть талантливо расставлены акценты, заставляющие видеть уже тысячу раз описанное в новом, неоткрытом доселе свете. Ни на что подобное рассматриваемой повести претендовать не приходится. Происходящие события выглядят механистическим литературным приёмом, призванным хоть как-то соединить лоскутное полотно повествования. Собственно, внимание автора сильно оттянуто с непосредственно рассказа о героях на какие-то несвежие анекдоты о городе Уфе, будто бы Савельев гнался за двумя зайцами, одного из которых звали Художественное произведение, а другого – Этнографические записки. Пospеть ни за одним не удалось» [3]. Не выдерживает критики, с точки зрения Б. Орехова, и стиль повести И. Савельева: неудачен зачин, рассказчик как бы заигрывает с читателем, «навязчивые цитаты из классиков» и др.

С. Коган, говоря о достоинствах рецензии Б. Орехова (рецензия на рецензию), подмечает, что многие выводы, сделанные в ней, точны и, безусловно, верны. Он, вслед за Б. Ореховым, пишет, что идея с подзаголовком повести могла бы быть «неплохим обрамлением для одной из сюжетных линий, но, будучи использована «в лоб», превращает всю повесть в странный гибрид производственного романа и молодёжного произведения отечественной литературы 60-х годов XX века. Это также отмечают Я. Шекман и Ю. Лесин в своей рецензии на «Бледный город», вышедшей в литературном приложении «Ex libris» к «Новой газете». Б. Орехов предполагает, что, по замыслу автора, откровения об особенностях путешествия автостопом должны занимать большую часть повести». И ещё: «От себя же добавим, что зарисовки Уфы и жизни её жителей в повести по масштабности никак не дотягивают до эталонного произведения этого жанра – «Москвы и москвичей» Гиляровского. Последний, справедливости ради отметим, по стилю тоже далеко не Набоков, но его заметки о событиях более чем столетней давности из истории Москвы почему-то воспринимаются лучше, чем претендующие на ироничность излияния Савельева» [4, с. 197].

Ю. Горюхин в послесловии к рецензии С. Когана на рецензию Б. Орехова говорит, что «выросла» повесть «Бледный город» из статьи об автостопе. «Статья породила повесть. А когда такое случается, то получается жанр, определяемый как журналистская проза. Ей-то как раз присуща линейность, незамысловатость, узнаваемый широкому читателю изобразительный ряд с разъяснениями и пояснениями для домохозяек» [4, с. 198].

На первый взгляд, кажутся странными столь полярные оценки, с одной стороны, московских критиков (О. Славникова, П. Шепотинника), а с другой стороны, земляков И. Савельева (Б. Орехова, С. Когана, Ю. Горюхина). Почему возникло такое «разногласие»?

Объясняет, что могло послужить залогом успеха уфимского автора и его продвижения в «Новом мире», А. Немзер: «Вольно организаторам всенародной забавы «Фабрика звёзд» (виноват, премии «Дебют») двигать своих протеже в журналы, которые вообще-то издаются для читателей, а не для формовки перспективной литераторской смены. Но белкинскую премию вроде бы для другого придумали? Хотя, коли по политкорректному рассуждать, Савельев выбран логично: и по губернской квоте проходит, и по возрастной». И всё же автор повести, делает вывод А. Немзер, только претендует на «поколенческую новизну», выдавая «новейшие словечки» «за знаки смысла» [5].

В. Пустовая в статье «Диптих», посвящённой анализу современной прозе молодых писателей, выявляя и формулируя в ней некоторые её особенности, говорит, что, несмотря на определённую живость повести И. Савельева, в ней есть искусственность, например, «развитие сюжета перебивается манифестацией идеологии», а герои – надуманностью и т. п. Но всё же уфимского писателя отличает «поиск литературных ходов, образность, живость языка, попытка философского осмысления реальности – всё это позволяет увидеть в Савельеве возможность дальнейшего развития в интересного прозаика. Пока же его опыт выглядит, скорее, попыткой застолбить опыт одной

из молодёжных субкультур» [6]. Оценка В. Пустовой является, пожалуй, одной из самых нейтральных среди критиков, прокомментировавших текст повести И. Савельева «Бледный город».

Библиографический список

1. Савельев И. Бледный город: повесть про автостоп // Новый мир. – 2004. – № 12.
2. Богатов М. По ту сторону воды // Октябрь. – 2006. – № 9.
3. Орехов Б. Бледный «Бледный город» // Гипертекст. – Уфа, – 2004. – № 1. URL: <http://www.nevmenandr.net/personalia/bledny.php> (дата обращения: 12.02.2013).
4. Коган С. Когда бог Вэнь-Чан спал / коммент. Ю. Горюхина // Бельские просторы. – 2005. – № 3.
5. Немзер А. Чётко организованное безрыбье // Время Новостей. – 2005. – 4 февр. URL: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/belkin-short.html> (дата обращения: 12.02.2013).
6. Пустовая В. Дигтих // Континент. – 2005. – № 125. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/125/ru24.html> (дата обращения: 12.02.2013).

THE TYPES OF CHARACTER AND CIRCUMSTANCE RELATIONS IN KAZAKH PROSE

E. S. Adayeva

Kazakh National university named after Al-Farabi, Almaty, Kazakstan

Summary. It is important to analyze and identify the character and circumstance issues in literary works. The artistic and aesthetic function and the nature of the character and circumstances in the prose of the Kazakh writer B. Sokpakbaev are discussed in the article. The types of communication in the works of the writer are identified. In the early works of the writer the forming and directing types of connection of the character and circumstances were prevailed. In later works the determining type of connection has been more often used, which is the beginning of a new literary trend.

Key words: character; circumstances; classification; constructing; orienting; identifying; Kazakh literature.

If we look through many research works on literature we can find that coherence between character and circumstance and their interrelations are fundamental issues to be studied. Among many works, we take the well-known Russian literature researchers A. Karaganov's, V. Fashenko's, E. Gorbunova's works and etc. as representative research works in this field.

However, there is not any systematized scholarly statement on interrelation between character and circumstance, and there is also not a terminative typological classification for it. The reason for this is that the research objective is a special issue. The interactions between character and circumstance in literary works are subject to changes, and it is too difficult to gather all of them in one research work.

In home literature studies, though there is not any work devoted to studying the interrelation between character and circumstance issues, it is well discussed in chapters of some monographs, in a series of research papers, and in some defended candidate dissertations. Scholars such as K. Zhumaliev, C. Kirabaev, R. Berdibaev, N. Gabdulin, R. Nurgaliev, T. Esembekov, etc. have also written arguments on this issue in their research works. For example, literary scholar, T. Esembekov identifies three types of interrelations between character and circumstance in Kazakh prose works: Constructing, orienting, and identifying [1, 40].

Now let's analyze the works of classic writer of Kazakh literature B. Sokpakbaev to identify the importance of circumstance in understanding the character's personality. B. Sokpakbaev is one of those writers, who became active in our home literature just after the Great Patriotic War. He was a talented author who had a literary style of his own. It is well-known that post Great Patriotic War time was one of the fruitful periods of Kazakh literature. And right in this time that many representatives of Kazakh literature, such as A. Nurpeisov, T. Ahtanov, S. Shaimerdenov, B. Sokpakbaev, Z. Kabdолоv, N. Gabdulin, etc. brought new themes, ideas and characters, and also widened Kazakh literature's poetic perspectives.

B. Sokpakbaev left a huge amount of literary heritage for Kazakh literature. As a skilled author he wrote many works in different genres empowering a progress in Kazakh literature at that time. Among many proses of him, the stories *Zhekpe-zhek (Duel)*, *My name is Kozha*, *A journey back to my childhood*, *Where are you, Gauhar?* and a novel *The poems never be back* showed talent and a literary sense of him, and made him a real master of de-

piction. And among all of these works, the story, *My name is Kozha*, is of high reputation. This work was translated into Russian, French, Ukraine, Lithuanian, Latvian, Moldavian, and other languages.

It has long been argued that the values of literary works are identified by the quality of the gallery of literary characters. Many common child-characters such as pugnacious and jollier, but clever, witty and kind-hearted Kozha, insistent Murat, the liar, shifty and imaginative Sultan, lovely Zhanar, Sadyk, Ayazhan, Nurdaulet, and the interesting adult Characters like the director Tokmolda, Baigulak, Maikanova, Erkin, Nurali, all appear in the stories and the novel of Sokpakbaev, and gave a great contribution in developing the characters in home literature.

B. Sokpakbaev's works always have a vast thematic horizon, and the depictions in them are also well-rounded. They are usually of big volumes. There are several big thematic issues in the author's works: 1, the children's life; 2, the village people's life in the Great Patriotic War time; 3, sports; 4, love and friendship, etc. The writer mastered whatever theme he chose to write and gave a full vivid depiction of it. Especially, the works devoted to Children's life became core of his creative writings. So whichever work of him you read, you will find the main characters in it are children. And his works are also popular with the adults.

The circumstances in literary works are diverse and so are the characters. And we can find many diverse types of interrelations between circumstances and characters in Sokpakbaev's works.

The story *Zhekpe-zhek* is a work on Sports theme, where, at first, the main character Murat was presented as a melancholic and weak young boy who the readers show mercy on. However, gradually, his personality was trained to become tougher, and he rejoices the readers by his braveness, hard work, attentiveness and patriotism. The author was convincing when describing him training to be a strong young man: Murat, a young boy who does not like sports at all and gets sick so easily attends a summer camp and learns a lot of knowledge there. Training to do different kinds of exercises becomes his habit. Soon after he comes back to his school, the sport trainer Nikolai Trofimovich organizes many sport training groups, and Murat becomes an active participant of them. At first, he gets interested in boxing, but the trainer advises him to take the athletics and refuses to accept him in boxing team. This leads to the inner conflict in the development of Murat's personality. This circumstance becomes a key factor in changing his life, personality and behavior. And here we can find how the author creatively made the use of interrelation between the inner conflicts of the character and the circumstance in creating an image.

Sadyk becomes even more teasing when he gets to know that Murat is rejected by the boxing team. However, so ashamed Sultan is that he begins to practice boxing on his own. The circumstances depicted by the author make it possible to establish some unveiled, hidden sides of the personality of the character, and it seems now it is time to unveil them to the readers

Murat tries too hard to gain his goals. There are several key moments in showing his task-oriented, insistent character. The weak, delicate young man is always defeated by others in sport competences: he is defeated by well-built Sadyk in a wrestling; he also loses in a sport festival for youngsters. The author intentionally set Murat in this struggling circumstance.

In general, characters in literary works always interact with circumstances to enable the realization of whole of themselves, while in this very work of Sokpakbaev's, we are convinced that personal character of Murat is established through various psychological circumstances. If we consider this saying, "Character is related with the circumstances not only in its formation, but also in manifestation and realization. This type of interrelation between the character and circumstances can be called forming-transforming" [1, 40], then we find that *Zhekpe-zhek* is a concrete example forming-transforming type of interrelation between character and circumstance.

The story *My name is Kozha* /1960/ is not only the pride of the writer but also the pride of Kazakh literature. The method the author implied in writing this story reminds us the traditional western way of titling the chapters where the authors use short summaries to attract the readers' attention. For instance, W. Scott's *Ivanhoe*, or J. Verne's *The Oaks Medical Practice*, all are good manifestation of it. In the beginning of every chapter, they write a

small summary of the very chapter, and this, without any doubt, makes the plots easy to comprehend and the story be enticing for the readers. We can find the influence of this method in *My name is Kozha*. If we compare *My name is Kozha* and M. Twain's *Tom Sawyer*, we can find several common features of them, such as the shortness of the chapters, the attractive powers to the readers, the easy expressions, etc. It is not difficult to trace many features of Sultan and Kozha in the personal characters of Tom Sawyer and Huckleberry Finn of Mark Twain. Sokpakbaev's skills in reaching the height of M. Twain through the nature and personality of characters of national literature, the closeness to the reality of characters' personalities, thoughts, behaviors, all these factors show the writer's high literary masterhood.

We can compare Sokpakbaev's style with the stylistic skills of world classics such as Mark Twain, J. Verne, Ch. Dickens, etc. because all above mentioned authors wrote the themes of children's life. B. Sokpakbaev can be considered a world literature giant, as we can say that his works can rival the all world classics above mentioned. In a word, Sokpakbaev's all these works are classics of Kazakh literature, and also the treasures of world literary heritage.

When Sokpakbaev first published these works under the title *Stories about myself* in 1957, it raised heated argument among literary scholars. Some people even were afraid that children might learn from the stubborn boy Kozha's bad behaviors. This was because that in the limited number of children's stories written in 1950s, all characters were disciplined; they behave politely before adults; and they strive to protect and save the possessions of socialist society and attend all public labor suitable for children. This is because that the orienting and forming types of interrelation between characters and circumstances are prevailing in Kazakh literature in this period. An example for this can also be found among Sokpakbaev's own works. The characters in *A faraway village* are hardworking, honest, and every one of them is devoted with heart and soul to their work for motherland.

It is vital in forming a character not to be trapped in depicting one similar circumstance. Again, it is Sokpakbaev's *My name is Kozha* which avoided this shortcoming. It proved that literary circumstances are also like reality which is full of fluctuating moments; that it also has complicated nature; that it also has own character like a living being. Kozha learns from life, but he also makes mistakes, and gains experiences that way. And this is the dialectics of character. Author set so many key psychological circumstances to show Kozha's unique personality. So many complicated events and different circumstances revealed us all details of Kozha's character.

Literary scholar E. Gurbonova says: "In the true art the external circumstances of the characters do not and cannot remain neutral background situation. They will certainly motivate character to act; it is a source of internal conflict". And it is true that the circumstances created in literary works highly influential on the inner world of the characters.

We always try to find close-to-reality characters established in a close-to-life circumstances. Only in this way, we satisfy with what we read; we get to know all about the characters and forgive all their mistakes... From this perspective, we forgive all misdeeds of Kozha as we consider them what a youngster usually does in real life circumstances. There is a strong personal character which always justifies misdeeds of Kozha. In this story, the author chooses the most necessary circumstances from a great many real life events to show the character to the readers. He is presented in so many complicated situations so that we can understand him deeply by looking at him from diverse perspectives. The circumstances chosen by the writer always reveal the deep spiritual world of the character, and it is convincing that these circumstances will not stimulate despicable thoughts in him or make him act ill. Every scene of the story is real and shows the interrelations between circumstance and character. The author did not try to present his hero a positive character at first, but set a great many circumstances where the hero's character develops in a gradual process. The character's moral, honesty, spiritual purity are gradually revealed through a series of circumstantial events. If we say that human character is full of dialectic conflicts in reality, then Kozha's character is a bright example of it we can find in a prose.

Kozha is remembered because of his many misdeeds, such as writing a poem for a girl student, skipping lessons to go for fishing, stealing a lambskin from a shepherd's house, standing in the front line of the workers who take pictures for newspaper, putting a frog into teacher's bag. All these are not because he is ill-minded, but he is still too young to under-

stand many things. The arrangement of all circumstances in this way stimulates us to perceive some hidden quality of the character in paradoxical situations.

The artistic quality of this story lies on that the writer presents us a series of circumstances where the characters' behaviors show their personalities. It requires hard work and exploration from writers so as to be able to create such circumstances which reveal characters' nature and personality.

In this article, we discussed the interrelations between character and circumstance in Sokpakbaev's some great works on the children's life.

In the early works of the writer, the forming and orienting types of interrelations between character and circumstance are employed frequently, whereas in the story *My name is Kozha*, identifying type is introduced, which is now considered a new literary trend at that time.

Bibliography

1. Esembekov T. The character and circumstance issue in prose of Musrepov // The Materials of International Scientific-Practical conference/ – Petropaul, 2002 – P. 40/
2. Gorbunova E. Idea. Conflict. Character. – Moscow : Soviet Writer. 1960. – P. 250.

ЭКСПЛИЦИТНАЯ ИРОНИЯ В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА

А. Г. Козлова

Столичный институт иностранных языков,
г. Москва, Россия

Summary. The article explores explicitironyemployed by John Updike in his poetry. Its distinct features, characteristics, and functions are exposed and illustrated by ample examples in different contexts. Numerous cases of explicitirony overlapping other expressive means, stylistic devices, figures of speech, and tropes, are emphasized and analysed.

Key words: John Updike; poetry; stylistics; figures of speech; irony; expressive means; stylistic devices; tropes.

В американской литературе XX века творчество Джона Апдайка занимает почётное место. Его поэзия, в отличие от прозы, является недостаточно изученной и представляет значительный интерес для анализа и исследования со стилистической точки зрения благодаря обилию в ней разнообразных экспрессивных средств, приёмов и фигур речи. Среди них одну из ключевых ролей играет ирония, наиболее яркой разновидностью которой является эксплицитная.

Данный тип иронии обладает в апдайковской поэзии особой интенсифицированной составляющей, сочетаясь с эпитетами, персонификациями, метафорами и риторическими обращениями. Обращаясь к коробчатой черепахе, поэт заявляет: «Я поднимаю тебя, твоя императорская голова убирается, твоя нижняя пластинка панциря, однажды прикреплённая на шарнирах, представляет собой *Нет* с помощью твоей учтивой вощёной поверхности, деревянной мозаики из инкрустированных квадратов, крапчатых и окрашенных в коричневый табачный цвет, и жёлтого цвета зубов курильщика трубки», где эксплицитная разновидность иронии, сливающаяся с эпитетами, перифразами, персонификациями и метафорами, обладает заметным комическим циркумстанциональным элементом:

*I pick you up. Your imperious head withdraws.
Your bottom plate, hinged once, presents a No
with its courteous waxed surface, a marquetry
of inlaid squares, fine-grained and tinted
tobacco-brown and the yellow of a pipe smoker's teeth* [8, с. 226–227].

Яркая экспрессивность и интенсифицированность апдайковской поэзии достигаются благодаря использованию эксплицитной иронии в сочетании с риторическими вопросами, дедуктивными конструкциями, персонификациями и перифразами. Продолжая свой монолог, поэт спрашивает её: «О чём ты думаешь, так спрятанная в себе?»,

приходит к выводу, что «моя рука, должно быть, обладает запахом и теплом убийцы. Она [рука] держит тебя вверх ногами на высоте; лишённая своего достоинства, твоя кожаная персоне потрясена в плавающей темноте», а затем задаётся вопросом «сколько чистого страха может вместить твой морщинистый мозг?»:

*What are you thinking, thus sealed inside yourself?
My hand must have a smell, a killer's warmth.
It holds you upside down, aloft, undignified,
Your leathery person amazed in the floating dark.
How much pure fear can your wrinkled brain contain? [8, с. 227].*

Эксплицитная ирония у поэта зачастую приобретает заметную драматизирующую составляющую, переплетаясь с метафорами, перифразами, персонификациями и эпитетами, но сохраняет при этом свой комический компонент. Лирический герой говорит: «я тебя возвращаю на землю; твоя осторожная, приминающая стебли травы походка возобновляется; многогранный драгоценный камень, который ты из себя представляешь, тает и сливается с травой», создавая, таким образом, посредством использования лексических единиц, принадлежащих к разным речевым регистрам, ироническую картину передвижения черепахи:

*I put you down. Your tentative, stalk-bending walk
resumes. The manifold jewel of you melts into grass [8, с. 227].*

Комическая составляющая, присущая данной разновидности иронии, сохраняется даже в тех контекстах, где присутствуют элементы трагического, что придаёт поэтическому языку Апдайка особо интенсифицированную драматизированную экспрессивность. Поэт иронически философствует о том, что «газонокосилки были жестоки к твоей черепашьей расе, и существа, менее красивые и менее приспособленные к выживанию, давно уже исчезли; но удары судьбы сливаются, чтобы создать гигантское спокойствие»:

*Power mowers have been cruel to your race, and creatures
less ornate and unlikely have long gone extinct;
but nature's tumults pool to form a giant peace [8, с. 227].*

В некоторых случаях эксплицитная ирония настолько переплетается с персонификацией, часто в сочетании с метафорой, что выделение среди них доминантной фигуры речи становится практически невозможным. Лирическому герою видится, что «оконное стекло пытается разгадать кроссворд, но, кажется, знает только слова по вертикали», где в результате слияния эксплицитной иронии с персонификацией создаётся яркий комический эффект:

*The window screen
is trying to do
its crossword puzzle
but appears to know
only vertical words [8, с. 111].*

Целенаправленно размывая границы между эксплицитной иронией и персонификацией, автор описывает, как «свободные камешки признали наши ботинки»:

Loose pebbles acknowledged our shoes [8, с. 137].

Сочетая комически нагруженную эксплицитную иронию с персонификацией, поэт констатирует, что «книги хотели верить в лучшее, но им это не удалось»:

*... thebooks
triedtobelieveinabetterworldbutfailed* [8, с. 139].

Английский язык, в представлении автора, может быть «слишком жидким для понимания», где благодаря использованию эксплицитной иронии, сопряжённой с каламбуром, прослеживается игра на сходной, но, в то же время, различной семантике английских слов *liquid* отсутствующего, но подразумеваемого *fluent*:

... an English too liquid to understand [8, с. 186].

Эксплицитная разновидность иронии может возникать благодаря использованию сравнения в непредсказуемых контекстах, также служащих для создания неожиданного комического эффекта. Поэт, применяя этот троп, иронизирует над «тёмными глинистыми берегами ручья», говоря, что они «оголялись, как старческие дёсна»:

... the black-clay banks bared like senile gums ...[8, с. 113].

Поэтическому творчеству Апдайка характерна сопряжённость эксплицитной иронии с литотой, которую он использует по отношению к серьёзным и порой драматическим событиям, что придаёт его поэзии особую саркастичность на фоне психологической напряжённости. Описывая взрыв, автор иронично констатирует, что «чувствовалась нехватка кислорода; вероятно, Бомба, которая, в конце концов, прогремела *muSHROOM!*»:

*A certain breathlessness
Was felt; perhaps the Bomb, which after all
WentmuSHROOM!* [8, с. 124].

По дистрибутивному признаку данный стилистический приём может быть не сконцентрирован на определённом участке в пределах одного предложения или его части, а равномерно распределён по всем его участкам, передающим общую идею. Писатель иронически делится с читателем тем, как «мы смиренно вели счёт, подобно держателю железнодорожных акций, ежегодному падению ценности наших зубов, цвета лица, волос и уверенности». Здесь эксплицитность иронии достигается также благодаря использованию зевгматических энумеративных конструкций, применяемых по отношению к не связанным между собой конкретным и абстрактным концептам, перекликающимся со сравнением в рамках одного контекста, в результате чего создаются две оси иронии:

*... chalked up meekly as a rail-stock-holder
Each year's depreciation of our teeth,
Our skin-tone, hair, and confidence* [8, с. 125].

Применение Апдайком ономотопейных лексических единиц в сочетании с персонификацией служит эффективным средством создания эксплицитной иронии, обладающей заметно прослеживающимся оттенком фамильярности. «Женщины, – говорит писатель, – кудачтали и спорили с горшками по поводу того, кто повар»:

*The women clucked and quarreled with the pots
over who was cook...* [8, с. 138].

Свою особую саркастическую составляющую эксплицитная ирония приобретает при её применении по отношению к повседневным явлениям и процессам, что является одной из особенностей поэтического творчества Апдайка. «Багаж, – как кажется поэту, сочетающему данную разновидность иронии с персонификацией, – стоит в ожидании своей распаковки у зелёного кресла»:

*... luggage
stands in wait of its unpacking near
agreenarmchair ... [8, с. 181].*

В результате анализа множества разнообразных примеров, случаев и контекстов употребления эксплицитной иронии в поэзии Джона Апдайка выявляются её экспрессивно-субъективизирующая, интенсифицирующая, комическая, драматизирующая и активизирующая функции. Чётко проступает её способность сочетаться с другими стилистическими приёмами и фигурами речи, такими как метафора, эпитет, персонификация, сравнение, перифраза, гипербола, литота, каламбур, зевгма, риторические обращения и вопросы. Это демонстрирует первостепенную значимость данного экспрессивного средства в творчестве выдающегося поэта.

Библиографический список

1. Bloom H. Modern Critical Views of John Updike. Chelsea House. – New York, 1987. – 104 p.
2. De Bellis J. The John Updike Encyclopedia. Greenwood Press. – Santa Barbara, California, 2001. – 545 p.
3. Greiner D. Don De Lillo, John Updike, and the Sustaining Power of Myth. Ohio University of Delaware Press. – Newark, Delaware, 2002. – 229 p.
4. Hamilton, A., Hamilton K. The Elements of John Updike. William B. Eerdmans. – Grand Rapids, Michigan, 1970. – 267 p.
5. McNaughton W. R. Critical Essays on John Updike. GK Hall. – Boston, 1982. – 308 p.
6. Newman J. John Updike. Macmillan. – London, 1988. – 176 p.
7. Schiff J. A. United States Author Series: John Updike Revisited. Twayne Publishers. – Woodbridge, Connecticut, 1998. – 238 p.
8. Updike J. Collected Poems: 1953–1993. – Knopf, 1995. – 387 p.

АНТОНИМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА «ГОРЯЧИЙ – ХОЛОДНЫЙ» В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Е. Н. Сороченко
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Summary. This article will consider antonymous paradigm "hot - cold" in a literary text. Discusses the meaning lexems "hot" and "cold", presented in the dictionaries and in the text of I. A. Goncharov. Identifies their function in the text of the novel "Common Story."

Key words: antonymous paradigm; antonyms; meaning.

Одной из особенностей текста романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» является широкое использование антонимов, которые чаще всего выступают как средство характеристики персонажей, используются для создания антитезы. В. М. Маркович отмечает, что в противоборстве точек зрения дяди и племянника сталкиваются «собственно языковые полярности: язык поэзии противостоит языку прозы, речь специфически книжная – речи специфически обиходной, прямое название предметов – метафорическому и перифрастическому способу выражения, риторико-декламативная речевая тональность – тональности разговорно-деловой» [4, с. 62]. Антонимические парадигмы являются одним из средств создания «языковых полярностей» в тексте. А. Адуев, по определению В. Г. Белинского, «был трижды романтик – по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни...» [1, с. 493]. Дядя – полная противоположность Александру.

Цель данной статьи – рассмотреть, как реализуется эта контрастность образов в антонимической парадигме «горячий – холодный».

«Антонимическая парадигма – это объединение слов с противоположными значениями. В основе их семантического соотношения находится общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противопоставленность значений. Специфической особенностью антонимической парадигмы является её парность: она состоит из позитивного и негативного членов» [5, с. 244].

В словаре антонимов представлена следующая словарная дефиниция: «ГОРЯЧИЙ – ХОЛОДНЫЙ 1. Имеющий высокую температуру. 1. Имеющий низкую температуру. 2. *Перен.* Пылкий, страстный, повышенной эмоциональности. 2. *Перен.* Лишённый пылкости, страстности, рассудочный» [2, с. 132]. В основе семантического соотношения антонимической парадигмы «горячий – холодный», объединённой на основе прямого значения, лежит общий интегральный признак: 'имеющий температуру' и дифференциальные признаки: 'высокая' – 'низкая' (температура). Дифференциальным признаком антонимии лексем «горячий – холодный», объединённых на основе переносного значения, является «наличие семы 'не', входящей в состав одного из членов» [5, с. 244], в данном случае представленной имплицитно в лексеме «лишённый», т. е. «холодный» – 'не пылкий, не страстный'.

Таким образом, в узуальном употреблении антонимическая парадигма «горячий – холодный» строится на оппозиции, связанной с передачей температурного «ощущения» при употреблении лексем в прямом значении, и со значением характеристики при употреблении лексем в переносном значении.

В тексте романа реализуются переносные значения рассматриваемых лексем, обогащающиеся разными смысловыми приращениями. В качестве синонимов лексема «горячее» имеет в тексте лексемы «теплое», «огненное», передающие разные степени градации указанного признака, а лексема «холодный» имеет синоним «ледяной». Рассматриваемая антонимическая парадигма эксплицирует «чувственное» и «бесчувственное», «душевное» и «разумное». Александр ищет в окружающих пылкости, страстности, тепла, что выражается использованием следующих конструкций, содержащих лексему «горячий» и её синонимы: «горячие объятия дружбы», «теплое, сердечное участие», «теплые верования в любовь, в дружбу», «огненный взор и слово» [3]. Лексема «холодный» употребляется Александром, когда он сталкивается с несоответствующим его взглядам отношением окружающих, часто использует её для характеристики дяди: «холодная толпа», «холодные советы», «холодно издеваться», «адски холодно рассуждаете о любви», «холодное размышление», «холодный анализ», «холодное черствое сердце», «холодная мораль», «дайте мне своего холодного разума», «вы от природы человек холодный», «леденит у меня кровь» [3].

Таким образом, антонимическая парадигма «горячий – холодный» в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» используется для характеристики персонажей, создания антитезы, приобретает в тексте ряд дополнительных смыслов, не зафиксированных в словарях, эксплицируя «чувственное» и «бесчувственное», «душевное» и «разумное».

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Гончаров И. А. Необыкновенная история : повесть. Обыкновенная история : роман. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 485–506.
2. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д : Феникс, 1995.
3. Гончаров И. А. Собрание сочинений. В 8 т. – М. : Художественная литература, 1952. – Т. 1. Обыкновенная история.
4. Маркович В. М. «Чужая» речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история» // НДВШ. Филологические науки. – 1982. – № 2. – С. 58–66.
5. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. I. / под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Издательский центр «Академия», 2001

РОМАНТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В РОМАНЕ Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ПУШКИНСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ

Е. Н. Колесниченко
Северный (Арктический) федеральный университет,
г. Архангельск, Россия

Summary. The character of conflict of a romantic hero with the surrounding reality presented in Y. Olesha's novel "Envy" is considered in the article. Use of means of traditional romantic poetics together with Pushkin's reminiscences help to see the transformation of a traditional romantic collision in the Russian literature of the first half of the 20th century.

Keywords: reminiscence; ambivalence; romantic collision.

Конфликт романтического героя с отрицаемой им окружающей действительностью порождает основные категориальные особенности романтизма как художественного метода и принимает в «старом» романтизме формы борьбы или бегства героя. В своей работе «Эпоха романтизма», выделяя различные компоненты романтической коллизии, Ю. Манн отмечает основную особенность романтического героя как «способность пережить... процесс отчуждения» [3, с. 38]. В послереволюционной литературе XX века процесс отчуждения от общества мог переживать лишь герой, воплощающий образ врага. Теория бесконфликтности в советской литературе отрицала всякую возможность противостояния воле масс. Появление романа Ю. Олеши «Зависть» Е. Меньшикова называет «скандальной пощёчиной обществу пролетарскому» [4, с. 88].

Используя основные компоненты романтического противостояния, Ю. Олеша создаёт произведение, в котором из традиционного романтического столкновения рождается конфликт, особенно актуальный для литературы XX века, – личности и общества, индивида и власти. Именно так вслед за А. Белинковым рассматривает центральную коллизию романа М. Вайскопф: как «развитие традиционной российской темы – темы противостояния личности и государства, воплощённого в облике его сакрализованного правителя» [1, с. 69]. Множественные параллели, проведённые между фигурой Ульянова-Ленина и образом «великого колбасника» Андрея Бабичева, убедительно доказывают идею автора. Е. Меньшикова в своей работе определяет конфликт романа как экзистенциальный. Присоединяясь к мнению исследователя, надо помнить, что этот конфликт организован средствами романтической поэтики – с помощью снов, сказок, мотивов зеркала, двойничества, тени, разборного человека, различных метаморфоз – и отражает глубину традиционного противостояния идеала и действительности.

Главным героем романа «Зависть» является мечтатель-романтик Н. Кавалеров, с которым Ю. Олеша публично признаёт свое сходство на первом Всероссийском съезде писателей. Ревнители от Пролеткульта видели в Кавалерове лишь банального завистника, и даже М. Пумпянский воспринял трагедию героя как одну из множества тысяч трагедий, «пережитых людьми с отсталыми докапиталистическими навыками жизни» [6, с. 553]. Вместе с тем характер Кавалерова глубже и трагичнее, чем представлялось критикам.

Реминисцентным фоном романа являются «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина: стоит вспомнить, что первоначальное название «Моцарта и Сальери» было «Зависть». Конфликт истинного музыканта и «жреца» от музыки травестируется в конфликте Кавалерова и Бабичева. Парадокс состоит в том, что именно завистник способен слышать «музыку сфер», видеть и понимать тайный смысл предметов. Его творящее воображение создаёт образ Тома Вирлири, который есть «само высокомерие юности, сама затаённость гордых мечтаний» [5, с. 49], поэтизирует картину моющейся над тазом Вали, позволяет восхититься уличным зеркалом, наделить жизнью пироги, которые «лопотали под одеялом», [там же, с. 26], заметить, что округлая фарфоровая ваза похожа на фламинго, а в пении птицы услышать щёлканье машинки для стрижки. Поэтический мир Н. Кавалерова – это мир детства, где возможно всё: превратить анечкину кровать в место для игр, мечтая о славе, позавидовать восковой фигуре умирающего французского президента, поверить в возможность необычной любви. Этот «моцартианский» мир героя оказывается не востребуемым – Кавалеров превращается в завистника. Вслед за «идеологом зависти» Сальери он декларирует своё

желание убить: «Завтра на футболе я убью вашего брата» [там же, с. 99], – говорит он Ивану. Но ни убийство, ни самоубийство невозможны для «моцарта», воплощающего идею творческой жизни.

По мнению Ю. М. Лотмана, смысловой центр маленьких трагедий А. Пушкина «образуется мотивом, который можно было бы определить как „гибельный пир“» [2, с. 132]. Этот мотив по-своему представлен и в романе Ю. Олеси, в первую очередь в хозяйственной и бытовой деятельности Андрея Бабичева. Великан-обжора съедает вечером «двести пятьдесят граммов ветчины, банку шпрот, скумбрию в консервах, большой батон, голландского сыру доброе полнолуние, четыре яблока, десяток яиц и мармелад „Персидский горошек“» [5, с. 14]. Описание героя в момент еды зооморфно: «глаза его налились кровью, он... чавкал, сопел, у него двигались уши» [там же, с. 14]. Создание нового сорта колбасы становится сакральным моментом в хозяйственной деятельности А. Бабичева, он «даже застыдился сперва, подобно жениху, увидевшему, как прекрасна его молодая невеста» [там же, с. 34–35]. Празднование в честь этого события в глазах наблюдающего за пирующими Кавалерова превращается в новое эпическое живописное полотно «Пир у хозяйственника».

Отношение к еде служит способом противопоставления героев. Задумавший индустриализацию кухонь «великий колбасник» и обжора А. Бабичев, поедатель раков Иван, стряпуха Анечка, «раздирающая руками кишки» [там же, с. 28], участвуют в великом жизненном пиршестве, чревоугодие объединяет их. На этом фоне отказ Кавалерова участвовать в трапезе выглядит вызовом сложившейся системе, отказом от инициации: «новый сорт колбасы меня не заставит сиять» [там же, с. 35]. Герой демонстративно покупает яйцо и булку и ест их на улице в одиночестве. Во второй части романа в сцене футбольной встречи, представляющей собой скорее военное сражение, карнавально актуализировано архаическое значение битвы-пира: «зелёный бублик» чулка вокруг «грушевидной, легко волосатой икры» [там же, с. 106] Володи Макарова; «выдавливающийся», как колбаса, Кавалеров; толпа, заполнившая буфет, требующая «хлеба» после «зрелища» футбольного матча.

Во время игры отлетевший мяч «падает к ногам» Кавалерова, но и тогда герой предпочитает остаться наблюдателем, остро ощущая свою непричастность к этому миру. Отказываясь принимать участие в пире и матче, он подчёркивает своё отчуждение, которое становится, с одной стороны, знаком трагической избранности, с другой – шутливой отверженности.

Кульминация конфликта происходит в девятой главе, начинающейся словами «Мы собрались на аэродроме...» [там же, с. 37]. Местоимение «мы» знаменует попытку Кавалерова приблизиться к манящему новому миру, преодолеть отчуждение, но именно в этой сцене герой терпит поражение – его не пускают на аэродром: «я вдруг ясно осознал свою непринадлежность к тем, которых созвали ради большого и важного дела» [там же, с. 38]. Бунтуя, он ведёт себя как ребёнок, и, желая оскорбить Бабичева, обзывает его «колбасником». Пушкинские реминисценции в этом эпизоде подчёркивают амбивалентность шутливого мира Николая Кавалерова.

Сравните:

«Лицо Бабичева *обратилось* ко мне. Одну десятую долю секунды оно пребывало ко мне *обращённым*... Страх какого-то немедленного наказания вверг меня в состояние, подобное сну» [там же, с. 39, курсив – исследователя].

«...показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько *обращалось*» [7,
с. 272, курсив – исследователя].

«На железной вафле он перелетел в другое место... Он стоял на железной штуке, с лязгом и воем описавшей полукруг» [5, с. 41].

«И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой –
Как будто грома грохотанье –
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой» [7, с. 272].

Ю. Олеша углубляет пушкинскую формулу, заставляя героя увидеть, как «голова Бабичева повернулась... на неподвижном туловище, на собственной оси, как на винте» [5, с. 39]. Если в поэме А. Пушкина оживает статуя, то в романе Ю. Олеша человек становится механизмом-монументом. «В диком ракурсе я увидел летящую в неподвижности фигуру – не лицо, только ноздри я увидел: две дыры, точно я смотрел снизу на монумент» [там же, с. 41]. В пушкинской поэме Евгений, осознавший, кто виноват в его трагедии, убегает от Медного Всадника – герой Олеша тоже бежит, но вдогонку за оскорблённым им Бабичевым, чтобы «сказать одно слово „простите“» [там же, с. 41]. В новой парадигме формирующегося тоталитаризма традиционные отношения личности и государства ещё более искажаются: государственная машина вынуждает человека, взбунтовавшегося против власти, самому прийти к покаянию и осознанию своих ошибок. Ненависть Бабичева и его окружение, Кавалеров всеми силами стремится соединиться с ними, стать частью целого и в то же время понимает всю трагическую невозможность этого.

Таким образом, романтическая коллизия, связанная с переживанием героем своего отчуждения (которое является скорее знаком отверженности, чем избранности), разрешается в кульминационном эпизоде на поле аэродрома. Пушкинские реминисценции, отсылающие читателя к поэме «Медный всадник», углубляют и драматизируют конфликт, который во второй части романа становится абсолютным, превращается в противостояние индивида и мира, раскрывая «трагическое мироощущение личности, её отчаяние, страх и трепет» [4, с. 76].

Библиографический список

1. Вайскопф М. Я. Андрей Бабичев и его прообраз в «Зависти» Юрия Олеша // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1994/05/945-069.htm>
2. Лотман Ю. М. Типологическая характеристика реализма позднего Пушкина // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 124–158.
3. Манн Ю. В. Русская литература XIX века: эпоха романтизма: учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 447 с.
4. Меньшикова Е. Р. Редуцированный смех Юрия Олеша // Меньшикова Е. Р. Всплохи карнавала: гротескное сознание как феномен советской культуры. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 67–106.
5. Олеша Ю. К. Зависть. Три толстяка: романы. Ни дня без строчки. – М.: Художественная литература, 1989. – 495 с.
6. Пумпянский Л. В. Основная ошибка романа «Зависть» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 551–557.
7. Пушкин А. С. Медный всадник / Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. – М.: Правда, 1981. – Т. 3. – С. 260–273.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ «КОНЦЛАГЕРНОГО РОМАНА»

И. А. Подавылова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия

Summary. The article is devoted to the genre of the novel links the concentration camp, from the point of view of the development of its traditional plot schemes, and the ratio of documentary and artistic components.

Key words: genre; prose about the concentration camps; documentary; artistic.

Кризис романа как жанра – дискуссионная проблема в литературоведении XX века.

Одним из первых мысль о «конце романа» высказал О. Мандельштам в одноимённой статье 1922 года. Чётко обозначенная им смена формаций (от личности к массе) выразилась в изменении статуса этого литературного жанра. Поскольку «мера романа – человеческая биография», а «отдельной судьбы больше не существует» – «человек без биографии не может быть тематическим стержнем романа, и роман, с другой стороны, немислим без интереса к отдельной человеческой судьбе» [4, с. 273–275]. Линию дискредитации жанра продолжил В. Шкловский, сравнив исчерпанность ро-

манной формы с существованием света погасшей звезды [6, с. 322–323]. Н. Берковский «конец романа» видел в обнищании материала [1, с. 136].

Если в 20-е годы литераторы говорили об упадке жанра, то в 1965 году В. Шаламов в статье «О прозе» безапелляционно констатировал его «смерть», указав не только «причину» («Людам, прошедшим революции, войны и концентрационные лагеря, нет дела до романа... описание придуманной жизни... раздражает читателя, и он откладывает в сторону пухлый роман...»), но и пути преодоления кризиса («Сегодняшний читатель... убеждается только документом. У <него – И. П.> есть и силы, и знания, и личный опыт для этого спора. И доверие к литературной форме. Читатель не чувствует, что его обманули, как при чтении романа») [5], по сути, констатировав синтетическую способность романа постоянно модифицироваться, втягивая в себя иные жанры. В известной фразе Теодора Адорно о том, что после Освенцима стихов писать нельзя, также явственно звучит призыв к поиску новых, адекватных «немыслимости» пережитого форм художественного выражения.

После Второй мировой войны появилось много романов о том, что происходит с человеком в концлагере. Отдельные произведения такого рода (например, А. Солженицына) либо группы текстов, объединённых по идейно-тематическому принципу, неоднократно привлекали внимание исследователей. Но типологические границы этой жанровой разновидности ещё не осознаны, о чём свидетельствует отсутствие критериев классификации столь разноплановых текстов, объединённых на первый взгляд лишь единством материала.

Таким образом, выделение проблемы жанрового синтеза в отношении «литературы Освенцима» логично и обоснованно. С одной стороны, в прозе о концлагерях наблюдается единое типологическое ядро (особый хронотоп, схожие фабула и сюжет, тип героя и т. п.), с другой – очевидны внутржанровые и междужанровые смешения. Внутреннее взаимодействие обнаруживается в наложении классических сюжетных схем (романа воспитания и становления, семейного романа, авантюрного, бытового, исторического, готического, плутовского, романа-идиллии и т. д.) на фактологическое содержание произведения с концлагерной тематикой. В результате взаимодействия традиционной романной структуры с материалом, ранее не освоенным литературой, возникают не только инварианты литературной модели, сосуществующей в рамках отдельного произведения с её классическим вариантом, но и новые романские типы (роман антивоспитания / воспитания жертвы, палача; семейный роман / роман о лагерной семье и т. п.).

О разомкнутости внешних границ концлагерного романа свидетельствует его активное взаимодействие с другими прозаическими жанрами, прежде всего, с (авто)биографией и документом.

Отмеченная нами «интеграция жанровых структур» [3, с. 188] – non-fiction в поле художественного вымысла – имеет ряд устойчивых признаков. Поскольку познание и интерпретация исторической действительности происходят через изначально субъективную трактовку, на первый план выходит личная включённость рассказчика в событие. Его переживания глубоко интимны, но схожие чувства испытывают и другие люди, оказавшиеся в тех же обстоятельствах. Свидетельство может осуществляться посредством смены точек зрения – объективно виновных и невиновных участников происходящего. Восприятие ситуации автором глубоко индивидуально, но, так как он повествует о событиях масштабных, всеобщих, эпических, фактические неточности могут искажать фактическую подлинность момента. Однако, такого рода «отклонения... не отменяют ни установку на подлинность как структурный принцип произведения, ни из него вытекающие особые познавательные возможности» [2, с. 10], поэтому в лагерном романе эпическая форма может преобладать над романной. Противоречие между необозримостью совершающегося зла и личной оценкой решается и на уровне повествования. Свидетель не просто фиксирует факты, но эмпирически исследует новую для него действительность, вольно или невольно следуя методике научного поиска. Автор, пишущий о концлагерях, разрабатывает научный аппарат «лагереведения» с последующими теоретическими и практическими выводами. Особенность «исследовательской» точки зрения обуславливает и композиционное построение произведений конц-

лагерной проблематики, для которого характерны незавершённость, орнаментальность, нарушение пространственно-временного единства.

Всё вышесказанное справедливо для системы художественного произведения, включающей факт только как отдельный элемент. Однако удельный вес документального может превышать долю вымысла, становясь сюжетобразующим началом. В таком случае автор повышает эстетический статус текста, используя различные художественные возможности. На структурном уровне поэтизация жизненного опыта происходит путём разъединения автора и повествующего субъекта, упорядочивания отношений персонажей, организации системы точек зрения. На уровне формы включаются средства художественной выразительности (тропы, символы и аллегории, особая интонация и стиль).

Сегодня изучение концлагерного романа представляется весьма продуктивным с позиции жанровых диффузий. Исследование непредметной составляющей этого корпуса текстов расширяет и углубляет типологические горизонты литературы о концлагерях.

Библиографический список

1. Берковский Н. Борьба за прозу // Критика 1917–1932 гг. : сб. / авт.-сост. Е. А. Добренко. – М. : Изд-во АСТ: Астрель, 2003. – 462 с.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1971. – 464 с.
3. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1982. – 256 с.
4. Мандельштам О. Конец романа // Собр. соч. В 4 т. / сост. и комм. П. Нерлер, А. Никитаев. – М. : Арт-бизнес-центр, 1993. – Т. 2. Стихи и проза 1921–1929. – 703 с.
5. Шаламов В. Т. Собрание сочинений. В 4 т. / сост. И. Сиротинская. – М. : Художественная литература; ВАГРИУС, 1998. Т. 4. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/sha/lam/ovv/arl/aam/shal_4/index.htm (дата обращения: 20.03.2013).
6. Шкловский В. Б. Гамбургский счёт: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.

К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ

Т. А. Полякова

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
г. Елец, Липецкая область, Россия

Summary. Epistolary heritage of G.D. Grebenshchikov, the Russian writer which works are returning to Russia in the last decade, is analyzed in the article. American period of emigration is in the center of this research. In America the writer thinks only about Russia, its past and future.

Key words: emigration; epistolary heritage; correspondence; Russian culture; Russia; America.

Имя выдающегося русского писателя первой половины XX века Георгия Дмитриевича Гребенщикова мало известно современному читателю. Представитель первой волны эмиграции, он за границей создал свои лучшие произведения, которые переведены на многие европейские языки, в частности немецкий, датский, чешский и др.

В 1920-е гг. писатель публикует «Былину о Микуле Буяновиче», «Алтай, жемчужина Сибири» (Чураевка, 1927), «Гонец. Письма с Помперага» (Нью-Йорк; Чураевка, 1928); далее выходят в свет «Чураевы» (1922–1937, 1952). В 1930-е годы появляются в печати «Царевич»¹ (1930-е гг.), «Первая любовь» (Чураевка, 1936), «Радонега: Сказание о неугасимом свете и о радужном знамени жития преподобного Сергия Радонежского» (Churaevka, Southbury, Connecticut: Алатас, 1938). В 1950-е годы Гребенщиков работает над автобиографической повестью «Егоркина жизнь» (Southbury, Connecticut: Славянская Типография, 1966).

В США Георгий Дмитриевич живёт активной творческой жизнью. В Америке писатель погружается в литературную среду русского зарубежья: поддерживает отношения со многими известными людьми, в том числе великим князем Александром Михайловичем Романовым², Ф. И. Шаляпиным, И. А. Буниным, А. И. Куприным,

И. С. Шмелёвым, Алексеем Ачаиром, С. Ю. Прегель-Брейнер, В. Ф. Булгаковым, И. Н. и Л. А. Коварскими, И. И. и Е. А. Сикорскими, П. Н. Красновым, с журналистом М. Е. Вейнбаумом и др.

Многочисленные читательские отклики подтверждают высокую литературную репутацию Г. Д. Гребенщикова. Так, Лаура Абелл (США) обнаружила, что «в его [Гребенщико-вской] прозе чувствуется ритм и пульсирование острой косы. Его стиль струится, как родник, и может быть сравним с первой главою Библии или с творениями Гомера» [7]. Говоря о таланте Георгия Дмитриевича, Лоренцо Жигли («Gazetta del Popolo», Italy) замечает, что «...„Братья Чураевы” ставят его [Гребенщикова] во главе самых сильных писателей-реалистов. В них показан гениальный художник» [3]. Ему вторит А. Койани («La Stampa», Rome): «„Братья Чураевы” дали ему европейскую репутацию. Георгий Гребенщиков показал себя мастером» [3]. В одном из писем к Гребенщикову (от 15 июля 1927 г.) Александр Михайлович Перфильев признаётся, что «Чураевы» явились для него «живым источником», из которого он многократно черпал «силу и нравственную поддержку» [6, с. 26]. Ему, русскому изгнаннику, забайкальскому казаку, рождённому в Чите, роман «вдвойне дорог по трогательным воспоминаниям детства» [6, с. 26].

Георгий Дмитриевич обрёл заслуженную славу настоящего художника. Он продолжает напряжённо работать. В Америке были переизданы три тома его знаменитой эпопеи «Чураевы»: первые тома («Братья», «Спуск в долину», «Веление земли»), появившиеся ещё в 1922–1923 гг. в Париже, публикуются в американском издательстве «Алатас» в 1925 году; остальные – «Трубный глас» (Т. IV, 1927), «Сто племен со единым» (Т. V, 1933), «Океан багряный» (Т. VI, 1937), «Лобзание змия» (Т. VII, 1952) – публикуются позже.

В американский эмиграционный период Г. Д. Гребенщиков ведёт переписку с великим князем Александром Михайловичем Романовым. Нам повезло обнаружить два письма великого князя Георгию Дмитриевичу.

Их переписка, отличаясь откровенностью и трогательностью, свидетельствует о литературных вкусах и предпочтениях корреспондентов. Так, например, Александр Михайлович в письме к художнику от 24 ноября 1929 года (New York City) сообщает, что «увлекался Толстым, первым периодом его писательской деятельности <...>. Лермонтова... особенно любил за Кавказ, Пушкин, нечего и говорить, был... настольным писателем. Затем современных писателей... любил всё меньше, а последних совсем не люблю, нет в них примитивного эпоса, который мне так дорог, – *ум занял место души* (Курсив наш. – Т. П.)» [6, с. 36].

Великий князь открыт в общении с Гребенщиковым. В одном из писем (от 7 ноября 1929 года) он расскажет о своих душевных переживаниях художнику: «... я по письмам (отцов и матерей молодых матросов) узнавал страдания народа в годы неурожая или падежа скота, я, в это время, могу сказать, жил жизнью всех этих незаметных тружеников, я близко сознавал всю борьбу за существование, которую они вели с такой покорностью и неизбежностью. *Душа моя болела, и я чувствовал своё бессилие помочь всем моим братьям по духу* (Курсив наш. – Т. П.)» [6, с. 32–33].

А. М. Романов волнует «причина всех отрицательных сторон жизни человека» [6, с. 33], Александр Михайлович за разрешением вопроса: что делать и как долго будут продолжаться мучения народа – обращается, как он сам признаётся, «к Силам Высшим и к Силе Превышей – к Богу» [6, с. 33]. В письме (от 24 ноября 1929 года) Гребенщикову великий князь расскажет о своём пути к Богу: «... море меня приблизило к Богу – плавания мои были началом моей духовной эволюции, я так часто во время длинных ночных вахт беседовал с невидимыми, но близкими силами, меня всегда тянуло ввысь, я тосковал по моей родине – миру духовному, я жаждал единения с силами, я всегда чувствовал, что здесь, на земле, я временный гость. И вот я был услышан, силы откликнулись, и я сделался их верным слугою» [6, с. 35–36].

В одном из писем (от 24 ноября 1929 года) А. М. Романов признаётся писателю: «Милый Георгий Дмитриевич! Всё, что вы пишете, глубоко трогает – спасибо от души, и главное, что в Вас я приобрёл такого ценного соратника на пути созидания Царства Духа» [6, с. 35]. Александр Михайлович в Гребенщикове видит не просто замечательного корреспондента-собеседника, но и родственную душу.

Письмо, датированное 24 ноября 1929 г., свидетельствует и о некоторых деловых отношениях между корреспондентами. Так, Александр Михайлович обращается к Гребенщикову с просьбой «отпечатать в... типографии пятьсот экземпляров прилагаемого воззвания к русскому народу» [6, с. 37]. К сожалению, нам неизвестно решение этого вопроса, как и дальнейшая судьба этого эпистолярного наследия двух замечательных соотечественников.

В эмиграции Георгий Дмитриевич обращён к России, к её утраченному величию. В своих воспоминаниях о дружбе с Иваном Сергеевичем Шмелёвым Гребенщиков замечает: «*Ведь должен же опять и русский народ, и весь белый свет величать и прославлять Москву, как и всё наше великое Царство, создавшее славу великой русской культуры* (Курсив наш. – Т. П.). Должен, и это будет, и не может не быть! Неисчислимыми жертвами, неоценимой ценой за всё вперед заплачено...» [2, с. 467].

Шмелёв в своих письмах, отдавая должное таланту Гребенщикова, нередко «ругает» его за то, что тот «мало пишет», а всё больше «какую-то землю копает, какие-то хижинки сооружает!..» [2, с. 470]. Но Георгий Дмитриевич, созидавая русский культурный центр «Чураевка» на клочке собственной земли в штате Коннектикут, абсолютно уверен, что именно «копание канав, постройка хижин в Чураевке да часовенка Преподобного Сергия – помогли» [2, с. 471] ему «дотерпеть до конца». Чураевка стала русским островом, локусом духовного возрождения. Переписка со Шмелёвым оказалась для Гребенщикова благодатным глотком воздуха, «моральным утешением»: «Кто бы мог подумать, что, не зная друг друга, разные по воспитанию и происхождению, мы с этим москвичом... с недавних пор находимся в нежнейшей переписке. Он живёт в Париже <...> совершенно слепой. <...> Слушает мои писания. Пишет сам ощупью, крупными буквами, широкими строками, на многих листках, чтобы сказать своё московское, изумительно-простое и неповторимое слово бодрости, столь не присущей изгнанникам...» [2, с. 468].

Жизнь в эмиграции сложна и непредсказуема, отсюда и противоречивость оценок различных слоёв русской диаспоры в эпистолярном наследии писателя. В Америке эмиграция демонстрирует разобщённость и неприятие друг друга: «Насмотрелся я здесь [в Америке], – пишет Георгий Дмитриевич в письме к руководителям журналов „Грани“ и „Посев“ – на нашу эмиграцию, ЯКОБЫ (выделено автором письма) борющуюся с коммунизмом. Картина достойна кисти Айвазовского, но в борьбе этой русские обрели одно право: свободно извращать правду друг о друге и вместо объединения жалко изничтожать ближнего и самих себя (Курсив наш. – Т. П.)» [6, с. 85].

Но есть и другие оценки. Так, Алексей Ачаир³, для которого Георгий Гребенщиков стал идейным вдохновителем создания литературно-художественного объединения «Молодая Чураевка» в Харбине, в письме к Зинаиде Григорьевне Фосдик⁴ от 12 августа 1933 года даёт иную характеристику соотечественникам, покинувшим Родину: «Я говорю о русском Харбине. В городе сосредоточена большая часть русской эмиграции на Д[альнем] В[остоке]. Эмиграция истрадалась по родине, по удовлетворительным, человеческим условиям жизни. Она не идёт ни на какие компромиссы. Было бы странным упрекать её в отсутствии тех или иных запросов высшего порядка. Когда нищий просит хлеба, едва ли его можно утешить обеспечением благ не в настоящей, а в последующей жизни. Также и в отношении нашей эмиграции. Пусть она разрознена, враждует между собой (повышенная нервность от всякого рода нужды), но в одном она проявляет до некоторой степени единомыслие. Интересы возрождения *национальной России* (выделено А. Ачаиром) ей ближе и дороже и являются первоочередными, нежели вопросы общемировые, в том числе и общечеловеческая солидарность, и пацифизм, и международная культура, и Лига Наций, и т. д. и т. п.» [1, с. 76].

Творчество Гребенщикова обращено к России, к её судьбе, прошлому и будущему. В цикле «Гонец» (глава «Основание скита») он заметит: «Ушёл от народа своего в далёкие края, а живу мечтой о его же лучшем будущем» [5, с. 22]. Его думы о народе связаны, прежде всего, с непреходящими духовными ценностями. Политика его мало интересовала. Так, в письме издательству журналов «Грани» и «Посев» (от 10 апр[еля] [19]56 г.) писатель признаётся: «политика мне всегда претила, особенно революционная, потому что всякая революция противоречит основному христианскому идеалу: добывать свободу ПУТЁМ НАСИЛИЯ (выделено автором письма). Такой явный абсурд

да ещё чреватый тем, что должен непременно вызывать гражданскую войну, самую ПОДЛЮЮ (выделено автором письма) из всех войн» [6, с. 84]. И далее в том же письме художник призывает руководителей издательств не просто идти «под знаменем „Не в силе Бог, а в Правде”» [6, с. 84], но и проводить «эту ДУХОВНУЮ СИЛУ (выделено автором письма) <...> путём веского, убедительного слова Культуры...» [6, с. 84–85].

Однажды Шмелёв в письме к Ольге Александровне Бредиус-Субботиной от 18 февраля 1946 года подчеркнёт: «Получил очень интересное письмо из Флориды – от Г. Д. Гребенщикова, неожиданность! Молодец он, с женой. Сколько работал, *всячески!..* (Выделено – И. С. Шмелёвым) и как *внедрял в американцев величие русского имени! служил России!* (Курсив наш. – Т. П.) Это целая поэма... Эпическое – *Одиссео-Илиада*⁵ (Выделено – И. С. Шмелёвым)... Пробил пути. Теперь – профессор в американском колледже, читает, по-английски (а то ни в зуб толкнуть не мог, приехал в Америку 22 года тому!) – лекции русского языка, истории литературы и изящной словесности – вообще. <...> Воистину, кулачищами и умом пробил дорогу. Сибиряк, с Алтая, из бедности. Мой литературный „крестник”. *Вспомнил – не забывая* (Выделено – И. С. Шмелёвым). С упоением читал его „борьбу”. Теперь даже „доктор философии” какого-то индусского университета. Вот, что делает русский человек – щепка в мировом океане! *Главное – крепит уважение к России* (Курсив наш. – Т. П.)» [8].

Творчество Гребенщикова в эмиграции – это непрерывное «моление» о России. Фундаментом русскости, основным свойством национального характера, утверждал писатель, является вера в Высшее начало, в Высшую справедливость, поиски Абсолюта, без которого жизнь не только скучна, однообразна, но и попросту лишена смысла.

В Америке писатель не перестаёт думать о России, мечтает о возвращении домой, в родную Сибирь. Георгий Дмитриевич в письме к Валериану Павловичу Правдухину от 12 сент[ября] 1924 года признаётся: «Очень, очень хочется мне быть понятым на родине, как должно. Лишь тогда захочется вернуться и работать вместе с новыми и сильными людьми.

Чужим возвращаться не желаю, рабом тем менее» [6, с. 6].

Вернуться на Родину писателю будет не суждено: он умрет в Америке в 1964 году, будет похоронен на старом кладбище в г. Лейкленде. Прожив за рубежом более сорока лет, Гребенщиков оставит тридцатитомное творческое наследие, к которому только в последнее время обращено внимание читателей и исследователей.

Библиографический список

1. Во имя высших идеалов человечества. Письма Алексея Ачаира в музей Рериха в Нью-Йорке (1932–1935) / вст. ст., публ. и примеч. В. А. Росова // Русская Атлантида. – Челябинск, 2011. – № 39. – С. 73–80.
2. Г. Д. Гребенщиков. Как много в этом звуке... // Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания / сост., предисл. А. М. Любомудрова. – М. : Сибирская Благовонница, 2009. – 510 с.
3. Гребенщиков Г. Д. Океан багряный // Гребенщиков Г. Д. Чураевы. – Churaevka, Southbury, Connecticut : Алатас, 1937. – 196 с. (на обороте титульной страницы).
4. Г. Д. Гребенщиков: письма И. Н. и Л. А. Коварским / подгот. текста, публ., предисл. и примеч. В. А. Росова // Алтайский текст в русской культуре : мат-лы четвёрт. межрег. (с междунар. участ.) науч. конф. / под ред. Т. Г. Черняевой, Н. В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 159–172.
5. Гребенщиков Г. Гонец. Письма с Помпеярага. – М. : МАСТЕР-БАНК, фирма БИСАН-ОАЗИС, 1996. – 215 с.
6. Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / сост. В. К. Корниенко. – Барнаул : Изд-е ГМИЛИКА, ОАО «Алтайский Дом Печати», 2008. – 172 с. : илл.
7. Как воспринимали Нобелевскую премию русские писатели // URL: <http://opppts.ru/2010/12/05> (дата обращения: 12.12.2012).
8. Переписка И. С. Шмелёва и О. А. Бредиус-Субботиной. 1942–1950 годы // Иван Сергеевич Шмелев. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/bredius-subboynoy/1942-1950-12.htm> (дата обращения: 17.05.2012).

Примечания

¹ Сказка Г. Д. Гребенщикова «Царевич» была написана в тридцатые годы XX столетия в Южной Калифорнии (США). Это произведение вариант эпической сказки «Златоглав» (1939). Отрывки эпической сказки XX века «Царевич» впервые были опубликованы в журнале «Иллюстрированная Россия» (1934, № 9). Нам повезло разыскать рукопись «Царевича» в частном архиве.

² Александр Михайлович Романов (1866–1933) – великий князь, внук Николая I, муж сестры Николая II, адмирал, один из организаторов русской авиации, общественный деятель эмиграции.

³ Алексей Алексеевич Грызлов (с 1917 года литературный псевдоним – Ачаир) (1896–1960) – поэт, литератор.

⁴ Зинаида Григорьевна Лихтман (урожд. Шафран, с 1939 г. – Фосдик) (1889–1983) – пианистка, директор Института объединённых искусств при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке и вице-президент музея (до 1936 г.), а с 1949 года – директор Музея Рериха.

⁵ Орфография соответствует оригиналу.

ГРАФИЧЕСКАЯ АЛЛЮЗИЯ В РОМАНЕ У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

И. С. Рыбалка, Ю. Н. Бумбур
Мариупольский государственный университет,
г. Мариуполь, Донецкая область, Украина

Summary. The article is devoted to the elements of the intertext in U. Eco's "The name of the rose". The author of the article proves that the illustrations in the novel are to be treated as allusions. The historical sources of the allusions are pointed out.

Key words: intertext; allusion; visualization; illustration; context.

В последнее время проблемы интертекстуальности являются одними из самых обсуждаемых как в зарубежных, так и в отечественных литературоведческих кругах. Исследование посвящено изучению и выявлению первоисточников карт и схем, которые были использованы У. Эко в романе «Имя розы», а также возможности использования авторских иллюстраций в качестве аллюзий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения иллюстрации как элемента интертекста, так как, в отличие от цитаты, аллюзии и реминисценции, она не является его характерным признаком. Мы попытались взглянуть на карты и схемы в романе в контексте средневековой философии и картографии, что дало нам возможность выявить их картографические источники и подтвердило интертекстуальную их природу. Выявление первоисточников расширило горизонты толкования текста романа.

Напомним, что в «Имени розы» Эко создал 2 карты-схемы для визуализации места событий, происходивших на севере Италии в аббатстве бенедиктинцев в течение семи дней в конце 1327. В ходе расследования ужасных убийств Уильям Баскервильский и его помощник, молодой послушник Адсон, приходят к выводу, что именно схема устройства лабиринта библиотеки является ключом к пониманию назначения «секретной комнаты», которая была обозначена как «Finis Africae», или «Конец Африки».

Первой в романе появляется план-карта аббатства, она предшествует не только описанию устройства монастырского двора, но и всему роману, Эко расположил её перед прологом. Эта карта демонстрирует глобальность замысла автора, так как на этом плане хорошо видно, что каждое здание аббатства продумано до мелочей (рис. 1).

Согласно карте, комплекс аббатства ориентирован на восток: с восточных ворот широкая аллея ведёт к центральному зданию церковного комплекса, у южной и западной стен расположено большое количество хозяйственных построек, демонстрирующих полную экономическую независимость монастыря. Адсон с восторгом рассматривает церковный ансамбль, главный вход которого выходит на восток, поэтому его алтарь освещает утреннее солнце: «Над порталом нависал большой тимпан, по бокам его поддерживали два контрфорса, а посередине – резной пилястр разделялся на два проема, защищенные коваными дубовыми дверями. В то время дня бледное солнце почти отвесно светило на крышу, и свет косо падал на фасад, не освещая тимпана: так, минуя колонны, мы вдруг оказались под гущей арочных сводов, шли от ряда меньших колонн, которые служили соразмерным подспорьем контрфорсам. Когда мои глаза наконец привыкли к полутени, мой взгляд вдруг ослепил немой рассказ резного камня <...> Я узрел престол на небе и Сидящего на нем [3, с. 61]». Это, в сочетании с гармоничными линиями зданий аббатства, располагало молодого монаха к размышлению о том, что в архитектуре монастыря воплощён «порядок вселенной», который в средневековой философии называли космосом. Упорядоченное, самодостаточное и изолированное от окружающего мира (потому что находится на вершине горы) аббатство, созданное У. Эко, является олицетворением микрокосмоса в макрокосмосе.

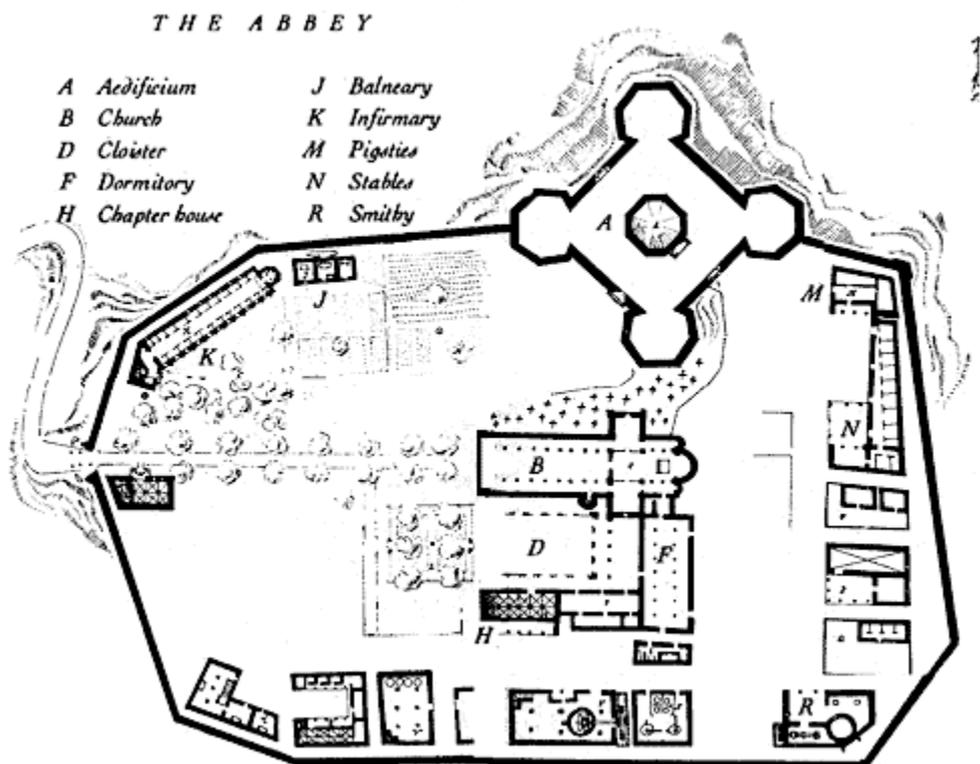

Рис. 1. План-карта аббатства [4, с. 25]

Наиболее интересным зданием с точки зрения архитектуры является Башня, или Aedificium, расположенная в северо-западной части монастыря. Интересным это сооружение является по двум причинам: во-первых, оно нарушает идеально симметричную форму аббатства; во-вторых, при первом же взгляде на эту башню Адсон был удивлён мастерством строителей, которые смогли превратить четырёхугольник в восьмиугольник с помощью семигранных башен по её четырём сторонам. Если представить себе аббатство как микрокосмос, Башня предстаёт перед нами как фокус, будто бы отражающий мир. Семигранные башни по всем сторонам Aedificium впитывают в себя всю информацию извне, чтобы максимально сконцентрировать её в потайной восьмиугольной комнате в центре библиотеки. Это хорошо видно именно на плане аббатства. Башня расположена таким образом потому, что её семигранные башни ориентированы на все стороны света и находятся как в аббатстве, так и за его пределами. Размещение же библиотеки на верхнем этаже Башни может служить ещё одним доказательством того, что Aedificium является местом, где накапливается любая информация.

Интересен тот факт, что У. Эко разместил план аббатства раньше, чем ввёл его описание в тексте. Объяснений этому может существовать несколько: визуализация места происшествия, что позволяет читателю поверить в реальность описываемых событий; иллюстрация выполняет функцию названия произведения, готовя реципиента к восприятию произведения; такое размещение плана можно также расценивать как игру с читателем, во время которой он должен подтвердить или опровергнуть верность выводов о внутреннем устройстве аббатства, сравнивая его с описанием самого автора.

Таким образом, по нашему усмотрению, устройство аббатства является демонстрацией средневековых представлений о космосе. Размещение же плана перед прологом, с одной стороны, визуализирует аббатство, а с другой, стимулирует воображение читателя, даёт ему возможность беспристрастно рассмотреть аббатство и самостоятельно сделать выводы.

Вторая карта-схема в романе позволила главным героям раскрыть тайну библиотеки, которая содержалась в части под названием «Finis Africae». Для читателя наличие в тексте романа такого средства визуализации означает не только удовлетворение заинтересованности средневековыми картами, но и желания понять средневековую картографию посредством её ретроспективного воспроизведения писателем.

Для решения вопроса о возможности приравнивания плана-карты лабиринта библиотеки к интертексту внутри следует попытаться определить, что вдохновило автора на её создание, то есть определить её первоисточник. Для этого нужно обратиться к истории картографии. Положение вещей в этой сфере в Средние века освещается в «Истории картографии» Л. Багрова [1]. Все карты того периода, которые дошли до наших дней (около 600) условно делятся на три группы: первая группа карт изображает лишь часть какой-то местности, вторая – представляет всю известную в то время географию в виде круга, третий вид карт вмещал в себя информацию не только об известных местах, но и описывал неоткрытый до тех пор материк «terra australia incognita» [1, с. 56–70].

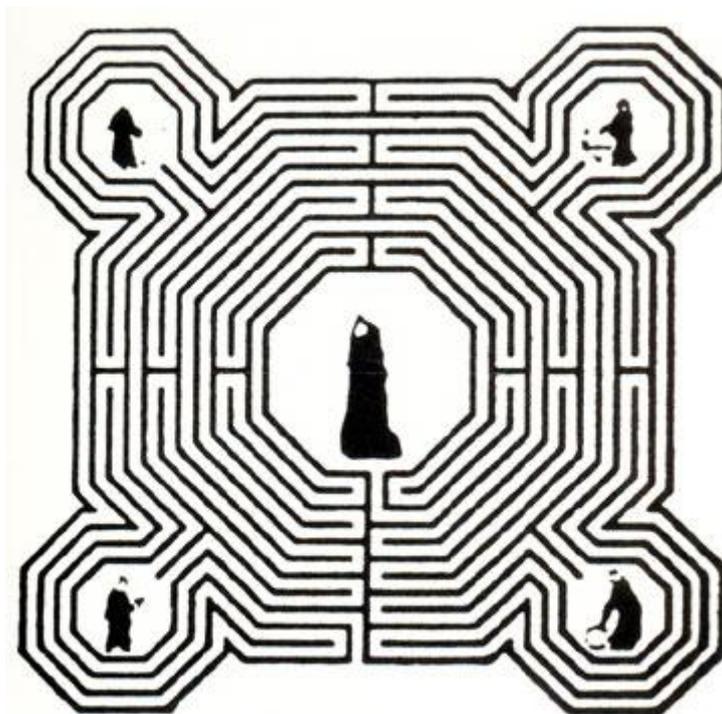

Рис. 2. Схема лабиринта Рейнского собора во Франции

Как У. Эко отметил в «Заметках на полях „Имени розы“», он самостоятельно создал лабиринт: «Морока была и с лабиринтом. Все известные мне лабиринты – а я пользовался превосходной монографией Сантарканджели – были без крыши. Все сплошь замысловатые, со множеством круговоротов. Но мне нужен был лабиринт с крышей (кто видел библиотеку без крыши!). И не очень трудный. В лабиринте, перегруженном коридорами и тупиками, почти нет вентиляции. А вентиляция была необходима для пожара. <...>. В средние века соборы и монастыри полыхали, как серные спички, и представить себе рассказ о Средневековье без пожара трудно <...>. Провозившись два или три месяца, я сам построил необходимый лабиринт. И всё равно в конце концов пронзил щелями-амбразурами, иначе, так ничего не выйдет, воздуха могло не хватить [4, с. 613]».

Писатель наложил карты, на которых изображена неизвестная часть земли, то есть карты третьей группы, на схему реально существовавшего в 13 веке лабиринта Рейнского собора во Франции, который имел форму квадрата и по углам которого были расположены четыре башни с пятью сторонами и комнаты с восемью стенами в центре лабиринта (рис. 2) [6, с. 15].

Имея под руками несколько образцов карт, У. Эко достаточно свободно их интерпретировал и смоделировал, поэтому его план-схема является отражением его собственных представлений о культуре Средневековья.

Таким образом, созданный У. Эко лабиринт библиотеки является картой, которая изображала ту часть мира, существование которой было чисто гипотетическим в Средние века.

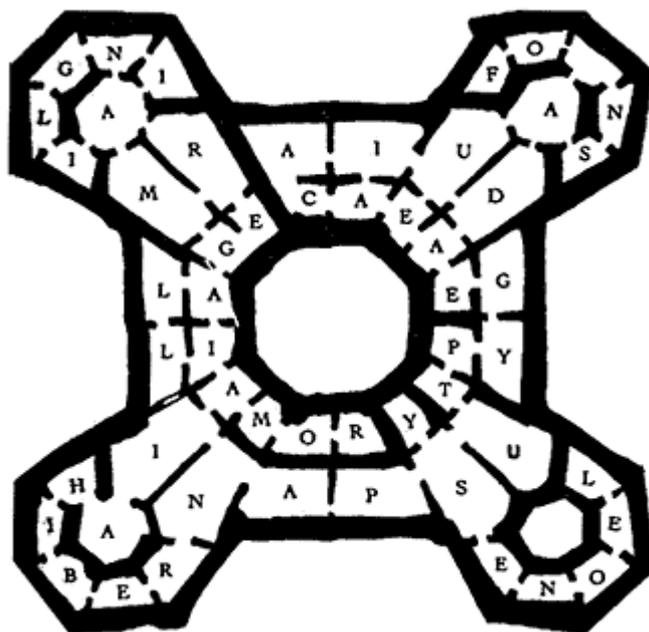

Рис. 3. Библиотека в лабиринте У. Эко [3, с. 56]

У. Эко поместил библиотеку в лабиринт (рис. 3), что позволило ему создать бикодовую аллюзию, которая, во-первых, относит нас к Хорхе Борхесу и его «Вавилонской библиотеке», где библиотека толкуется как отражение вселенной: «Вселенная – некоторые называют её Библиотекой – состоит из бесчисленного количества <...> галерей, <...> [2]», во-вторых, к средневековой философии и картографии. Таким образом, писатель приравнял библиотеку к лабиринту, который, в свою очередь, ассоциируется со Вселенной. Американская исследовательница творчества У. Эко Адель Хавт в своей статье «Карты и монстры: иконография библиотеки в романе У. Эко „Имя розы“» упоминает о надписи над входом в лабиринт церкви Сан Савино в Пьяченце (Италия): «Этот лабиринт изображает мир аллегорически – просторный для любого, чтобы войти, и узкий, чтобы вернуться из него [6]». Мы видим, что почти те же слова говорит старец Алинардо, когда бредит: «Библиотека – это большой лабиринт, знак того лабиринта, каким является мир. Войдешь и не знаешь, выйдешь ли [3, с. 183]». Эти загадочные слова дают ключ Уильяму и Адсону к разгадке тайны библиотеки – мироустройства как в прямом, так и в переносном смысле.

Понимание того, что устройство библиотеки соответствует мировой карте, является едва ли не важнейшей победой Уильяма Баскервильского в романе. Сначала он замечает, что в каталоге библиотеки каждая книга расположена согласно некоей формуле, например: «iii, IV gradus, V in prima graecorum» сообщает о том, что эта книга является третьей на четвёртой полке пятого шкафа, а коридор или комната обозначаются фразой «VIII in terttia anglogom». Заметив и разгадав первую часть формулы поиска книг, Адсон осведомился о принципе обозначения комнат и коридоров библиотеки, в ответ он услышал напоминание о том, что только библиотекарь имеет право и необходимые знания для того, чтобы входить в лабиринт библиотеки [3, с. 100]. Это сообщение – прямой намёк на то, что библиотекарь в монастыре занимает особое положение, поскольку владеет тайной устройства библиотеки, которая являетсяместищем разгадок всех тайн мира, – некоторые монахи идут на греховные действия для того, чтобы овладеть знаниями, которые там спрятаны.

Во время своей первой попытки проникнуть в библиотеку главные герои замечают, что проход к каждой комнате был украшен картушем, на котором были выбиты

фразы на латыни: «Было ясно, откуда взяты слова на картушах – это были стихи из Откровения Иоанна, но не ясно было ни зачем они выписаны на стенах, ни по какой логике они расположены. Ещё больше нас запутало открытие, что некоторые картуши – их было немного – были не черного, а красного цвета [3, с. 197]». Последняя книга Библии, из которой были взяты «стихи», выбитые на стенах, ещё известна под названием Апокалипсис. Впоследствии Уильям выяснит, что только двадцать четыре стихотворения использованы как «украшение» прохода в комнаты, ему покажется странным тот факт, что количество комнат по крайней мере вдвое превышало число библейских выражений. Было очевидно, что этому должна быть какая-то причина, чтобы создатели библиотеки-лабиринта использовали только 24 стихотворения из Апокалипсиса вместо, например, 56. Размышляя над логикой использования стихов, Уильям вспоминает, что латинский алфавит имеет именно 24 буквы. Ему приходит в голову, что если первая буква каждого апокалиптического стихотворения обозначает номер над которой написана, то первая буква фразы, написанной красной краской, является маркировкой определённого коридора в комнате. Неизменное количество знаков, разная комбинация которых позволяет идентифицировать различные объекты, вновь отсылает нас к «Вавилонской библиотеке» Борхеса, где описывается внутреннее строение Библиотеки – Вселенной: «Устройство галерей неизменно: двадцать полок, по пять длинных полок на каждой стене кроме двух: их высота, равная высоте этажа, едва превышает средний рост библиотекаря» [2]. Во время второго путешествия по коридорам библиотеки монахи понимают, что буквы над дверями комнат формируют латинские названия стран и библейских фраз, только одно название, которое можно прочесть на карте библиотеки, является своеобразной аллегорией – FONDS ADAE – Рай, находившийся на самом дальнем западе. Расположение Рая и названий других десяти стран, известных в средневековье, подтверждают догадку Вильгельма: библиотека построена по принципу карты, на которой изображалась неоткрытая часть мира: «Словом, чтобы не надоедать читателю описанием дальнейших наших маневров, скажу лишь, что впоследствии, окончательно заключив карту, мы убедились, что строение и конфигурация библиотеки действительно отражает образ земного шара [3, с. 355]». По нашему мнению, такая стилизация организации библиотеки дала Эко возможность продемонстрировать, как мало средневековые учёные знали о географии, ведь карты такого типа использовались ещё в 5 веке до нашей эры, даже названия остались неизменными с тех времён [1, с. 45]. Во времена, описанные писателем в романе, такие карты получили широкое распространение: их можно было найти в иллюстрациях многих статей «Этимологии Исидора» и некоторых средневековых Псалтырях [1, с. 30]. Таким образом, более или менее образованный человек тех времён имел именно такое представление об устройстве мира, поэтому построенная автором библиотека не была странной для Средневековья.

Западная ориентация плана-карты библиотеки тоже отражает аллегорическое послание. Следует обратить внимание на композицию карт, содержащихся в средневековых Псалтырях, чтобы понять эту аллегию. Центральной композицией карты является фигура Христа, руки которого подняты вверх, локти покоятся на свете в окружении ангелов. Между его локтями изображён бог Ветра, из уст которого льётся вода, которая ориентирует зрителя на книгу Бытия, где изображён Эдемский сад. Сад, в свою очередь, представлен ниже в виде круга, где Адам и Ева разделены Древом Познания (Адам стоит с восточной стороны, а Ева – с западной). Таким образом, восток ассоциируется не только с земным раем и восходом солнца, но и с Воскресением Христовым, вечной жизнью души в раю. Запад, с другой стороны, символизирует смерть, распад мира, место рождения Антихриста и вечное проклятие грешников в аду [5, с. 38].

В восточной башне библиотеки находится несколько комнат, имеющих общую идентификацию FONDS ADAE, или «место рождения Адама». Эта часть библиотеки, по замыслу Эко, ассоциируется с земным раем и именно в этой части книгохранилища Вильгельм и Адсон находят множество библий и всевозможных комментариев Священного Писания. Однако одна из комнат в центре коридора FONDS ADAE не имеет названия. Исследователи не находят там ничего, кроме каменного алтаря возле окна. Эта самая восточная комната символизирует Царство Небесное, навсегда оторванное от мирских забот. Символическое значение комнат в этом коридоре подчёркивается тем, что

к ним нельзя добраться с помощью только лестницы, ведущей в библиотеку из скриптории. Непосвящённый даже если и найдёт путь к этим комнатам, вряд ли сможет вернуться назад.

Лабиринт – это лишь одна из проблем, с которыми приходится столкнуться главным героям «Имени розы». Непонятные звуки, стоны и вопли призраков преследуют Уильяма и Адсона в их первом путешествии в библиотеку. Уильям со временем понимает, что строители библиотеки, вырезая щели в наружных стенах для вентиляции, предали им такую форму, что ветер «пел» те неземные звуки. И снова лабиринт библиотеки напоминает карту в Псалтири, на которой изображены двенадцать ветродувов, четыре больших и восемь малых, чьи лица расположены по краям Земли, по частям мира. Строители библиотеки смогли превратить общеизвестные в те времена украшения в источник бесконечного страха, вступающий в силу с развитием сюжетной линии романа.

Ещё раз подчеркнём, что план библиотеки, который придумал Эко, отражает знания средневековых картографов. Например, на картах того периода Африка имеет форму треугольника, но её размеры существенно уменьшены – в библиотеке Эко отражается средневековое представление об этом континенте, количество комнат, расположенных в соответствующей части библиотеки, значительно меньше по отношению к «европейской» части книгохранилища. На картах начала 14 века, то есть почти современных событиям, которые происходят в аббатстве, мыс Доброй Надежды – самую южную точку Африки – называют *Caput Africae* – «мыс в конце Африки», его существование было лишь догадкой в то время. Эко превратил эту метку в свою *Secretum Finis Africae* (лат. *частная усадьба в конце Африки*), где размещены наиболее еретические книги хранилища, то есть они разместились в самом сердце южной башни – эта воображаемая земля находится где-то в океане в «конце Африки» [4, с. 45]. На пути к этой таинственной комнате стоит целая стая монстров, отпугивающая слишком любопытных путешественников: «Здесь я увидел, что дракон умножается, а чешуя на его шкуре становится целой тьмой блесков, они оторвались от книги и вихрем закружились вокруг моей головы. Я отпрянул и увидел, что потолок комнаты наклоняется и опускается на меня, тогда услышал, как зашипели тысячи змей, но не страшно, а скорее соблазнительно, и появилась женщина, озаренная светом... я прикрыл лицо руками, но они казались мне конечностями лягушки, скользкими и перепончатыми [3, с. 201]».

Библиографический список

1. Багров Л. О. История картографии. – М. : Центрполиграф, 2004. – 320 с.
2. Борхес Х. Вавилонская библиотека. URL: <http://www.lib.ru/BORHES/kniga.txt>
3. Еко У. Им'я рози : роман / переклад з італ., передмова та глосарій М. І. Прокопович. – Харків : Фоліо, 2006. – 575 с.
4. Эко У. Имя розы. Роман. Заметки на полях «Имени розы». Эссе. – СПб. : Симпозиум, 2001 – 677 с.
5. Bord Janet. Mazes and Labyrinths of the World. – Oxford University Press, 1975. – 105 p.
6. Haft Adele. Maps, Mazes, and Monsters: Iconography of the Library in Umberto's Eco The Name of the Rose // Studies in Iconography. – № 4. – 1995. – P. 9–50.

ПРОЗА БОРИСА ТЕНЕТЫ: СВОЕОБРАЗИЕ ПРАВСТВЕННОСТИ

Л. Г. Стороженко

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»,
г. Киев, Украина

Summary. The article is devoted to the research of a moral perspective of Boris Teneta`s prose. The attention is concentrated on the originality of author's attitude to reality that provides understanding of the world as a difficult organism, where a person exists, thinks and acts.

Key words: morals, moral choice, freedom, responsibility.

Духовное обновление общества, современные взгляды и понимание политических и идеологических стереотипов, новое переосмысление истории, обусловленные драматичной динамикой жизни украинской нации, диктуют необходимость нового

прочтения художественных произведений литературы. Особое место в исследованиях занимает литературная эпоха 20–30-х годов XX века – период так называемого расстрелянного возрождения, где царят атмосфера террора и культ личности, период уничтожения лучших представителей украинской интеллигенции, которые противились унификации литературного процесса с едино-универсальным творческим методом «соцреализма».

Как противоположность этому активно утверждается национальное сознание новой плеяды писателей, стремящихся к суверенной жизни родной литературы, а их художественное слово достигает высокого уровня развития и составляет совершенный пласт не только отечественной, но и мировой литературы. Именно в украинском художественном слове первой трети прошлого века сосредоточено внимание на общеевропейской этической проблематике. Проблемы смысла жизни, нравственного выбора человека, сущности и существования личности в современном мире отчётливо прослеживаются в творчестве Бориса Антоненко-Давидовича, В. Винниченко, В. Подмогильного, Николая Хвылевого и ряда других талантливых писателей, среди которых должен быть и Борис Тенета. К сожалению, творческий потенциал и художественное наследие писателя не удостоены должного внимания и остаются на сегодняшний день одними из наименее исследованных.

В основном литературоведы (В. Мельник, Н. Чабан, В. Дмитренко) упоминают о молодом писателе с Екатеринославщины в связи с творчеством представителей литературно-художественной группы «Ланка-МАРС» (Борис Антоненко-Давидович, В. Подмогильный, Е. Плужник, Иван Багряный, М. Галич и др.), активным членом которой был Борис Тенета.

Однако такие отдельные характеристики не отображают полного творческого образа художника, не дают представления о его философско-эстетической концепции моделирования мира. Именно отсутствием целостного осмысления мировоззренческой парадигмы писателя, а также исследования особенностей нравственной проблематики его прозы и обусловлена актуальность нашей статьи.

Как последователь и интерпретатор украинской литературной традиции, Борис Тенета искусно реагирует на всю многомерность современной ему действительности, созвучную мировым кризисным явлениям. Доминантными признаками его творчества являются переоценка ценностей, обращение к состоянию общественной морали, потребность духовного обновления человечества – отсюда философское наполнение прозы писателя. Пытаясь осознать сложность внутреннего мира человека, Борис Тенета особое значение придаёт проблеме личности и общества. Философское восприятие действительности писателем предполагает понимание мира как сложного организма, в котором существует и от которого зависит человек. Находясь в непрерывном поиске смысла жизни, он (человек) стремится к совершенству и гармонии, и, переживая сложные внутренние противоречия, оказывается, как правило, перед драматичным моральным выбором.

Актуальность проблемы нравственного выбора очевидна, ведь развитие общества первой трети прошлого века приводит к стремительной потере моральных ориентиров, а человеческое сознание подвергается внешним воздействиям жестокой действительности, где моральный выбор и свобода, переступив границу истинной нравственности, вульгаризируются. Следовательно, человек для поиска источника морали всё реже углубляется в собственный внутренний мир, свою историю, традиции, применяя готовую «моральную конструкцию» как маску новой нравственности.

Показательной в этом плане является именно проза Бориса Тенеты (поэзия автора заслуживает отдельного анализа) как основная форма художественной реакции на современную ему драматичную действительность. В психологических рассказах «Город» (1925), «Ненависть» (1929), «Люди» (1930), повести «Гармония и свинушник» (1927) (здесь и далее перевод Л. С.) автор сквозь призму восприятия героями произведений окружающей действительности передаёт собственные переживания за мир, который постепенно теряет свои духовные ценности. Как следствие – неизбежная дисгармония в обществе, вынужденный сложный выбор личностью одного из способов существования.

Уже название повести «Гармония и свинушник» указывает на противоречивый характер восприятия автором современной ему жизни, ситуации в стране. Борис Тенета, используя аллегорические образы, убедительно изображает две контрастные формы существования человека в социуме: желаемую «гармонию» (идеальный, даже утопический образ общества) и «свинушник» (символ реальной трагической современности). Писатель ставит отдельную личность перед проблемой сложного морального выбора, ведь, по его мнению, противостоять жестокой обыденности могут только сила духа человека, возможность свободного выбора и внутренняя свобода личности. Повесть переполнена внутренне противоречивыми переживаниями главной героини, которая стремится испытать искренние чувства, но «вероятно, потому, что нет ритма единого между людьми – иногда нет согласия внутри самой себя... Я хочу любить так, чтобы весь мир стал огненный... И любовь есть, чтобы любить, и силы есть, а жизнь заставляет любить серо... Так иногда хочется кричать от боли...» [5, с. 101]. Катерина осмысливает всю трагичность своего статуса человека, который ничего не может изменить в этом мире: «Знаешь, мне часто представляется такая картина. Свинушник. Все мы стоим там по колено в грязи. Есть где-то солнце... Есть... Потому что пробивается сквозь щель и даже болото золотит, а вокруг в тёплом болоте лежат свиньи и довольно хрюкают... Они нюхом хорошо чувят всё новое и свежее, и лезут туда, неся за собой свой свинушник» [5, с. 44]. Главная героиня, придя к выводу, что «свинушник» наносит ущерб не только окружающей её действительности, но и тончайшему человеческому чувству, любви, не выдерживает борьбы с чужой для себя средой, покидает этот мир. Таким выбором Катерины писатель показывает пагубное влияние современного ему социума на человеческую душу. Однако само существование главной героини, её мечты, чувства к любимому, выбор смерти как неизбежного трагического финала собственной жизни утверждают мысль о возможности другого, счастливого бытия. Ведь смерть Катерины становится толчком к пониманию жизни её возлюбленным Михаилом: «Странно стало. Не узнавал себя... Когда очнулся, то почувствовал, что теперь не будет ему покоя, что теперь и в нём каждое движение, каждый острый угол в жизни отзываться будет болью. Услышал, будто весь мир он принял в сердце своё и не сможет теперь безразлично прятаться от него... А на дворе была весна... И была борьба новой жизни...» [5, с. 103]. В образе Катерины Борис Тенета воплощает непобедимость личности, осознающей силу внутренней свободы как залог будущего духовного возрождения мира.

Нельзя не согласиться с современными исследователями, которые характеризуют категорию внутренней свободы как совокупность действий, совершённых с учётом объективных ограничений по собственному желанию, а не по принуждению [1, с. 5]. Свобода интерпретируется не только как возможность непринуждённого отношения к миру, но как право личности на свободный выбор нравственных ориентиров и образа жизни. Следовательно, действия человека можно квалифицировать как моральные, когда они базируются на свободном выборе.

Нравственная проблематика свободы возникает тогда, когда речь идёт о выборе личностью определённых ценностей, целей, намерений, вариантов поведения и действий [4, с. 7]. Предметом пристального внимания Бориса Тенеты в рассказе «Люди» становится выбор жестокого проявления человеческой свободы и ответственности (точнее её полного отсутствия) перед собой, социумом, жизнью.

Перед нами однообразная, напуганная толпа людей, которая, бессознательно подчиняясь воле общественности, не задумывается над сложившейся ситуацией и воспринимает одностороннюю, упрощённую до предела идею наказания односельчанина, местного конокрада Григория Цупа, как единственно правильную. В данном случае проблема нравственного выбора приобретает особую остроту, ведь речь идёт о жизни отдельно взятого человека, и его судьба зависит от решения ограниченной толпы хуторян, сила которой доминирует над индивидуальным. Люди не стремятся к установлению правды и справедливости и в один момент становятся единым безжалостным организмом, который потерял способность логически мыслить и без сомнений готов к расправе.

Итак, возникает проблема взаимосвязи свободы и ответственности человека перед обществом, ведь свобода личности ограничивается интересами общества. Бытие индивида в окружающей действительности неоднозначное и противоречивое. Человек одновременно наделён свободой и связан необходимостью. Отсутствие свободы связа-

но с тем, что существует внешний мир, который диктует личности выбор форм и способов деятельности, их последовательность. Под влиянием общественных законов она должна поступать так, чтобы не противоречить интересам социума.

В сельской толпе исчезают все различия между людьми, и они могут проявлять свои скрытые желания и страсти. Это обусловлено анонимностью толпы, которая, в свою очередь, порождает анонимность отдельной личности и возможность «стадной свободы» выбора. В объективном смысле выбор всегда создаёт новую реальность, способствует возможности новых общественных отношений. Такие отношения могут иметь положительную или отрицательную окраску, могут соответствовать (полностью или частично) интересам одних и не совпадать с мнением других. В связи с этим и возникают категории нравственного выбора и ответственности.

Именно моральный выбор обеспечивается разумом и волей личности, выступает формой проявления свободы. Любое решение принимается, прежде всего, умом, готовит почву для осуществления свободного выбора. Именно выбор руководит разумом, побуждает его принимать конкретные решения. Выбор является свободным, когда к нему подключены все интеллектуальные и волевые способности личности и когда моральные требования совпадают с внутренней необходимостью. Выбор ограничен, когда место разума занимают чувства страха или долга, вызванные внешними обстоятельствами.

Так, заражённая общей идеей мести, хуторская толпа теряет чувство человечности и ответственности и выбирает импульсивное бездумное следование за другими. Среди крестьян действует своеобразный закон «духовного единства», который влечёт за собой преобразование личности как части целого в бессознательное, иррациональное существо с жестоким рациональным началом, стремящееся к безотлагательной реализации навешанных извне идей. Каждый член хуторской толпы, улавливая тончайшие нюансы ситуации, чувствует безнаказанность и слепую силу, способную разрушить всё на своём пути. Став частью целого, человек на уровне подсознания, попадая под влияние общей массы, стремится быть как «все»: «...надо, чтобы все были, когда наказывать будут, а то приедут из района и начнут таскать людей, а так мир – великое дело... А то ещё начнут спрашивать, почему ты начал, а не кто другой» [6, с. 18–19].

Таким образом, нравственная свобода – это не только выбор между добром и злом, правдой и ложью, нравственностью и безнравственностью, не просто выбор вариантов поведения, а превращение требований во внутренние потребности и убеждения человека. Нравственная свобода проявляется в умении делать осознанный моральный выбор действий и поступков, самостоятельно давать им характеристику, предвидеть их последствия, осуществлять разумный контроль над своим поведением, чувствами, желаниями. Поэтому, действуя в соответствии со своей волей, человек должен сопоставлять её с ответственностью за свои поступки.

Быть свободным, самостоятельным – значит быть ответственным. Моральная ответственность выступает обратной стороной свободно принятого решения, как следствие свободы выбора. Свобода и ответственность находятся в прямой зависимости: чем шире свобода, тем больше ответственность. Это может быть ответственность перед самим собой, ответственность за конкретные действия и поступки перед другими, она может быть вызвана тревогой или переживаниями за них.

Герой рассказа «Город», попав в урбанизированный социум, чувствует себя ответственным не только за свою судьбу, но и судьбу сестры, которую «всё пугали большие дома, она всё боялась, что они упадут и раздавят её. Таки раздавили!» [7, с. 21]. Борис Тенета мастерски передаёт внутренние переживания главного персонажа, чувствующего себя изгоем в городе, который напоминает каменный гроб, «прячет в себя лучшие силы, высасывает кровь...» [7, с. 17]. И хотя герой рассказа воспринимает город как ловушку, в которую «с ночным ветром врывается шум и рев... Он не утихает никогда. Он проникает в самое сердце... Под череп проникает и качает, раскачивает мозг» [7, с. 21], – стремление жить в урбанизированном социуме становится доминирующим и побеждает. Глубина безысходности, внутреннего психологического одиночества главного персонажа в большом городе скрывается в нём самом, ведь это – его выбор.

Главный герой теряется среди множества себе подобных, что, в свою очередь, «порождает угасание чувства ответственности» [2, с. 21]. В результате размышлений, оценки собственных возможностей в конкретном социуме он пытается с вершины сво-

его сознания оценить свой «случай», где не он «покоряет» город, а город – его. И именно поэтому герой не имеет возможности помочь своей сестре, ведь, по мысли К. Ясперса, «человек, прежде всего, должен помочь себе» [9, с. 377] – только потом он сможет защищать других. В этом заключается идея ответственности личности за всё, что происходит с ней и окружающим миром.

В рассказе «Ненависть» Борис Тенета умело показывает невероятную сложность решения проблемы морального выбора и определения степени ответственности личности за её осуществление. Показательны в этом плане образы всех героев, перед которыми стоит сверхсложная задача – сделать правильный выбор, не изменив собственным нравственным и социальным убеждениям. Так, по иронии судьбы командир петлюровского отряда Кондрат Власенко воюет против красноармейцев, возглавляемых его братом. Кондрат, в отличие от красного командира, делает выбор в пользу жизни родного ему человека, он «не стрелял. Медленно спуская дуло револьвера, он будто думал о чём-то. Сказал: иди направо... Выйдешь на путь – в село дойдёшь» [8, с. 10].

Для героев Бориса Тенеты принципиально важно в процессе их самореализации осуществить свои намерения, а ещё важнее понять, как эти намерения соотносятся с их внутренним состоянием. Писатель доказывает, что при любых обстоятельствах личность может занять определённую позицию относительно своих жизненных убеждений.

Петлюровец Назаренко даже перед угрозой смерти ложно свидетельствует против врага – командира красного эскадрона Игната Власенко: «Взгляды их встречаются, и они оба видят бой и их встречу. Яростно улыбаются (авт.), сожалея, что не изрубили друг друга... Это сотник, – твёрдо отвечает Назаренко, – и письма от него я получал...» [8, с. 24–25].

Осознавая, что насаждение классово-ненависти закладывает фундамент жестокости и ненависти человека к человеку, приводит к дисгармонии общества, Борис Тенета на примере своих героев-современников исследует психологию отдельно взятой личности, те духовные метаморфозы, которые происходят с человеком и обусловлены внешними социальными факторами, ведь «смута всегда сопровождается падением нравов, хаосом, настроением разочарования и неуверенности... активизацией иррационального начала в поведении людей» [3, с. 44].

Сквозь призму философии нравственного выбора, что является основой произведений писателя, Борис Тенета осмысливает судьбу личности в современном мире. В центре внимания художника – современный человек, который чувствует себя подавленным и обезличенным и, попав в круг общества, вынужден делать сложный моральный выбор. Выбор, в свою очередь, создаёт человека, определяет сущность и смысл его свободы [1, с. 4]. Автор доказывает, что, выбирая достойную жизнь, личность тем самым ориентирует себя на создание условий, которые со временем могут перейти из режима человеческого существования в режим настоящей жизни.

Библиографический список

1. Голубкова А. Свобода личности как форма её самореализации // Горизонты свободы. – 2009. – № 1. – С. 3–25.
2. Грищенко В. Инстинкт натовпу в оповіданнях Володимира Винниченка // Укр. літ. в загальноосвітній школі. – 2000. – № 1. – С. 21–23.
3. Панченко В. Метаморфози смутного часу // Урок літератури. – Кіровоград. – 2000. – С. 43–54.
4. Прокофьев А. Об этическом смысле антитезы «мораль для человека» или «человек для морали» // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 3–36.
5. Тенета Б. Гармонія і свинушник. – К. : Держвидав України, 1928. – 103 с.
6. Тенета Б. Люди. – К. : Київ-Друк, 1930. – 30 с.
7. Тенета Б. Місто // Життя й революція. – 1926. – № 6. – С. 17–21.
8. Тенета Б. Ненависть. – Дніпропетровськ : Зоря, 1930. – 32 с.
9. Ясперс К. Психологія світоглядів. – К. : Юніверс, 2009. – 464 с.

АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ДМИТРИЯ ПАВЛЫЧКО

О. А. Тележкина

Национальный фармацевтический университет, г. Харьков, Украина

Summary. The article deals with the thorough analysis of individual author's new formations of Dmytro Palvychko. The research results prove that the author's lexical new formations are an active component of his poetic language; they are found on the lexical, morphological, and word-formative levels; they function as nominative, nominative evaluating, stylistic expressive, and text-formative agents.

Key words: individual author's new formations; poetic language; lexical innovation; individual style.

Индивидуально-авторские неологизмы постоянно находятся в сфере научных интересов отечественных языковедов. Лингвистические исследования предыдущих лет были направлены на изучение различных аспектов авторских лексических инноваций: лексико-семантического, словообразовательного, ономаσιологического, лексикографического, функционального. Проводились исследования как комплексные (И. К. Билодид, Т. Г. Биленко, Г. М. Вокальчук, В. В. Герман, О. О. Жижома, А. А. Калетник, В. А. Чабаненко [2–6]), так и изучающие творчество отдельных авторов (Н. А. Адах, В. М. Русанивский, Т. Г. Юрченко [1; 11; 12]). Однако до сих пор не уделялось должное внимание поэтическому словотворчеству Дмитрия Павлычко, несмотря на то, что определённый фактический материал из его произведений был использован некоторыми исследователями (Т. Г. Биленко, Г. М. Вокальчук, В. В. Герман, В. М. Русанивский). В частности, В. М. Русанивский в статье «Поезія Д. Павличка – жива історія мови» отмечал, что благодаря особой способности чувствовать слово поэт создавал новые названия-образы, ставшие доминантным признаком его авторского Я [11, с. 242]. Поэтическая палитра Д. Павлычко насыщена лексическими инновациями, заслуживающими детального изучения. Но полный анализ неологизмов поэта не осуществлён ни в работе В. М. Русанивского, ни в работах других исследователей. Тем временем в свете новейших требований исследование индивидуальных поэтических особенностей авторских новообразований Д. Павлычко становится всё более актуальным.

Цель статьи – анализ индивидуально-авторских неологизмов Д. Павлычко с учётом особенностей их проявления на лексическом, морфологическом, словообразовательном и функциональном уровнях. Цель, в свою очередь, предполагает выполнение следующих задач: определить частеречевую принадлежность авторских лексических новообразований Д. Павлычко, а также их семантику, способы образования и функции в поэтической речи автора.

Анализ поэтических произведений Д. Павлычко показал, что среди индивидуально-авторских инноваций поэта можно выделить неологизмы, которые по морфологическим признакам принадлежат к существительным, прилагательным, глаголам, причастиям и наречиям.

Так, существительные-неологизмы, функционирующие в поэтической речи Д. Павлычко, образуют следующие лексико-семантические группы: 1) названия явлений природы: *кривулька-доріжка*, *трясовиння*, *зорі-подарунки*, *звук-проміння*, *сонце-негр*, *коренюки*, *непогідь*; 2) названия лиц: а) по проявлению их внутренних качеств: *паничі-ботокуди*, *історики-повії*, *мисливець-мастак*, *славолюбець*, *жадохвал*, *посиلاع*, *гонорарник*, *підляк*; б) по проявлению внешних признаков: *клен-юнак*, *трепета-дівчина*, *хлопці-ясеночки*; 3) названия ряда качеств человека, его чувств и свойственных ему ощущений: *невкірність*, *ластівочість*, *непороччя*, *ненависть-мста*, *похвальство*, *легкота*; 4) названия, связанные с мыслительной и речевой деятельностью человека: *рибка-мисль*, *мисль-ластівка*, *думка-блискавка*, *думки-ластів'ята*, *блискавка-мисль*, *килимоч-розмова*, *слово-човник*, *плетениці-позлітки* (о мыслях), *словогрім*, *пісня-мова*; 5) названия отдельных частей тела человека или других живых существ: *крилля*, *очі-зоряниці*, *вітрянята* (о руках), *мозолля*; е) названия явлений объективной действительности: *могили-криниці*, *одежиятко*, *трудогора*, *паспортна*, *леззя*, *шибениці-розп'яття*, *жебранина*, *солодковластя*, *одпокута*, *антиправа*; ё) названия опредмеченных действий: *здив*, *квап*, *мозільня*, *погин*.

Новообразования-прилагательные, используемые в поэтических произведениях Д. Павлычко, объединяются по следующим семантическим признакам: 1) выражение признака некоего лица в соответствии с его внутренним состоянием: *сумнаві (очі), злочинно-гребні (очі), свободоносна* (врода); 2) отличительные особенности лица в соответствии с его внешними признаками: *злиденючі* (гуахіро (с испанского – бедняк)), *бородолиці* (дядьки); 3) признаки внутреннего состояния человека и его чувств: *щиромовна* (радість), *правдомовні* (думки), *хлів'яне* (щастя), *вогнекрила* (любов), *звіздаста* (душа); 4) характеристика явлений природы: *вогневійні* (грози), *океанна* (рівнина), *пишнолиста* (галузь), *хмураве* (небо), *злотозоре* (сонце), *блакитнозора* (ніч), *вогнетіла* (гадюка), *вишневоокі* (мальви); 5) характеристика явлений объективной действительности: *мозільний* (труд), *хмарливе* (життя), *холодно-вітряна* (чужина), *антеннолобі* (спутники). Кроме того, по принадлежности к разрядам выделяются прилагательные относительные (*вогневоокі* (мулати), *пронедільні* (костюми)) и притяжательные (*смеречий* (шум)).

Семантика глаголов-неологизмов представлена такими интегрированными группами, как: 1) действие: *вижорнати, кавальцювати, відпарубочити*; 2) состояние, в частности психоэмоциональное: *співала-мстила, гину-всихаю*.

Авторские причастия подчёркивают особые качества человека и его состояние (относительно внутренних или внешних признаков): *змозолілі* (пальці), *побратана* (кров), *невщерблена* (вірність) или характеризуют человека по его поведению: *проголоднілі* (пси), *опсаявірені* (вельможі).

Среди инноваций-наречий автор использует наречия способа действия: *спідліб'я, повзкома, навискоки, навстріть, гнилозубо, задар, навперекидь, пільмаво, навдогідь, мовчкомо, навперестриб, впорівень*.

Исследование словообразовательного аспекта новообразований позволяет прийти к выводу, что индивидуально-авторские инновации, использованные Д. Павлычко в поэтических произведениях, это:

1) существительные, образованные с помощью добавления суффикса (*болотище, батожнице, біднячина, одержинятко*), приставки (*одпокута, антисерце*); сложением основ (*пустодум, стержожер, вогняногрив, солодковластя*), сложением слов (*сльози-іскри, благання-спонука, кпини-паничі, криниці-рани*), а также безаффиксным способом (*паскудь, непроглядь, сколих, дзвінь*);

2) прилагательные, образованные добавлением суффикса (*дзвонковиті* (співи), *колихлива* (хвиля)), приставки и суффикса (*безбулавні* (гетьмани), *надмайданний* (горб)), сложением основ (*усміхнено лиці* (гріхи), *мудроокий* (молодець), *страшноголове* (ідолля), *невинно-хтиве* (око), *натхненно-молоді* (руки));

3) глаголы, образованные от именной основы: суффиксальным способом ((життя) *бідила* (біда), *брукуе* (брук) (автостради)), префиксально-суффиксальным ((підлота) *вкліщилась* (кліщ), *спустинити* (пустий) (землю)); от глагольной основы: сложением слов ((від розпуки) *гину-всихаю*);

4) наречия, образованные с помощью добавления суффикса: от основы прилагательного (*легкомо*); добавления суффикса и приставки: от основы прилагательного (*полегки*), от основы глагола (*навсплячки*); добавления приставки и усечения основы: от глагола (*навперестриб, навперекидь*); сложения основ (*гордолиць, гнилозубо*).

Проанализированные авторские неологизмы, находясь в тесной и неразрывной связи с другими лексемами, образуют семантические и синтаксические единства, с помощью которых поэт передаёт своё видение определённых явлений действительности, показывает мир сквозь призму своего мировосприятия, отношения к миру. Вводя новообразованное слово в канву поэтического текста, поэт даёт ему особое «полномочия», которые и определяют функциональное назначение неологизма.

Исследуемый материал позволяет говорить о следующих функциях лексических новообразований в поэтических произведениях Д. Павлычко.

Исключительно **номинативную** функцию в произведениях Д. Павлычко выполняет ограниченное число лексических инноваций, поскольку задачей словообразования, по мнению автора, является особое отражение действительности, и, соответственно, неологизм максимально наделен экспрессией. Эта функция проявляется, если:

1) в зависимости от контекста необходимо уточнить уже существующее в языке название:

*Глянь: за потоком **кривулька-доріжка**
Коло ліщини в село поверта...*

2) вместо общеупотребительной лексемы автор вводит свою:

*Ти збрехав, та знай – **брехлій**
Також помирає!*

или:

*У хаті рідко бачив хліб я,
А в школі били по руках
За те, що зиркав я **спідліб'я**
На булку панського синка;*

или:

*І на моє життя **хмарливе**
Світло сонце золоте;*

3) автор «экономит» слова: сохраняя художественную выразительность, использует одно слово, заменяющее описательную конструкцию:

*Взяв я з твого **солодковластя**
Поцілунками тіло потяте;*

или:

*Одним життя – це пікніки і раути,
А іншим – кривавиця й **мозільня**.*

Д. Павлычко с помощью авторских инноваций не только называет определённые явления объективной действительности, но и передаёт через это наименование своё отношение к сказанному и воспроизведённому. Поэтому правомерно говорить о том, что неологизмы выполняют еще и **номинативно-оценочную** функцию. Это иллюстрируют примеры:

*Дві **берізки-янголиці**
Крила зводять іскряні;*

или:

*Того року, мов на зло,
Навалив **сніжище**:
Декуди по вікна впав,
Декуди ще й вище.*

Анализ языковых средств, используемых Д. Павлычко в поэтической речи, подтверждает активное введение новообразований как стилистического и эмоционально-экспрессивного авторского приёма. Это, в свою очередь, позволяет утверждать, что неолексемы в рассматриваемых произведениях выполняют **стилистически-экспрессивную** функцию, которая может проявляться таким образом:

1) неологизмы используются для усиления определённого признака чего-либо или кого-либо, в частности, это относится к неологизмам, образованным с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов:

*Сніг на віях. Правда і брехня.
Мить, що потім мрією стає.
Сніг, сніжок, **сніжечок, сніженя,**
Сніженятко, сніженятчко моє.*

Благодаря насланиванию нескольких новообразований схожей семантики – уменьшительно-ласкательные названия любимой как проявление нежных чувств – данная поэзия приобретает особенную выразительность.

Или:

*Ой прийди до мене на кохання,
В тебе губи – перестиглі вишні,
В тебе очі – голубе світання,
В тебе руки – **вітренята** ніжні;*

2) лексические новообразования употребляются для выделения значимых для автора моментов произведения:

*Він України мав чарівну вроду,
Носив її наймення **гордолиць**.
Він виріс від суніць аж до зірниць.
Великий гранослов свого народу;*

или:

*І все ж таки в ту зимову негоду
Я бачив з **надмайданного** горба,
Як Бог бичем з душі мого народу
Гнав геть епілетичного раба;*

3) индивидуально-авторские неолексеммы вводятся в стихотворное произведение с целью подчеркнуть важный признак человека: его умение мыслить:

*У небесах схоластики
Не видно **мислі-ластівки**,
Не видно **думки-блискавки**,
Що бігає нависоки.
Я в інше небо вірую,
Стаю його офірою,
В'яжу петлею мертвою
Все, що йому я жертвую.*

*Мій дух у нім літатиме,
З **думками-ластів'ятами** –
І **блискавкою-мислею**
Своє життя я висловлю.
Високе небо творчості,
Ти повне ластівочості,
Ти одягни чоло мені
В свої священні пламені!*

Приведённое стихотворение подтверждает, что индивидуально-авторские неологизмы выполняют в поэтическом произведении и **текстообразующую** функцию, поскольку они функционируют в поэзии Д. Павлычко как семантически ёмкие и коммуникативно значимые единицы и, органично вплетаясь в рисунок текста, отвечают за его смысловую связность. Благодаря этому читатель воспринимает поэтическое произведение как целостную художественно завершённую картину.

Лексические новообразования, будучи составляющими сложной лексико-семантической системы стиха, не только обогащают поэтический язык как источник эстетического, но и пополняют активный слой лексики современного украинского литературного языка. Исследование индивидуально-авторских неологизмов способствует осмыслению их как полноценных лексикографических единиц, потому что среди неолексем Д. Павлычко встречаются такие, которые:

1) могут быть использованы в качестве полноценных эквивалентов или вариантов уже существующих в языке лексем: *спідліб'я* (спідлоба), *повзкома* (повзком), *мовчкома* (мовчки), *навстріть* (назустріч), *трясовиння* (трясовина), *невікрність* (непокірність), *паскудь* (паскудство), *непогідь* (негода), *здив* (здивування), *брехлій* (брехун), *підляк* (підлий (сущ.)) и др.;

2) могут пополнить лексический состав украинского языка как слова активного употребления, потому что их значение понятно и без пояснительного контекста: *відпарубочити* (перейти из возраста юноши в возраст взрослого мужчины), *непроглядь* (темнота), *мозільня* (тяжёлый физический труд), *спустинити* (сделать пустым) и др.

Проанализированный материал позволяет утверждать, что неологизмы Д. Павлычко являются не только доминантной составляющей его поэтической речи и ярким признаком его индивидуального стиля, авторского Я, но и представляют существенный слой лексики, позволяющий охарактеризовать типичные явления, присущие развитию лексики украинского языка в течение 50-х годов XX вв. – начала XXI вв., который заслуживает введения в современные словари (синонимов, толковых, словообразовательных).

Целесообразным продолжением исследования может быть лексикографическое описание лексических инноваций Д. Павлычко и составление словаря авторских лексических новообразований поэта.

Библиографический список

1. Адах Н. А. Авторські лексичні новотвори в поезії Василя Барки: семантика, функції, прагматика : автореф. дис. ... канд. філол. Наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». – К., 2009. – 20 с.

2. Біленко Т. Г. Поетика нуль фіксації : автореф. дис. ... канд. філол. Наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». – Запоріжжя, 2004. – 22 с.
3. Вокальчук Г. М. Словотворчість українських поетів ХХ століття : моногр. – Острого : Національний університет «Острозька академія», 2008. – 536 с.
4. Герман В. В. Індивідуально-авторські неологізми (оказіоналізми) у сучасній поезії (60–90-ті роки) : автореф. дис. ... філол. Наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». – К., 1999. – 22 с.
5. Жижома О. О. Індивідуально-авторські новотвори у поетичному дискурсі 80–90-х рр. ХХ століття : дис. ... канд. філол. Наук : 10.02.01 «Українська мова». – Донецьк, 2003. – 236 с.
6. Калетнік А. А. Лінгвістичний статус неологізмів у неокласичному тексті: автореф. дис. ... канд. філол. Наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». – К., 2008. – 18 с.
7. Павличко Д. Вибрані твори : поезії. В 2 т. – К.: Дніпро, 1979. – Т. 1. – 1979. – 520 с. – (Першотвір).
8. Павличко Д. Вибрані твори : поезії. В 2 т. – К.: Дніпро, 1979. – Т. 2. – 1979. – 480 с. – (Першотвір).
9. Павличко Д. Покаянні псалми : поезії. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2009. – 890 с. – (Першотвір).
10. Павличко Д. Три строфи : поезії. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2007. – 128 с. – (Першотвір).
11. Русанівський В. М. Поезія Д. Павличка – жива історія мови // Культура української мови : довідник. – К.: Либідь, 1990. – С. 240–243.
12. Юрченко Т. Г. Оказіоналізми у творчості Павла Загребельного : структурно-семантичний і стилістичний аспекти : дис. ... канд. філол. Наук : 10.02.01 «Українська мова». – К., 2003. – 258 с.

АНАЛИЗ СУЩНОСТИ И СВОЙСТВ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Л. К. Лободенко

**Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия**

Summary. In the article the various interpretations of the concept of «online media» are discussed, the author points out the important key features and formulates a working version of the term.

Key words: online media; media content; features of online media.

В конце ХХ века на базе компьютерных технологий и активного внедрения Интернета во все сферы начались кардинальные изменения в системе средств массовой информации. Данные изменения связаны с появлением нового уникального типа медиа – интернет-СМИ. Первым подобным профессиональным проектом с четкой концепцией и профессиональным штатом журналистов считается Gazeta.ru (1999 г.). В настоящее время интернет-СМИ стали значимым сегментом рынка массовых коммуникаций, они развиваются поступательно, постоянно растёт их количество и число пользователей. Это объясняется тем, что интернет-СМИ выступают в роли особого современного информационно-коммуникационного канала, который предоставляет потребителю максимальное разнообразие контента и свободу его выбора.

Однако терминологического единства при характеристике СМИ в Интернете в настоящее время не наблюдается, и учёные для обозначения нового канала коммуникации используют различные термины: «web-СМИ», «электронные СМИ», «сетевые СМИ», «интернет-СМИ», «e-media», «онлайн-СМИ» и др. В соответствии с законом РФ «О средствах массовой информации», принятым в декабре 1991 г., в качестве базового термина используется понятие «сетевое издание». Под термином «сетевое издание» понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации (понятие введено федеральным законом от 14.06.2011 № 142-ФЗ). В статье № 8 «Регистрация средства массовой информации» данного закона уточняется, что сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание. В свою очередь, сайт, не зарегистрированный в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, средством массовой информации не является. Следовательно, ключевым признаком при рассмотрении «сетевого издания» является его регистрация и размещение в Интернете.

Вместе с тем необходимо констатировать, что помимо официально установленного термина «сетевое издание» особое распространение в научных публикациях получило понятие «интернет-СМИ» (А. А. Калмыков, М. М. Лукина, С. Г. Машкова, А. В. Минбалева, И. Д. Фомичева и др.), использование которого, на наш взгляд, явля-

ется более корректным, так как оно отражает не только сетевой характер коммуникации, но и указывает особенности и специализацию размещаемого информационного ресурса, в отличие от более широкого термина «издание». В свою очередь А. В. Минбаев [5, с. 97] предлагает законодательно закрепить именно категорию «интернет-СМИ» (СМИ, функционирующие в Интернете).

При рассмотрении понятия «интернет-СМИ» было установлено, что существует ряд его определений. В энциклопедии Яндекса под «интернет-СМИ» («e-media») понимается «регулярно обновляемый информационный сайт, пользующийся определённой популярностью и авторитетом (имеющий свою постоянную аудиторию)» [6]. Ключевыми признаками в данном определении являются: регулярное обновление информации; наличие постоянной аудитории.

А. С. Игнатъева в своём диссертационном исследовании определяет интернет-СМИ как средство не массовой, а глобальной коммуникации, «сетевой ресурс, являющийся средством массовой информации, переведённый в онлайн-формат и предназначенный для передачи и распространения информации от адресанта к адресату в пределах планетарного масштаба...» [1]. На наш взгляд, рассмотрение интернет-СМИ как средства глобальной (трансграничной) коммуникации, безусловно, имеет логическое обоснование.

Что касается определения М. М. Лукиной [2, с. 342], то под «интернет-СМИ» (также web-СМИ, онлайн-СМИ) подразумевается род ресурсов в Интернете, выполняющих функции средства массовой информации. При этом автор уточняет, что СМИ в Интернете, так же как и традиционные медиа – газеты, телевидение, радиовещание, производят информацию, создаваемую с определённой периодичностью журналистским коллективом, и отражают жизнь общества.

Мы согласны с мнением Е. В. Лазуткиной, что интернет-СМИ – новое явление, находящееся в стадии становления и развития. При этом автор даёт собственную трактовку интернет-издания, под которым понимается «специализированный сайт, использующий в названиях разделов традиционные для СМИ термины: журнал, альманах, газета, редакция, редактор и др., распространяющий с определённой периодичностью социально значимую информацию, направленную на массовую аудиторию, и предназначенный для решения задач, свойственных печатным и электронным несетевым средствам массовой информации» [4, с. 48]. В качестве важных положений данного определения можно выделить следующие: специализация сайта; периодичность распространения; социальная значимость информации и наличие массовой аудитории.

Таким образом, анализ различных авторских трактовок сущности понятия «интернет-СМИ» показывает, что при рассмотрении данного феномена исследователями выделяются следующие ключевые характеристики: это средство глобальной коммуникации; специализированный информационный сайт; профессиональный характер создаваемой информации; социальная значимость информации; периодическое обновление информации; наличие массовой аудитории.

Рассмотрение сущности понятия «интернет-СМИ» было бы неполным без исследования его ключевых свойств. Особое внимание при рассмотрении интернет-СМИ исследователи (Т. Б. Карпова, Е. В. Лазуткина, М. М. Лукина, А. А. Суворов и др.) [3; 4; 2; 7] уделяют выделению признаков, показывающих как его связь с традиционными СМИ, так и раскрывающих его природу и специфику именно как сетевого медиа. Проанализировав выделяемые признаки и основываясь на концепции, предложенной М. М. Лукиной [2, с. 63–89], можно все существующие характеристики интернет-СМИ разделить на две группы:

1. Общие признаки, совпадающие с характеристиками традиционных медиа (телевидением, радиовещанием, газетами и журналами):

- цель деятельности – информирование широкой общественности;
- потребитель – массовая аудитория;
- производитель информации – профессионал (журналист), журналистский коллектив;
- организационно-правовой статус издания – зарегистрировано как СМИ;
- концепция СМИ в соответствии со специализацией;
- чёткая структура организации контента;

– медиаконтент – специализированный, освещает жизнь социума в разных её аспектах.

2. Специфические признаки, выделяющие интернет-СМИ среди традиционных медиаканалов:

- глобализация (трансграничный) характер коммуникации;
- периодичность обновления информации в режиме реального времени, т. е. по мере поступления сообщений;
- контент – слияние на одной медиаплощадке различных коммуникативных практик (журналистских, рекламных и PR медиатекстов);
- гипертекстуальность;
- интерактивность;
- мультимедийность;
- круглосуточная онлайн-трансляция контента;
- высокая скорость распространения информации и др.

На основе проведённого анализа сущности и базовых свойств в качестве рабочего варианта мы предлагаем использовать следующее определение понятия «интернет-СМИ»: это специализированный профессионально создаваемый информационный сайт, зарегистрированный в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве средства массовой информации, с периодически обновляемой и распространяемой массовой информацией, отражающей жизнь общества. При этом в качестве дополнительных специфических признаков интернет-СМИ можно рассматривать гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность и онлайнность.

Таким образом, рассмотрение сущности и особенностей интернет-СМИ показывает, что данный канал коммуникации имеет как общие (родовые) признаки традиционных СМИ, так и специфические свойства, выводящие на новый качественный уровень как процессы подготовки, обработки, хранения и доставки медиаконтента, так и формы и методы информационно-коммуникационной деятельности системы средств массовой информации.

Библиографический список

1. Игнатъева А. С. Метафорика научно-публицистического медиатекста online-формата : дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2006.
2. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студ. вузов / под ред. М. М. Лукиной. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 348 с.
3. Карпова Т. Б. Дискурс сетевых СМИ // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 6. – С. 19–24.
4. Лазуткина Е. В. Интернет-СМИ Астраханской области: состояние и перспективы развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – № 2. – С. 46–51.
5. Минбалеев А. В. Проблемы правового регулирования Интернет-СМИ // Вестник ЮУрГУ. – 2010. – № 5 (181). – С. 91–100. – (Серия: Право).
6. Словари Яндексa. URL: <http://encycl.yandex.ru>
7. Суворов А. А. Интернет: масс-медийные характеристики // Известия Саратовского университета. Журналистика. – 2009. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 64–70. – (Сер. Филология).

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2013 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

22–23 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Модели развития психологического универсума человека»** (К-05.22.13)

25–26 мая 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.13)

1–2 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.13)

3–4 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.13)

5–6 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.13)

7–8 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.13)

10–11 сентября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.13)

15–16 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.13)

20–21 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.13)

25–26 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.13)

28–29 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.13)

1–2 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.13)

5–6 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.13)

10–11 октября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-10.10.13)

15–16 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.13)

20–21 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.13)

25–26 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.13)

28–29 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

5–6 декабря 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам А. К., преподаватель кафедры русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация

(3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail, соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensk Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим пред-

ставляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/oчерki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» –
Дорошина Илона Геннадьевна.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфра»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

Научно-издательский центр «Социосфера»
Кафедра иностранных языков факультета государственного управления
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Гилянский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы III международной научно-практической конференции
25–26 марта 2013 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 30.04.2013. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 23,56 п. л.
Усл.-печ. л. 21,91 п. л.
Тираж 100 экз.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09